

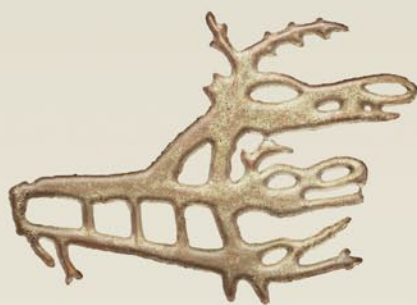


**Культуры и народы
Северной Евразии:
взгляд сквозь время**



К ЮБИЛЕЮ

Людмилы Александровны Чиндиной





Национальный исследовательский Томский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН
Алтайский государственный университет



Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время



К 80-летию Людмилы Александровны Чиндиной



Издательский дом «Д`Принт»
Томск - 2017

УДК 39+902/904(4/5)

ББК 63.4+63.5

К906

«Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время»: Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию Л.А. Чиндиной.
– Томск: ИД «Д`Принт», 2017. – 180 с. с илл.

ISBN

Сборник посвящён 80-летию известного учёного-сибироведа Л.А. Чиндиной – Заслуженному профессору Томского государственного университета, одному из основателей томской археологической школы. В него входят научно-биографические материалы, а также статьи, отражающие разные аспекты археологического и этнографического изучения культуры и народов Северной Евразии.

Для археологов, этнографов, историков, культурологов, антропологов.

УДК 39+902/904(4/5)

ББК 63.4+63.5

Редакционная коллегия:

*д-р ист. наук В.В. Бобров,
академик РАН, д-р ист. наук В.И. Молодин, dr. hab. В. Ольшевски,
д-р ист. наук Д.Г. Савинов, д-р ист. наук А.А. Тишкин, dr. hab. И. Фодор,
Л.В. Чёрная (техн. редактор), д-р ист. наук М.П. Чёрная (отв. редактор)*

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке:

*Томского государственного университета,
Института археологии и этнографии СО РАН,
Алтайского государственного университета*

ISBN

© Авторы, 2017



Раздел I

**Заслуженный профессор
Людмила Александровна
Чиндина**

**Наука в жизни,
жизнь в науке**



ПРЕДИСЛОВИЕ

Ключевые слова в жизни и творчестве Л.А. Чиндиной

Сборник, посвященный 80-летию Людмилы Александровны Чиндиной – доктора исторических наук, Заслуженного профессора Национального исследовательского Томского государственного университета – включает материалы международной конференции «Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время», часть которых вошла также в отдельный выпуск «Вестника ТГУ. История» (№ 49, октябрь 2017). Широкий круг университетских и академических центров из Сибири, России, ближнего и дальнего зарубежья, а также исследователей, выразивших желание принять участие в юбилейной конференции, отражают значимость имени Л.А. Чиндиной в научном сообществе.

Название конференции неслучайно. Прежде всего, оно задает диапазон проблем, связанных с историей, развитием, культурным обликом населения Северной Евразии, рассмотрению которых посвящены статьи, размещенные в сборнике. Вместе с тем, «*культуры*» и «*народы*» Западной Сибири в эпоху железа – это ключевые слова спецкурса, который много лет читает студентам Л.А. Чиндина.

Кулайская и *Рёлкинская* культуры – ведущие темы в научном творчестве юбиляра, прописанные столь глубоко и чисто, что вот уже на протяжении 30–40 лет звучат камертоном, на который настраиваются археологические исследования по истории раннего железного века – средневековья Западной Сибири. Многослойное поселение *Малгет* – памятник, ставший базой накопления опыта и совершенствования мастерства археолога-полевика, а также той землей обетованной, которая притягивала к себе четверть века поколения малгетян, содружество которых живет до сих пор:

*Малгетяне, малгетяне
Мы останемся всегда
И Малгету – краю света –
Не изменим никогда.*

Научным руководителем, строгим, но справедливым начальником, рачительной хозяйкой, душой малгетского братства была и остается Людмила Александровна:

*Чиндина у всех одна,
Звездочка наша ясная –
Как она всем нам нужна*

В послужном списке *археолога* Л.А. Чиндиной десятки памятников и экспедиций, немереных троп по болотам, тайге, степи, тонны перебранной руками *керамики*, которую она упорядочила в стройную систему, отразившую культурно-хронологические особенности своего времени, расшифрованные загадки *культа литья*, раскрывающие духовный мир своих создателей, построенное в типологические ряды *оружие*, посредством которого кулайцы расширили ареал обитания. Эта *культурная триада*, ставшая визитной карточкой кулайцев, передавших ее по наследству релкинцам, выделена, изучена, введена в научный оборот Л.А. Чиндиной.

О чем бы не писала *профессор* Л.А. Чиндина, будь то исследовательские этюды о соболе в пластике населения Среднего Приобья, ритуальной одежде селькупской женщины в XVII в., курительных трубках из могильника Мигалка, о войне и мире у охотников и рыболовов тайги, разносторонне рассматриваемые проблемы палеоэкономики, этнокультурного взаимодействия, верований населения Западной Сибири, все эти тысячи страниц авторских печатных листов пронизывает *профессионализм и историзм*, когда из скрупулезно собранной и системно организованной информации создается эпическая картина трёхтысячелетнего культурно-исторического развития самодийских народов, ставшая классикой сибирской археологии.

Неотъемлемое, яркое качество, свойственное самой ее натуре – *педагогический дар*. Преподавание для Людмилы Александровны – любимое дело, ей интересен сам процесс, интересны студенты, которых она со страстью вовлекает в обсуждение, обмен мнениями, дискуссию. Часто доводилось наблюдать вдохновенное лицо заслуженного профессора, эмоционально приподнятую речь во время занятий. И кто бы мог подумать, что может за 1–2 часа до этого самочувствие подводило и сил, казалось, не было, а





начала вести семинар – и голос бодр, и глаза блестят, и не присела ни разу. Закономерны поэтому уважение к преподавателю и благодарная память поколений студентов, в их числе и тех, чьи внуки теперь студенты.

Нас научила Чиндина копать

И потекла керамика рекой

Этапы научились различать:

Где саровский, малгетский, где какой.

Увлеченность, искренность, верность, надежность приложимы не только к научной и преподавательской деятельности Людмилы Александровны Чиндиной, но входят в ее жизненное кредо. В непреходящем сопереживании судьбам прадедов-бабушек, наполненных тяжким трудом, лихолетьем войн, потерей сыновей, судьбе родителей, изломанной вихрем репрессий – уважение к своим родовым корням. **Преданность** родным и друзьям, **готовность помочь** не только близким, но и тем, кто не входит в этот круг. **Честность** – как основа отношения к делу, к людям.

А ещё – **любовь к земле** – от археологического поля и огородных грядок к малой родине и великой России, жизненная **смекалка, заботливость**, человеческое **обаяние**, женское **очарование**...

Немало названо определений, значимых для раскрытия личностного кода юбиляра. Сама идея «Л.А. Чиндина – ключевые слова», подсказанная ее давним коллегой и товарищем Владиславом Михайловичем Кулемзиным, хороша и плодотворна. Но, сколько бы мы не добавили слов, вряд ли они раскроют всю полноту многогранного человеческого таланта Людмилы Александровны Чиндиной как ученого, археолога, педагога, коллеги и товарища, матери и бабушки. Одаренная личность постоянно развивает, обогащает свой творческий потенциал, получая подпитку от занятости своим делом, многостороннего общения, неиссякаемого интереса к окружающему миру, с которым ведет активный диалог и обмен опытом из кладовых собственного внутреннего мира. Потому Людмила Александровна, открытая и щедрая к людям, получает от них достойную оценку заслуг, авторитета и богатства ее личности. Потому с готовностью отзывались коллеги, прислав свои научные статьи и признания в уважении и искреннем расположении к юбиляру. Всем выражаем глубочайшую признательность!

Сборник, вышедший к предыдущему юбилею, заканчивается словами:

Мы еще соберемся! Мы еще встретимся!

С любовью, Л.А. Чиндина

Людмила Александровна держит своё слово – как всегда. И снова приглашает всех, с кем довелось встречаться, работать, дружить и любить, на свой юбилей – очередной и, конечно, не последний!

*С уважением,
благодарная ученица, любящая дочь,
продолжательница семейных и научных традиций,
М.П. Чёрная*





Г.В. Майер, С.Ф. Фоминых

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Заслуженный профессор Томского государственного университета Людмила Александровна Чиндина отмечает свой юбилей! Значительная часть ее жизни связана с первым в Азиатской России высшим учебным заведением. Успешно окончив в 1959 году ТГУ, где ее учителями были А.П. Бородавкин, З.Я. Бояршинова, И.Г. Коломиец, Б.Г. Могильницкий, Г.И. Пелих и др., Людмила Александровна, проработав по распределению три года в школе, вернулась в университет, пройдя в его стенах путь от лаборанта до профессора.

Увлечшись еще на студенческой скамье археологией, Людмила Александровна продолжает оставаться ей верной и в настоящее время. Вначале лаборант, затем старший лаборант Музея материальной культуры ТГУ, размещавшемся в то время на 3 этаже центральной части главного корпуса (до революции там были хоры Университетской церкви), она вместе со студентами в летнее время выезжала на раскопки в районы Томской области.

Музеем в то время заведовал ее будущий научный руководитель доцент В.И. Матюшенко. Лишь с открытием в 1968 г. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИИЛ АЭС) музей получил более просторное помещение, развернув свои экспозиции в бывшей Университетской библиотеке на втором этаже Главного корпуса. В этой лаборатории, а ее возглавил доцент, затем профессор А.П. Бородавкин, специалист в области аграрной истории, ставшей, по сути, настоящим научно-исследовательским институтом, были развернуты исследования не только по истории рабочего класса и крестьянства Сибири, но и по ее этнографии и археологии.

Людмила Александровна после обучения в аспирантуре стала работать в ПНИАЭЛС младшим научным сотрудником. После успешной защиты в феврале 1971 г. в совете Института археологии АН СССР (Москва) кандидатской диссертации «Нарымско-Томское Приобье в середине I тыс. н.э.» – старшим научным сотрудником.

После перехода в 1976 г. В.И. Матюшенко на работу в Омский государственный университет она в должности доцента кафедры истории СССР досоветского периода стала увлеченно читать курс археологии студентам-историкам. В 1980–1983 гг. – докторант, а затем снова доцент, с 1987 г. – профессор той же кафедры, а с августа 1991 г. кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ. Наряду с курсом основ археологии, она читала курсы по истории первобытного общества и ряд спецкурсов («Культуры и народы Сибири»; «Культурогенез и этническая история Западной Сибири»; «Историография отечественной археологии»; «Мировоззрение народов Западной Сибири в древности»; «Методы археологических исследований»). В настоящее время Людмила Александровна занимается подготовкой магистрантов и аспирантов.

Не будем подробно касаться ее вклада в науку, отметим лишь то, что предложенная Людмилой Александровной концепция культурно-исторического развития в Западной Сибири и автохтонного западносибирского происхождения самодийских народов получила широкое признание в стране и за рубежом. Термин «кулайская культура» прочно связан с ее именем. Итогом стала докторская диссертация «История Среднего Приобья в V в. до н.э. – IX в. н.э.», защищенная ею в марте 1986 г. в совете Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск).

Но для того, чтобы свершить научный подвиг, этой хрупкой на вид женщине потребовалось совершить свыше 50 экспедиций по археологическому исследованию бассейнов рек Оби, Васюгана, Кети, Парабели, Чулыма, междуречья Оби и Томи. Работать в чрезвычайно трудных условиях. Походный быт, десятки и сотни километров по дебрям со всеми «прелестями» таежной жизни и т.д. Да не одной, а со студентами-практикантами, за безопасность которых ей приходилось отвечать. К тому же надо было обеспечивать их походный быт, лечение от всевозможных болячек и т.п.

Высокую оценку получила и ее научно-организаторская деятельность. Людмила Александровна была руководителем целого ряда проектов научных федеральных программ «Народы России: возрождение и развитие», «Фундаментальные проблемы охраны окружающей среды и экологии человека», «Сохранение археологического наследия народов РФ», «Свод археологических источников РФ», «Интеграция» и др.





Участие в работе многочисленных конференций, форумов, семинаров и конгрессов различного уровня.

Многие десятки статей, несколько монографий, экспертные заключения на проектные разработки... Подготовка кандидатов и докторов наук. Среди ее учеников выпускник ТГУ, доктор исторических наук, профессор Ю.Ф. Кирюшин, ректор Алтайского государственного университета в 1997–2011 гг., с 2011 г. – президент АГУ.

К этому надо добавить ее огромную роль в организации и проведении регулярной Западно-Сибирской археологическо-этнографической конференции в ТГУ, руководство учебно-научной студенческой лабораторией «Археолог», созданной по ее инициативе, работу зам. председателя Научно-координационного совета по археологии и этнографии Западной Сибири, членство в диссертационных советах, в редколлегиях различного рода сборников материалов научных конференций и т.д.

Она награждена медалями «За заслуги перед Томским государственным университетом» (1998), «За заслуги перед городом» (2004), «В благодарность за вклад в развитие Томского государственного университета» и «Заслуженный ветеран труда ТГУ» (2007). Лауреат премии Томской области (2000). В 1998 г. указом Президента РФ Людмила Александровна удостоена звания «Заслуженный работник высшей школы РФ», а в 2012 г. Ученый совет ТГУ удостоил почетного звания «Заслуженный профессор ТГУ», наградил ее медалью имени Д.И. Менделеева (2014 г.).

Дело Людмилы Александровны достойно продолжает ее дочь, Мария Петровна Черная, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ. И, конечно, Людмила Александровна очаровательная женщина, и её с полным правом можно назвать прекрасной дамой Томского университета.

Пожелаем же юбиляру сибирского здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов на благо и процветание Томского государственного университета!!!





В.И. Молодин

Россия, Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**Дорогой Людмиле Александровне Чиндиной –
Матриарху томской археологии¹**

Юбилеи как вехи отмечают важные этапы жизненного пути. Свой очередной юбилей в 2017 г. Людмила Александровна Чиндина встречает в ранге Заслуженного профессора Томского государственного университета, Почетного работника высшей школы РФ, Матриарха томской археологической школы, обладательницы медалей, лауреата премий, полученных за долголетний самоотверженный труд на ниве науки и образования. Молодежь относится к своему Учителю с глубоким пиететом, а у коллег Людмила Александровна пользуется непререкаемым авторитетом. Научные открытия, достижения, награды, несомненно, заслужены, заработаны и даже где-то выстраданы этой маленькой на вид женщиной, прошедшей десятки и сотни километров трудных археологических дорог. Ее служение делу жизни – научно-преподавательской деятельности – которому Людмила Александровна, не скупясь, отдает свою неукротимую энергию и душевные силы, восхищает и вдохновляет всех, кто знает, работает, общается с ней – настоящим энтузиастом науки, подлинным ученым, живым, искренним, абсолютно равнодушным человеком.

Вся жизнь этой обаятельной женщины связана с Сибирью, Томском. Людмила Александровна родилась в суровом 1937 г. в с. Кудрино Томского р-на Томской обл. Ее мама Екатерина Васильевна – учительница начальных классов и отец Александр Иванович – учитель истории и литературы, директор сельской школы – привили девочке высоконравственные черты, воспитали в ней любовь к Сибири, ее удивительному прошлому. Людмила Александровна и ее дети стали достойными продолжателями династии.

1937-й год оказался трагичным для семьи Чиндиных: были арестованы и расстреляны отец и дед. Девочку воспитывала мать, а впоследствии и отчим Семен Савельевич Лукашевский. Благодаря их любви и заботе Людмила выросла добрым и отзывчивым человеком.

В 1954 г. после окончания средней школы в г. Томске, куда после войны переехала семья, Людмила поступает на историческое отделение историко-филологического факультета Томского государственного педагогического института. В те годы там преподавали выдающиеся ученые, профессора А.П. Дульзон, Г.И. Пелих, Б.С. Гриневиц, В.С. Флеров и др. Руководителем ее первой курсовой, а затем и дипломной работ стал доцент Сергей Васильевич Трухин, в то время декан историко-филологического факультета. По-видимому, именно он привил юной студентке любовь к археологии, Людмила Александровна пронесла ее через всю жизнь.

В 1955 г. историческое отделение Томского государственного пединститута было передано в Томский государственный университет (ТГУ), сюда на историко-филологический факультет вместе со студентами своей группы перешла и Людмила Александровна.

Томский университет – старейший сибирский классический университет, он всегда отличался очень высоким качеством образования. Здесь преподавали превосходные специалисты, сложились и эффективно действовали хорошо известные в стране научные школы. С третьего курса Людмила Александровна активно занимается археологией, ее интересует эпоха раннего железа таежной зоны Западной Сибири, в то время изученная очень слабо. Таежная зона Западной Сибири отличается крайне суровыми условиями для полевых исследований. Сильная обводненность территории, обилие болот, тайга, комары и мошка позволяют приравнять эти условия едва ли не к экстремальным. Здесь непросто работать даже опытным полевицам-мужчинам, а каково женщинам! Тем не менее, именно этот район становится творческим полигоном Л.А. Чиндиной. Именно здесь ею были открыты и исследованы десятки поселений, городищ, могильников и святилищ. Но это произошло несколько позже. В студенческие годы Людмилу увлекала экспедиционная жизнь. Ей всегда была присуща активная жизненная позиция. В 1956 г. с группой студентов Л.А. Чиндина отправилась на целину, на уборку урожая. Здесь молодые люди работали ударно: иногда план выполнялся ими на 600 %! Со студенчеством у Людмилы Александровны связаны замужество и рождение сына.

В 1959 г. Л.А. Чиндина с отличием защищает дипломную работу «Эпоха раннего железа таежного Притомья», которая послужила основанием для ее последующей научной работы. После двухлетнего перерыва, связанного с рождением дочери, Людмила Александровна вновь попадает в стены родного университета, в котором трудится до настоящего времени. Она прошла нелегкий путь от лаборанта

¹ Статья опубликована ранее [Молодин, 2015]. В настоящем издании печатается с добавлениями.





Музея истории материальной культуры до профессора кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ. Уже в первые годы работы в университете Людмила Александровна ведет самостоятельные разведки в таежных районах Томской обл. Именно тогда она открывает серию памятников, среди которых особое место занимает Малгет.

В 1966 г. Л.А. Чиндина поступает в аспирантуру и под руководством В.И. Матюшенко работает над диссертацией по теме «Томско-Нарымское Приобье в середине I тыс. н.э.» В 1968 г. она становится младшим научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. В феврале 1971 г. в Институте археологии АН СССР Л.А. Чиндина защищает диссертацию.

В 1973 г. Людмила Александровна возглавляет археологическую группу проблемной лаборатории, с 1975 по 1980 г. – сектор археологии и этнографии, научным руководителем которого она остается до 1995 г. Совмещая научную работу в лаборатории с преподавательской деятельностью на кафедре истории СССР досоветского периода, Людмила Александровна руководила археологической практикой студентов, их курсовыми и дипломными работами. В 1970-х гг. Л.А. Чиндина – хорошо известный среди археологов специалист, ее научные разработки приняты в научном мире, а новые работы вызывают неизменный интерес. Она – постоянный член оргкомитета по организации и проведению Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний, проводимых в Томске на базе университета. Неоднократно была его председателем.

Людмила Александровна стояла у истоков создания Научно-координационного совета по археологии и этнографии Западной Сибири, с 1981 г. она бессменный заместитель председателя. Этот совет был создан как центр по координации научных исследований вузов и академических учреждений по западно-сибирской тематике.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что самым главным в жизни Л.А. Чиндиной всегда оставались новые исследования и аналитическая работа над полученными источниками. Под ее руководством проведено свыше 50 экспедиций. Это и масштабные стационарные исследования, и разведки в сложных районах бассейнов Оби, Васюгана, Кети, Парабели, Чулыма. Людмилой Александровной открыты и исследованы десятки археологических памятников, а такие из них, как Малгет, Рёлка, Кулайский комплекс поселений, Гора Кулайка, по праву вошли в золотой фонд науки и культуры.

Среди многочисленных научных трудов Л.А. Чиндиной особое место занимают три монографии, являющиеся настольными книгами для всех, кто изучает ранний железный век и Средневековье Западной Сибири. В 1977 г. вышла книга «Могильник Рёлка на Средней Оби» [1977], в которой на материалах погребений VI–VIII вв. н. э., большую часть которых исследовала сама Людмила Александровна, рассмотрены проблемы хронологии, происхождения, этнической принадлежности, историко-культурные связи населения таежной зоны Среднего Приобья. В работе опубликован яркий материал, на основании анализа которого, на принципиально новом уровне была реконструирована средневековая история региона. Опубликованная в 1984 г. монография «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа» [1984] посвящена анализу яркой и самобытной кулайской культуры, представители которой обитали в Среднем Приобье в VI в. до н.э. – V в. н.э. Особое внимание в работе уделяется проблемам социально-экономического развития носителей культуры в сложных экологических условиях таежной Сибири. В книге Л.А. Чиндиной «История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья» [1991], освещаются историко-культурные процессы в означенном регионе в конце VI–IX в. н.э. Основное место в монографии уделено проблемам социально-экономического развития рёлкинского общества в период перехода к классообразованию. Интересны этнические реконструкции, предлагаемые автором. Ученым разработана чрезвычайно важная этнокультурная концепция развития популяций, населявших южно-таежное Приобье в эпоху раннего железа и Средневековья.

На основании данных разработок Л.А. Чиндина подготовила и в 1986 г. защитила докторскую диссертацию. В 1989 г. ей присвоено звание профессора. Сегодня она работает на кафедре археологии и исторического краеведения ТГУ, в значительной степени созданной и построенной ее руками, кафедре, которая занимается подготовкой специалистов-археологов.

Педагогическая деятельность с наибольшей полнотой раскрывает Людмилу Александровну как человека и как учителя. Способность услышать и понять, готовность поддержать и помочь составляют основу ее педагогического таланта, к ней тянутся люди разных возрастов и профессий, она пользуется большим уважением в студенческой среде.

Серьезность и глубина подготовки студентов, прошедших археологическую школы Л.А. Чиндиной, проявлялись как в стенах ТГУ, так и за его пределами: на всесоюзных, всероссийских, региональных





конференциях ее студенты получали грамоты, дипломы, призовые места. Богатство учителя – в его учениках. Л.А. Чиндина всегда окружена ими, поскольку в ней сочетается талант исследователя и педагога, она щедра в передаче своих знаний и опыта. Людмила Александровна руководит научными работами соискателей и аспирантов. Под ее руководством защищены девять кандидатских и две докторские диссертации.

Людмила Александровна Чиндина известна не только как крупнейший специалист по древней истории, автор монографических трудов, первооткрыватель и исследователь новых ярких памятников, но и как признанный организатор науки, чьими трудами и заботами славный город Томск продолжает оставаться сибирской археологической Меккой, а Томский государственный университет, по-прежнему, воспринимается как светлый научный храм, периодически собирающий под сводами всех истинных поборников и радетелей сибирской археологии.

В связи с юбилеем хочется пожелать Людмиле Александровне здоровья и оптимизма. Продолжайте жить и работать, делиться своим богатым опытом, обширными знаниями с учениками, коллегами, друзьями. Вы нам нужны такая, какая есть – высококвалифицированный специалист, душевный, честный человек, обаятельная женщина. И долгая Вам лета, дорогая Людмила Александровна!

Литература

Молодин В.И. Людмила Александровна Чиндина // Молодин В.И. Очерки сибирской археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 214–219.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.



Д.Г. Савинов

Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

**«МАЛЕНЬКАЯ ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА»:
К юбилею Людмилы Александровны Чиндиной**

Среди выдающихся сибирских археологов, положивших начало кардинально важному переходу от собирательской деятельности к системному культурно-историческому осмыслению археологических памятников, Людмила Александровна Чиндина – один из самых авторитетных и любимых исследователей. Л.А. Чиндина – автор первых книг по истории и культуре населения Западной Сибири эпохи раннего средневековья, первооткрыватель многих получивших эталонное значение археологических комплексов, наставник и воспитатель ряда поколений специалистов-археологов.

В течение уже многих лет (с момента переезда Владимира Ивановича Матюшенко в Омск в 1976 г.) вся археология в Томском государственном университете связана с именем Людмилы Александровны Чиндиной. А томская школа археологии всегда, во всяком случае, раньше, считалась одной из лучших в нашей стране. На Археологическом съезде 2006 г. вместе сфотографировались все присутствовавшие там выпускники Томского университета разных лет (не менее 10–12 человек). В их числе (не буду называть фамилии) крупные специалисты, создатели своих школ в разных городах Сибири, так или иначе принявшие археологию «из рук» Людмилы Александровны. Поистине такой плеядой последователей и учеников можно гордиться!

Однако этого могло и не случиться, не будь перед ними яркого и убедительного примера самой Л.А. Чиндиной – удивительно живой и энергичной, требовательной и доброжелательной, увлеченной своим делом, убежденной в своей правоте и незыблемой ценности научных знаний.

Но на первом месте, конечно, всегда была наука. Два любимых детища Людмилы Александровны – кулайская и рёлкинская культуры – давно стали классикой сибирской археологии, в целом представляя широкую панораму культурогенеза населения Западной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья. Сложность изучения археологических памятников этого времени в Западной Сибири заключается в отсутствии каких-либо сведений письменных источников, не «достигающих» столь отдаленных районов Азии. Это требует особой методической тщательности и корректности анализа собственно археологического материала. Вместе с тем, результаты проведенного исследования, конечно, отличающиеся определенной спецификой, должны не только непротиворечиво «вписаться» в общую картину исторических процессов в значительно более широком, уже «письменном» ареале, но и дополнить ее новыми реалиями и наблюдениями. Совместить это в рамках монографического исследования – задача очень сложная, предназначенная не просто для археолога, а только для Мастера археологии с большой буквы, каким, несомненно, является Людмила Александровна Чиндина.

В исследованиях по кулайской культуре это, в первую очередь, представление об общей динамике расселения кулайских племен, охватившего на рубеже эр обширные пространства всей Западной Сибири (в соответствии с установленной Л.А. Чиндиной археологической периодизацией этапов развития кулайской культурно-исторической общности). Не меньшее значение имеют конкретные разработки, посвященные анализу кулайской керамики, предметов вооружения, бронзовых художественных изделий и др. В настоящее время исследование кулайских древностей усилиями многих авторов значительно продвинулось вперед, однако общая концепция этно-культурогенеза кулайских племен, предложенная Л.А. Чиндиной, остается основополагающей.

Еще в большей степени это касается изучения рёлкинской культуры, честь открытия и всестороннего исследования которой как в полевых, так и в кабинетных условиях целиком принадлежит Л.А. Чиндиной. Благодаря работам Людмилы Александровны, население Западной Сибири, жившее на краю древнетюркской ойкумены, приобрело свое «лицо». Помимо чисто археологического анализа полученных в поле материалов, в исследованиях Л.А. Чиндиной подробно освещены различные стороны жизни общества рёлкинцев: развитие военного дела и, соответственно, весь материальный фонд предметов вооружения; формы социальных и семейных отношений, предположительная этническая принадлежность; изобразительная деятельность и культовая практика. Дополняя друг друга, они создают «живую», по сути дела, почти этнографическую модель культуры одного из народов эпохи раннего средневековья, не нашедшего отражения в письменных источниках.



Вообще, палеоэтнографическая окраска, в лучших традициях этого научного направления, характерна для многих работ Л.А. Чиндиной. Через призму анализа археологического материала также отчетливо проступают как культурные связи с Югом, являющиеся основой для хронологии памятников, так и черты своеобразия потестарных обществ Западной Сибири в эпоху раннего средневековья.

Было бы очень хорошо на основе первого издания книги о могильнике Рёлка (1977 г.), давно уже ставшей библиографической редкостью, и, собрав воедино все имеющие отношение к этой теме другие работы Людмилы Александровны, переиздать их в виде одной монографии (со всеми необходимыми комментариями, дополнениями, иллюстрациями и т.д.). Такого обобщающего издания в средневековой археологии Западной Сибири явно не хватает.

В свете сказанного выше, становится понятной еще одна сторона неутомимой деятельности Людмилы Александровны Чиндиной – знаменитые Томские археолого-этнографические совещания, организацией и проведением которых (вначале вместе с В.И. Матющенко) много лет руководила Л.А. Чиндина. Сейчас этим столь же успешно и увлеченно занимается дочь Людмилы Александровны – Мария Петровна Чёрная. Это были и остаются единственные в своем роде научные форумы из представителей разных гуманитарных специальностей – в первую очередь, археологов и этнографов, собирающихся регулярно (начиная с 1970 г.) для обмена новыми материалами и обсуждения наиболее актуальных проблем археологии и этнографии Западной Сибири. В этих совещаниях принимали участие многие известные исследователи из Москвы, Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга) и практически всех научных центров Сибири. И если для сибирских исследователей они проводились дома, на «своем месте», то для нас, приехавших из Москвы и Ленинграда, Томские совещания стали своего рода «окном в Сибирь», как в свое время Петербург стал «окном в Европу».

Тогда же был создан Координационный совет по археологии и этнографии Западной Сибири (насколько я знаю, действующий до сих пор), душой которого всегда была и остается Людмила Александровна Чиндина. К сожалению, многие из участников первых Томских совещаний уже ушли из жизни, но наша общая благодарная память о них еще больше оттеняет значение тех давних событий и встреч.

Зная Людмилу Александровну уже много лет, я не могу не удивляться постоянству ее удивительных качеств: оптимизму, открытости, доброжелательности, умению видеть во всем хорошее и полезное в хорошем. Но главное, наверное, это верность. Верность археологии, верность Томскому университету, верность друзьям, себе и основным жизненным принципам. Как много может значить одна по-настоящему творческая личность для изучения целой археологической эпохи!

Огромное спасибо Вам за все это, дорогая Людмила Александровна. Будьте всегда такой же, как мы Вас знаем и любим. Здоровья, благополучия и чтобы ничто серьезно не омрачало Ваш светлый путь!

С юбилеем!





Л.М. Плетнёва

Россия, Томск, Томский государственный педагогический университет

Людмила Александровна – для нас, идущих рядом

Дорогая Людмила Александровна, минуло 55 лет как вы трудитесь на ниве археологии. Придя молоденькой, целеустремлённой, готовой объять весь археологический мир и всё, что накоплено до вас, и внести обязательно своё, Вы, не сбавляя скорости, прошли этот путь до профессора Томского университета. За этим стоят экспедиции в комарином и болотистом и краю; открытие и обоснование кулайской культуры, которая разрослась до историко-культурной общности и заняла почти всю Западную Сибирь; рёлкинской культуры, открытой и изученной Вами; памятники более позднего времени вплоть до современной этнографии – наследники изученных Вами культур селькупов. Все исследования – опубликованные монографии и многочисленные статьи – имеют очень важную особенность: они археолого-исторические.

Основой историко-культурных построений, реконструкций древней и средневековой истории обществ, населяющих, в частности, пространство Западной Сибири, являются материалы, полученные в результате экспедиций, которых проведено более 50. Материалы их легли в основу всех трудов Людмилы Александровны, служат и будут долго служить источниками для работ не одного поколения археологов. К сожалению, власти не всегда проникнуты пониманием значения археологических объектов, что ведёт к их уничтожению. Много сил и энергии положено Людмилой Александровной на их защиту от застроек, прокладки дорог, расхитителей всех уровней. Охрана и сохранение археологических памятников для Людмилы Александровны – святое дело.

Археологическим кружком, начало которому положил ещё К.Э. Гриневиц, затем вёл В.И. Матющенко, после его отъезда в Омск руководили Вы, Людмила Александровна. Кружок стал начальной школой археологического образования, так как до 1991 г. кафедры археологии в ТГУ не было (за исключением кратковременного периода в 1963–1966 гг., заведовала которой доктор исторических наук, профессор З.Я. Бояршинова). Преподавался только общий курс «Археология», но нам разрешалось писать курсовые и дипломные работы по археологической тематике. Диплом выдавался по специальности «Историк, учитель средней школы», а позже – «Преподаватель истории и общественных дисциплин». Кружок посещали студенты-археологи всех курсов, от I до V, здесь мы овладевали терминологией, учились излагать прочтенное на научном «археологическом» языке. Курсовые и дипломные работы выполняли на основе коллекций, хранящихся в Музее археологии и этнографии ТГУ. Не всем выпускникам представлялась возможность работать в области археологии, но все вспоминают лучшие студенческие годы, наполненные экспедициями, творческой атмосферой в кружке, поездками в экспедиции других учреждений.

Было в биографии Людмилы Александровны и освоение целины, куда направляли по комсомольским путёвкам. Готовые свернуть горы, а не только поднять новые земли, ехали мы с молодым задором, чистым сердцем и мечтами о лучшей жизни страны в Казахстан. Золотое море пшеницы радовало наши сердца и трудились мы от зари до зари: юноши – помощниками комбайнеров, девушки – на накопителях соломы, на токах, где под казахстанским солнцем лежали горы зерна. Славное было время!

Подготовка к археологическому лету начиналась с конца марта–апреля, когда звонкие капли тревожили душу и просыпался неистребимый полевой зов: готовили студентов, оборудование, харчи и себя к предстоящим работам. До экспедиции, выбирая памятник около города, проводили «День первой лопаты» с участием и младших и старших курсов.

Людмила Александровна всегда окружена студентами, аспирантами и уже маститыми учёными, вышедшими из её учеников. Отзывчивость, доброжелательность, умение оценить возможности своих учеников всегда привлекали и привлекают желающих учиться, общаться с Учителем, делиться с ним и успехами и неудачами. Для нас, идущих рядом, коллег, друзей, Людмила Александровна образец мужества, стойкости и поддержки.

Как-то быстро пролетели годы... Сделано Людмилой Александровной много, но творчество продолжается. Дорогая моя, желаю здоровья, долголетия на радость своей семье, друзьям, коллегам и всем, кто рядом.

Всегда твоя Л.М.



В.В. БОБРОВ

Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет

ЗНАКОМСТВО ДЛИННОЮ БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА...

Мне никогда бы не пришла мысль о том, что Людмиле Александровне Чиндиной не то что грядёт, а вот он уже у порога – достойный и солидный юбилей. Для меня она всегда очаровательно-заботливая женщина, переживающая и волнуемая за всех. Уверен, что и за свой юбилей она волнуется, недоумевая по этому поводу: «Как это меня угораздило?». Удивительно, в моей памяти Людмила Александровна остаётся точно такой же, как во время нашего первого знакомства. Привожу некоторые воспоминания, которые, хотелось бы надеяться, заинтересуют «вездеишущих» историографов археологической науки.

Анатолий Иванович Мартынов – молодой кандидат наук, окрылённый успешной защитой диссертации (декабрь 1963 г.), благосклонным расположением и поддержкой Алексея Павловича Окладникова, ринулся штурмовать новую высоту под названием «доктор исторических наук». Научный поиск был ориентирован на изучение не подающихся исчислению тагарских древностей как в многочисленных ещё не раскопанных памятниках, так и во многих музеях Советского Союза, а также в зарубежных престижных музеях. И хотя со всеми материалами одному не управиться, было ясно, что в «престижные» он меня не отправит. Да и куда пошлешь студента исторического факультета Кемеровского государственного педагогического института, даже если он старшекурсник? Выбран был Томский государственный университет – широко известный славными традициями и археолого-этнографическим наследием.

Краткое отступление. Моё первое знакомство с ТГУ состоялось в конце июля 1962 года. После неудачного поступления в Новосибирский государственный университет меня здесь же уговорили сразу подать документы в ТГУ. Поехал, сдал. Интересуюсь – могут ли меня зачислить с «новосибирскими» баллами. Ответ последовал неутешительный. Мол, ясно будет после завершения вступительных экзаменов и решения приёмной комиссии. Бессонная ночь в томском студенческом общежитии, размышления о том, смогу ли я одержать победу в осуществлении мечты стать археологом... Победу одержали томские клопы. Наутро я забрал документы и вернулся в Кемерово, твёрдо уверенный, что на следующий год вновь буду поступать в НГУ. Но А.И. Мартынов, к которому я пришёл устраиваться на работу в областной краеведческий музей, уговорил меня поступить в пединститут.

Спустя три года, в начале декабря 1965 г., я вновь приехал в Томский государственный университет. Это была моя первая научная командировка, за которую я до сих пор благодарен А.И. Мартынову. Во-первых, состоялось близкое, в какой-то степени профессиональное, знакомство с родоначальником сибирских высших учебных заведений. Во-вторых, это была первая причастность к уникальным древностям, поступившим в музей университета в конце XIX – начале XX в., кроме истории далёких тысячелетий хранивших имена известных сибирских исследователей. В-третьих, мы познакомились с Владимиром Ивановичем Матющенко, который поручил Людмиле Александровне Чиндиной и Людмиле Михайловне Плетнёвой оказывать мне помощь в поисках коллекций. Они вели меня по лабиринтам музейных премудростей. Обе юные, очаровательные, разные и в чём-то похожие. В чём – по молодости лет не разобрал. Людмила Михайловна немногословная, лаконичная, с улыбкой, кажущейся ироничной. Людмила Александровна подкупает искренней заботливостью, через многие годы наших дружеских отношений я бы сказал, соучастием в твоих проблемах. Оказавшись между двух Людмил, я по юношескому легкомыслию загадал желание, которое сводилось к успешному выполнению задания Анатолия Ивановича: описанию и графическому изображению предметов тагарской культуры, хранящихся в фондах музея. Найти их среди богатейших коллекций музея ТГУ было не так уж просто. И в этом поиске огромная заслуга Людмилы Александровны, которая в силу своих изящных габаритов могла проникнуть за любой сундук и шкаф. В целом, работалось легко. Во многом это объясняется тем, что сразу установились добрые товарищеские отношения. Я думаю, что моя привязанность к Томску, его университету и коллегам зародилась в ту первую командировку. А ростки привязанности возникли в результате общения с двумя Людмилами. Было ещё одно обстоятельство, которое вызвало неосознанное родство душ.

Анатолий Иванович Мартынов склонял меня заниматься тагарскими древностями уже в студенческие годы. Накопление знаний, участие в раскопках тагарских могильников, в конечном итоге, привели к исследованию тагарского пластического искусства. То есть, свой первый научный опыт я нарабатывал,





изучая ранний железный век Южной Сибири. В рамках этого же историко-хронологического периода лежали научные интересы Людмилы Михайловны Плетнёвой. Причём Томского Приобья – территории, географически близкой ареалу тагарской культуры. Прозорливый читатель догадался, что Людмила Александровна Чиндина посвятила себя исследованию того же периода дописьменной истории. Но её «археологическое поле» находилось в более северных широтах, в пределах таёжно-болотистого пространства Среднего Приобья. До настоящего времени они остаются верными избранной научной тематике, дополнив её историко-археологическим изучением средневековых комплексов. Я же после защиты кандидатской диссертации ушёл в противоположную хронологическую сторону – к неолиту и эпохе бронзы, которые были практически неисследованными на территории Кузнецко-Салаирской горной области. Но вернёмся к научной ауре моей первой командировки.

В моменты коротких разговоров или просто реплик по поводу конкретных находок на полках памяти откладывались знания о культурах раннего железного века. Особенно меня удивили кулайские древности. Кулайское пластическое искусство поражало своей «неряшливостью», которая, как это ни парадоксально, придавала бронзовым изображениям некий таинственный колорит. Людмила Александровна светилась, когда рассказывала о них. Я не исключаю, что кулайцы в какой-то степени сблизил нас с Людмилой Александровной. Сегодня мы не найдём ни одной публикации, посвящённой периоду раннего железа таёжной зоны Западной Сибири, в которой не было бы ссылок на исследования Л.А. Чиндиной. Это признание значительного вклада в изучение древней истории Сибири. Уже тогда, в молодые годы, она предполагала масштабность территории, занятой кулайским населением. Образно говоря, кулайцы задолго до «Газпрома» освоили территорию Западной Сибири со всеми нефтегазовыми месторождениями. Справедливости ради отметим, что в отличие от «Газпрома» их древности признаны и являются достоянием Российской Федерации в соответствии с законодательством. Но в тот далекий год – год первой нашей встречи и знакомства – ещё трудно было представить, сколь большая и трудоёмкая исследовательская работа предстояла по формированию историко-археологической концепции о кулайской культуре. И она была блестяще выполнена Людмилой Александровной.

Несколько позже последовали периодические Западно-Сибирские археолого-этнографические совещания. Горжусь тем, что был участником самого первого из них, да и практически всех остальных. Даже авария в Томск-7 не смогла остановить дружный тандем – Д.Г. Савинова и меня – от поездки для участия в очередном ЗСАЭС.

Наши пути с юбиляром неоднократно пересекались на конференциях и археологических съездах в различных городах России. Но особой теплотой были согреты встречи в период работы Людмилы Александровны в диссертационном совете Кемеровского государственного университета. Она очень органично входила в его разнопрофильный состав. А сотрудники кафедры археологии КемГУ ощущали её своим близким человеком и соратницей. С возрастом участились встречи на банкетах по случаю юбилеев, что тоже отрадно, так как на рубежах жизни хочется видеть созвучных себе людей. Разве можно чувствовать себя иначе в радушном, гостеприимном доме Чиндиных, где гости и хозяева вместе суетятся на кухне, сервируют стол, участвуют в застолье, моют посуду. Даже потом сомневаешься – а все ли ушли? Не забываемо коронное блюдо Людмилы Александровны – фаршированная щука. К сожалению, буквы не передадут вкус этого фантастического блюда.

От первой встречи с Людмилой Александровной меня отделяют многие годы. Они разные. Если не акцентировать внимание на 90-х прошлого столетия, то все они наполнены удовлетворением от исследовательского труда, успехов учеников и коллег, признания твоих достижений, любви родных и от искренней, бескорыстной дружбы близких коллег. Это личное и в тоже время наше общее.

К бесчисленным чистосердечным пожеланиям, которыми будет осыпана Людмила Александровна в день юбилея, могу добавить: Храни тебя небо и земля! Храни свойственный тебе задор молодости! Как говорил Леонид Утёсов: «Молодость приходит с возрастом!». Правда, говорил он это маленькому сыну Аркадия Райкина, но эти слова в полной мере можно адресовать юбиляру. Радости тебе, Людмила Александровна, от жизни и творчества!



Д.В. Воронин

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Звезда Малгет в судьбе Л.А. Чиндиной

В научно-фантастическом произведении академика В.Ф. Обручева «Земля Санникова» упоминается о том, что птицы неизменно летели на исчезнувшую землю. Вот уже на протяжении 53 лет, через каждые 5 лет, участники малгетской археологической экспедиции встречаются, несмотря на то, что на месте бывших раскопок уже вырос лес. Наш коллектив сформировался благодаря руководителю и душе экспедиции – Чиндиной Людмиле Александровне. Она сумела вдохнуть в нас дух доброты и товарищества, верности и взаимовыручки. Экспедиция ежегодно пополнялась новыми энтузиастами и романтиками. Я в период учебы на историческом факультете не специализировался по археологии, мог бы поехать в стройотряд, чтобы заработать, но меня влекла атмосфера, царившая в экспедиции, песни у костра и интерес к народу, который когда-то жил здесь несколько тысяч лет.

Существует расхожее утверждение, что у каждого человека есть своя планида. Жизнь и судьба Людмилы Александровны Чиндиной тесно связана с археологией. Созданная в Томском государственном университете Нарымская археологическая экспедиция свыше 40 лет работала под ее руководством в Колпашевском, Каргасокском, Парабельском и Молчановском районах Томской области. За этот период не только для исследователей, но и жителей этих районов были открыты археологические памятники, охватывающие огромный промежуток времени, насыщенные богатой информацией по истории народов, проживавших на этой территории.

Можно с полным основанием говорить, что звезда Л.А. Чиндиной взошла на Малгете. Известность археологического Малгета давно перешагнула границы не только Томской области, но и Западной Сибири. Не случайно он объявлен памятником всероссийского значения. О малгетских находках знают ученые Англии и Канады, Венгрии и Финляндии, Германии и США. Звезды разной величины составляют системы. В огромном созвездии археологических памятников Западной Сибири Малгет занимает особое место. На памятнике представлены три исторические эпохи: неолит (новокаменный век), ранний металл – энеолит (меднокаменный век) и бронзовый век, эпоха железа. Материалы Малгета позволяют ученым проследить историю народов Среднего Приобья на протяжении 5000 лет, определить их место в исторических процессах Западной Сибири.

Трудно найти археологический памятник, включающий комплекс поселений 5-тысячелетней истории, где протекала повседневная жизнь людей. Следует отметить, что поселения отдельных эпох и культур функционировали порой длительное время, иногда непрерывно. Учитывая природно-климатические факторы данной территории, можно с уверенностью говорить о том, что открытие Малгета стало настоящим потрясением для многих археологов и не только сибирских. По ее мнению, раскопки Малгета позволили в конце 1960-х – начале 1970-х гг. четко и сразу решить обсуждаемую археологами в течение полувека проблему существования кулайской культуры (V в. до н.э. – V в. н.э.), ибо последняя была предметом многочисленных дискуссий. Не случайно в областном краеведческом музее в 2007 г. была развернута экспозиция, посвященной кулайской цивилизации.

А началось все в 1964 г., когда трое разведчиков – Людмила Чиндина, Борис Тренин, Алексей Тырбылев – вышли из болотистой поймы реки Шудельки (в переводе с селькупского «Змеиная река») на белый песок Малгета. В 1965–1966 гг. проводились небольшие раскопки, а с 1970 г. развернулись масштабные исследования. Для их осуществления выехала группа из 20 студентов. В последующие годы их численность порой доходила до 40 и более человек.

Всё это требовало огромной подготовительной работы. Прежде всего, обеспечить выезжающих палатками, спальными мешками, пологам, лопатами, топорами и другими орудиями труда, необходимыми для работы на раскопах. Учитывая, что система общепита в тайге отсутствовала, надо было везти посуду, но самое главное – заготовка продуктов, часть которых, например тушенка, относилась к разряду дефицитных, и требовалось доказать необходимость их выделения из специальных фондов. В целом, набирался достаточно большой объем багажа. Помимо этого требовалось приобрести билеты на всю группу в оба конца, и, что важно, доставить в село Инкино моторную лодку и зарезервировать горючее. В последнем огромную помощь нам оказывал наш ангел-хранитель – секретарь Инкинского сельсовета Медведев Василий Максимович. Все эти заботы лежали на хрупких плечах Людмилы Александровны. Но все организационные вопросы ею решались, что обеспечивало успешное проведение археологических работ.





Археологические работы на Малгете проводились свыше 20 лет. За этот период собрана коллекция из тысяч самых разнообразных изделий – от предметов быта, орудий труда до украшений из камня, кости, глины, бронзы, серебра, железа. Подлинное потрясение вызвала находка наковальни и молота, ставших предметом острых дискуссий. Находка осветила новые грани истории племен, живших на данной территории. Больше всего встречалось керамики, которая является показателем самобытности культуры и своеобразным хронометром, что определяет ее историческую ценность.

Оказалось, что в те далекие времена человеку было небезразлично, из какой посуды он принимал пищу. Удивляло терпение и, наверное, любовь мастера, наносившего орнамент на свои изделия. Мы с особым интересом слушали, как Людмила Александровна рассказывала, что орнамент на сосудах в древности не был каким-то произвольным изображением, что каждый народ, веками вырабатывал свой орнамент, вкладывал в знаки-символы определенный смысл. Мастера из поколения в поколение строго следовали традиционному набору элементов и мотивов, что позволяло отличать одну культуру от другой. Многих из нас были поражены. Мы ведь самонадеянно считали, что узоры на посуде появились чуть ли не со времени гжельских мастеров, а оказывается, тысячи лет назад неизвестный мастер торцом круглой палочки создавал узоры на поверхности горшка или плошки и наши далекие предки пользовались такой посудой.

Слушая Людмилу Александровну в экспедиции, мы начинали по-другому понимать теоретический материал, с которым знакомились на лекциях по археологии. Если раньше смена различных эпох и культур воспринималась как-то отвлеченно, то на Малгете объяснения Людмилы Александровны по поводу раскопанных жилищ и многочисленных находок воспринимались с большим пониманием.

С увлеченностью она рассказывала о кулайском искусстве и самой кулайской общности – обществе охотников, рыболовов и скотоводов с высоким уровнем экономики и социальной организации. Время существования кулайской культуры – время постоянных, жестоких войн за землю, за добычу. В силу разных социально-экономических и экологических причин кулайцы вынуждены были мигрировать на огромной территории, что способствовало созданию у них сильной военной и политической организации. Когда Людмила Александровна начинала говорить о кулайцах и их культуре, чувствовалась ее влюбленность в эту эпоху, ее представителей, которые будучи охотниками и воинами, умели постоять за свои интересы.

Пришедшая через несколько столетий на смену кулайской рёлкинская культура, значительно обогатила прежние орнаментальные традиции. Многократно увеличилось количество фигурных штампов, существенно усложнилась композиция. Малгетская посуда новой, рёлкинской, эпохи очень нарядна и изысканна, поражает композиционной гармонией, чувством меры в использовании многообразных элементов и мотивов. Мы убеждались в этом, когда удавалось собрать из осколков керамические сосуды.

Раскопки вселяли в нас азарт и нетерпение. Когда появлялись контуры сгоревшего жилища, остатки очага, каждый высказывал предположения о том, что и как здесь было раньше. Людмила Александровна давала свои пояснения.

Если в наше время – в начале 1970-х гг. – раскопки проводились на Малгете, на берегу озера Круглое, Юторе, то в последующие годы их ареал значительно расширился. Только на берегах р. Шудельки было найдено несколько десятков археологических памятников.

Но для нас памятником первой величины был и остается Малгет – не просто место, где проводились раскопки, а место формирования особой духовной ауры, малгетского братства, душой которого была Людмила Александровна. Ее призыв «надо» действовал лучше любого приказа. За два десятилетия раскопок сформировалось особое сообщество малгетян, которые периодически собираются вместе. Душевную трепетность наших встреч обеспечивают общие воспоминания, когда звучит традиционное: «А помнишь?», истории и легенды, передаваемые от одного поколения малгетян к другому. Связывает малгетское братство Людмила Александровна Чиндина. В ее археологической короне есть место бриллианту с именем «Малгет».



Л.В. Чёрная

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Бабушка

Бабушка! ... с бабушкой мне повезло точно и несомненно!

В детстве и отрочестве почти всё воспринимается как само собой разумеющееся. Бабушка со своей заботой, чтением сказок и историями-рассказами, гостинцами-подарками была данностью... Рассказы семейные и экспедиционные – зачастую были увлекательнее сказок и книжных приключений! Подарки были часто необычными, не такими, какие получала от родителей: из командировок бабушка привозила игрушки, одежду, угощения, которых в Томске было не достать. Некоторые вещи помню до сих пор, например голубое с белым платье с оборками – «под глаза». Мои первые джинсы – фирменные американские – привезла откуда-то тоже она. Археологом я не стала, но у меня сформировалось особое отношение к вещам как материализованной памяти, знакам определённых событий и культур.

Я выросла в семье особенной – большой и богатой традициями. У меня были прабабушка Екатерина Васильевна – баба Катя и её сестра баба Валя в Самуськах – из Водзинских, прадед Семён Савельевич Лукашевский – деда Сеня. К нему приезжал брат Николай из самой Москвы. Даже их родители: баба Нюра, баба Паша, дед Василий, и их родители (это уже пра-пра-пра-) упоминались так часто и было так много историй о них и с ними, что они воспринимались как часть семьи, хотя видела я их только на фотографиях в интерьере, а не только в просматриваемых по особым случаям альбомах. На праздники, дни рождения (даже детские) собиралось множество родственников: бабушкины двоюродные сёстры и братья, их дети и внуки. Когда другие дети не знали своих предков дальше бабушек-дедушек и родню дальше дядей-тётей первой степени, для меня это было необычно и даже как-то диковато...

Наша семья прочно укоренена в истории. Через Русско-японскую и Первую Мировую войны прошёл деда Вася, сын сосланного борца за независимость – поляка Антона Водзинского, так что Польша для меня была отнюдь не другой планетой. Столыпинская реформа привела в Сибирь Чиндиных. Судьбу моих родственников по отцу перевернул пакт Молотова-Риббентропа и последующее раскулачивание в западной Украине и Молдавии со ссылкой в Казахстан, где встретились баба Мотя – Матрёна Николаевна Мулик и деда Лёша – Алексей Анастасьевич Чёрный. 1937 год и Великая Отечественная тяжело прокатились по нашей семье... Про войну деда Сеня рассказывать не любил, больше про свою работу в ОББ (Отдел по борьбе с бандитизмом). Глеб Жеглов – выдуманный персонаж, а деда Сеня – настоящий и его историй могло бы набраться не на один «крутой» детектив. Целину поднимала сама Людмила Александровна, а Великие стройки советской Сибири потребовали проведения археологических экспедиций, в ряде которых она работала с коллегами, а большая часть прошла под её руководством.

С бабушкой, «бабой Людой», встречались, общались, занимались разными домашними и не только делами гораздо чаще, чем с другими родственниками. Через эти дела тоже шло приобщение к истории-этнографии-географии: «это Бабин Нюрин сундук, (её же) чугунные утюг, вафельница (которая использовалась по прямому назначению), подвенечное платье (редко доставала с «тайной» полки в шкафу)». Частые бабушкины поездки на конференции, экспедиции, курорты оставили след необычными словами («Евпатория» запомнилась с детства) и артефактами. Розовое масло из Болгарии – до сих пор один из моих любимых ароматов. Ракушки с побережий разных морей, в том числе, розовые с Японского – подарок бабушке от тёти Светы, бывавшей в стране Восходящего солнца. Про Венгрию и венгерских друзей было много рассказов (1992 г.) в таких красках, что, казалось, почти там побывала, а подарком стали необычно красивые куклы.

Бабушкины друзья-коллеги-ученики тоже были частью моего детства. Очень часто у неё дома кто-то уже был или собирался прийти. Детей (меня и сестру) включали в общение, начиная рассказывать экспедиционные случаи, подчас курьёзные. Случалось становиться свидетелем научных дискуссий, даже тогда воспринимаемых мной очень серьёзно. Круг общения был междисциплинарным: туда входили не только археологи, но и этнографы, лингвисты, физические антропологи, «классические» историки, географы. Приезжали люди из других городов, иногда стран. Через знакомство с ними и дальние и близкие земли воспринимались очень живо. Был и круг заочных знакомств – с теми людьми, о ком рассказывали, такие как «тётя Света» – Светлана Вячеславовна Студизкая (с ней в последствии посчастливилось познакомиться и даже подружиться). Близкие бабушкины подруги – «тётя Аля» (Алла Степановна Чагаева из Барнаула), тётя Света – даже посылали нам через бабушку подарки.





С самого нежного возраста эта уникальная (что стало понятно много позже) атмосфера окружала и воспитывала меня. Привычка много читать и потом обсуждать и анализировать прочитанное сформировалась как бы сама собой в окружении книг. Эти огромные и многочисленные шкафы, забитые книгами про древние, близкие и далёкие народы, тайны истории, воспринимались как нечто сказочное. Бабушка, пристрастившаяся к чтению в студенческие годы, передала эстафету маме, в свою очередь приучившую меня.

Среда, в которой прошло моё детство и взросление, прививала глубину и широту мышления. Естественным образом усваивались очень высокие стандарты человеческих отношений с подлинным живым общением и участием, безусловной готовностью поддержать в сложный момент и период. Толерантность и умение смотреть на вещи с разных сторон. История, особенно «большая история» – археология, которая смотрит на тысячи и миллионы лет вглубь – действительно способна быть «учительницей жизни». Приходит понимание того, что люди любого времени и народности – всегда люди, и достойны уважения, обстановка и обстоятельства разные, которые нужно знать и учитывать, чтобы понять не только предков, но и ныне живущих. Учит жить в «длинном времени»: все и каждый продукт и звено в бесконечно сменяющейся реке всеобщей истории и культуры. Это даёт чувство принадлежности к чему-то великому, заставляет ощущать свою ответственность и делает самооценку более адекватной. И ещё один очень важный урок: можно с чем-то не соглашаться, но нужно отделять профессиональное от личного и сохранять человеческие отношения. Упомянутая «междисциплинарность» учила цельности восприятия и анализа жизни, её конкретных проявлений и научных проблем.

С обретением знаний и опыта идёт переоценка (или оценка) того, что воспринималось как само собой разумеющееся, данность и потому обычное.

Сейчас я могу оценить масштаб человека и учёного – Людмилы Александровны Чиндиной.

Это человек-легенда. За свою долгую крайне напряжённую трудовую жизнь она совершила множество научных и человеческих подвигов. Её достижения, среди которых есть настоящие прорывы, имеют грандиозный размах.

Археологи – люди особые, «ненормальные» с обычной точки зрения. Они едут в забытые Богом места, в экстремальные условия: жара Средней Азии и степей Хакассии, крайний Север, непролазная тайга, Васюганские болота, – на недели, месяцы. Студентов там ждёт тяжелый ручной труд, ставших специалистами – напряжённые умственные усилия, чтобы суметь прочесть земляные хроники ушедших времён на месте, а затем проникнуть в глубинный смысл стратиграфий-планиграфий и находок. После первичного анализа наступает черед больших обобщений. Для непосвящённых результат выглядит почти как магия: археологи буквально из небытия возвращают народы, города, цивилизации и культуры.

А когда это женщина, действительно женщина (не «синий чулок»), и мать, которая была хорошей матерью и не сбросила детей на родственников. Хрупкая, миниатюрная женщина, прошедшая сотник километров разведок, руководившая полусотенными отрядами, которые, ворочая сотни кубометров земли на десятках памятников, отрывали историю Западной Сибири... на этом истинно эпическом фоне Геракл со своими подвигами блекнет.

Примеривая на себя трудности и лишения, с которыми успешно боролась моя бабушка, я не уверена, что справилась бы, причём так хорошо. Участники модных ныне игр в выживание в экстремальных условиях делают это ради забавы и попыток что-то доказать себе. А моя родная бабушка без пафоса и саморекламы занималась настоящим нужным Делом.

Объём работы, проведённый по анализу и обобщению накопанных материалов, пожалуй, превосходит экспедиционную. Это рулоны планов и стратиграфии раскопов, тысячи и тысячи находок своих и в коллекциях других исследователей, прошедших через её руки. Особенно многочисленна керамика: масса которой зачастую подавляет исследователей, а Л.А. Чиндиной создана типология(-гии), помогающая разобраться в сложной истории сибирских древних и средневековых народов. Ею проштудированы сотни и сотни книг и статей не только по близким хронологически и территориально вопросам, а в широчайшем географическом и временном охвате. Это не просто расширение кругозора, а целенаправленный поиск: археолог, как детектив, цепляясь за детали находок, распутывает клубки тянущихся сквозь континенты и эпохисвязей. «Великих переселений» было множество, поэтому удивительно, но отнюдь не невозможно, что аналогия сибирской находке XVII–XVIII веков есть у восточных славян докиевских времён.

Людмиле Александровне присуща потрясающая гибкость мышления – способность мыслить на разных уровнях. Это и «заземлённость»: любые выводы должны строиться на скрупулёзном анализе источников, затем переход на уровень, где выявленные «мелочи» должны обобщаться и рассматриваться в широком



контексте, и подъемна «высоту птичьего полёта», когда создаются «большие» концепции, которые остаются актуальными и работающими на протяжении десятилетий, несмотря на уточнения и пересмотр деталей.

Неотъемлемым качеством юбиляра как исследователя является высочайшая научная этика: неподдельное уважение к учителям и предшественникам, даже при пересмотре их выводов; корректность и подчас щепетильность к коллегам, особенно тщательная аргументация в дискуссиях с оппонентами, умение и желание признать достижения и вклад соратников, соавторов и учеников. Это органично сочетается с глубоким интересом к истории конкретных исследований и науки в целом. Историография стала одним из важных направлений работы. Л.А. Чиндина показывает в своих трудах и курсах для студентов, что наука – это не просто страницы книг, она создаётся живыми людьми (со многими из которых она лично знакома) в конкретных обстоятельствах, а каждая строчка – результат огромных усилий. Через «очеловечивание» исследовательского процесса идёт нравственное воспитание, привитие высоких моральных ценностей и стандартов.

Всё это и многое другое делает мою бабушку титанидой науки, чьё имя и вклад известны широкой общественности во всесибирском масштабе и отмечены государственными и региональными наградами, а научная значимость её открытий признана мировым археологическим сообществом.

Людмила Александровна была и остаётся отличной бабушкой, выполняющей «бабушкины» задачи «на отлично». Её душевное тепло придало моему детству особые краски. На её понимание и поддержку всегда можно положиться. С течением жизни, что случается достаточно редко, она стала ещё и другом.

Спасибо тебе!

*С любовью и благодарностью,
Людмила*





Е.В. Чёрная

*Россия, Томск,
Языковая школа "Brain Storm"*

ЛЮБИМОЙ БАБУШКЕ

Людмила Александровна – это, безусловно, ученый с большой буквы, археолог, сделавший невероятные открытия, но для меня, прежде всего глава и хранитель традиций нашей семьи. Горжусь своим происхождением из династии учителей, очень рада тому, что первое образование получила по специальности История, традиционной для нашей семьи. Пусть поле моей деятельности далеко от истории и археологии сейчас, но, будучи представителем, с радостью могу сказать, что являюсь продолжателем традиций семьи, заложенных, конечно, моей дорогой бабушкой. Помню летнее время, проведенное с ней на раскопках в детстве, что оставило неизгладимое впечатление. Тяжелый труд археолога, непростые условия быта раскопок, песни у костра и невероятные истории навсегда останутся у меня в памяти, хотя археологии я не стала.

Пересматривая семейные фотографии, наворачивались слезы на глаза, смешивались пронзительные чувства любви и уважения к бабушке, ее родителям. Просто поразительно как из поколения в поколение передается дар преподавания и желание быть учителем. На старых фотографиях мой прадед, отец Людмилы Александровны, Александр Чиндин запечатлен с одним из своих учеников во время учебного процесса, подобные фото есть с моей бабушкой и со мной со своими учениками. Поразительно, как нашими судьбами распоряжается жизнь, но, думаю, решения, которые мы принимаем, также важны. Современность дает нам множество возможностей и выбрать правильный путь порой не просто, не разу не пожалела, что выбрала путь педагога, благодарна своей семье за это, прежде всего дорогой бабушке, которая была и остается безусловным авторитетом, верным другом и советчиком, человеком, которому всегда можно доверять, рассказать, то, чем не поделишься больше не с кем.

Сейчас уже во взрослом состоянии с восхищением и благоговением переоцениваю достижения своей бабушки. Просто невероятно, как эта изящная женщина вела за собой в тайгу, через болота толпу неумелых студентов к невероятным открытиям, ни разу не сбившись с верного пути.

Людмила Александровна из тех редких людей, которые не идут по проторенной тропе, а прокладывают собственный путь, ведя за собой остальных, это касается, как ее профессиональных заслуг археолога, так и семьи, ценностей, которые она заложила.

Дорогая, любимая бабушка, уважаемая Людмила Александровна! Поздравляю Вас с юбилеем! Желаю сделать еще не одно открытие, завершить уже начатые и оставаться такой же жизнерадостной, активной, искрящейся позитивной энергией еще долгие, долгие годы! Вы так нужны нам всем!



Библиография трудов Чиндиной Людмилы Александровны

1960-е годы

О погребальном обряде Молчановского могильника (VI–VIII вв.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск. Труды ТГУ. Т. 190. 1967. С. 314–318.

Материалы по истории развития художественного литья западносибирских племен I тыс. н. э. // Тезисы докладов и сообщений на V Уральском археологическом совещании. Сыктывкар: Изд-во Коми АССР, 1967. С. 149–150.

Музей археологии и этнографии Сибири. Описание экспозиции (в соавт. с В.А. Дрёмовым, Н.В. Лукиной, В.И. Матющенко, Л.М. Плетневой). Томск, 1969. 32 с.

Раскопки в Омской и Томской областях (в соавт. с В.И. Матющенко, А.С. Чагаевой) // Археологические открытия 1966 г. М.: Наука. 1967. С. 153–155.

Антропоморфные изображения как источник по истории племен Приобья // Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Т. 2. секция гуманитарных наук. Томск, 1968. С. 198–201.

Работы в Томской и Омской областях (в соавт. с В.И. Матющенко) // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука. 1969. С. 196–197.

Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. Изд. Томского пединститута. С. 183–184.

1970-е годы

О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 191–202.

Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия н.э. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1970. 26 с.

Древние личины из Васюганья // СА. 1971, № 4. М.: Наука. С. 233–236.

Керамика могильника «Релка» на Средней Оби // СА. 1970, № 1. М.: Наука. С. 248–254.

Памятники эпохи железа в Среднем Приобье // Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Томск, 1972. С. 13–14.

Работы в Нарымском Приобье // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука. 1972. С. 268–270.

Поселение Малгет // Вопросы истории Сибири. Вып. 6. Труды ТГУ. Т. 226. Томск, 1972. С. 148–159.

Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 161–174.

Работа в Нарымском Приобье // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 249–250.

О кулайской культуре // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. (Тезисы докладов всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973. С. 67–68.

Могильник «Рёлка» // Вопросы истории Сибири. Вып. 8. Томск. Изд-во Том. ун-та. 1974. Труды ТГУ. Т. 250. С. 136–147.

Древнее население края. Железный век // Родной край. Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 118–121.

Разведка в верховьях Кети // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 139–148.

Материалы к археологической карте Приобья (в соавт. с В.И. Матющенко, Ю.Ф. Кирюшиным, Л.М. Плетневой, И.А. Посредниковым) // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 149–165.



- Исследования в Нарымском Приобье // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 232–233.
- Раскопки поселения Малгет (в соавт. с Ю.Ф. Кирюшиным) // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 241–242.
- О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 61–93.
- О работах Нарымского отряда // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 287.
- Поселения Круглое озеро I и II (в соавт. с Ю.В. Балакиным) // Из истории Сибири. Вып. 19. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 45–64.
- Рецензия на кн. М.Ф. Косарева «Древние культуры Томско-Нарымского Приобья» (в соавт. с В.И. Матющенко) // СА. 1976, № 2. С. 271–276.
- О возможности реконструкции социальной организации Нарымского Приобья в раннем средневековье // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 166–174.
- Некоторые особенности погребений с конем в могильнике Релка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: изд-во Томского пединститута. 1976. С. 177–179.
- Западные параллели в раннесредневековых памятниках Среднего Приобья // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 46–48.
- Раскопки на р. Саровка // Археологические открытия 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 252–253.
- Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
- Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51–80.
- Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 59–65.
- О миграциях кулайцев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 48–51.
- Особенности западносибирского звериного стиля // Тезисы докладов археологической конференции. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та. 1979. С. 139–140.
- Разведочные работы в Нарымском Приобье (в соавт. с Ю.Т. Мамадаковым и И.В. Рудковским) // Археологические открытия 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 245.

1980-е годы

- Работы Нарымского отряда // Археологические открытия 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 241.
- Угро-самодийские традиции в Западной Сибири в эпоху железа // Тезисы финно-угорского конгресса. Сыктывкар: Наука, 1980.
- Отражение социальных изменений в некоторых идеологических представлениях западносибирского населения в эпоху железа // Идеологические представления древнейших обществ. Тезисы докладов. М.: Наука, 1980. С. 102–106.
- Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, СО АН СССР, 1981. С. 87–97.
- О методике социальных реконструкций по некоторым археологическим источникам // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 115–118.
- Соболь в пластике населения Среднего Приобья // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, СО, 1981. С. 144–148.





Приобье в эпоху раннего средневековья // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. Новосибирск: Наука, 1981. С. 32–34.

Раскопки поселения Малгет // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 222.

Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 14–22.

Технология железных топоров из Среднего Приобья (в соавт. с Ю.И. Паскалем и М.В. Федорищевой) // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. 1983. С. 109–115.

Орнамент керамики Степановских памятников // Искусство и фольклор Народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 30–51.

Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1984. 256 с.

Проблемы культурно-хронологического определения усть-полуйских памятников // Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука. 1985. С. 38–43.

История Среднего Приобья в V в. до н. э. – IX в. н. э. / Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1985. 38 с.

Ethnocultural Processes in the Early Iron Age // Congressus sextus internationalis fenno-ugristarum. Syktyvkar, 1985. Vol. IV. P. 1–17.

Работы Нарымской экспедиции // Археологические открытия 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 206.

Работа археологической экспедиции Томского университета // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 19–20.

Исследование древних поселений. Методическое руководство. Томск, 1987. 11 с.

Факторы культурогенеза в лесном Приобье в эпоху железа // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 34–36.

Первобытная периферия Сибири // История Сибири. Коллективное учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1987. С. 64–74.

О древних западносибирских святилищах // Религиозные представления в первобытном обществе. М, 1987. С. 209–212.

Использование терминов и понятий в процессе изучения археологии СССР // Методические указания. Томск, 1988. 23 с.

Керамика Нарымского Приобья IX–XIV вв. (в соавт. с Н.В. Березовской) // Проблемы археологии Северной Азии. Тезисы докладов XXVIII региональной археологической студенческой конференции (28–30 марта 1988 г.) Чита, 1988. С. 57.

Этнокультурные процессы в Приобье в эпоху железа // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 131–133.

Полевой эксперимент по обработке цветного металла (в соавт. с С.А. Терехиным) // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 109–111.

1990-е годы

Проблемы социологических исследований по археологическим источникам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 11–14.

Археологическая карта Томской области (в соавт. с Я.А. Яковлевым и Ю.И. Ожередовым). Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 339 с.

Этапы этнокультурных процессов в Западной Сибири // Congressus Septimus Internationalis fenno-ugristum. Debrecen, 1990. P. 48–51.





О реконструкции верований западносибирских народов периода распада первобытных отношений // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Ленинград, 1990. С. 80–81.

Археология, этнография и антропология в томском государственном университете им. В.В.Куйбышева (к 100-летию открытия университета) (в соавт. с В.А. Дрёмовым и Н.В. Лукиной) // Обряды народов Западной Сибири Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 214–227.

История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Время и пути культурных контактов на юго-востоке Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 146–148.

The interaction of arctic and taiga cultures of Ural-Siberian area in the iron age // Specimina Sibirica. T. V (The Arctic Papers of an International Conference Syktyvkar, 1991). Savaria, 1992. P. 46–52.

Об этнокультурном взаимодействии в Приобье I тыс. н.э. // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 16–26.

Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // Этнокультурная история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1992. С. 128–132.

О кулайском компоненте на Усть-Киндинском курганном могильнике (в соавт. с С.А. Терехиным) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 61–65.

О селькупских могильниках XVII в. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. 1. Омск, 1993. С. 74–77.

Палеоэкономика лесостепной и таежной зон Западной Сибири (V в. до н.э. – V в.н.э.) // Вопросы географии Сибири. Вып. 20. Томск: ТГУ, 1993. С. 3–19.

Памяти И.М. Мягкова (в соавт. с А.М. Малолетко) // Вопросы географии Сибири. Вып. 20. Томск, 1993. С. 186–190.

Об археологических культурах Приобья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 53–54.

Война у охотников и рыболовов Западной Сибири в эпоху железа // VII международный конгресс по традиционным культурам охотников и собирателей. М., 1993. С. 105–106.

War in the hunter-fisher societies of the Western Siberia during the iron age// Seventh international conference on hunting and gathering societies "Hunters and gatherers in the modern context". Moscow, 1993. P. 121.

У истоков истории селькупов // Северная книга. Томск, 1993. С. 47–50.

Поселение Турбабино I (в соавт. с З.М. Габдрахмановой) // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 46–60.

Многослойное городище Ютор I (в соавт. с Н.В. Березовской и М.Г. Лоскутовой) // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 75–96.

Об итогах изучения этнокультурной истории Урало-Сибирского региона России // Народы России: возрождение и развитие. Материалы научной сессии Томского Университета. 5-10 ноября 1993 года. Томск, 1994. С. 109–113.

The research into archeology and history of uralians in Siberia. The Tomsk school of archeology studies of ethnogenesis ethnic History of Samoyedic peoples // Specimina Sibirica. Ed. Yanos Pustray. Vol. IX: Bibliographia Sibirica Finno-Ugristics and Samoyedology in scientific centers of Siberia by Elena Skriblik. Savaria, 1994. P. 38–40.

War in the hunter-fisher societies of the Western Siberia during the Iron Age// Seventh international conference on hunting and gathering societies "Hunters and gatherers in the modern context". Book of presented papers. Vol. I. Fairbanks, 1994. P. 119–123.

И.М. Мягков как исследователь Сибири (в соавт. с Т.В. Галкиной, Е.Я. Горюхиным, Н.В.Лукиной) // Труды Томского объединенного историко-архитектурного музея. Т. VIII. Томск, 1995. С. 165–182.



Немного о коллегах друзьях соратниках (вместо предисловия) // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» (Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева). Барнаул, 1995. С. 5–10.

О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить» (Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева). Барнаул, 1995. С. 179–187.

Четверть века из истории западносибирской археологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 5–8.

Исследование археологического комплекса Мигалка // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 13–15.

О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 86–116.

Местонахождение Мигалка (в соавт. с Ф.И. Мецом) // Материалы и исследования культурно исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 163–177.

Некоторые сюжеты палеогеографии в культурных процессах Западной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 13–16.

Родники // Земля Каргасокская. Томск, 1996 С. 13–22.

Археологические открытия в Томской области (в соавт. с Л.В. Себелевой, А.С. Стародумовым, О.И. Приступа, О.В. Зайцевой) // Археологические открытия 1996 г. М., 1997. С. 350–351.

Тридцатилетний этап археологии Томского университета // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 17–24.

О проблемах и возможностях изучения системы жизнеобеспечения в археолого-этнографических исследованиях // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 3–6.

История одного названия // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 2. Омск; СПб., 1998. С. 123–124.

Воинские символы на Васюганской бляхе (в соавт. с О.В.Зайцевой) // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1998. С. 38–39.

Археолого-этнографические издания Западной Сибири 1991–1997 гг. Учебное пособие. Томск, 1999. 251 с.

Очерки культурогенеза и этногенеза в Среднем Приобье (середина I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э.) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 3–11.

О динамике миграций кулайцев в Томском Приобье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Москва Омск, 1999. С. 269–271.

Раскопки на Киреевском III городище // Археологические открытия 1997 г. М., 1999. С. 328–329.

Головные уборы в металлопластике кулайского времени // Международная конференция по Первобытному искусству. Труды. Т. 1. Кемерово, 1999. 10 с.

2000-е годы

Дела и дни // Земля Колпашевская. Томск, 2000. С. 104–132.

Загадки Хроноса и Кикиморы // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур (XXII Дульзонские чтения). Ч. 2. Томск, 2000. С.268–274.

А.П. Дульзон и Томская археология // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 21–23



Археологические исследования в Кожевниковском районе Томской области (в соавт. с Л.В. Себелевой) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1993–1996 гг. Новосибирск, 2000. С. 57–60.

Warfare among the hunters and fishermen of Western Siberia // Hunters and Gatherers in the Modern World. Conflict, Resistance and Self-Determination. New York. Oxford. 2000. P. 77–93.

О двух сакральных символах в Кулайском бронзолитейном производстве // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 197–199.

Рёлкинская символика о структуре вселенной // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 260–263.

Раннего железа эпоха (Эпоха раннего железного века) // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 111–114.

Дары горы Кулайки // Земля Чаинская. Томск, 2001. С. 81–97.

Кулайская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 78–81.

Кулайское культовое место // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 81–83.

Этюды о жизни Н.А. Томилова в Томске // Исторический ежегодник. Спец. выпуск. Омск, 2001. С. 9–10.

Курганный могильник Рёлка // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 114–115.

Грунтовой могильник Мигалка // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 97–98.

Степановский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 94–95.

Малгет: комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 94–95.

Рёлкинская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 115–118.

Матющенко В.И. // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 95–97.

Культурно исторические процессы в Васюганье // Большое Васюганское болото. Современное состояние и процессы развития. Томск: Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2002. С. 30–35.

Головной убор женщины из Воскресенского могильника // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 159–164.

Из истории междисциплинарного синтеза западносибирской археологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 5–17.

Раскопки в Томской области // Археологические открытия 2001 года. М.: Наука, 2002. С. 491–493.

Некоторые итоги археолого-этнографических исследований в южнотаёжном регионе Приобья // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Изд-во Том. ун-та. Томск, 2003. С. 5–10.

Археологические памятники в окрестностях посёлка Киреевска (в соавт. с Л.В. Панкратовой) // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Изд-во Том. ун-та. Томск, 2003. С. 10–15.

Комментарий к полевой документации по раскопкам Р.А. Ураева // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Изд-во Том. ун-та. Томск, 2003. С. 29.

Сапоги из Томского кремля и могильника Мигалка (в соавт. с М.П. Чёрной, В.С. Володиной, М.А. Капитоновой) // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 68–73.

Комплект торсового костюма нарымской селькупки конца XVII в. // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 95–100.





Новые данные о сакральной первооснове и функциональной специфике кулайского святилища // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 106–113.

Новое о древностях горы Кулайки // Степи Евразии в древности средневековья. Т. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 180–184

Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2004. С. 284–290

Искусство пластики лесных племён Приобья в первобытности // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Колл. монография. Отв. ред. О.М. Рындина. Томск: Изд-во научно-тех. лит-ры, 2004. (Серия «Монографии». Вып. 9). С. 80–92.

Археологическое направление кафедры исторического факультета ТГУ // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». Издание Томского государственного университета. Томск, 2004. № 281. С. 218–223

Погребения конца поздней бронзы из могильника Рёлка // История и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 99–104.

Традиции и наследие // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 4–7.

Курильные трубки из могильника Мигалка // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 36–39.

Благие пожелания (Piadesideria) (Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири Сургут: РИО СурГПИ, 2002. 206 с.) (рецензия) // Ханты Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 332–338.

Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 404–420 (на рус. и англ. языках)

Предисловие // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 7–12.

Воспоминания... // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 51–54.

Юго-восточный фронт в кулайско-рёлкинское время // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2008. С. 182–186.

Об университетских археологах // 90 лет историческому образованию в Сибири: Исторический факультет томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 183–193.

Человек дела // Кузбасс на рубеже веков: экономика, политика, культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 200–205.

Рецензия на монографию Т.Н. Глушковой «Археологические ткани Западной Сибири (Сургут: РИО СурГПИ, 2002. 206 с.)» // Российская археология. 2008. № 1. С. 159–161.

Динамика природной среды обитания и южные границы расселения кулайцев // География – теория, практика: современные проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 470–474.

2010-е годы

К истории Западносибирских археолого-этнографических конференций (Вместо предисловия) (в соавт. с М.П. Чёрной) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2010. С. 3–8.





Изобразительная деятельность в кулайской культуре // Очерки истории Томской культуры. Томск: Рекламный дайджест, 2010. С. 10–17. раздел коллективной монографии

Эвенки на левобережье Средней Оби // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 166–171.

Urbi et orbi (Городу и миру) (в соавт. с Е.А. Васильевым) // Культурологические исследования в Сибири. Омск: ИД «Наука», 2011. № 4 (35). С. 24–29.

Люди, наука, время // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2012. С. 5–8.

Светлана Вячеславовна Студзицкая // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева». Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2012. С. 9–12.

Пегая орда – Большого Лося сильный народ // Вестник Томского государственного университета. Сер. «История». Томск: Изд-во Том. ун-та. Томск, 2013. № 3 (23). С. 91–96. http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=900&article_id=1340

Раннесредневековые «календари» Северной Евразии (в соавт. с Г.С. Вртанесяном) // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 383. С. 138–147. http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1058&article_id=11230

Культурный код кулайцев в каменном мысе Т.Н. Троицкой // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях: сборник научно-исследовательских работ по итогам конференции, посвященной 90-летию профессора, доктора исторических наук Татьяны Николаевны Троицкой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 47–49.

Дорогому юбиляру // Биобиблиография к 70-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово: Кузбасс, 2015. С. 16–18.

Отражение этнокультурных процессов в селькупской антропонимике XVII в. в Нарымском Приобье (опыт междисциплинарного исследования) (в соавт. с С.М. Малиновской) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2015. № 6 (38). С. 92–99.

В.Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие (в соавт. с Л.Ю. Китовой) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 5–11. DOI: 10.17223/19988613/42/1 http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1440&article_id=30800

«Всеим нашим встречам разлуки, увы, суждены...». Памяти Леонида Теодоровича Яблонского (1950–2016) (в соавт. с В.И. Молодиным, М.П. Рыкун, М.П. Чёрной) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 167–172. DOI: 10.17223/19988613/42/31 http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1440&article_id=30830



НАГРАДЫ И ПОЩРЕНИЯ

1963 – Благодарность за хорошую работу в приёмной комиссии по оформлению документации абитуриентов набора 1963–1964 гг.

1970 – присвоено звание «Ударник трудовой вахты в честь 100-летнего юбилея В.И. Ленина»

1972, 1975, 1978 – Благодарности и Почётная грамота за активное участие и высокий уровень организации Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания

1978, 1983 – Благодарности и Почётная грамота за успешную работу в честь 10-летия и 15-летия ПНИЛИАЭС ТГУ

1982 – Благодарность за руководство научной работой студентов

1986 – Почётная грамота МВ и ССО РСФСР, республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР, как автору монографии «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа». Изданной в 1985 г. и отмеченной на Республиканской межведомственной выставке литературы в г. Смоленске за высокий научно-технический уровень, актуальность тематики и практическую значимость для народного хозяйства

1988 – медаль «Ветеран труда»

1993–1996 – Президентская стипендия

1997 – Почётная грамота Администрации Томской области за Томска за многолетний добросовестный труд, большой вклад в развитие исторической науки, подготовку высококвалифицированных специалистов.

1997 – Почётная грамота Администрации города Томска за многолетний добросовестный труд

1997 – Грамота Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

1997 – Благодарность ТГУ за многолетнюю безупречную плодотворную работу и в связи с юбилеем

1998 – Заслуженный работник высшей школы РФ

1998 – Медаль «За заслуги перед Томским государственным университетом»

2000 – Лауреат премии Томской области в сфере науки и образования

2001 – Благодарность за становление и организацию Западно-Сибирских археолого-этнографических конференций

2002 – Благодарность за плодотворную и многолетнюю научно-исследовательскую и педагогическую работу в Томском государственном университете и в связи с юбилеем

2002 – Грамота Томского государственного университета «За большой вклад в становление и развитие Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета и в связи со 120-летием Музея»

2002 – Грамота Томского государственного университета «За высокие достижения в науке, способствующие укреплению престижа Томского государственного университета и в связи с 30-летием научно-исследовательской части ТГУ»

2003 – Грамота Томского государственного университета «За многолетнюю научно-педагогическую деятельность, большой вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов и в связи со 125-летием основания ТГУ»

2004 – Медаль «За заслуги перед городом» к 400-летию Томска

2007 – Медаль «В благодарность за вклад в развитие Томского государственного университета»

2007 – Медаль «Заслуженный ветеран труда Томского государственного университета»

2007 – Почётная грамота Администрации Томской области «за многолетнюю плодотворную работу и большой вклад в развитие науки и высшего образования»





2007 – Почётная грамота Администрации города Томска «за многолетний добросовестный труд, значительный вклад в выполнение научно-исследовательских работ университета и в связи с юбилеем»

2007 – Грамота Томского государственного университета «за многолетнюю плодотворную работу по развитию и совершенствованию учебного процесса в Томском государственном университете, вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов и в связи с юбилеем»

2007 – Благодарственное письмо Томского областного краеведческого музея

2007 – Медаль «Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета»

2008 – Благодарственное письмо исторического факультета ТГУ за многолетний добросовестный труд на благо исторической науки

2009 – член Томского профессорского собрания

2010 – Почётная грамота Администрации Томской области за многолетнюю плодотворную работу, большой вклад в становление и развитие археолого-этнографической науки в Западной Сибири.

2012 – Заслуженный профессор Томского государственного университета

2014 – Медаль «Д.И. Менделеев» Томского государственного университета

2014 – включение в Книгу Почета в сфере сохранения, развития и популяризации объектов культурного наследия Томской области по распоряжению губернатора С.А. Жвачкина





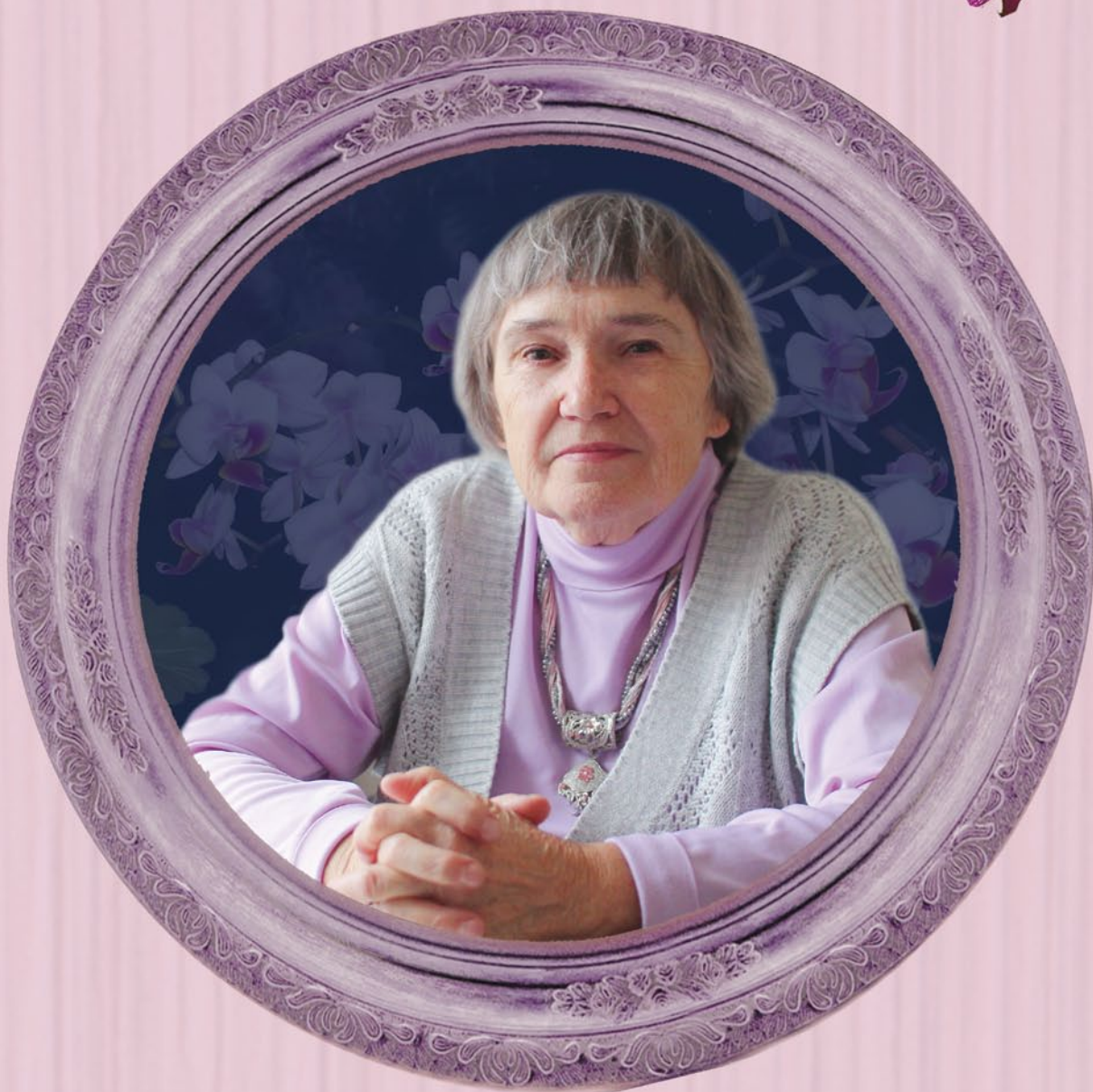
УНИВЕРСИТЕТ

Основан в 1878 г.

Людочка

Людмила

Людмила Александровна



*Каждый долгий путь начинается с одного,
с первого шага.*

Родовые корни



1. бабушка - Прасковья Дмитриевна и дедушка - Василий Антонович Водзинские, мама - Екатерина Васильевна Водзинская (Лукашевская);
2. с мамой, Людочке 1 год; 3. отчим - Семен Савельевич Лукашевский;
4. бабушка - Анна Дмитриевна и дедушка - Иван Васильевич Чиндины;
5. отец - Александр Иванович Чиндин

Здравствуйте, баба
 Нюра! С приветом
 Люда. Я сильно боле
 ла, а сейчас ничего.
 Спасибо за гостин
 цы. С приветом Лю
 да.

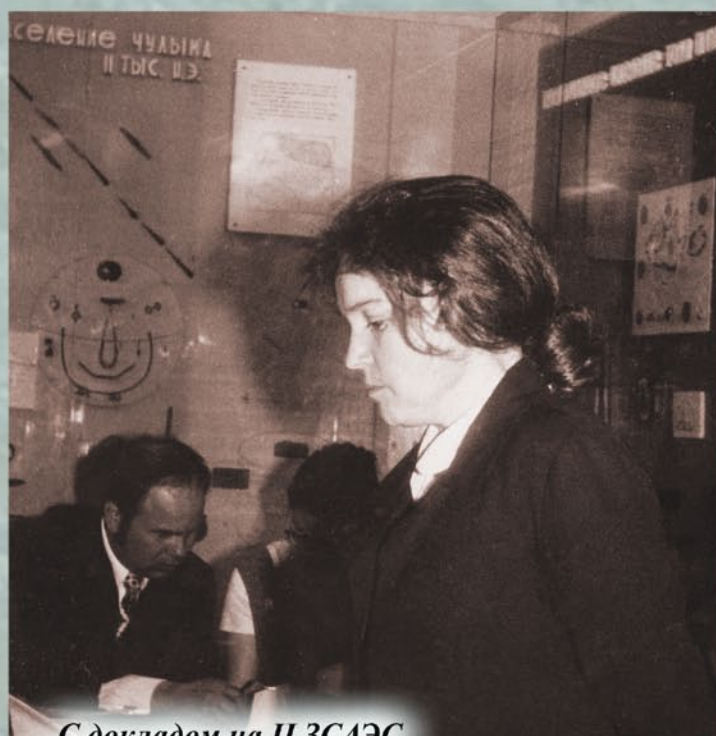
баба, я!
 мама нана
 Шура бама шар
 Мама, ура!

писала Люда.
 шары





*Хозяйка IV ЗСАЭС, 1978 г.
с академиком А.П. Окладниковым и
ректором ТГУ А.П. Бычковым*



*С докладом на II ЗСАЭС,
Томск, 1975 г.*



*С Г.Б. Здановичем,
Томск, 1975 г.*



Сектор археологии ПЛИНИАЭС, 1978 г.

*Верхний ряд: М.В. Шуньков, О.Б. Беликова, Г.И. Гребнева, Е.А. Васильев
Нижний ряд: рядом с Л.А. Чиндиной – А.И. Боброва, Л.М. Плетнёва*



*С М.Ф. Косаревым, V ЗСАЭК,
Томск, 1981 г.*



*Вручение диплома доктора наук,
Новосибирск, 1986 г.*



*С В.Ф. Старковым,
Томск, 2005 г.*



*С Д.Л. Бродянским и
А.С. Чагаевой (Шемякиной),
Барнаул, 1983 г.*



С В.И. Матющенко и Л.М. Плётневой, Омск



*С В.И. Молодиным,
Новосибирск, 2015 г.*

*С Ю.П. Чемякиным,
Суздаль, 2008 г.*



*С А.П. Деревянко,
Новосибирск, 2007 г.*



*С В.В. Бобровым,
Томск, 2007 г.*



*С И. Фодором,
Томск, 2013 г.*



*С Е.П. Казаковым,
Йошкар-Ола, 2005 г.*



*С Н.А. Томиловым,
Омск, 2011 г.*



*С Л.Т. Яблонским,
Томск, 2016 г.*

*С А.И. Бобровой, Л.М. Плетнёвой,
М.П. Чёрной, Т.Н. Троицкой,
Новосибирск, 2015 г.*



*С В.М. Кулемзиным,
Ю.Ф. Кирюшиным,
В.И. Молодиным,
Томск, 2001 г.*



В с. Подгорном, 2011 г.

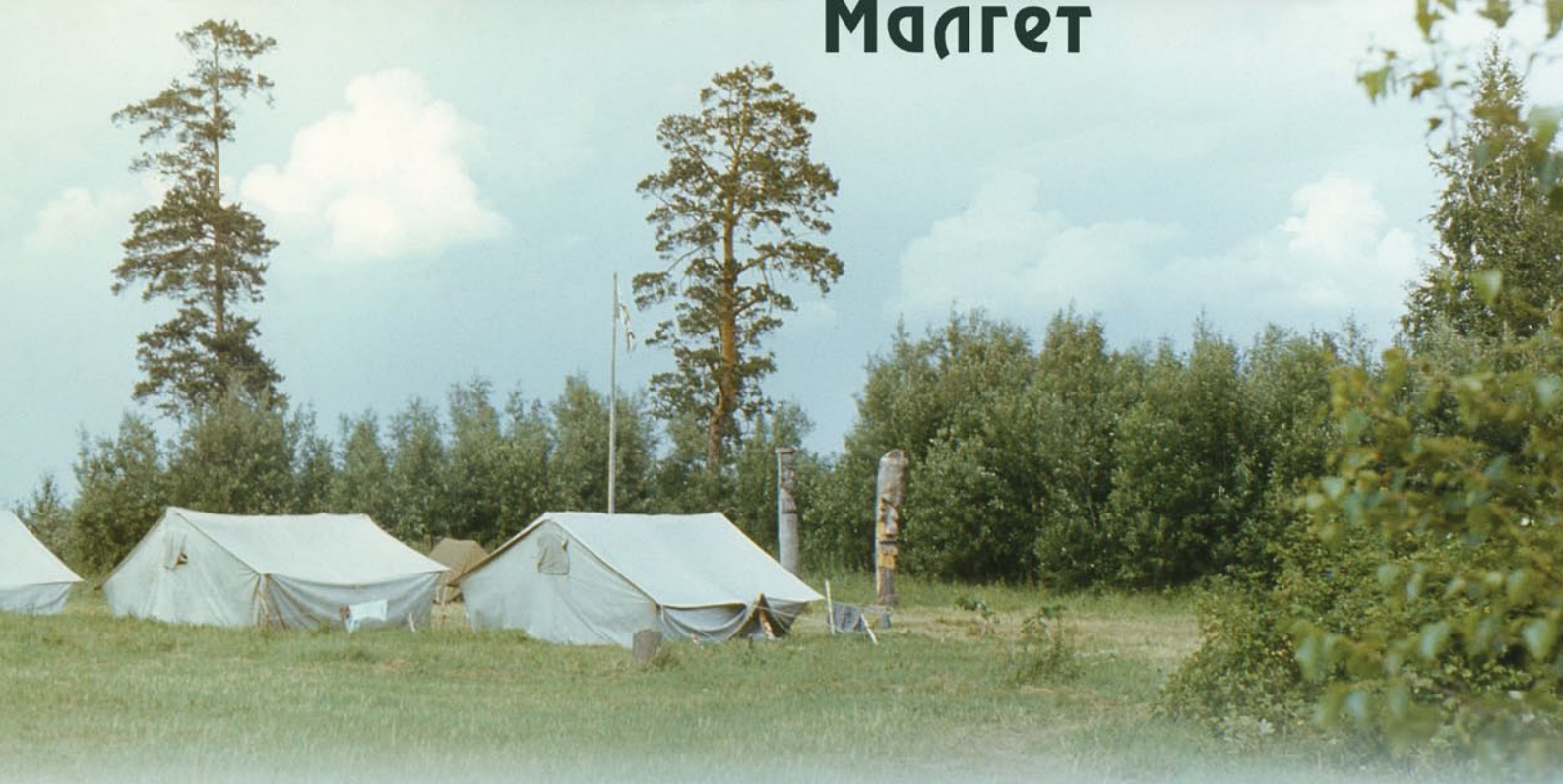


*С М.П. Чёрной, Д.Г. Савиновым,
Томск, 2013 г.*

гора Кулайка



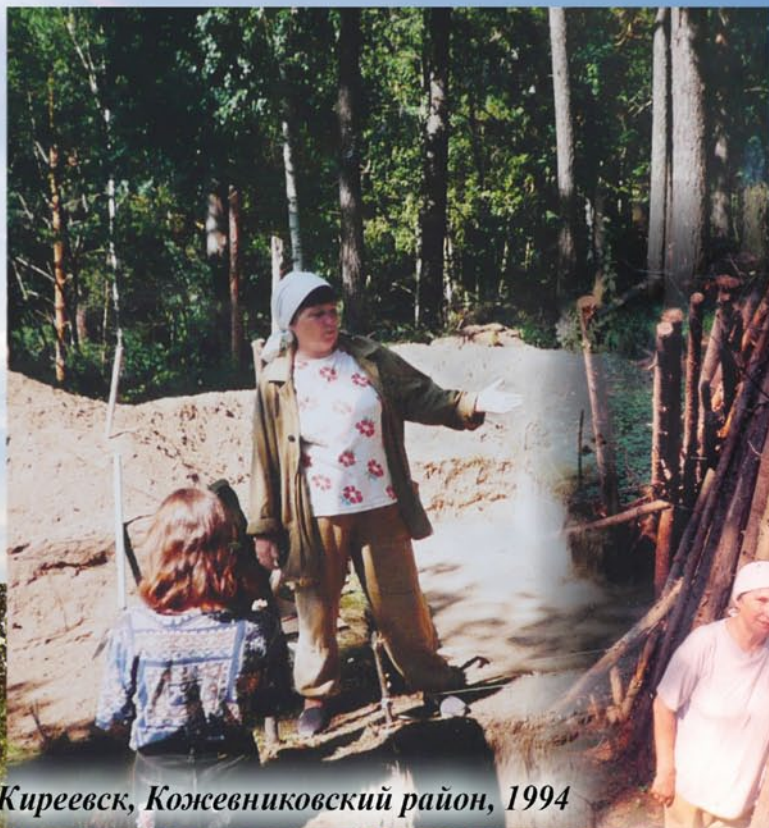
Малгет



Рёнка



Вид с ЮВВ (фото Н.С. Розова, 1964 г.)



Киреевск, Кожевниковский район, 1994



С ружьем
в разведке, 1965



Мысовая, Колпашевский район, 1985 г.
экспериментальная археология

В разведке, 1965 г.

На Малгете



Песня у костра. Городище Новоягодное II на р. Иртыш, 1963 г.

УЧЕНИКИ



*С А.И. Бобровой и
Л.А. Тимофеевой (Синкиной)*



*С малгетянами: В.А. Демешкин, Ю.В. Балакин,
Д.В. Воронин, Л.Н. Смолякова, В.П. Андреев,
Н.М. Журавель (Сулягина),*



С Е.В. Барсуковым



С В.И. Семёновой



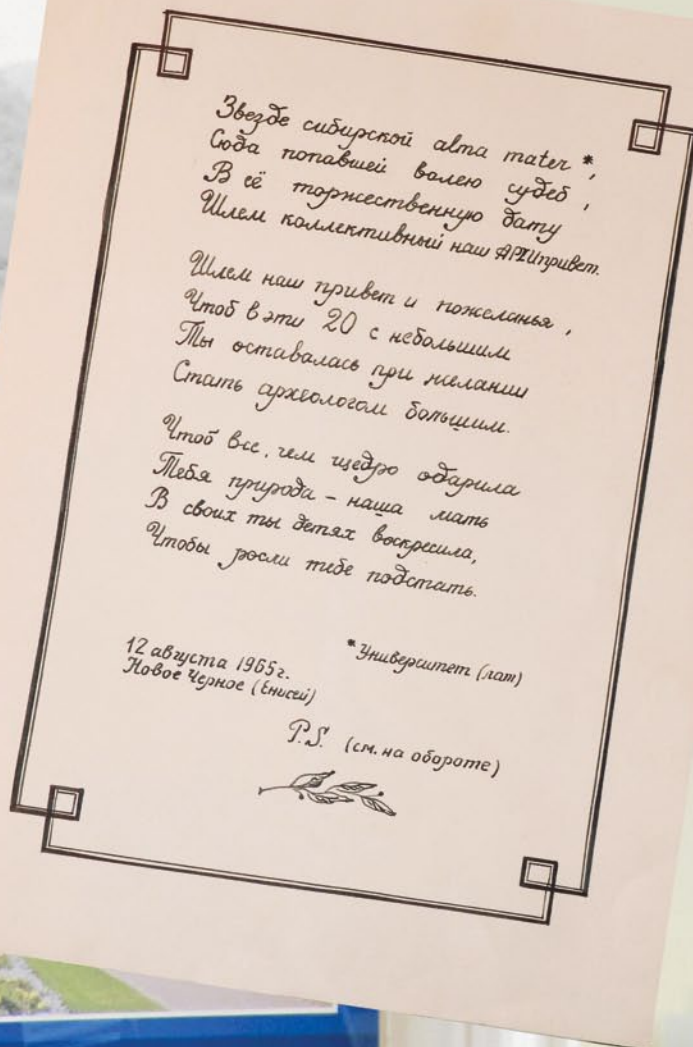
На Малгете с П.А. Марковым и С.А. Терехиным



В окружении студентов

ХОЗЯЙКА





АДМИНИСТРАЦИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ



ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

награждается

ЧИНДИНА

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА -

профессор

кафедры археологии и исторического краеведения
 ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
 за многолетнюю плодотворную работу,
 большой вклад в становление и развитие
 археолого-этнографической науки в Западной Сибири.

Губернатор
 Томской области



[Signature]

В.М.Кресс

май 2010 года



ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПОЧЕТНАЯ
 ГРАМОТА



Раздел II



Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время





Л.Ю. КИТОВА

Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет
Л.А. ЧИНДИНА И ТОМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В статье определены основные условия зарождения и критерии формирования археологической школы в Томске. В первую очередь музей археологии и этнографии ТГУ стал первым специализированным структурным подразделением, ориентированным на археологию в Сибири и базой для зарождения археологической школы. Введение в учебный план подготовки студентов специализированных дисциплин и подготовка учеников являются важными критериями формирования научной школы. Отмечено, что Л.А. Чиндина внесла существенный вклад в становление археологической школы в Томске, выдвинув оригинальную концепцию культурно-исторического развития в Западной Сибири. Эта концепция послужила неформальной исследовательской программой для ее учеников и основой для неформального возникновения и сплочения научного коллектива.

Ключевые слова: археологическая школа, условия зарождения и критерии формирования, ТГУ, Л.А. Чиндина.

L. Yu. KITOVA

Russia, Kemerovo, Kemerovo State University
L.A. CHINDINA AND TOMSK ARCHAEOLOGICAL SCHOOL

The article identifies the basic conditions of foundation and the criteria for the formation of Tomsk archaeological school. Primarily, Tomsk University's Museum of Archeology and Ethnography became the first specialized structural unit in Siberia focused on archeology and formed the basis for the archaeological school. Introduction of specialized disciplines in the curriculum of training students and preparation of disciples are important criteria for the formation of a scientific school. The author emphasizes the fact that L.A. Chindina made a significant contribution to the formation of Tomsk archaeological school, putting forward an original concept of cultural and historical development in Western Siberia. This concept served as an informal research program for her students and the basis for the informal emergence and consolidation of the scientific team.

Keywords: Key words: archaeological school, conditions of foundation and criteria of formation, Tomsk State University, L.A. Chindina.

Людмилу Александровну Чиндину бесспорно можно отнести к создателям Томской археологической школы. Она – одна из тех идейных лидеров, которые обладают знаниями, опытом, организаторскими способностями, достаточными для скоординированной деятельности своих последователей. Л.А. Чиндина выдвинула оригинальную концепцию культурно-исторического развития в Западной Сибири, ставшую определенной исследовательской программой для ее учеников и послужившую фундаментом для неформального возникновения и сплочения научного коллектива. На это ясно указывает тематика докторских и кандидатских диссертаций, защищенных под ее руководством [Диссертации..., 2009. С. 33], а также долговременное (36 лет) руководство ею учебно-научной студенческой лабораторией «Археолог». Научные работы Людмилы Александровны по кулайской и рёлкинской культурам считаются базисом сибирской археологии. В последние годы ею написаны увлекательные и бесценные с точки зрения истории археологии воспоминания и статьи о старших коллегах, исследователях археологии Сибири. Все публикации Л.А. Чиндиной, как впрочем, и других томских коллег, должны послужить основой для создания серьезного и многопланового труда о Томской археологической школе. Это задача будущих исследований. Я остановлюсь на характеристике этапа ее зарождения.

Томская археологическая школа прошла длительный период формирования. И создавалась она иногда вопреки всему. Начало целенаправленного развития науки в Сибири в первую очередь связывается с основанием первого Сибирского университета. Известно, что его долго не могли открыть, да и место размещения не сразу нашли. Первоначально считалось, что университет необходимо основать в Иркутске. Город был признанным центром Азиатской России, и в середине XIX века в нем были наиболее сконцентрированы интеллектуальные ресурсы, в том числе в 1782 г. в Иркутске был открыт первый музей в Сибири, в 1851 г. – первая общественная научная организация – Сибирский отдел Русского географического общества. Тем не менее, после долгих перипетий правительство принимает резолюцию о создании университета в Томске. Такое решение обусловлено тем, что Иркутск чересчур революционный город, в котором полно политических ссыльных, и открытие университета может только усилить эту прослойку вольнодумными студентами



[ИГУ, 2017]. Так Томску было предписано (1878 г.) стать первым университетским городом в Сибири. Как известно, из-за дефицита финансирования и профессорско-преподавательских кадров был образован только один медицинский факультет. Тем не менее, Томску повезло, первым попечителем Западносибирского учебного округа был назначен В.М. Флоринский, увлечением которого была археология и раньше университета (1888 г.), открылся музей археологии и этнографии (1882 г.). История музея имеет обширнейшую библиографию, обстоятельная сводка сведений о деятельности музея содержится в статье Ю.И. Ожередова [2008]. Отметим лишь то, что музей стал первым специализированным структурным подразделением, ориентированным на археологию в Сибири. Именно его создание и дальнейшее пополнение археологическими коллекциями, их систематизация заведующим музеем В.М. Флоринским, привлечение им меценатов и исследователей (А.В. Адрианов, С.К. Кузнецов, Н.Ф. Кащенко, С.М. Чугунов), сделало музей археологии и этнографии ТГУ базой для зарождения археологической школы.

К сожалению, и к началу XX в. в Томске не были открыты историко-филологический факультет, где обычно студентам читались лекции по античной и славяно-русской археологии, а также естественное отделение физмата, на котором вводились курсы по палеоэтнологии, антропологии, этнологии. Традиционно преподаватели, трудившиеся на этих отделениях в европейской части России занимались и археологическим изучением региона. Несмотря на это, томские исследователи внесли свою лепту не только в открытие археологических памятников разных эпох, но и в разработку новых методов исследования.

Так, например, зоолог, профессор Н.Ф. Кащенко предложил планиграфический метод раскопок Томской палеолитической стоянки, метод вскрытия широких площадей. При раскопках стоянки он использовал квадратную сетку, чтобы четко фиксировать все артефакты, которые на плане раскопа изобразил в цвете [Кащенко, 1901]. С.А. Васильев обратил внимание на факт поразительной предусмотрительности Н.Ф. Кащенко, который собрал древесные угли, и впоследствии по ним была получена радиоуглеродная датировка памятника [Васильев, 2008. С. 14].

А.В. Адрианов стал основоположником научного подхода к фиксации наскальных рисунков, разработал новые методы копирования петроглифов: точная фиксация изображений путем изготовления эстампажей или фотографирования.

Следующий этап формирования археологической научной школы в Томске связан с 1918–1922 гг.

Известно, что длительная борьба сибирского научного сообщества за открытие историко-филологического и физико-математического с геолого-географическим отделением факультетов увенчалось успехом. Решение было принято в 1916 г., но удалось его реализовать только Временному правительству 1 июля 1917 г. В период гражданской войны резко возрастает количественно и качественно профессорско-преподавательский состав Томского университета, в том числе он пополняется археологами и этнографами. Это – С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, В.Ф. Смолин, Ф.А. Фиельструп, А.К. Иванов. Об этом я неоднократно писала [Китова, 2005; 2007. С. 31–51; и др.], и нет необходимости освещать это снова. Но для выявления истоков формирования научной школы важно то, что впервые в план обучения студентов ТГУ были включены дисциплины, связанные с древней историей Сибири и археологией, а также появились дополнительные учреждения, кроме музея археологии и этнографии ТГУ, заинтересованные в изучении и сохранении памятников древности. Так, профессор Руденко читал по кафедре географии на естественном отделении физмата следующие дисциплины «Введение в этнографию», «Антропологию», «Сравнительную этнографию»; С.А. Теплоухов вел занятия по физической антропологии и читал самостоятельный курс «Доисторическая антропология Сибири» [ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31. Л. 37, 63, 148–153]. В.Ф. Смолин преподавал на историко-филологическом факультете Томского университета и участвовал в создании Томского краевого музея, Томского губернского архива и службы по охране памятников искусства и старины в Томской губернии. Именно В.Ф. Смолин при учреждении Института исследования Сибири (ИИС) предложил открыть отдел истории, археологии и этнографии, высказал ряд новых идей об организации археологического обследования Сибири, поднял вопрос об археологической этике и правилах археологических исследований [1919. С. 97–99]. С появлением историко-филологического факультета ТГУ, губернских краеведческого музея, архива, службы охраны памятников создавался благоприятный фон для развития на новом уровне исторического знания в целом, а также древней истории и археологии региона в частности.

С.И. Руденко и С.А. Теплоухов читали специальные лекции по антропологии и антропометрии, палеоэтнологии и эргологии; В.Ф. Смолин – по проведению археологических разведок на курсах ИИС для подготовки исследователей, желающих работать в экспедициях или собирать коллекции для школьных музеев [ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 32. Л. 22, 127. Д. 40. Л. 2, 22].

Именно в этот период началась подготовка первых учеников-археологов. Под руководством С.И. Руденко и С.А. Теплоухова занимались научными исследованиями следующие студенты: М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, А.Н. Глухов, Ю.М. Голубкина, Е.А. Гуковский. Они выезжали вместе с преподавателями в археологические экспедиции. В.Ф. Смолин отвечал за составление археологической карты Сибири. В этой работе ему



помогал студент И.М. Мягков. К сожалению, коренное реформирование высшего образования в Томске привело к оттоку преподавателей и студентов из Сибири, и в формировании археологической школы наступил упадок.

Тем не менее, сохранение музея археологии и этнографии, деятельность его заведующего А.К. Иванова давала надежду на возрождения археологических исследований в Томске. Такая попытка представилась в 1940 г. и связана она с восстановлением исторического образования в сибирских университетах.

Томскому университету повезло больше чем Иркутскому. В Томск были сосланы археолог, профессор К.Э. Гриневич и филолог, профессор А.П. Дульзон, первый преподавал в университете, второй – в пединституте. Однако Великая Отечественная война отодвинула подготовку историков еще на несколько лет. Систематические исследования в Томской области они начали в конце войны. В 1944–1946 гг. была проведена комплексная экспедиция по изучению урочища Басандайка близ г. Томска [Басандайка, 1947]. Вокруг К.Э. Гриневича и А.П. Дульзона стала складываться молодая группа единомышленников, но в 1948 г. была проведена очередная «чистка», К.Э. Гриневич, видимо, попал в последний момент в ряды кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и был уволен из университета [Матюшенко, 2001. С. 121]. А.П. Дульзон продолжил исследования памятников позднего средневековья в низовьях р. Чулым и на правом берегу Оби далее, и тем самым заложил интерес к этой теме у последующих томских исследователей.

Появление такого лидера в Томске как В.И. Матюшенко и складывание вокруг него неформального коллектива учеников и завершила долговременный период зарождения научной школы. Далее, с 1970-х гг. идет процесс ее дальнейшего развития, и, на наш взгляд, становление археологической научной школы связано с именем Л.А. Чиндиной. Ещё раз повторюсь, что этот вопрос требует глубокой проработки и серьезного исследования.

Подводя итог написанному, можно отметить, что Томск как ни один другой центр в Сибири с созданием университета и музея археологии и этнографии в нем уже в XIX веке имел преференции для зарождения базы научной школы. В 1920-е гг. впервые появились лидеры и их ученики для дальнейшего формирования этой школы, но внешние обстоятельства оказались разрушительными и процесс формирования направлений научных исследований и создания разновозрастного научного коллектива был остановлен и даже отброшен к XIX веку. Заново он восстановился с возрождением исторического образования ТГУ. Именно во второй половине XX в. **заново появятся лидеры, у них ученики, сформируются программы научного исследования**, будет накоплено методологическое и методическое наследство, придет признание коллег из других регионов.

Дорогая Людмила Александровна, Вы приложили много усилий для процветания археологии в Сибири, Ваш научный вклад фундаментален! Я желаю Вам, чтобы Ваши ученики и ученики Ваших учеников оказались достойны Вас и не менее успешно развивали традиции Томской археологической школы! Многие лета Вам!

Литература

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / ред. К. Э. Гриневич. Томск: ТГУ; ТГПИ, 1947. 220 с.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 177 с.

Диссертации, написанные под руководством Л.А. Чиндиной // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: Сборник, посвященный юбилею Л. А. Чиндиной. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2009. С. 33.

ИГУ. История открытия. Режим доступа: http://www.isu.ru/ru/about/history/history_discovery.html (дата обращения 20.05.2017).

Кащенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. СПб., 1901. 60 с.

Китова Л.Ю. Томск как центр археологического изучения Сибири в 1920–30-е годы // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 68–75.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.

Матюшенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. Т. I. Омск: ОмГУ, 2001. 178 с.

Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 21–38.

Смолин В.Ф. Организация археологического обследования Сибири // Труды Съезда по организации Института исследования Сибири. Ч. 3. Томск, 1919. С. 97–99.





И. Фодор

Венгрия, Будапешт, Венгерский Национальный музей

ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ

В статье рассматривается вопрос о роли личности в науке на примере положения дел в гуманитарной отрасли знания Венгрии и России. Опираясь на свой профессиональный и жизненный опыт, автор обозначает критерии, которым должен соответствовать истинный ученый. По его мнению, в последнее время всё чаще можно наблюдать проявления недобросовестности в науке: распространение политического давления в научных организациях, злоупотребления руководителей своей властью, нарушения научной этики. Преданные науке ученые должны противостоять таким явлениям. Автор уверен, что это возможно, и приводит в пример видного томского археолога – Л.А. Чиндину.

Ключевые слова: научная мораль, воспитание молодежи, лучший пример.

I. Fodor

Hungary, Budapest, Hungarian National Museum

PERSONALITY IN SCIENCE

The article deals with the role of the individual in science on the example of the situation in the humanitarian branch of knowledge of Hungary and Russia. Based on his professional and life experience the author denotes the criteria, which a true scientist should correspond to. In his opinion, in recent times, it has become increasingly possible to observe manifestations of dishonesty in science: spreading of political pressure in research institutions, leaders' abusing of their power, and violations of scientific ethics. Committed to science, researchers must resist such phenomena. The author is sure that this is possible, and cites an example of a prominent Tomsk archaeologist – L.A. Chindina.

Keywords: research ethics, scientific morality, education of youth, the best example.

Два года тому назад редакцией венгерского журнала в Трансильвании, в г. Клуж-Напока (венг. Коложвар) был опубликован сборник под заглавием «Мастерская историка», в котором 14 венгерских историков (в том числе и автор этих строк) вспоминали о своем жизненном пути и высказали мнение о методике исторических исследований в наше время. Автор, начавший интересоваться историей с детства, вспомнил, как преподавали этот предмет в школе, как сформировались его интересы в университете, каковы были первые шаги в науке. Хотя автор специально не занимался исследованиями теоретических вопросов истории, понятна их актуальность и значимость для развития науки, а некоторые вопросы, связанные с ролью личности в научных исследованиях, были затронуты в одном из очерков [Fodor, 2015. С. 47–64].

На первый взгляд нет ничего особенного в том, что исследователей в любой отрасли науки называют учеными. Однако я часто вспоминаю слова своего старого друга, известного по всей Европе видного археолога и художника, профессора Дюла Ласло (1910–1998). Он мне однажды сказал: «Знаешь, я думаю, нас неправильно называют учеными. Ученые ведь когда-то разбирались во всех отраслях науки. Их называли полихисторами. Но в XX в. таких ученых уже нет. Мы разбираемся не в науке вообще, а лишь в одной из её узких отраслей, и наша специализация со временем становится все уже и уже. Мы являемся просто исследователями».

Думаю, он был прав. Несомненно, с усилением специализации кругозор наших знаний все более сужается. Это неизбежный процесс, который часто уже не ускоряет, а, наоборот, тормозит развитие данной отрасли науки, что особенно чувствуется при необходимости обобщения полученных результатов и часто приходится прибегать к помощи других наук. Например, археолог при анализе материала древнего могильника нуждается в помощи этнографии, антропологии и естественных наук. Однажды я послушал весьма интересную лекцию знаменитого венгерского профессора Альберта Сентдьердьи, лауреата Нобелевской премии, открывателя витамина С, работавшего после войны в США. Он сказал, что при исследовании лечения раковых заболеваний он намного чаще обращается не к биологии, а физике. В наше время мы свидетели процессов, идущих одновременно: специализации по научным отраслям и интеграции наук.

Всё-таки кого можно называть ученым? Известный венгерский тюрколог, Д. Немет в книге о жизни и деятельности лингвиста З. Гомбоца пишет, что человек, имеющий глубокое и систематическое образование,





знающий колоссальное количество данных благодаря своей исключительной памяти – еще не является ученым. Ученому, главным образом, свойственна рассудительность, при помощи которой он сможет отделить важное от неважного [Németh, 1972. С. 29].

Но ценится ли это свойство при оценке научной деятельности? К сожалению, у нас ответ является определенно отрицательным. В Венгрии научный сотрудник должен написать минимум три обширных диссертации и две-три монографии такого же объема. Это ничто иное, как фетишизация количества научной продукции, причем часто без особого внимания на качество. Эти работы отнимают у молодых специалистов чрезмерно много времени, и, что особенно досадно, время от действительно творческой работы. Нестановительно научные сотрудники шутят: Дмитрия Менделеева сейчас бы выгнали из любого академического института, т.к. у него было всего семь публикаций (добавлю, Конрада Рентгена тоже, ведь описание своего открытия заняло у него лишь полторы страницы).

Можно было бы подумать, что фетишизацией количества научной продукции руководство стремится стимулировать научные исследования и заставить интенсивнее работать научных сотрудников. По этому поводу я хочу обратить внимание «начальников» от науки на справедливое замечание А.А. Формозова: «Творческие люди не могут не работать» [2005. С. 156]. Самое главное, творческие люди научные достижения не измеряются математическими методами или старательным администраторами. Творческий труд могут оценить лишь другие одаренные люди.

Важно, кто судит о научных работах: серьезные специалисты или «избранные» люди? Печально, что в большинстве случаев последние. Играет роль и положение диссертанта. Если он входит в круг влиятельных ученых (открыто говоря: во влиятельную научную «мафию»), оппоненты и комиссия не будут строгими, судить будут доброжелательные дилетанты и полудилетанты по данной тематике (которые свои научные степени получили таким же образом). Мы часто можем наблюдать, что научные степени получают исследователи недостойные этого, нередко потому, что им хотят помочь, облегчить условия жизни. Однако эта доброжелательность нередко несет в себе опасность, ведь через некоторое время люди, получившие таким образом степень, могут играть решающую роль в руководстве научного учреждения.

Моральное состояние ученых особенно важно в гуманитарных науках. Известно, к какому ущербу может привести недобросовестность в исследованиях [Формозов, 2005. С. 29–53]. Эти люди иногда на долгое время могут ввести в заблуждение научное общество, а лженауку выдавать за истину. В наше время это тоже нередкое явление, чему способствует легкая доступность к электронной печати. Таким путем полубразованные проходимцы легко могут делать блестящую карьеру, печатать якобы значительные научные открытия, хотя они незнакомы даже с основными методами и положениями данной науки. И они весьма популярны и среди публики. Ведь в их работах не бывает сомнений, они всегда трактуют ясные и для всех понятные «научные соображения». И причем приятные для посторонних соображения. При этом очень часто они играют на чувствах национализма и превосходства над соседними народами. Это давний и тысячу раз опробованный рецепт фальсификаторов истории. Естественно, они всегда являются покорными слугами политической власти: сегодня одной, завтра другой, всегда стоят первыми в очереди у денежного мешка, любой ценой стремятся к власти в науке и не всегда без успеха, создают «научные мафии», беспринципно поддерживая друг друга в разных научных комиссиях и советах.

Не могу не отметить беспрецедентное и открытое переплетение политической власти с аморальными историками в Венгрии, в стране с тысячелетней европейской культурой. Несколько лет назад в Будапеште был создан институт из историков, специалистов по новейшей истории Венгрии под названием Веритас (лат. Veritas: истина, правда), в котором за двойную-тройную зарплату устанавливают «истинную» историю новейшей эпохи, естественно, такую, которую хотят слышать их работодатели. К этому нечего добавить.

Абсолютно не хочу сказать, что перечисленные случаи являются преобладающими в нашей науке. Но они есть и их отвращающее воздействие очевидно, с чем научное сообщество не должно мириться.

Именно моральное превосходство большинства научных исследователей должно вытеснить из науки подобные явления и подобных людей.

Можно еще долго перечислять отрицательные и добрые примеры морального состояния ученых. Однако эти примеры в большинстве своем были бы более или менее отвлечены от знакомых нам личностей. Хочу хотя бы вкратце представить моральные качества живущей среди нас ученой, юбилей которой мы сейчас отмечаем – Людмилы Александровны Чиндиной. Ее личность очень показательна в науке, т.к. ей довелось в своей яркой научной деятельности проявить свою удивительную разносторонность и моральную стойкость.

Людмила Александровна, во-первых, внесла огромный вклад в изучение западносибирской археологии. Ею открыто и изучено большое количество памятников, особенно железного века и средневековья. Особо следует отметить памятники кулайской археологической культуры, в исследовании которой она про-





явила высокие качества своего творческого таланта. Она продемонстрировала, как археологический материал должен быть использован в качестве исторического источника и обосновала роль кулайского населения в этнической истории Западной Сибири [Чиндина, 1984]. Людмила Александровна проявила смелость, отстаивая свою позицию в вопросах этногенеза и расселения самодийских народов, оппонировав таким ученым, как В.Н. Чернецов [1973. С. 12–14] и Е.А. Хелимский [Helimskij, 1996. С. 2–3], которые высказали гипотезу о расселении самодийцев на Верхнем Оби и на Саянах еще в неолите. Л.А. Чиндина противопоставила новую теорию о появлении самодийцев на этих территориях намного позже, около начала нашей эры [Chindina, 1994. С. 18–19]. Этим она показала, что уважение к нашим великим предшественникам не должно препятствовать высказыванию своих убеждений, даже в том случае, если выводы являются пока лишь гипотезами, но гипотезами обоснованными, на которых базируются новые достижения науки.

Во многих случаях, читая научные публикации Людмилы Александровны, можно заметить обращение автора к выводам и фактам других научных дисциплин. Это неслучайно, зная широкий интерес ученой. К этому необходимо добавить, что Западная Сибирь – территория ее научного творчества – является золотым запасом этнографии и фольклора, данные которых часто играют роль «языка» при объяснении археологического материала.

Посчастливилось Людмиле Александровне еще и в том, что она не только изучает, но и преподает археологию. Это возможность воспитывать молодые поколения археологов, преподавать им пример добросовестного обращения с историческими фактами и морального поведения в науке. Один из ее бывших студентов, Ю.В. Балакин пишет: «Я совершенно уверен в том, что Людмила Александровна учила нас не только археологии и вообще какой бы то ни было науке, но учила также внимательному отношению к ученикам, к студентам – столь нужному ученому и преподавателю» [2009. С. 9].

Л.А. Чиндина не просто преподает археологию, но старается формировать личность студентов, чтобы в будущем они стали исследователями достойного морального облика. И она это делает в нелегких условиях. Преподаватели вузов знают, что человеческие качества студентов формируются не только их учителями, но в большей мере обществом, в котором они живут. Влиять на этот процесс могут только сильные личности. Такие, как Людмила Александровна.

Литература

Балакин Ю.В. О человеческих качествах и интуиции ученого (к юбилею Людмилы Александровны Чиндиной) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: К юбилею Л.А. Чиндиной. Томск: Аграф-Пресс, 2009. С. 8–10.

Формозов А.А. Человек и наука. (Из записей автора.) М.: Знак, 2005.

Чернецов В. Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. (Сборник в честь В.Н. Чернецова). М.: Наука, 1973. С. 10–17.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.

Chindina L.A. The sources of formation of the selkups and their dialectal groups // Specimina Sibirica. Red. J. Pusztay. Tomus X. Savariae, 1994. Pp. 17–26.

Fodor I. A régmúlt köveinek vizsgálata a változó időben // A történetész műhelye / Kovács Kiss, Gy. (ed.). Kolozsvár: Komp-Press Kiadó, Korunk, 2015. Pp. 47–64.

Helimskij E. A szamojéd népek vázlatos története / Budapesti Finnugor Füzetek. Vol. 1. Budapest, 1996.

Németh Gy. Gombocz Zoltán. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972.





А.С. Вдовин, Н.П. Макаров

Россия, Красноярск,

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Красноярский краевой краеведческий музей

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ ТОМСКА И КРАСНОЯРСКА

В статье раскрываются научные связи археологов Томска и Красноярска конца XIX – начала XXI в. П.С. Проскуряков, И.П. Кузнецов-Красноярский, А.В. Адрианов, В.И. Анучин, стали авторами многих открытий в Енисейской губернии Томской области. Полученные ими коллекции стали экспонатами Красноярского городского музея и Музея археологии и этнографии им. В.М. Флоренского при Томском университете. С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов успешно исследовали древности Енисея, неоднократно выступая в Красноярске с результатами своих работ. В периодизации древних культур Южной Сибири С.А. Теплоуховым были учтены материалы, добытые сотрудниками Музея Приенисейского края. В Томском университете получили образование, активно занимавшиеся археологией студенты-красноярцы Е.Р. Шнейдер, А.А. Предтеченский, Н.В. Нащекин. Современный период характеризуется регулярными публикациями и участием исследователей Томского и Красноярского научных центров в археолого-этнографических конференциях.

Ключевые слова: Томск, Красноярск, археология, этнография, научные связи, XIX–XXI вв.

A.S. Vdovin, N.P. Makarov

Russia, Krasnoyarsk,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev,

Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

TO THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL SCIENTIFIC TIES BETWEEN TOMSK AND KRASNOYARSK

The article presents scientific relations of Tomsk and Krasnoyarsk archeologists in the late XIX and the early XXI centuries. P.S. Proskuryakov, I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, A.V. Adrianov, V.I. Anuchin are the authors of many discoveries in the Tomsk and Yenisei provinces. Their collections became exhibits of the Krasnoyarsk City Museum and Museum of Archeology and Ethnography named after V.M. Florinsky at Tomsk State University. S.I. Rudenko, S.A. Teploukhov, M.P. Gryaznov were successful in the antiquities research of Yenisei. They repeatedly reported the works' results in Krasnoyarsk. S.A. Teploukhov made the periodization of ancient cultures of Southern Siberia and considered the materials found by the staff of the Priyeniseysky Region Museum. Krasnoyarsk students – E.R. Schneider, A.A. Predtechensky, N.V. Nashchekin – have got an archaeological and geological education at Tomsk State University. Researchers of the Tomsk and Krasnoyarsk scientific centers regularly make publications and participate in archaeological and ethnographic conferences on the modern period.

Keywords: Tomsk, Krasnoyarsk, archeology, ethnography, international relationships, XIX–XXI centuries.

В XIX веке многие представители сибирской интеллигенции увлеченно занимались изучением родного края. Не были исключением и Томск с Красноярском. В первую очередь это было связано с открытием в этих городах таких научно-образовательных учреждений как гимназии, учительские семинарии, музеи и первого в Сибири университета.

Открытие университета позволило одному из выходцев красноярской семьи золотопромышленников – И.П. Кузнецову, получать здесь высшее образование (1888–1891 гг.) [Ожередов, 2004. С. 178–179]. Увлечшись археологией, исследователь с 1880-х первым проводит раскопки могильных курганов карасукской культуры, а также памятников разных эпох в родной ему Минусинской котловине. В Томске выходит ряд его работ посвященных археологии Енисейской губернии [Кузнецов-Красноярский, 1889, 1908]. В конечном итоге, из коллекций И.П. Кузнецова-Красноярского передано музею ТГУ им. В.М. Флоренского более 2400 предметов археологии и этнографии.

Другой известный красноярский купец И.Г. Гадалов, желая ознаменовать день празднования первой годовщины Томского университета, принес в дар приобретённую им за 2050 руб. у англичанина П.А. Бойленга археологическую коллекцию, собранную в пределах Енисейской губернии, которая состояла из 765 бронзовых и железных предметов: кельтов, кинжалов, зеркал, серпов, ножей, стрел и украшений [Вдовин и др., 2015. С. 64–96].





Еще одна коллекция насчитывающая более 30 кремневых наконечников стрел передана музею университета из Красноярска П.Е. Островских [Отчет ..., 1891. С. 246–247].

В 1889 г. в Красноярске по инициативе интеллигенции возникает краеведческий музей. Его первым консерватором избран наставник учительской семинарии П.С. Проскуряков. Интерес к археологии проходит через всю его жизнь. По поручению ВСОРГО П.С. Проскуряков обследует в Енисейской губернии пещеры по Белому и Черному Июсу, обнаруживает рунические надписи, исследует курганы в окрестностях Красноярска.

Интереснейшая коллекция с изделиями, находящие аналогии, по современной терминологии, в кулайской культуре Западной Сибири, обнаружена исследователем в ходе раскопок Айдашинской пещеры близ г. Ачинска [Молодин и др., 1980].

После отъезда из Красноярска, П.С. Проскуряков с 1901 по 1907 г. работает помощником инспектора студентов Томского университета. Накопленный опыт археологических исследований в Енисейской губернии П.С. Проскуряков использует для изучения древностей Томской губернии. В 1905 г. он получает открытый лист на право проведения археологических раскопок в пределах Чарышской волости Змеигородского уезда.

Красноярск и Томск тесно связывает имя еще одного исследователя – А.В. Адрианова. Археологические раскопки 1887 и 1889 гг. в Томске, а затем в Минусинской котловине поставили имя А.В. Адрианова в ряд наиболее опытных археологов Сибири.

Красноярский период его жизни приходится на 1901–1905 гг. Переехав по служебным делам в Красноярск в сентябре 1901 г. он был избран правителем дел Красноярского подотдела ВСОРГО. После передачи городского музея в ведение подотдела до выбора штатного консерватора А.В. Адрианов был фактически руководителем музея, а затем активно участвовал в его деятельности и пополнении коллекций. А.В. Адрианов обращается с письмом в подотдел о своих исследовательских планах: «По поручению археологической комиссии я с нынешнего года начал производить раскопку курганов в Красноярском уезде. По всей вероятности, этого рода работы будут производиться мной ежегодно, пока я живу в Красноярске. Видное место между материалами раскопок занимают костяки и глиняные сосуды, которые мне, казалось бы, полезным сосредоточить на месте, в музее подотдела» [ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 17. Л. 103].

Уже в Красноярске выходит в свет, написанная им ранее, инструкция к собиранию материала для составления археологической карты Енисейской губернии [Адрианов, 1902а]. Летом 1902 г. А.В. Адрианов и В.И. Анучин раскапывают у с. Частоостровское два позднеатагарских кургана с бронзовыми изделиями в сопроводительном инвентаре [ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.]. Тогда же, Императорская археологическая комиссия рекомендовала ему заняться исследованием писаниц [Дэвлет, 2004. С. 37]. В соответствии с этими пожеланиями А.В. Адрианов копирует писаницы по правобережному притоку Енисея р. Мана, где насчитывает 204 фигуры животных и человека, выполненных темно-красной краской [Адрианов, 1910. С. 1–34]. Наиболее интересные писаницы были сфотографированы исследователем.

В 1903 г. А.В. Адрианов доставил в музей из Минусинского уезда пять плит песчаника с выбитыми на них изображениями. На улице при входе в музей поставлено 2 каменных изваяния в виде головы медведя и антропоморфного изображения с высоким головным убором. На другой могильной плите была вырезана руническая надпись [Краткий обзор, 1906. С. 35]. Работая ревизором акцизного управления и исполняя обязанности правителя дел подотдела, А.В. Адрианов использовал обе должности для составления археологической карты Енисейской губернии. Чиновники должны были проводить опрос населения о древних памятниках, описывать их и наносить на карту. Каждому он вручал «Наставление» и вышедшую ранее в Томске «Курганографию» [Адрианов, 1884], а также записную книжку и карту уезда. Работа по составлению карты велась очень активно, однако материалы, видимо, остались необработанными. Во всяком случае, в архивах А.В. Адрианова карты не обнаружены, хотя имеется картотека памятников и отчеты отдельных чиновников.

Почти столетие спустя авторами данной работы в архиве Красноярского краевого музея была обнаружена «Карта Минусинского округа с указанием главнейших археологических памятников». Она вполне могла принадлежать А.В. Адрианову, и он мог составить ее в красноярский период своей жизни. В основу ее была положена известная к тому времени археологическая карта Д.А. Клеменца, но, вместе с этим, она значительно дополнена некоторыми материалами. В частности, при сравнении этих двух карт мы наблюдаем различные подходы к вопросу классификации археологических памятников. В условные обозначения вынесены следующие памятники: «Местонахождение ископаемых млекопитающих, местонахождение каменных орудий, местонахождение медных и бронзовых, городище, писаницы, рунические камни, каменная баба, граница распространения курганов, курганы плоские с камнями, курганы плоские со сплошной каменной оградкой, курганы плоские с насыпью без камней, курганы плоские с насыпью с камнями, чаа-тас, каменный курган с маяком, каменный курган с несколькими маяками, круглая киргизская могила, пещеры со следами обитания, древний рудник, остатки плавильни или кузницы» [КККМ. О/ф. 10704/46].



Из содержания карты видно, что автор подробно ознакомился с литературой и нанес на нее места раскопок И.Г. Гмелина возле Ужура; В.В. Радлова – у оз. Божье и Аскиза; Титова – в верховьях р. Бирь, у д. Ушкуль; И.Р. Аспелина – на р. Тесь; И.С. Боголюбского – на р. Изынжуль; П.С. Палласа – на р. Аскиз; М.А. Кастрена – у с. Означенное; Н.И. Попова – в верховьях р. Абакан. Нанесены также раскопки А.В. Адрианова, И.Т. Савенкова, Д.А. Клеменца, И.П. Кузнецова-Красноярского за период до 1886 г. При этом, большое внимание составитель уделял писаницам, что косвенно указывает на авторство карты А.В. Адрианова.

Подотдел с признательностью принял подаренные А.В. Адриановым эстампажи рунических надписей, найденные по рекам Уйбату, Означенной, Теси и на горе Туран [ИКПРГО, 1905.С. 38].

А.В. Адрианов находил время и на проверку сообщений с мест, проводя раскопки костей животных и памятников разных эпох. В 1902 г. археолог проводит исследования остатков мамонта у с. Сухобузимское. О результатах проверок и своих исследованиях он регулярно докладывает на заседаниях подотдела. В фонде КОРГО Красноярского Госархива хранится немало таких сообщений о разных исследователях и событиях. «Председатель А.В. Адрианов во исполнение данного ему поручения в бытность свою в с. Сухобузимо навел справки об остатках мамонта, кость которого была доставлена В.Ю. Григорьевым и доложил Распорядительному комитету о результатах наведения справок особой запиской. Постановлено: записку А.В. Адрианова напечатать в приложении к книжке «Известий». Действительно, вскоре такая заметка, информирующая красноярцев о сухобузимском мамонте, появляется в трудах общества [Адрианов., 1902б].

Особенно значимыми для науки были раскопки 1903 г., которые А.В. Адрианов провел у Саргова улуса и в Оглахтинской горной системе. В общей сложности было раскопано 22 кургана эпохи энеолита, железного века и средневековья. В Томске исследователь публикует первые результаты работ [Адрианов, 1903], а в Красноярске, 8 сентября и 31 октября, докладывает подотделу о раскопках могильника Оглахты. А.В. Адрианов представил хорошо сохранившуюся одежду из кожи и меха, погребальные лицевые маски, бронзовые и железные изделия, деревянную посуду, а также зерна проса двухтысячелетней давности. Фактически раскопками Оглахтинского могильника и предшествующими находками на о. Тагарском А.В. Адрианов положил начало изучению самобытной тагтыкской культуры Енисея.

В самом Красноярске в сентябре 1904 г., А.В. Адрианов произвел раскопки у подножия Афонтовой горы, обнаружив кости мамонта, оленя и др. животных [Отчет КПВСОРГО за 1904].

Плодотворная и многогранная деятельность А.В. Адрианова в Красноярске заканчивается в 1905 году. В начале года его переводят по службе в г. Иркутск с характерной формулировкой для политически неблагонадежного человека – «за излишнюю ревность к науке» [Дэвлет, 1997. С. 49–53].

Возможно, что именно кураторство Красноярского музея в Географическом обществе, после возвращения в Томск определило назначение в 1907 г. А.В. Адрианова заведующим Музеем археологии и этнографии ТГУ.

В первые годы красноярского периода деятельности А.В. Адрианова его партнером в археологических изысканиях был В.И. Анучин.

Василий Иванович Анучин родился в 1875 г. в с. Базаиха Енисейской губернии. В 1891 г. он окончил Красноярское духовное училище, а в 1896 г. четыре класса Томской духовной семинарии. С осени 1897 г. В.И. Анучин учится в Петербургском Археологическом институте, одновременно возглавляя Красноярское студенческое землячество. В столице В.И. Анучин знакомится с видными учеными – В.В. Радловым, Л.Я. Штейнбергом, Д.А. Клеменцем, входит в число ближайших знакомых Г.Н. Потанина. После окончания археологического института в Санкт-Петербурге и последующей работы в МАЭ Анучин вновь возвращается в Красноярск.

Противоречивую личность Анучина обвиняли во многих фальсификациях. В тоже время, только в красноярский период им был выполнен значительный объем разноплановых исследований.

В 1903 г. он проводит раскопки кургана раннего железного века у с. Сухобузимское [Анучин, 1903. С. 131–132]. Кроме того, с кургана близ с. Абаканское исследователем были доставлены в Красноярск плиты с изображением собаки и всадника на лошади [Отчет КПВСОРГО, 1904. С. 158]. Исполняя поручение Распорядительного Комитета, летом 1904 г. В.И. Анучин совершает ряд поездок в Сухобузимское и другие пункты Красноярского уезда для обследования церковных архивов [ТАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 51. Л. 34–42]. Значительная роль принадлежала В.И. Анучину в изучении местных наречий, о чем свидетельствует публикация «Материалы к областному словарю сибирского наречия» [Анучин, 1904. С. 158]. 13 декабря 1904 г. В.И. Анучина на общем собрании Красноярского подотдела ВСОРГО избирают правителем дел. В 1905 г. ученый по поручению подотдела и на его средства приобрел 52 экспоната по этнографии кетов. Среди них оказались предметы повседневного быта, орудия производства и одежда [Двадцатипятилетие, 1915. С. 37; КККМ. О/ф. Кол. № 1520].

Казалось бы, А.В. Адрианов и В.И. Анучин могли только дополнять друг друга. Но В.И. Анучин рядом проступков восстановил против себя интеллигенцию Красноярска, а А.В. Адрианов стал его непримиримым





мым оппонентом. Уже в Томске, куда вернулись оба исследователя, А.В. Адрианов выступает с резкими обвинениями против В.И. Анучина [1917]. При этом сам Адрианов, оказавшись в Томске, не теряет связи с Красноярском, выступая посредником в общении научной общественности данных центров. Так в ряде писем Г.Н. Потанину он обращается с просьбой защитить от нападков недоброжелателей директора Красноярского городского музея А.Я. Тугаринова и даже подыскать ему место работы в Томске [Там же, 2007. С. 206]. С другой стороны фигура А.Я. Тугаринова как правителя дел, а затем председателя Красноярского подотдела ВСОРГО, на долгие годы становится связующим звеном между Томском и Красноярском. Будучи известным орнитологом и географом Тугаринов многое делает и для изучения древностей, приглашая и всячески подерживая во вверенном ему музее специалистов археологов.

Важным событием для развития науки в Сибири был Съезд по организации «Института исследования Сибири», который состоялся с 15 по 26 января 1919 г. в Томске. В составе института намечалось создать 6 отделов с подотделами, среди них историко-этнологический. Он ставил задачу изучения истории (включая археологию), этнографию и охрану всякого рода памятников старины и документов прошлого и настоящего.

Кроме того, на съезде была подчеркнута необходимость создания такого органа, который бы организовал регистрацию сибирских памятников старины, их охрану, а также их систематическое исследование. Такой орган должен был быть создан при Министерстве народного просвещения в виде особой «Временной археологической комиссии» с функциями ИАК. Накануне открытия съезда в газете «Свободная Сибирь» 21 декабря 1918 г. в разделе «Хроника» публикуется информация о заседании распорядительного комитета Красноярского подотдела РГО, на котором ставится вопрос об охране памятников старины Сибири. «А.Я. Тугаринов доложил о полученном предложении прислать своего представителя на съезд при Томском Институте исследования Сибири и на желательность для местного отдела возбудить на этом съезде вопрос об охране памятников старины в общесибирском масштабе. В настоящее время не функционирует ни Петроградская археологическая комиссия, которая давала разрешения на производство археологических раскопок по всей России, ни ученая архивная комиссия, в которой было сосредоточено управление русскими архивами, и без разрешения которой нельзя было ни уничтожить, ни отчуждать архивный материал. Вследствие отсутствия какой-либо охраны – памятники старины погибают. Было бы своевременным поручить охрану памятников исторических, археологических и палеонтологических местным отделам Географического общества, от которых бы зависело разрешение на раскопки и проч. Распорядительный комитет единогласно согласился с предложенными А.Я. Тугариновым мерами и поручил ему и В.П. Косованову разработать доклады для представления на съезде» [Свободная Сибирь. 1918. 21 декабря. № 180 (392)].

А.Я. Тугаринов принял активное участие в работе Съезда, выступил с докладом «Местные музеи Сибири и организация их деятельности». Это во многом определило избрание его на должность заведующего музеем созданного в Томске института [Журнал заседаний, 2008. С. 51].

В крупных городах Сибири (Красноярск, Иркутск, Якутск) были созданы местные отделения ИИС, чтобы согласовывать проводимые экспедиционные работы. В.Ф. Смолин, координатор этих работ, обращается в письме от 9.07.1920 г. из Томска в Красноярск к А.Я. Тугаринову: «Был бы Вам чрезвычайно благодарен также если бы Вы мне сообщили, кто в Ваших краях (Енис[ейской] губ[ернии] работает в области археологии. Мне хотелось бы знать всех работников над изучением прошлого Сибири» [НА КККМ. Оп. 1. Д. 372. Л. 161].

В сложные годы гражданской войны и первые годы советской власти в Красноярске работает целая плеяда исследователей древностей: Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский, Г.К. Мергарт, С.М. Сергеев, В.И. Громов. Все они, будучи штатными и внештатными сотрудниками музея, передавали в его фонды свои археологические коллекции. В тесном контакте с этой группой работали и томские археологи, что подтверждается рядом документов. В журнале Красноярского музея «Хроника истории музея за 1920 г.» отмечено: «2.VI/1920. Выехал в Минусинский уезд Г. Мергарт. ... На днях были члены экспедиции Томского университета С.А. Теплоухов, Л.И. Залесский едущие в Минусинский музей». При этом многие исследователи апробировали свои выводы о древностях региона именно на заседаниях в Красноярске. Так в протоколе заседания коллегии Красноярского музея от 23 сентября 1921 г. отмечено выступление проф. С.А. Теплоухова о результатах своих работ и вывод, что «Данные погребения можно отнести к трем культурам: Афанасьевской, Андроновской и культурам гробниц». При этом уточнено, что афанасьевская культура датируется концом неолита, а при характеристике андроновской культуры докладчик опирается на находки А.Я. Тугаринова бронзовых вещей в Андроновском могильнике [ГАКК. Ф. 795. Оп. 1. Д. 5. Л. 41–41].

На фотографии 1924 г. вместе с профессором В.А. Городцовым и красноярскими исследователями Афонтовой горы мы вновь видим С.А. Теплоухова, который в очередной раз встретился с сотрудниками Музея Принисейского края. Тогда же с уникальной находкой останков палеолитического человека на Афонтовой горы знакомится М.П. Грязнов, посвятивший им впоследствии отдельную публикацию [1932].

В эти годы в составе команды археологов Томска оказывается и красноярец Е.Р. Шнейдер, ставший студентом ТГУ.





Другим студентом географического факультета Томского университета стал в 1929 г. активный член археологического кружка в Красноярске А. Предтеченский. В этом ему помог руководитель кружка Н.К. Ауэрбах. Переписка Ауэрбаха и Предтеченского по этому поводу составляют целый роман с продолжением. В итоге, недавний абитуриент пишет своему наставнику счастливое сообщение: «1 февраля я сделался студентом 1 курса геологического отделения специалистов почвовед – по назначению. Ревердатт подписал на заявлении «не возражаю» без всяких рассуждений... сейчас во всю занимаюсь...» [Вдовин и др. 2015. С. 99]. Впоследствии А.А. Предтеченский стал крупным специалистом, доктором географических наук и многие годы возглавлял Красноярское геологическое управление.

В послевоенные годы еще один красноярец – Н.В. Нащекин заканчивает исторический факультет Томского университета. Став сотрудником Красноярского краевого краеведческого музея с 1963 по 1972 г., исследователь раскапывает десятки курганов андроновской, карасукской и тагарской культур на юге Красноярского края, а также разновременные поселения в Красноярской лесостепи и на Чулыме [Макаров, 1989. С. 161–163]. Наиболее яркой коллекцией собранной при участии Н.В. Нащекина стал уникальный Косогольский клад с высокохудожественными бронзовыми изделиями [Нащекин, 1967. С. 163–165].

Наконец, в 2007 году, сотрудник отдела археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея С.М. Фокин, будучи аспирантом ТГУ успешно защищает под руководством профессора Л.А. Чиндиной кандидатскую диссертацию «Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи».

Современный период взаимодействия научных центров Томска и Красноярска характеризуется регулярным участием исследователей в археолого-этнографических конференциях, обменом информацией по результатам экспедиционных исследований, публикациями полученных материалов.

Авторы не сомневаются, что многолетние научные связи двух региональных центров будут только упрочены сложившимися сегодня исследовательскими коллективами.

Литература

Адрианов А.В. Курганография Сибири. Обращение ко всем любителям старины и изучения края. Томск, 1884. 6 с.

Адрианов А.В. Наставление к собиранию материала для археологической карты Енисейской губернии акцизным разъездным надсмотрщикам. Красноярск, 1902а. 10 с.

Адрианов А.В. Нахождение костей мамонта и других допотопных животных в окрестностях с. Сухобузимского // Известия Красноярского Подотдела ВСОИРГО. Т. I. Вып. 4. Красноярск, 1902б.

Адрианов А.В. Огластинский могильник // Иллюстрированное прил. к газете. «Сибирская жизнь». Томск, 1903. № 249, 254.

Адрианов А.В. Писаницы по реке Мане // Записки ИРАО по отделению русской и славянской археологии. СПб., 1910. Т. 9. С. 1–34.

Адрианов А. Кто такой Анучин // Сибирская жизнь. 1917. 7 мая.

Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич ...» Письма к Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.) Серия «Сибирский архив» Т. 3).

Анучин В.И. Археологические исследования в Енисейской губернии // Отчет ИАК за 1903 год. С. 131–132.

Анучин В.И. Материалы к областному словарю Сибирского наречия. // Отчет Красноярского Подотдела ВСОИРГО за 1903 г. // Известия Красноярского Подотдела ВСОИРГО. Т. I. Вып. 6. Красноярск, 1904. С. 158.

Вдовин А.С., Дэвлет М.А., Кузьминых С.В. Коллекционирование древностей Енисея как социокультурный феномен // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 64–96.

Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923–1926 годы) + CD-приложение (фотоматериалы). Красноярск: КНУЦ, 2015. 201 с.

Грязнов М.П. Останки человека из культурного слоя Афоновой горы // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов об Иркутске // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1997. С. 49–53.

Журнал заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 51 с.

Известия Красноярского Подотдела ВСОИРГО. Т. 2. Вып. 2. Красноярск, 1906. 38 с.

Краткий обзор Красноярского городского музея // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Красноярск, 1906. Т. II. Вып. 3–4. 35 с.





Кузнецов-Красноярский И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.

Кузнецов-Красноярский И.П. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Вып. 1. Томск, 1908.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Книжное издательство, 1989. С. 131–189.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск. Наука, 1980. 208 с.

Нащекин Н.В. Косогольский клад // АО 1966. М., 1967. С. 163–165.

Ожередов Ю.И. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович // Томск от А до Я. Томск, 2004. С. 178–179.

Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1890 г // Томск, 1891. С. 246–247.

Отчет Красноярского подотдела ВСОРГО за 1903 г // Известия Красноярского Подотдела ВСОИРГО. Т. I. Вып. 6. Красноярск, 1904. 158 с.

Отчет Красноярского подотдела ВСОРГО за 1904 // ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

Протокол распорядительного комитета Красноярского подотдела ВСОРГО от 28.09.1902 // ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

Раскопки А.В. Адрианова в Красноярском уезде // ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

Свободная Сибирь. 1918. 21 декабря. № 180 (392).

Фокин С.М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи / Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 2007.





А.А. ИДИМШЕВ¹, Е.В. БАРСУКОВ²

Россия, Томск, ^{1,2}Национальный исследовательский Томский государственный университет

²Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**КОЛЛЕКЦИЯ «МИНУСИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ И.П. КУЗНЕЦОВА-КРАСНОЯРСКОГО»
В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (№ 8.1.41.2017), в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья посвящена коллекции археологических предметов, собранных в конце XIX начале XX века на территории Хакасии и юга Красноярского края известным исследователем Сибири и меценатом И.П. Кузнецовым-Красноярским. В Томский университет древности из Минусинского края поступили почти сто лет назад, в 1920 году. Обстоятельства и подробности передачи коллекции, а также ее «музейная» история восстанавливаются по сведениям документов архива МАЭС. Статья характеризует первый этап историко-этнографической работы с коллекцией и архивными материалами Музея археологии и этнографии Сибири.

Ключевые слова: минусинские древности, И.П. Кузнецов-Красноярский, Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета.

A.A. IDIMESHEV¹, E.V. BARSUKOV²

Russia, Tomsk, ^{1,2}National Research Tomsk State University

²Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS

**THE COLLECTION TITLED "THE MINUSIA ANTIQUITIES OF I.P. KUZNETSOV-KRASNOYARSKIY"
IN MUSEUM OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF TOMSK UNIVERSITY**

The article studies the collection of archaeological objects collected in the late nineteenth century to the early twentieth century in the territory of Khakasiya and in the south of Krasnoyarsk region by I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, the well-known researcher of Siberia and Maecenas. The collection's formation started in the late 1880s; it is the second one collected by I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy in these territories. The first archaeological collection from Minusa he divided into several parts which he handed to a number of institutions, including the Siberian University, in the 1880s. The antiquities from the Minusinsk region arrived in the Tomsk University nearly a century ago, in 1920. The circumstances and details of the collection's transfer as well as its 'museum' history are currently being reconstructed based on archival documents of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia (MAES). The article describes the first stage of exactly this work with the collection and the MAES archival materials.

Keywords: Minusinsk antiquities, I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk University.

В Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета (далее МАЭС ТГУ) хранится коллекция № 6272 включающая 843 инвентарных номера. В архивных материалах музея это собрание упоминается под разными названиями: «Коллекция металлических предметов, собранная Кузнецовым», «Коллекция покупных предметов из Минусинского края Кузнецова», «Коллекция № 5», «Минусинские древности» и т.д. Из перечня наименований следует, что предметы коллекции объединяет, во-первых, география экспонатов, ограниченная Минусинским краем, во-вторых, имя собирателя коллекции, выдающегося исследователя Сибири и мецената И.П. Кузнецова, известного с 1891 г. под псевдонимом «Кузнецов-Красноярский» [Беликова, 2002. С. 142].

«Минусинские древности» поступили в музей почти сто лет назад, в 1920 г., однако в полном объеме введены в научный оборот так и не были не только из-за многочисленности собрания, но и потому, что в тот период музейные фонды были практически свернуты. Пока «древности» «кочевали» по подразделениям университета в сопровождающие документы вкрался ряд неточностей, а в одной из описей собрание ошибочно приписано Степану Кировичу Кузнецову. Отдельные предметы из коллекции опубликованы и достаточно хорошо известны специалистам, но в сопроводительных текстах многое не соответствует истинному положению дел, прежде всего в указании географии находок и их инвентарных номеров.





Отмеченная ситуация обусловила необходимость анализа архивных источников, связанных с историей формирования коллекции и подробностями передачи предметов в музейные фонды. Изложению результатов проделанной работы посвящена данная статья.

Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский, потомственный почетный гражданин г. Красноярска, родился в 1851 г. в Минусинском округе в семье Петра Ивановича Кузнецова.

И.П. Кузнецов-Красноярский окончил Петербургскую частную гимназию Келлера. Был гласным городской думы, почетным смотрителем Красноярского уездного училища, активным членом общества попечения начального образования, почетным блюстителем Аскизского инородческого училища [Дело о постороннем..., Л. 4, 5], действительным членом Томского общества естествоиспытателей и врачей [Труды томского общества..., 1889. С. 9, 11, 20, 22], действительным членом Рязанской ученой архивной комиссии [Отчет о деятельности..., 1900. С. 36]. И.П. Кузнецов-Красноярский принимал участие в создании газет «Справочный листок Енисейской губернии» и «Енисей», состоял сотрудником иркутской «Сибирской летописи» (Сибирский архив) [Томск от А до Я..., 2004. С. 178, 179], издавал в Красноярске газету «Сибирская неделя» [Зуева, 2007. С. 117].

17 октября 1885 г. он был избран действительным членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества [Беликова, 2002. С. 142]. Научная деятельность И.П. Кузнецова-Красноярского была дважды отмечена именными наградными знаками Русского Географического общества и его Восточно-Сибирского отдела в 1895 г. и 1901 г. по случаю их пятидесятилетних юбилеев [Ожередов, 1994. С. 229].

С 1888 по 1891 г. он проходил обучение на медицинском факультете Императорского Томского университета в качестве «вольного» слушателя [Журнал заседания совета..., 1889. С. 81], а позже «постороннего» слушателя [Дело о постороннем..., Л. 1–11].

Он активно путешествовал, провел множество экспедиций по России, в Монголии, Урянхайскому краю, часто посещал Европу и США [Сысоева, 2010. С. 47]. Иннокентий Петрович был творческим человеком, неплохо рисовал, увлекался фотографированием, занимался художественным оформлением спектаклей, играл в любительских театральных постановках и ставил их. Известна его тесная дружба с известным художником В.И. Суриковым [Сысоева, 2010. С. 72].

И.П. Кузнецов-Красноярский скончался 13 января 1916 г. в Томске, оставив после себя не только добрую память, но и богатое научное наследие.

Интересы И.П. Кузнецова были обращены, по большей части, к истории и археологии Сибири, на это указывает огромное число его статей и заметок. Однако публикационная активность не отражает всего спектра его исследовательских увлечений. Многочисленные путешествия Иннокентия Петровича по миру имели целью изучение культурного наследия других стран и континентов (Монголия, Европа, США). Результатом этих поездок стало формирование разнообразных коллекций, значительное число которых попало в музейный фонд МАЭС: «Скандинавская» коллекция», «Предметы быта североамериканских индейцев», «Коллекция гольдов и гиляков из Амурской области», Минусинские древности» и т. д.

Сбор коллекций осуществлялся как посредством скупки артефактов у местного населения, так и в ходе археологических раскопок на территории Сибири. Для своего времени разведки и раскопки И.П. Кузнецов-Красноярский проводил на должном уровне – осуществлялась графическая фиксация и обмер раскапываемых памятников, грунт снимался послойно и тщательно просеивался [Белокобыльский, 1986. С. 76].

Находки из раскопок и собранные коллекции не были для И.П. Кузнецова «немыми» древностями. Они являлись основой для классификации археологических памятников Сибири, а также решения проблем хронологии и периодизации древних культур, причем материалом для этого выступали не только артефакты, но и петроглифы [Матюшенко, 2001. С. 46–47]. За продолжительный период своей исследовательской жизни, И.П. Кузнецов опубликовал множество статей и заметок в сибирских газетах. Однако настоящую известность и бессмертие в науке принесли его труды по археологии, истории и этнографии, в основе которых лежали результаты его экспедиций и путешествий.

Формирование коллекции № 6272, началось, вероятнее всего, в конце 1880-х гг. Судя по имеющимся материалам, это была не первая коллекция Минусинских древностей, собранная И.П. Кузнецовым-Красноярским. Такое заключение можно сделать на основании сведений самого исследователя, согласно которым первую собранную коллекцию из Минусы он разделил на несколько частей и передал в 1880-х гг. нескольким учреждениям: Археологическому Музею Томского Университета [Флоринский, 1888. С. 97–103; Флоринский, 1890. С. 164–166, 167–186, 213–216, 225, 227–228; Флоринский, 1898. С. 338, 340–341, 345–349, 357–362, 367–368, 375], Московскому Историческому Музею, Императорской Археологической Комиссии и Минусинскому Музею [Кузнецов-Красноярский, 1908. С. 1]. Исследователь сообщает: «после передачи коллекции, я снова занялся собиранием местных древностей, преимущественно медно-бронзового и железного



периодов...» [Кузнецов-Красноярский, 1908. С. 1]. По-видимому, результатом этого очередного «собирания местных древностей» явилась коллекция № 6272. В отличие от первого собрания, коллекция попала в один фонд – музея Томского университета, что случилось уже после смерти исследователя.

В 1916 г. большая часть коллекций И.П. Кузнецова-Красноярского, в том числе и археологическая коллекция минусинских древностей, досталась его наследнице О.И. Иваницкой¹. В архиве Музея имеются документы от 20 января 1920 г. о поступлении в Томский университет предметов, принадлежащих И.П. Кузнецову-Красноярскому. Интереснейшим документом является «дарственная» на имя заведующего Кабинетом географии Томского университета профессора С.И. Руденко. Согласно «дарственной», археологическая и этнографическая коллекции, архивные документы, а также книги, доставшиеся О.И. Иваницкой после смерти И.П. Кузнецова-Красноярского, передавались Томскому университету [Письмо О.И. Иваницкой... Л. 95–96]. Однако наследница не предполагала бессрочную передачу всех предметов. Во втором письме О.И. Иваницкой сказано, что переданные в Кабинет географии рукописи, художественные портреты и этнографические предметы, предоставлялись сроком на два года, с обязательством их возврата по её первому требованию или по требованию её правопреемников [Там же]. Несмотря на эти ограничения, условия передачи устроили С.И. Руденко. Предметы были приняты в Кабинет географии Томского университета, о чем свидетельствует составленное им заверение [Там же].

Состав передаваемых университету собраний восстанавливается по описи коллекций, прикрепленной к «дарственной» О.И. Иваницкой [Там же]. Общее число предметов составило 1694 экз. В число этих экспонатов входила коллекция скандинавских древностей, китайские вазы, рыцарские доспехи, монеты, иконы и др. 765 предметов из Минусинской губернии составили, по-видимому, будущую коллекцию № 6272. К сожалению, некоторые предметы были объединены в группы и записаны под одним номером, что не позволяет определить точное количество экспонатов.

Восстановление первоначального состава коллекции представляет несомненный интерес. При передаче материалов И.П. Кузнецова-Красноярского фонды Археологического музея были свернуты, музей, по сути, не функционировал. Предметы и архивные документы попали в Кабинет географии и только через несколько лет были переданы в музей, в комплексе с другими находящимися там собраниями. Сохранила ли коллекция полную комплектность за годы хранения в Кабинете географии, остается не ясным. Некоторые документы из архива музея позволяют предполагать первоначальный состав коллекции, а также происхождение экспонатов.

Факт передачи коллекции из кабинета географии в МАЭС фиксируется в следующем документе. Согласно акту от 20 мая 1929 г., из географического кабинета в Этнолого-археологический музей ТГУ были переданы археологические коллекции из сборов Теплоухова, Руденко, Грязнова и Гуковского по Минусинскому краю и отдельные предметы археологические, поступившие в кабинет географии от разных лиц, значащихся в Инвентарной книге географического кабинета под номерами 1–41 [Акт 1929 года... Л. 354, 358]. В данном списке под № 5, значится «Кол. покупных предметов из Минусинского края Кузнецова». В документе о передаче коллекций отсутствует какая-либо опись предметов, следовательно, нет сведений о составе коллекции № 5 на тот момент.

В «Реестре «Коллекции по доисторической эргологии Музея антропологии Томского университета» [Коллекции по доисторической..., Л. 421, 428], представленного в виде списка, отмечено 42 коллекции, пронумерованные по порядку, также указано число предметов в каждой коллекции. В списке под № 5 записана «Кол. покупных предметов из Минусинского края Кузнецова». Поскольку на некоторых предметах коллекции № 6272 сохранилась выполненная чернилами надпись: «Кол. № 5», можно утверждать, что речь идет об одном и том же собрании. Число предметов, которое указано для данной коллекции – 863. Согласно Книгам поступлений № 7 и № 8, количество предметов коллекции № 6272 равняется 843 единицам.

Еще один документ, где приводится количественный состав интересующей нас коллекции, это «Список недостающих экспонатов». В разделе «археологические коллекции Теплоухова, Руденко и др. 1920–21 года» [Список недостающих экспонатов..., Л. 476–481] также упоминается «Коллекция № 5». Согласно «Списку», на момент его составления в коллекции отсутствовало 73 номера. Стоит обратить внимание на то, что последний из перечисленных предметов имеет № 903, хотя в коллекции по сведениям актуальных Книг поступлений числится только 843 номера. Подобное противоречие находит объяснение при анализе другого документа – описи «Коллекции № 5 Кузнецова» [Коллекция № 5..., Л. 426–437]. Данный документ состоит из восьми пронумерованных листов плохой сохранности, в нем перечислены следующие категории данных: номера, материал изготовления, название предметов, место происхождения. Этот список состоит из 903 номеров, но на последнем листе имеется пометка – «В описи коллекции № 5 (6272) вкралась ошибка, после № 432 идет № 493. В новом каталоге номера с 432 идут правильно, на экспонатах номера исправлены

¹ Предположительно являлась женой И.П. Кузнецова-Красноярского, но данный факт установить не удалось.





с 432 по 843 вместо 492–903» [Коллекция № 5..., Л. 437]. Таким образом, вопрос о фиксации в документах разного количества предметов, объясняется ошибкой, допущенной при их маркировке. Установление этого факта имеет огромное значение при работе с экспонатами и их идентификации, так как на предметах, начиная с № 493, могли сохраниться ошибочно нанесенные номера.

Архивные документы указывают на то, что уже в первые десятилетия после передачи коллекции в ее составе были утраты. В «Описи недостающих предметов» от 30 ноября 1940 г. зафиксировано название коллекции и перечень утерянных предметов [Список недостающих экспонатов..., Л. 395]. Обозначено отсутствие 42 предметов, три из них имеют пометку «В краев. музее». Проверить эту информацию не удалось, никаких актов о передаче археологических предметов в архиве МАЭС не обнаружено.

Большой объем информации о коллекции содержится в реестре: «Коллекция предметов, добытых С.К. Кузнецовым в разных местах Южной Сибири. 6272», датированном 26 июлем 1956 г. [Опись коллекции предметов...]. По ошибке составителя реестра собрание было отнесено к коллекциям Степана Кировича Кузнецова, археологические материалы которого также хранятся в МАЭС ТГУ. В реестре отмечены номера предметов (843), дано их подробное описание и рисунки с размерами, а также недостающие экспонаты. На момент составления документа в списке отсутствующих числилось 154 номера, пять из которых были позже обнаружены. Видимо, этот документ стал основой при составлении всех последующих описей и реестров коллекции.

Вероятнее всего, рассматриваемая коллекция получила № 6272 после записи в документе под названием «Основной инвентарь Музея этнографии и археологии при Императорскомъ Томскомъ Университетѣ» [Основной инвентарь Музея..., Л. 57], который начали вести еще в 1888 г. Коллекция записана так: «Доставлена Кузнецовым. Минус. окр. Коллекция металлических предметов», в графе с названием коллекции также написана цифра 5, что может обозначать номер, под которым коллекция числилась раньше. К сожалению, подробности, в том числе и год записи, в данном документе отсутствуют.

На сегодняшний день, наиболее полная информация о коллекции № 6272 содержится в Книгах поступлений музея № 7 и № 8 под названием «Коллекция металлических предметов, собрана Кузнецовым. Из Минусинского уезда». В инвентарных книгах отмечены: инвентарный номер, дата записи (для данной коллекции не зафиксировано), наименование и описание предметов, количество предметов в данном инвентарном номере, размер и вес, степень сохранности, источник и способ поступления (у некоторых предметов отмечено место происхождения или приобретения), цена, отдел (археологический), примечания.

Стоимость всей коллекции, указанная в книгах поступлений, составляет 165 рублей 63 копейки, что соответствует ценам, которые были на момент формирования коллекции. Такой вывод можно сделать по сведениям, обнаруженным в документах фонда А.В. Адрианова. В его составе хранится письмо И.П. Кузнецова-Красноярского, адресованное Бруно Феодоровичу Адлеру в г. Казань [Рукописи И.П. Кузнецова-Красноярского..., Л. 70-95]. В письме приведен перечень предметов, предположительно из Минусинской губернии, и указана их стоимость, которая соответствует ценам из Инвентарных книг.

По данным учетных документов (Книга поступлений № 7, № 8), коллекция № 6272 насчитывала 843 инвентарных единицы (889 предметов). Часть предметов была утрачена в первой половине XX в. Согласно сведениям упоминавшегося «Списка недостающих экспонатов» от 30 ноября 1940 г., в коллекции отсутствовало 42 инвентарных номера [Список недостающих экспонатов..., Л. 395]. По акту от 7 марта 1957 г., не считались уже 103 номеров. На момент заполнения Инвентарных книг МАЭС № 7 и № 8 (25 июня 1970 г.) еще десять номеров в примечании имели пометку «списать», а два номера имели пометку «нет».

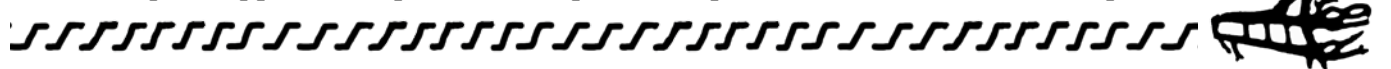
Еще одна важная группа источников, хранящихся МАЭС – рукописи и рисунки И.П. Кузнецова-Красноярского – позволяет получить информацию о части предметов из коллекции № 6272. Рисунки выполнены исследователем самостоятельно, комментарии к ним сделаны с подробным описанием внешнего вида предметов, размерами и упоминанием места происхождения или приобретения.

К сожалению, пока не удалось установить памятники, на которых были обнаружены предметы. Тем не менее, анализ архивных документов позволил определить место происхождения или приобретения для 361 инвентарного номера коллекции. Соотнесение географических указаний с современной топографией указывает на локализацию предметов в пределах современной Хакасии и юга Красноярского края, семи рек и 56 населенных пунктов данной территории. Совершенно очевидно, что название «Минусинские древности» коллекция получила не случайно. Картографирование имеющихся сведений указывает, что формирование коллекции не было хаотичным. Материал подбирался в пределах четко обозначенного района, интересовавшего исследователя. На сегодняшний день источниковедческая работа еще не завершена. Хочется надеяться, что изучение материалов И.П. Кузнецова-Красноярского, хранящихся в российских архивах и музеях, позволит определить не только происхождение экспонатов из коллекции, но и историко-культурный контекст их существования, что необходимо для полноценного введения в научный оборот собрания «Минусинских древностей».



Литература

- Акт 1929 года** мая 20 дня // Архив МАЭС ТГУ Д. 112. Л. 354, 358.
- Беликова О.Б.** «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. Т. 1. С. 140–162.
- Белокобыльский Ю.Г.** Бронзовый и ранний железный век южной Сибири: История идей и исследований, XVIII – первая треть XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 168 с.
- Дело о постороннем** слушателе медицинского факультета Иннокентия Петровича Кузнецова. 16 августа 1888 г. – 21 ноября 1892 г. // ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2398. Л. 1–11.
- Журнал заседания** совета Императорского Томского университета 15 сентября 1888 года // Известия Императорского Томского университета. Кн. 1. Отд. 1. Томск, 1889. С. 75–81.
- Зуева Е.А.** Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 2007. 219 с.
- Коллекция № 5.** Кузнецова // Архив МАЭС ТГУ Д. 112. Л. 426–437.
- Коллекции по доисторической** эргологии Музея антропологии Томского университета // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. Л. 421, 428.
- Кузнецов-Красноярский И.П.** Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск: Типо-Литография Сибирского Т-ва Печатного Дела, 1908. Вып. 1. 26 с.
- Матюшенко В.И.** Триста лет истории сибирской археологии. Т. I. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 179 с.
- Ожередов Ю.И.** Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны. Сыктывкар, 1994. С. 225–229.
- Опись коллекции** предметов, добытых С.К. Кузнецовым в разных местах Южной Сибири. 6272 // Архив МАЭС ТГУ.
- Основной инвентарь** Музея этнографии и археологии при Императорскомъ Томскомъ Университетѣ // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. Л. 57.
- Отчет о деятельности** Рязанской ученой архивной комиссии за 1899 г. Рязань: Типография Губернского Правления, 1900. 44 с.
- Письмо О.И. Иваницкой** // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. Л. 95–96.
- Рукописи И.П. Кузнецова-Красноярского** // Архив МАЭС ТГУ. Ф. 868. П. 76. Л. 70–95.
- Список недостающих** экспонатов // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. Л. 476–481.
- Список недостающих** экспонатов. 30 ноября 1940 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. 111. Л. 395.
- Сысоева Л.А.** Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2010. 120 с.
- Томск от А до Я:** краткая энциклопедия города. Томск: НТЛ, 2004. 439 с.
- Труды Томского** общества естествоиспытателей // Известия Императорского Томского университета. Кн. 1. Отд. 1. Томск, 1889. 32 с.
- Флоринский В.М.** Археологический музей Томского университета. Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1888. 155 с.
- Флоринский В.М.** Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. С. 156–337.
- Флоринский В.М.** Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1898. С. 338–378.



УДК 902/904:551(571.1)

А.М. Малолетко

Россия, Томск,

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ГЕОЛОГИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Древнее население Западно-Сибирской низменности получало каменный материал из различных источников. Наиболее ценными были сливные песчаники в эоценовых рыхлых отложениях. Наиболее посещаемыми были разрезы эоценовых отложений в верховьях р. Кеть (500 км от Малгета) и Черепанов брод у станции Яя (350 км).

Ключевые слова: источники каменного сырья, Малгет, геология, эпоха, бронзы.

A.M. MALOLETKO

Russia, Tomsk, National Research Tomsk State University

GEOLOGISTS OF THE BRONZE AGE

The ancient population of the West Siberian lowland received stone material from various sources. The most valuable was draining sandstones in the Eocene unconsolidated sediments. The most visited were the cuts of Eocene sediments in the upper reaches of the Ket' river (500 km from Malget) and Cherepanov ford near the Yaya station (350 km).

Keywords: sources of stone raw materials, Malget, geology, the Bronze Age.

Осенью 1975 г. томский археолог Людмила Александровна Чиндина пригласила меня и своего аспиранта Юрия Кирюшина посетить любимый ею памятник Малгет недалеко от городка Колпашево.

Памятник расположен на песчаном бугре, поросшем сосняком, который как остров выделяется на заболоченной пойме р. Шуделька. Ямы от бывших жилищ указывают на то, что в древности – в эпохи бронзы и раннего железа (3000–2000 лет назад) остров был заселён. По жилищу VI получена радиоуглеродная дата 2890 ± 45 лет (СОАН-1042).

По возвращении в Томск Л.А. Чиндина предложила познакомиться с каменной коллекцией по Малгету. Особое внимание привлекла каменная форма для открытого литья небольшого ножа. Форма была изготовлена из гальки плагиоклазового порфирита, но по назначению не была использована: мастер нанёс излишне резкий удар, и форма по микротрещине развалилась на две части. Можно вообразить, как был раздосадован мастер, сведя к нулю свои долгие и кропотливые усилия. Мастер в сердцах одну половинку бросил в сторону болота, другую – на песчаный бугор. Первый обломок был покрыт пятнами окислов железа, поверхность другого была идеально чистой.

– Я ещё скажу, на каком языке ругался мастер, – хвастливо заявил я.

На это ушло три года старательных поисков. В итоге родилась версия о приходе в Западную Сибирь 3,5 тысяч лет назад скотоводов с Южного Урала, куда они пришли с Северного Кавказа (Дагестан?). Они проникли в зону южной тайги, которая в то время была не столь сильно заболочена. Особенно полно история этих скотоводческих племён получена по их поселению на берегах оз. Тух-Эмтор (бассейн Васюгана).

Среди просмотренного материала (260 предметов) были определены интрузивные и эффузивные породы (41 предмет), метаморфические (48), осадочные (44), кремнистые (62). Среди последних были сливные песчаники. Это светло-серые иногда желтоватые очень плотные (сливные) породы с характерным кремнистым стеклообразным цементом, в который погружены зёрна кварца и кварцита. В древности (с неолита?) это был самый популярный в Сибири камень. Из него изготавливались самые различные орудия труда и предметы вооружения. Популярность камня объяснима: сливные песчаники не были хрупкими, как, например, кварц или кварцит, хорошо поддавались обработке приёмами двусторонней отжимной ретуши, имели высокую твёрдость (7 по шкале Мооса). Сливные песчаники широко распространены в континентальных отложениях верхнего мела и эоцена по периферии Западной Сибири. Они не образуют сплошного горизонта, а залегают в виде линз, разбитых на крупные глыбы. Известны у Томска и Красноярска, на площади Казахского мелкосопочника, около Арала и вдоль восточного склона Уральских гор.

Сливные песчаники везде имеют сходный облик, поэтому конкретные источники сырья не всегда можно определить. Но на Малгете орудия изготавливались из розовых и мясо-красных сливных песчаников,

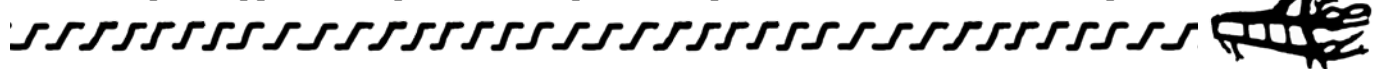


которых в коренном залегании известны только в верховьях р. Кеть. (более 500 км от Малгета). Обилие отщепов свидетельствует о том, что на Малгет поступал необработанный камень, из которого здесь изготавливались орудия.

Древним жителям Малгета были известны не только верховья Кети. Среди отщепов сливных песчаников был найден обломок палеозойских морских организмов – сетчатой мшанки и кораллов (табуляты). По своим физическим свойствам (малый объёмный вес, низкая твёрдость) обломок для древнего человека не представлял ценности. По-видимому, он привлёк внимание необычным сетчатым рисунком и был взят как диковина – презент из дальних краёв при отборе сливных песчаников. Совместное нахождение девонских карбонатных отложений с мшанками и кораллами и эоценовых рыхлых отложений с линзами сливных песчаников известно только по р. Яя у Черепанова Брода в приустьевой части р. Золотой Китат, недалеко от железнодорожной станции Яя. Только здесь на выходах палеозойских скальных пород с окаменелостями залегают палеогеновые рыхлые отложения с линзами сливных песчаников. От Малгета до Черепанова Брода напрямую 350 км.

Единственное посещение Малгета дало мне больше, чем знакомство со многими статьями по этому памятнику. У меня сложилось живое, а не книжное представление о нём. В важности личного знакомства с объектом я убедился, работая в геологической экспедиции: невозможно понять буровую скважину только по керну, аккуратно уложенному в керновые ящики, пока не побываешь на месте бурения, даже после ухода оттуда буровой установки.

...А неудачливый мастер, не сумевший выбрать подходящий камень для изготовления формы открытого литья, ругался на кетском языке.



УДК 902.2/904 (574.3)

А.З. Бейсенов, Г.А. Базарбаева

Казахстан, Алматы, Институт археологии им. А.Х. Маргулана

СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОЙ ЭПОХИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект № 2982/ГФ4 “Сарыарка в системе культур раннего железного века Степной Евразии”

В статье впервые анализируются данные по совместным погребениям тасмолинской культуры (VIII–V вв. до н. э.). Несмотря на многолетнюю историю археологического изучения памятников сакского времени Центрального Казахстана, материалы по совместным погребениям отложились в период с конца 1980-х годов. К настоящему времени раскопками изучено свыше 210 погребений тасмолинской культуры. Из данного количества погребений всего семь являются совместными (3 %). Эти комплексы распределяются следующим образом: три индивидуума в одном погребении встречено единожды; парные погребения мужчин и женщин зафиксированы трижды; трижды встречено захоронение взрослого с ребенком. Анализ комплексов с совместными погребениями позволяет сделать вывод об элитарности этих памятников, а также о том, что истоки традиции создания таких памятников кроются в эпохе бронзы.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, ранний железный век, тасмолинская культура, эпоха саков, курган, совместное погребение.

ARMAN Z. BEISENOV, GALIYA A. BAZARBAYEVA

Kazakhstan, Almaty, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan

JOINT BURIALS OF THE SAKA ERA OF CENTRAL KAZAKHSTAN

The work was done with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project № 2982/GF4 "Saryarka in the system of the Early Iron Age cultures of the Steppe Eurasia"

For the first time the data on joint burials of the Tasmola culture (8–5 centuries BC) is analyzed in the article. Despite the long history of archaeological study of the Saka monuments in Central Kazakhstan, materials on joint burials have been gathered since the late 1980s. To date, over 210 burials of Tasmola culture have been studied due to excavations. Only nine of them are joint (3 %). These complexes are distributed as follows: three individuals in one burial are met once; paired burials of men and women are recorded thrice; the burial of an adult with a child was recorded thrice. The analysis of complexes with joint burials allows to draw a conclusion about the elitism of these monuments, and also that the origins of the tradition of creating such monuments lie in the Bronze Age.

Keywords: Central Kazakhstan, Early Iron Age, Tasmola culture, Saka era, kurgan, joint burial.

Исторически сложилось так, что значительная часть степных просторов Казахстана в царское время относилась к Сибирскому генерал-губернаторству, поэтому к изучению края причастны учреждения, функционировавшие в Томске, Омске, и других городах Сибири. В организации и послевоенном развитии науки Казахстана ключевая роль принадлежит выпускнику Томского политехнического института 1926 г. Канышу Имантаевичу Сатпаеву [Сатпаева], первому президенту Академии наук КазССР. Город Томск издавна известен научными и учебными заведениями. ТомГУ, одно из крупнейших учебных заведений Сибири, имеющее давние добротные традиции, до сих пор оставляет за собой славу кузницы профессиональных кадров. К плеяде выдающихся выпускников ТомГУ относится и Людмила Александровна Чиндина, чей почтенный юбилей отмечается в 2017 г. Солидное количество публикаций по вопросам изучения памятников раннего железного века Сибири в библиографическом списке юбиляра [Чиндина Людмила Александровна], замечательные научные результаты, продемонстрированные на страницах книг и статей, ярко свидетельствуют о значимости данного периода в творчестве Л.А. Чиндиной.

В настоящем сообщении вводятся в научный оборот данные, полученные в результате анализа материалов по тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Систематическое изучение памятников древности в этом регионе начинается в 1946 г. – с момента создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук – Центрально-Казахстанской (ЦКАЭ). У истоков этого исторически важного формирования стояли такие личности как К.И. Сатпаев и А.Х. Маргулан [Бейсенов, 2015a].

Эпоха саков в Центральном Казахстане представлена памятниками тасмолинской культуры, выделенной в 1960-е гг. М.К. Кадырбаевым. В настоящее время в нашем распоряжении имеются материалы более чем 210* [*Сводка еще не полная] погребений сакского времени. К моменту начала работ М.К. Кадырбаева уже был известен ряд памятников раннего железного века. Анализ имевшихся данных, а также новые раскопки позволили исследователю в 1959 г. успешно защитить в ЛО ИА АН СССР кандидатскую диссертацию [1959]. Серия новых открытий приходится на вторую половину 1950-х – 1960-е годы, когда в рамках проекта по трассе канала Иртыш–Караганда проводились масштабные исследования двумя отрядами ЦКАЭ – А.М. Оразбаева, направленного на изучение древностей бронзовой эпохи и М.К. Кадырбаева, исследовавшего памятники раннего железного



века. Маршруты экспедиций охватывали изучение берегов р. Шидерты [Маргулан и др., 1966]. Результатом этих исследований стало выделение тасмолинской культуры. [Кадырбаев, 1966]. Начиная с конца 1980-х гг. исследования по тасмолинской культуре были продолжены и ведутся до сих пор экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством А.З. Бейсенова. Импульс в изучении памятников раннего железного века Центрального Казахстана и в целом республики был получен благодаря реализации государственного стратегического проекта “Культурное наследие”, инициированного Н.А. Назарбаевым в 2004 г. В рамках мероприятий по данной программе были получены принципиально новые данные, обогащающие имевшиеся представления о тасмолинской культуре [Бейсенов, 2007; 2015б; 2016а; Бейсенов, Ломан, 2008; 2009].

Предметом исследования предлагаемой публикации являются так называемые совместные погребения, выявленные в памятниках тасмолинской культуры. На основании археологических и радиоуглеродных данных эта культура сейчас датируется периодом VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов, 2015б; Beisenov et al., 2016]. В Центральном Казахстане совместные погребения выявлены в ходе раскопок следующих могильников: Акбеит, к. 2; Бирлик, к. 15, к. 16; Карашоки, к. 1; Кызыл, к. 4; Нуркен-2, к. 6; Талды-2, к. 2.

Данные о половой принадлежности погребенных, возрасте, а также параметрах наземных надмогильных конструкций, могильных ям и элементах сопроводительного комплекса рассмотрим в таблице (табл. 1). Палеоантропологический анализ проводился группой специалистов: А.О. Исмагуловой, Е.П. Китовым и А.О. Китовой [Бейсенов и др., 2015].

Таблица 1. Данные по комплексам с совместными погребениями из могильников тасмолинской культуры (по: Бейсенов и др., 2015; неопубликованные материалы А.З. Бейсенова)

Название памятника и номер кургана	Параметры кургана, м. я., дромоса (м)	Пол и возраст погребенных				Элементы сопроводительного комплекса
		Муж.	Жен.	Взр.	Реб.	
Акбеит, к. 2	d – 20, h – 2,9; м. я. 2x1,8; гл. м. я. 1; дромос 9x0,6; гл. дромоса 0,2–0,3	35–45	45–55 35–45			Погр. ограблено. Находок нет.
Бирлик, к. 15. Оsn. курган из комплекса КСУ*	d – 12, h – 0,6; м. я. 3,8x2,5x2,5; сдвоен. ящик 2,9x2,23x0,54 (h)		25–35 (лев. скелет)		13–14 (прав. скел.)	Сдвоен. ящик. В р-не груди лев. скелета найдено бронзовое зеркало без бортика с петелькой на обороте.
Бирлик, к. 16	d – 13, h – 0,45; надмог. соор. из крупн. плит 4x3,1; м. я. 3,5x2,45; гл. м. я. 2,8; двойной камен. ящик			+	+	Сдвоен. ящик. Погр. ограблено. Из находок неопределимые окислы от бронзовых предметов
Карашоки, к. 1.	d – 32, h – 2,05; м. я. 2,6x2,3; гл. м. я. 1; дромос 2,75x0,45–0,85; гл. дромоса 0,5			+	ок. 1 г.	Погр. ограблено. Фрагм. керам. и золотая ажурная накладка в виде изобр. кошач. хищн. Среди камней насыпи бронз. шило.
Кызыл, к. 4	d – 5,2x4, h – 0,55; надмог. соор. из крупн. плит 2,5x1,6; м. я. в верхн. части 2,2x1,2; м. я. в нижн. части 1,7x1,2; гл. м. я. 0,8	35–45 (прав. скелет)	35–45 (лев. скелет)			В насыпи фр-ты сосуда. Погребение подвергалось ограблению. В м. я. бронз. зеркало с боковой ручкой с фигурн. оконч.; погребенные покоились головой на камен. “подушках”. Полускорченная поза.
Нуркен-2, к. 6. Оsn. курган из комплекса КСУ	d – 9,5, h – 0,5; м. я. 3,2x1,8; гл. м. я. 2,2; камен. ящик	45–55 (лев. скелет)	35–45 (прав. скелет)			Находок нет.
Талды-2, к. 2	d – 63,5, h – 3,7; м. я. 1,5x2–2,25; гл. м. я. 0,6; дромос 14,7 x 1,2; гл. дромоса 1,5	45–55	≥55			Погр. ограблено. Изделия из золота: накладка в виде голов двух таутеке с птицей между ними (11)**; свернувш. кошач. хищн. (1), орел (12), подвески в виде зерен злака (31), гофрир. трубочки (8), бисер (5)

Примечания: *КСУ – курганы с усами; ** – в скобках обозначено количество.

Памятники, где обнаружены совместные погребения, локализуются в пределах восточного крыла Казахского мелкосопочника (рис. 1/ I). Могильник Бирлик находится в Баянаульском районе Павлодарской обл., Кызыл – в Актогайском районе Карагандинской области, остальные – в Каркаралинском районе Карагандинской области.



Погребения представляют собой в основном большие курганы. Два объекта, Нуркен-2, к. 6 и Бирлик, к. 15 являются основными (западными) насыпями в комплексе кургана с каменными грядами.

Диаметр от 1 до 10 м зафиксирован в двух случаях; от 10 до 20 м – в трех; свыше 30 м – в двух. В трех курганах выявлены дромосы. В трех курганах погребенные были уложены в сдвоенные каменные ящики. В одном погребении (Кызыл, к. 4) встречена полускорченная поза костяков – крайне редкий случай среди тасмолинских материалов.

Большинство погребений оказалось потревоженными, некоторые из них настолько сильно, что кости погребенных были выявлены на разных уровнях заполнения могильной ямы и за ее пределами. В кургане 2 могильника Акбеит найдены три черепа – мужчины и двух женщин. Палеоантропологические исследования показали, что все три черепа близки друг к другу по своим особенностям и относятся к сакской эпохе. Все черепа находились выше могильной ямы подквадратной формы, имеющей площадь 3,6 м² и дромос длиной 9 м. Выше ямы на 0,5–0,8 м, на участке сторонами 1,8х1,5 м, в слое мощностью около 0,2–0,3 м найдены многочисленные кости животных. По данным археозоолога П. А. Косинцева, который в настоящее время изучает этот материал, обнаружены: черепа и кости скелетов от двух волков; кости скелета одной собаки; кости от трех особей лошади, двух особей КРС и четырех особей МРС.

В кургане 15 могильника Бакубулак археологически зафиксирован случай вторичного захоронения, поэтому его материалы не учтены в данной сводке. Здесь фиксировалось два уровня погребений – нижний (мужчина 40–50 лет) и верхний (женщина 35–45 лет) [Бейсенов и др., 2015]. Кости нижнего скелета оказались сдвинутыми в угол могилы, верхний скелет находился в анатомическом порядке. В могиле были найдены каменные кайрак (оселок), бусы, жертвенник и золотая серьга. Таким образом, данный объект не может быть рассмотрен в качестве совместного погребения.

Памятца о сильной ограбленности тасмолинских курганов, необходимо учесть следующее обстоятельство. В ряде довольно крупных курганов могилы были пустыми, за исключением незначительных обломков костей погребенных. Учитывая большие площади погребальных камер таких сооружений, нельзя сбрасывать со счета возможность наличия в них совместных захоронений. К примеру, это касается двух больших курганов (курганы 1 и 2) могильника Нуркен-2 диаметром 40 и 60 м, в которых вскрыты объемные погребальные камеры с дромосами длиной 15 и 11 м [Бейсенов, 2007].

В учтенных курганах с совместными захоронениями среди предметов сопроводительного комплекса присутствуют изделия, выполненные из бронзы, золота, выступающие маркером элитных погребений.

В двух (Карашоки, к. 1; Талды-2, к. 2) из семи погребений сохранились предметы, изготовленные из высокопробного золота. В кургане 1 могильника Карашоки найдено золотое ажурное украшение в виде фигуры кошачьего хищника (рис. 1/ 2). Данный экземпляр представляет собой истинный шедевр древнего искусства. Особую значимость ему придает то, что он происходит из раннесакского комплекса и содержит признаки, свидетельствующие о существовании в эту эпоху образов синкретических существ. Ажурные прорезы на предмете выполнены в виде стилизованных голов орлов.

Значительное количество золотых изделий зафиксировано в кургане 2 мог. Талды-2 (рис. 1/ 3–7), где были погребены мужчина в возрасте 45–55 лет и женщина, которой было около 55 лет [Bejsenov, 2013]. Отметим, что это единственный комплекс, где зафиксирован столь почтенный возраст среди женской серии. Полученные в этом погребении находки, представляют собой высокохудожественные предметы древнего искусства, воплощенные в образе хищной птицы (рис. 1/ 6); кошачьим хищнике, свернувшимся в кольцо (рис. 1/ 3), птицы с расправленными крыльями, помещенной между изображениями двух таутеке, показанных с изящными, мощными, круто загнутыми назад рогами (рис. 1/ 5) [Бейсенов, 2014]. Здесь также выявлены миниатюрные биконические подвески (рис. 1/ 4); бисер; гофрированные трубочки (рис. 1/ 7), назначение которых раскрылось в 2016 г. благодаря находкам в кургане могильника Елеке Сазы на Тарбагатае [Оралбай, 2016]. Как оказалось, такими трубочками декорировалось древко стрелы. Такие нюансы проливают свет на символичность погребального обряда, его сложность и значимость для древнего социума. Анализ предметов из Талды-2 показал, что они изготовлены из местного сырья: использовано золото из рудников в районе Бестобе в Акмолинской области [Таиров, Бейсенов и др., 2015].

Анализ полученных данных позволяет заключить, что в семи совместных погребениях захоронено всего 15 человек, в том числе 12 взрослых и трое детей. Из общего количества случаев пол определен в 10 – четверо мужчин и шесть женщин. По типу погребения можно разделить следующим образом: три индивидуума (один мужчина и двое женщин) в одном погребении встречены единожды; парные погребения мужчин и женщин зафиксированы в трех случаях; трижды встречено захоронение взрослого с ребенком.

В Приложении 1 к настоящей статье дана краткая характеристика индивидуумов из кургана № 15 мог. Бирлик, выполненная А.О. Исмагуловой, которая не вошла в коллективную монографию 2015 г. [Бейсенов и др., 2015]. В монографии возраст взрослого индивидуума указан интервалом 25–35 лет, в Приложении – 25–30. Разница в определении не существенна. Результаты краниологических измерений взрослого индивидуума приводятся в соответствующих таблицах указанной коллективной монографии.



Относительно совместных погребений бронзового века Центрального Казахстана существует интересное мнение, озвученное в коллективной монографии казахских археологов 1966 г. Исследователи пишут, что в девяти оградах могильников Айшырак, Бегазы и Кобдык были выявлены парные погребения в сдвоенных ящиках [Маргулан и др., 1966. С. 286]. Далее специалисты заключают, что: «Погребения в сдвоенных ящиках свидетельствуют о том, что нерасторжимость супружеских уз в моногамной семье, существовавшая для жены при жизни, не обрывалась и после смерти мужа или ее самой. Поэтому если раньше умирал муж, то и для его жены еще при ее жизни, в день похорон мужчины, сооружали каменный ящик, а позднее, после ее смерти, подхоранивали к давно умершему мужу. Как уже говорилось, женщина погребалась в северном ящике, так как только в таком случае ее можно было положить на правый бок, лицом к мужчине. Этим как бы подчеркивалась ее полная зависимость от господина мужа (Айшырак, 2 и Бегазы, 7). Если раньше умирала жена, то и тогда ее хоронили в северном ящике, на правом боку (Айшырак 1, 6), но второй ящик, по-видимому, не сооружали, так как мужчина при моногамии мог жениться второй раз. По этой причине в погребениях в сдвоенных ящиках нет одиночных мужских захоронений, но есть одиночные женские, что, вероятно, объясняется сооружением кенотафов мужчине-воину, погибшему в военных походах» [цит. по: Маргулан и др., 1966. С. 287].

Совместные погребения сакского времени до настоящего времени в истории казахстанской археологии еще не становились предметом специального исследования. Однако, любопытно отметить, что из синхронного круга памятников Казахстана и Саяно-Алтая выделяется два парных элитарных погребения: одно из них находится на Тарбагатае (Шиликты, к. 5) [Черников, 1965], второе – в Туве (Аржан-2) [Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010].

Курган № 5 мог. Шиликты, исследовавшийся раскопками в 1960 г. под руководством С. С. Черникова, диаметром 66 м, высотой 6 м имел могильную яму размерами 7,1 x 8,3 x 1 м с дромосом шириной 2 м, гл. 1 м, который был прослежен на 12 м. В могильной яме – квадратное сооружение-клеть сторонами 4,8 x 4,6 м, высотой 1,2 м из двух рядов толстых лиственничных бревен. По определению В.В. Гинзбурга погребение принадлежало мужчине 40–50 лет андроновского типа и женщине 50–60 лет европеоидно-монголоидного типа [Черников, 1965. С. 13, 16, 17].

Курган Аржан-2, исследовавшийся международной экспедицией под руководством К.В. Чугунова, Г. Парцингера и А. Наглера, на начало раскопок представлял собой плоскую каменную платформу диаметром 75–80 м, высотой 1,5–2 м. Размеры основной могилы (№ 5): сверху 5,4x4,4 м, внизу – 4,65x4,2 м, глубина 4,34 м. В погребальной камере, имевшей двойные стены из лиственничных бревен, находилось парное захоронение мужчины 40–45 лет и женщины 30–35 лет (по определению Т.А. Чикишевой) [Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010].

Оба памятника имеют внушительные размеры – свыше 60 м в диаметре, в обоих курганах содержится большое количество золотых предметов. Погребенные имеют возраст свыше 30 лет. В Шиликты женщина старше мужчины, как и в кургане 2 могильника Талды-2 в Центральном Казахстане. Намного старше была женщина и в берельском кургане № 11 [Самашев, 2011]. Как полагают исследователи, в случае с Берелем погребенные приходились друг другу близкими родственниками. В материалах берельских курганов по публикациям известно всего четыре парных погребения – курганы № 9, 11, 16, 34. В кургане № 9 мужчина покоем в колоде, а женщина в пределах сруба, но не в колоде, а рядом на площадке, выложенной тонкими каменными плитками. В кургане № 11 оба погребенных находились в одной колоде. В кургане № 16 колоды не было, оба погребенных находились в срубе, но погребение было настолько потревоженным, что кости людей фиксировались в виде скопления. В кургане № 34 разительно отличавшемся по размерам и локализацией, находилось парное погребение с необычным обрядом – головы погребенных были отчленены и покоились в ногах двух лошадей, сопровождавших захоронение. Ситуация с топографией женщины в кургане № 9 Береля, видимо, свидетельствует о подчиненном отношении женщин. Как отмечает в своей монографии З. Самашев, на костях женского скелета фиксируются отверстия, свидетельствующие о манипуляциях, связанных с мумификацией тела погребенной, что является признаком высокого статуса умершей [Самашев, 2011].

В свете анализа совместных погребений из памятников Центрального Казахстана особый интерес представляют материалы могильников Уйгарак и Южный Тагискен в Приаралье.

Так, на могильнике Уйгарак из 70 вскрытых курганов кости погребенных сохранились лишь в 40 объектах [Вишневская, 1973]. Среди этого количества фиксируется всего четыре комплекса, которые можно отнести к совместным. В кургане № 39 находилось захоронение трех человек; в курганах №№ 36 и 42 – парные погребения; в кургане № 49 – погребение женщины и ребенка. Половозрастные определения в публикации указаны частично. В описании кургана № 49 отмечено, что в погребении фиксировались отдельные кости скелета в т. ч. женский череп и зуб ребенка [Вишневская, 1973. С. 40]. Также относительно северного индивидуума в кургане № 39 указано, что он мог принадлежать либо подростку, либо женщине [Вишневская, 1973. С. 34]. В кургане № 42 один из индивидов – женщина [Вишневская, 1973. С. 35]. Таким образом, из общего количества вскрытых курганов (70) число четыре составляет 6 %, из количества объектов с сохранившимися останками погребенных – 10 %. Параметры наземных сооружений в Уйгарак не превышают 30 м в диаметре, в трех случаях – до 20 м, в одном случае – 21 м.





Комплекс с тремя погребенными (к. 39) сопровождался тремя сосудами, розовой галькой с выемкой посередине; плоским камнем с обработанной верхней поверхностью; 37 наконечниками стрел (бронзовых: 13 втульчатых и 20 черешковых; костяных: четыре пулевидных втульчатых); бронзовой рельефной бляшкой в виде птицы с закинутой назад головой с колечком для крепления на обороте (рис. 1/ 8); бирюзовой бусиной и белой каменной бусиной [Вишневская, 1973. С. 34].

Примечательно, что фигурка птицы из этого кургана (рис. 1/ 8) обнаруживает сходство с находками из Шиликты (раскопки С.С. Черникова, А.Т. Толеубаева), Талды-2 (рис. 1/ 6) (раскопки А.З. Бейсенова). Кроме того, аналогичный стиль воспроизведения птиц известен в наскальном искусстве племен раннего железного века Жетысу [Бейсенов, Марьяшев, 2014; Бейсенов и др., 2015].

В парном погребении кургана № 36 из находок выявлены: плоский камень со следами растертой красной краски; бирюзовая пуговица; позвонки барана и пять астрагалов; кусок обработанного камня (зернотерки?); кусочки реалгара и мела; небольшая галька со следами красной краски; бронзовый нож; две фрагментированные сероглиняные кружки.

В кургане № 42 среди элементов внутримогильного комплекса присутствуют: браслет из бронзовой проволоки; плоский камень с обработанной верхней поверхностью; бронзовый втульчатый наконечник стрелы с четырехгранной головкой; две бусины. В погребении женщины с ребенком (к. 49) присутствуют: лепной сероглиняный кувшин, маленький лепной кувшинчик; серебряный браслет; обломок плоской бронзовой пластины; каменная бусина; лепной сероглиняный баночный сосуд с трубчатым носиком-сливом; золотая подвеска в виде миниатюрной фигурки льва; клык кабана; фрагмент бронзового изделия и часть изделия из железа.

На Тагискене из раскопанных 42 курганов только в одном (к. 62) было выявлено парное погребение. В могильной яме сторонами 3,5х2,3 м, гл. 2,17 м находилось два сильно потревоженных человеческих скелета. Среди находок: 29 железных пронизок; четыре однотипные бронзовые обоймы для перекрестия ремней уздечки; пять железных дисковидных накладок; две бронзовые усеченно-конические ворворки; две однотипные бронзовые пронизи; пять бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел; обломки каменного жертвенника, биметаллическая бляшка с петлей; фрагмент лепного горшковидного сосуда [Итина, Яблонский, 1997]. Л. Т. Яблонским было сделано заключение, что на черепе молодого мужчины фиксируются следы искусственной деформации. По мнению палеоантрополога такая деформация называется бешиковой (от тюркского слова «бешик/бесик» – колыбель), свидетельствующей о том, что такие манипуляции проводились с младенчества [Итина, Яблонский, 1997].

Исследователи могильников Уйгарак и Тагискен на основе тщательного анализа данных погребально-го обряда отмечают существование генетической связи между населением эпохи поздней бронзы и раннего железного века [Вишневская, 1973; Итина, Яблонский, 1997]. Изучение предметов древнего искусства тагискенцев позволило сделать вывод о том, что предметы с изображениями львов были обнаружены в наиболее социально значимых погребениях [Итина, Яблонский, 1997. С. 65].

Звериные образы, запечатленные на предметах мелкой пластики из Талды-2, Шиликты (курганы № 5, «Байгетобе»), Аржана-2, Уйгарака (к. 39) находят целый ряд сходств, доходящий порой до совпадений. Об этом неоднократно упоминалось в публикациях специалистов [Бейсенов, 2015б; 2016а; Чугунов, 2015]. Факт удивительного сходства произведений древнего искусства свидетельствует о существовании некоего единства культур сакской эпохи, о чем еще в 1966 г. писал М.К. Кадырбаев [1966].

Тема совместных погребений затрагивалась в специальном исследовании Н.А. Берсеновой, посвященном анализу погребальных памятников саргатской культуры. На основе большого объема материала исследовательница делает вывод о том, что саргатские семьи, скорее всего, были патриархальными [2011].

В целом, по вопросам изучения совместных погребений существует ряд исследований. Подробнее в этом отношении изучены материалы эпохи бронзы. Историография данной темы представительна в публикациях Я.В. Рафиковой, посвятившей диссертационное исследование совместным погребениям [2008], О.А. Федорук [2015].

Скорее всего, традиция совместных погребений, фиксируемая на памятниках сакского времени Центрального Казахстана, также уходит корнями в предшествующую эпоху. А.З. Бейсеновым ранее озвучено мнение относительно происхождения такого конструктивного элемента, как дромосы. Как ранее указывалось, в регионе открыто значительное количество курганов с дромосными ямами [Бейсенов, 2015б; 2016б]. Число их ежегодно увеличивается и по состоянию на осень 2016 г. перевалило за 30. Истоки данного явления также кроются в бронзовом веке. Обращает на себя внимание полускорченная поза погребенных в кургане 4 могильника Кызыл (рис. 1/ 9). Умершие (мужчина и женщина) здесь уложены вполоборота налево, с сильно подогнутыми ногами. Ориентировка погребенных – головой на северо-запад. Грунтовая яма перекрыта крупными плитами, положенными поперек. В насыпи найдены фрагменты керамики, факт, который очень редко, но встречается в тасмолинских курганах (к. 1 мог. Карашоки, к. 1 и к. 2 мог. Нуркен-2, к. 3 мог. Акбеит-6 [Бейсенов, 2007; 2015б]). Погребение сопровождалось бронзовым зеркалом с боковой ручкой с фигурным окончанием (рис. 1/ 10).





В заключении можно сделать следующие выводы. Количество совместных погребений тасмолинской культуры на фоне изученных составляет всего около 3%. Даже с учетом ряда крупных сооружений с пустыми могилами, их совсем мало. Традиция совместных захоронений не была распространена в массе тасмолинского населения и имела единичный характер. Параметры погребальных сооружений, элементы сопроводительного комплекса свидетельствуют в пользу элитарности данных памятников. Таким образом, по-видимому, мы имеем дело с традицией элиты. Вопрос о характере совершения совместных погребений, т.е., это были случаи одномоментного наступления смерти супругов, матери и ребенка, ближайших родственников или же дополнительных подзахоронений, — остается открытым. Один объект, курган 4 могильника Кызыл имеет небольшие параметры (размеры насыпи 5,4х4 м, высота 0,55 м) и его нельзя считать памятником элиты. Здесь совместное захоронение мужчины и женщины (супругов?), возможно, связано с каким-то неизвестным нам событием.

В казахской этнографии нет общепринятой и распространенной в той или иной мере традиции совместных погребений. Даже если супружеская пара умерла в один день, каждого погребали в отдельной могиле. Этого требовали и мусульманские погребальные традиции. Некоторые отголоски совместного погребения сохранились в казахском фольклоре. Согласно эпосу, Козы Корпеша, убитого соперником, и девушку Баян Сулу, убившую себя возле тела возлюбленного, похоронили в одной могиле. Этот момент также был воспет в песне «Инжу-Маржан» (каз. драгоценные камни, сокровище) известным акыном и певцом Асетом Найманбаевым (1867–1922), уроженцем Центрального Казахстана. Поэт в своей песне мотив «умереть в одной могиле, подобно Козы Корпешу и Баян Сулу» представил как идеал любви и преданности к любимому человеку. Остается предположить, что в старину у казахов совместные погребения встречались, но — опять же для избранных.

Литература

Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганды, 2007. С. 173–197.

Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. Алматы: Институт археологии им. А. Маргулана; НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2014. 196 с.

Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015а. С. 40–47.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы, 2015б. С. 11–38.

Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестник ТомГУ. Сер. История. 2016а. № 1 (39). С. 119–126.

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016б. № 3 (16). С. 77–86.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА “Бегазы-Тасмола”, 2015. 180 с.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н. э. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 35–41.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. 264 с.

Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 156 с.

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УРО РАН, 2011. 204 с.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с. ТХАЭЭ. Т. VIII.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 434 с.





Оралбай Е. «Долина царей» Тарбагатай // Алтай – золотая колыбель тюркского мира. Усть-Каменогорск: Восточно-Казахстанский госуниверситет, 2016. С. 199–207. (на каз. яз.)

Рафикова Я.В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 24 с.

Самашев З. Берел. Алматы: Издательский дом “Таймас”, 2011. 236 с.

Таиров А.Д., Бейсенов А.З., Зайков В.В., Зайкова Е.В., Блинов И.А. Древнее золото Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 320–328.

Сатпаева Ш. Свет очага. Казахская online библиотека. URL: <http://bibliotekar.kz/svet-ochaga-shamshijabanu-satpaeva> Дата обращения: 30.05.2017.

Федорук О.А. Совместные захоронения в андроновских могильниках степного и лесостепного Алтая // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 193–196.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с. Серия: “Из истории мировой культуры”.

Чиндина Людмила Александровна. Официальный сайт исторического факультета ТомГУ. Режим доступа: <http://www.if.tsu.ru/chair6/Chindina.htm> Дата обращения: 30.05.2017.

Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени Тывы и Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 389–404.

Beisenov A.Z., Syvatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P.J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. Arizona, 2016. No. 58. P. 179–191.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 s., 289 abb., 153 taf.

Приложение 1

О.А. Исмагулова

Краткая характеристика индивидуумов из парного погребения в к. 15 мог. Бирлик

Мог. Бирлик, к. 15. Парное захоронение женщины 25–30 лет и подростка 13–14 лет (вероятно, девочки). Учитывая определенное морфологическое сходство их черепов, можно предположить близкое родство между ними. Не исключено также, что в этой могиле были погребены мать и ее ребенок. Череп взрослой женщины (левый – по положению в ящике) умеренно массивный, очень широкий, невысокий, гипербрахиокраниальный. Лоб широкий, довольно наклонный. Затылок широкий, слабовыступающий. Надпереносье умеренно развито. Надбровные дуги и сосцевидные отростки – слабо. Лицо средних размеров, ортогнатное, со средними значениями углов горизонтальной профилировки. Орбиты средних размеров, мезоконхные. Нос средневысокий, широкий, хамэринный, с антропинной формой грушевидного отверстия. Носовые кости невысокие, как и скуловые – средневыступающие. Клыковые ямки слабо выражены. Нижняя челюсть средней массивности, довольно широкая, с наклонными ветвями средних размеров. Подбородок широкий, сильно выступает. Антропологический тип – смешанный, с ощутимой монголоидной примесью.

Для второго черепа (правого – по положению в ящике), морфологически сходного со взрослым, справедливо такое же определение типа и, поскольку это подросток, мы и ограничимся этим общим замечанием, без приведения подробной характеристики.

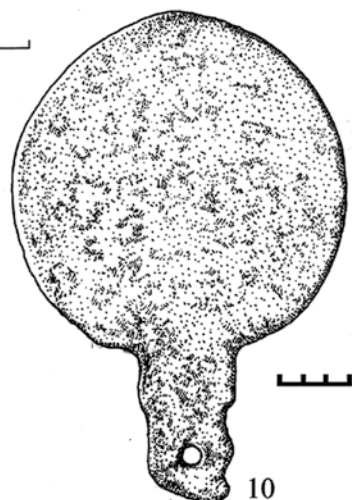
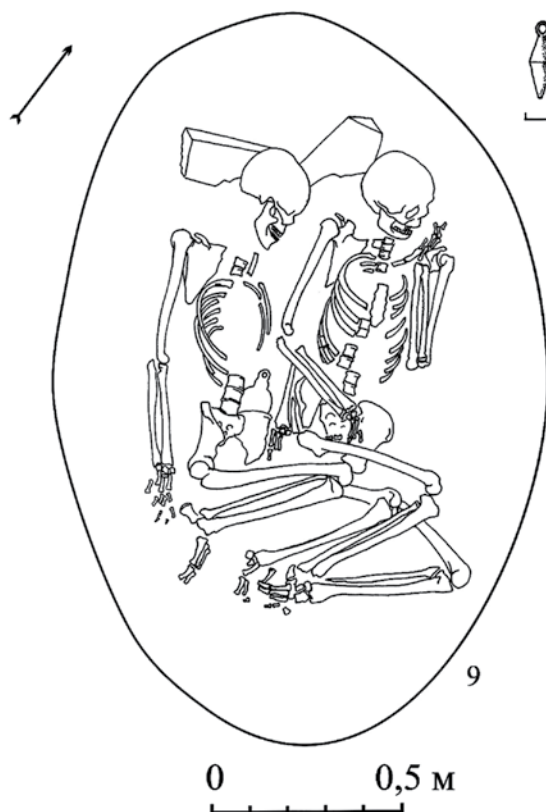
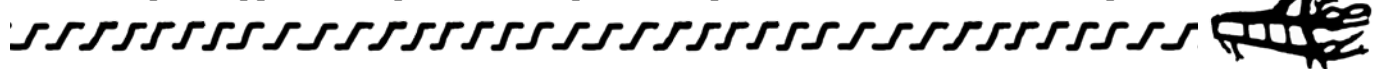


Рис. 1.

1 – карта расположения памятников с совместными погребениями сакского времени Центрального Казахстана. Исполнитель Д. Дуйсенбай; 2 – ажурное изображение кошачьего хищника, к. 1 мог. Карашоки; 3–7 – находки из парного погребения, к. 2, мог. Талды-2; 8 – изображение птицы из парного погребения, к. 39, мог. Уйгарак [по: Вишневская, 1973]; 9 – парное погребение из к. 4, мог. Кызыл; 10 – зеркало, к. 4, мог. Кызыл





А.Н. Багашев, С.М. Слепченко, Е.А. Алексеева, С.Н. Скочина

Россия, Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН

К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Авторы статьи обращают внимание на сложность антропологического исследования населения кулайской культуры, что обусловлено узостью источниковой базы, ограниченной малым объемом данных из нескольких могильников. В связи с этим велика ценность любого палеоантропологического материала, который можно связать с кулайским населением. Объектом анализа стал череп мужчины со святилища на кулайском городище Большой Лог. Комплексными исследованиями выявлено, что морфологически череп вписывается в изменчивость, характерную именно для населения кулайской историко-культурной общности. Трепанационные отверстия на черепе, возможно, указывают на его использование в ритуально-магических действиях. Графическая реконструкция лица индивида позволила впервые выявить особенности внешнего облика представителя кулайской культуры из Омского Прииртышья, а также его принадлежность к одному антропологическому типу с кулайской женщиной из Усть-Полуя в Нижнем Приобье.

Ключевые слова: кулайская культура, антропологии населения, графическая реконструкция.

A.N. BAGASHOV, S.M. SLEPCHENKO, E.A. ALEXSEVA, S.N. SKOSHINA

Russia, Tyumen, Institute of the Problems of Northern Development SB RAS

TO THE ANTHROPOLOGY OF THE KULAY CULTURE'S POPULATION

The authors draw attention to the complexity of anthropological study of the Kulay culture's population, which is due to the narrowness of the source base, limited by a small amount of data from several burial grounds. In this regard, the value of any paleoanthropological material is great, which can be associated with the Kulay population. The object of analysis was the skull of a man from the sanctuary in the Kulay hillfort – Bol'shoy Log. Comprehensive research has revealed that morphologically, the skull fits into the variability, typical for the population of the Kulay historical and cultural community. Trepanation holes on the skull may indicate its use in ritual-magical actions. Graphic reconstruction of the individual's face allowed for the first time to reveal the features of the external appearance of the representative of the Kulay culture from the Omsk Irtysh region, as well as his belonging to the same anthropological type with a Kulay woman from Ust'-Poluy in the Lower Ob region.

Keywords: Kulay culture, population's anthropology, graphic reconstruction.

Несмотря на обширность ареала кулайской историко-культурной общности, существовавшей с IV в. до н.э. по IV в. н.э. преимущественно в бассейне Средней и Нижней Оби, многочисленность археологических памятников, в том числе и могильников, в палеоантропологическом отношении носители этой культурной традиции изучены слабо. Видимо, в силу природно-климатических условий, этнокультурных особенностей и специфики погребальной обрядности, пригодных для палеоантропологического исследования данных чрезвычайно мало. Наши представления об антропологическом типе популяций кулайской культуры пока базируются только на материалах из погребений могильников Каменный Мыс в Новосибирском Приобье [Багашёв, 2000], Кулайская Гора [Багашёв, 2010] и Алдыган [Аксёнова и др., 2004] в Нарымском Приобье, со святилища Усть-Полуй близ устья Оби [Багашёв, Алексеева, 2012; Багашёв и др., 2013; 2014].

Следует отметить, что кроме краниологической серии из могильника Каменный Мыс, все остальные представлены единичными черепами. При этом в археологических материалах могильника Каменный Мыс нашло отражение слияние элементов кулайской и большебереченской (каменной) культур, поэтому он отнесен к кругу памятников особого новосибирского варианта кулайской культуры [Троицкая, 1979; 1981].

Из таежной зоны Западнофй Сибири кулайский могильник Алдыган пока единственный наиболее полно изученный, но краниологии на нем не получено, исследован только одонтологический материал. С палеоантропологическими материалами из погребений на Кулайской Горе существует неопределенность: если по особенностям погребальной обрядности они имеют аналогии с кулайскими древностями, то по датировке – IV–III тыс. до н.э., могут быть отнесены к раннему неолиту, хотя никаких артефактов столь древнего периода на памятнике не обнаружено [Чиндина, 2003. С. 108; Евсеева, Малолетко, 2003. С. 35–36].

При археологических исследованиях на святилище Усть-Полуй, расположенном в черте г. Салехарда, обнаружено несколько погребений, содержащих палеоантропологический материал. В целом комплекс датируется преимущественно эпохой раннего железа и связан в той или иной мере с кулайской культурной общностью [Чернецов, 1953; Мошинская, 1965; Чиндина, 1984], по результатам радиоуглеродного и



дендрохронологического анализом время его функционирования приходится на I в. до н.э. – I в. н.э. [Усть-Полуй..., 2008].

Анализ каменномысской краниологической серии показал ее неоднородность, морфологические особенности группы определяются в основном двумя компонентами: широколицым европеоидным и низколицым монголоидным. Первый связан в своем генезисе с андроновским (федоровским) населением эпохи бронзы, второй – местного западносибирского происхождения, обнаруживающего расогенетическую связь со средневековыми и современными популяциями Томско-Нарымского Приобья, связанными с южносамодийской линией развития [Багашёв, 2000].

Результаты исследования одонтологической выборки из могильника Алдыган свидетельствует о довольно широком спектре современных популяций, с которыми она может иметь связь – угры и самодийцы [Аксёнова и др., 2004].

Краниологические материалы из погребений на Кулайской Горе, позволяющие обратиться к решению проблемы антропологии населения кулайской культуры, имели бы первостепенное значение, однако для этого они должны быть надежно датированы и культурно атрибутированы. Единственный способ как-то пролить свет на эту ситуацию – сопоставить краниологические материалы Кулайской Горы с сериями различных исторических периодов, происходящих из могильников на сопредельных территориях. Анализ показал, что по своим морфологическим особенностям череп несет как черты монголоидности, так и европеоидности. Так по горизонтальному профилю лицевого скелета он выглядит явно монголоидными, но строение носовой части сближает его с европеоидными формами. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 78,5, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) – 94,7, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) – 87,4. Данный череп, следовательно, может быть охарактеризован как монголоидный с заметной примесью европеоидных черт.

Сравнительный анализ характера изменчивости выборок эпохи неолита и бронзы Западной Сибири свидетельствует об отсутствии прямых аналогий морфотипу черепа с Кулайской Горы. Однако определенные тенденции сходства прослеживаются. Из всех привлеченных для анализа групп наибольшее сходство в сочетаниях специфических черт фиксируется с серией черепов из кротовских погребений эпохи развитой бронзы могильника Сопка 2. Своеобразием кротовской группы является наиболее существенная примесь монголоидных элементов местного таежного происхождения, сходная с таковой и в составе серии из могильника Еловка 2 [Дрёмов, 1990; 1997]. Характерно, что и кулайская серия из могильника Каменный Мыс наибольшее сходство обнаруживает также с этими группами [Багашёв, 2000; 2010].

Иная картина вырисовывается при межгрупповом сравнении метрических характеристик черепа с Кулайской Горы с данными по группам раннего железа и средневековья из могильников с территории Среднего Приобья. Наибольшее морфологическое сближение он обнаруживает, с одной стороны, с территориально близкими средневековыми выборками из могильников Алдыган и Тискино, с другой стороны, с монголоидным низколицым компонентом расовой структуры населения саргатской историко-культурной общности и новосибирского варианта кулайской культуры (Каменный Мыс). Невелики в целом различия в морфологическом строении черепа с Кулайской Горы и обширными палеоантропологическими материалами из средневековых могильников Томско-Нарымского Приобья. А вот с группами, в составе которых присутствует либо южносибирская (Астраханцево, чулымские тюрки), либо примесь северных западносибирских (уральских) элементов (Сайгатино, Усть-Балык), различия заметно возрастают. Вероятнее всего, таким образом, что формирование особенностей морфотипа черепа с Кулайской Горы происходило в южном западносибирском третичном очаге расообразования, который связан с южносамодийской линией развития и его антропологические особенности можно рассматривать в качестве физических черт населения кулайской культуры [Багашёв, 2010].

Краниологические материалы из погребений на Усть-Полуе, хотя и датируются временем характерным для кулайской культуры, но обнаружены не в погребении, почему возникает некая неопределенность в культурной их атрибутике. Как и в предыдущем случае, место данных находок в популяционной структуре Западной Сибири может быть определено только по результатам сравнительного межгруппового анализа. Из морфологических особенностей усть-полуйской выборки бросается в глаза сочетание в строении мозговой коробки небольшой ее ширины с относительно большей длиной и высотой. Яркая индивидуальная черта – большая высота лицевого скелета. По строению носовой части лицевого скелета, углу выступания носа, фацио-церебральным соотношения и степени профилированности лица в горизонтальной плоскости черепа Усть-Полуя явно сближаются с монголоидными формами. Однако не с классическими центральноазиатскими вариантами, а с комплексами, для которых характерно ослабление степени выраженности монголоидных особенностей, и занимающих промежуточное положение между популяциями Европы и Центральной Азии. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 72,0, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) – 94,2, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) – 77,3 [Багашёв, Алексеева, 2012].





В плоскости сопоставления усть-полуйских материалов с данными предшествующих эпох выявляется, что с неолитическим населением Западной Сибири и Урала усть-полуйская группа не обнаруживает особого сходства, однако в относительном масштабе видно заметное сближение ее с популяциями западносибирского протоевропейского неолитического пласта, широко распространенного как в Восточной Европе, так и в Западной Сибири. В отличие от неолитических групп Приуралья для них характерны более широкое эуриморфное лицо, мезобрахикrania, невысокий череп, относительно большая уплощенность лица в горизонтальной плоскости, меньшая высота переносья и угла выступания носа, а отличительной чертой от подобных групп Восточной Европы – наличие в составе западносибирских популяций монголоидной примеси двух линий генезиса – центральноазиатской и местной западносибирской [Багашев, 2011]. Примерно такого же уровня сходство обнаруживают усть-полуйские черепа и с андронидными северными сериями эпохи развитой бронзы (Еловка 2, Чернозерье 1) и позднебронзовыми ирменскими выборками, в составе которых вполне отчетливо прослеживается как палеоевропеоидный компонент, так и вполне заметная примесь монголоидных элементов местного таежного происхождения [Дрёмов, 1997; Багашёв, 2000]. А вот при межгрупповом сравнении метрических характеристик черепов Усть-Полуя с данными по группам эпохи раннего железа с территории Западной Сибири, вполне определенно можно говорить о существенном морфологическом единстве усть-полуйской выборки с серией из кулайского могильника Каменный Мыс. О том, что это не случайность, свидетельствует и проявляемая близость усть-полуйских черепов к монголоидным компонентам расовой структуры населения саргатской историко-культурной общности. Объединяющим фактором в данном случае выступает наличие в составе всех групп монголоидного компонента общего западносибирского генезиса.

Череп из погребений на святилище Усть-Полуй обнаруживают морфологическое сходство высокого таксономического уровня с популяциями томско-нарымского (томско-чулымские тюрки, нарымские селькупы) и тоболо-барабинского (тюменские, барабинские татары) вариантов обь-иртышского антропологического типа. Формирование особенностей морфологического типа черепов Усть-Полуя, таким образом, как и черепа с Кулайской Горы, протекало в западносибирском вторичном очаге расообразования, и расогенетически население субарктических областей Западной Сибири сопряжено с генезисом обь-иртышских популяций в южном третичном очаге, который связан с южносамодийской линией развития [Багашёв, 2000; Багашёв, Алексеева, 2012].

В связи с вышеизложенным, любой обнаруженный палеоантропологический материал, который можно связать с населением кулайской историко-культурной общности представляет большой интерес при рассмотрении вопросов его формирования, морфологического типа. Поэтому анализу, хотя и всего лишь одного черепа, посвящена данная статья.

При археологических исследованиях Б.А. Кониковым в 1990–1994 гг. городища Большой Лог в черте г. Омска, в его северной части зафиксировано святилище. В 1993 г. на этом святилище обнаружены крупные костяные наконечники стрел с отшлифованной поверхностью, роговой гребень, украшенный фигурками птиц, плоскодонный лепной глиняный горшок с двумя сквозными отверстиями у устья для подвешивания, рядом с которым располагался череп человека с нижней челюстью. Помимо святилища на городище Большой Лог обнаружена глиняная посуда с декором, характерным для древностей кулайской культуры, на основании чего и городище, и святилище связываются с населением данной исторической общности [Алябина, Коников, 1995; Коников, 1995; 1999; 2016].

Череп на святилище кулайского городища Большой Лог, как и в случае с Усть-Полуем, обнаружен вне погребения. Хотя керамика и другие артефакты свидетельствуют о том, что городище оставлено кулайским населением, неизбежно встает вопрос: связан ли данный череп именно с этими людьми, или попал на святилище случайно, из какого-либо могильника, например, саргатского. Для решения этой проблемы в антропологии (помимо палеогенетического исследования) апробирован метод широкого межгруппового сравнительного анализа.

Череп со святилища хорошей сохранности (находится на хранении в музее ОмГПУ, инв. № ГБЛ – 93, п. 2), исследован по полной краниометрической программе. В целом он овоидной формы, для мозговой коробки характерна большая величина продольного диаметра в сочетании со средними размерами поперечного и височных диаметров, по черепному указателю череп долихокранный. Лицо высокое и широкое, но по пропорции мезо-лептоморфного типа (узколицесть). В горизонтальной плоскости лицевой скелет характеризуется средней степенью профилированности на уровне орбит и относительно большей уплощенностью в средней части. Нос очень высокий при большой его ширине, но указатель свидетельствует о его мезоринной пропорции. Носовые кости и переносье средней ширины и высоты, угол выступания носа над вертикальным профилем лицевого скелета большой величины. Совокупность морфологических признаков черепа и нижней челюсти указывают на мужской пол данного индивида, по степени зарастания наружных швов черепа и степени стертости зубов биологический возраст соответствует 40–50 годам [Багашёв и др., 2017].

По строению носовой части лицевого скелета, углу выступания носа, фацио-церебральным соотношения и степени профилированности лица в горизонтальной плоскости данный череп характеризуется сочета-



нием монголоидных и европеоидных черт. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 38,7, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) – 96,20 условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) – 49,2.

На черепе обнаружены два отверстия, являющиеся, как показало исследование, посмертными трепанациями. Трепанационное отверстие в своде черепа в передней трети сагиттального шва имеет подтреугольную форму 32x29 мм захватывает обе теменные кости и частично лобную в области брегмы. Дефект образован в результате многочисленных рубяще-выламывающих ударов, вследствие чего отверстие имеет неровные, рваные края (рис. 1). Разрубы, вероятно, были нанесены металлическим орудием с толщиной режущего края лезвия 1 мм и сечением треугольной формы (нож?). Трепанационное отверстие в области эндокрана окаймлено многочисленными выломанными негативами (сколами компактного слоя), являющимися следами разрубов (рис. 2).

Ввиду того, что основная дислокация ударов локализуется в области брегмы и прилегающей части теменных костей, череп был расположен затылочной областью к наносящему разрубы человеку, который периодически изменял положение черепа для нанесения диагональных к сагиттальной линии разрубов.

Кости, образующие основание черепа, частично отсутствуют и образуют обширный искусственный дефект черепа размером 101x76 мм, произведенный комбинированием рубяще-выламывающих ударов и прорезывания (рис. 2). Преднамеренно были удалены чешуя затылочной кости, прилегающая к большому затылочному отверстию центральнее нижней выйной линии, каменистая часть височных костей с прилегающей костной тканью, иссечены большие крылья клиновидных костей и дистальная часть небных костей. Края трепанационного отверстия имеют отчетливые следы резания кости, в некоторых местах сочетающиеся с ее выламыванием.

Следов заживления на кости в области трепанации расположенной на своде черепа нет. При тщательном макроскопическом осмотре и трасологическом анализе черепа не обнаружено каких-либо следов (насечки, надрезы) удаления мягких тканей. Вышеперечисленные трасологические и макроскопические характеристики трепанационных отверстий позволяют сделать вывод, что трепанация проводилась на черепе, на котором отсутствовали мягкие ткани, что указывает на значительный промежуток времени между смертью человека и манипуляциями на его черепе. Характер расположения описанных выше искусственных отверстий на черепе, возможно, указывает на его использование в ритуально-магических действиях.

Для выяснения возможных путей формирования антропологических особенностей изучаемого черепа и определения его места в популяционной структуре населения различных исторических периодов, проведено сопоставление его краниометрических характеристик с территориально ближайшими сериями эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Необходимо иметь в виду, конечно, что сопоставляются индивидуальные особенности черепа со святилища городища Большой Лог с популяционными данными. При учете высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты проведенного анализа, однако, все же позволяют в первом приближении выделить те или иные сходные с его морфологией краниологические комплексы исторического характера.

В качестве сравнительных привлечены следующие мужские краниологические серии: по эпохе бронзы – кротовская культура [Дрёмов, 1990], обобщенные андроновские федоровского и алакульского вариантов [Багашёв, 2017], черкаскульско-томский вариант андроновской общности [Дрёмов, 1997], обобщенная ирменская [Багашёв, 2017]; по раннему железу – обобщенные по сакам и сарматам [Багашёв, 2017], каменная культура [Рыкун, 2013], саргатская культура (4 выборки из могильников Притоболья, Приишимья, Прииртышья и Барабинской лесостепи) [Багашёв, 2000], тагарская [Козинцев, 1977] и пазырыкская [Чикишева, 2012] культуры, из могильника Каменный Мыс [Багашев, 2000], святилищ Усть-Полуй [Багашёв, Алексеева, 2012] и Кулайская Гора [Багашев, 2010]; по раннему средневековью – релкинская [Дрёмов, 1967] и усть-ишимская [Пошехонова, 2011] культуры, из могильников Алдыган [Багашёв, 2001], Тискино [Багашёв, 2001], Сайгатино [Багашёв, Пошехонова, 2007], Усть-Балык [Пошехонова, 2006], Барсова Гора [Пошехонова, 2010].

Характер изменчивости анализируемой совокупности популяций показал, что они дифференцируются по степени выраженности европеоидных/монголоидных особенностей, высоте лицевого скелета и ширине орбиты. Особенности их взаиморасположения в корреляционном поле 1 и 2 канонических векторов наглядно это демонстрирует (рис. 3).

Признаки 1 вектора максимально разграничивают самые монголоидные и самые европеоидные выборки – в данном случае андроновцев и средневековые группы из таежной полосы Западной Сибири. Несомненное морфологическое тяготение к последним обнаруживают серия из кулайского могильника Каменный Мыс, а также череп со святилища на Кулайской Горе. Объединяющим фактором выступает монголоидность этих групп в сочетании с низким лицевым скелетом. Речь можно вести о том монголоидном компоненте, который хорошо просматривается в виде заметной примеси в составе кротовской и черкаскульско-томской популяциях эпохи бронзы, в составе населения каменной и пазырыкской культур эпохи раннего железа, а в структуре кулайского населения и более поздних групп Среднего Приобья он является доминирующим,



чем в итоге и обусловлено морфологическое своеобразие не только средневекового, но современного коренного населения Томско-Нарымского Приобья. Несмотря на высокую индивидуальную изменчивость, можно говорить о том, что морфологически череп со святилища на городище Большой Лог вписывается в изменчивость, характерную именно для населения кулайской историко-культурной общности.

Для визуализации физических особенностей облика представителя кулайского населения Омского Прииртышья на основе черепа выполнена антропологическая графическая реконструкция лица, по методу М.М. Герасимова с учётом разработок современных отечественных и зарубежных исследователей, что позволило дополнить полученную морфологическую характеристику и отразить индивидуальные особенности его внешности [Герасимов, 1949; 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Филиппов, 2015; Stephan, 2003; Guyomarc'h, Stephan, 2012].

По полученному изображению можно описать портрет зрелого мужчины с высоким широким лицом, наклонным лбом, широкими скулами и невыступающим широким подбородком. Нос высокий, широкий, с прямым профилем и приподнятым кончиком, имеет слабую асимметрию. Глаза среднего размера, без эпикантуса, верхняя складка века нависает на внешние углы глаз. Небольшой рот с губами средней толщины.

Сравнение данной графической реконструкции с выполненной ранее по черепу со святилища Усть-Полуй, также связанного с кулайской культурой [Багашёв, Алексеева, 2012], не дает оснований говорить о существовании между ними существенных антропологических различий. Их сближает большое количество признаков: высокое широкое лицо, наклонный лоб, форма складки верхнего века, отсутствие признаков наличия эпикантуса, высокий с прямым профилем нос, приподнятые основание и кончик носа, небольшие размеры рта, степень выступания подбородка. Это не противоречит, с учетом полового диморфизма, результатам краниометрического анализа, свидетельствующего о сходстве облика этого мужчины из Омского Прииртышья с женщиной из Нижнего Приобья и принадлежности их к одному антропологическому типу.

Таким образом, в результате комплексного изучения палеоантропологической находки на святилище кулайского городища Большой Лог в г. Омске можно сделать следующие выводы:

По морфологии черепа и нижней челюсти пол данного индивида определяется как мужской, биологический возраст – 40–50 лет. Хотя череп обнаружен вне погребения, что не позволяет однозначно атрибутировать находку в культурном отношении, широкое межгрупповое сопоставление краниологических данных по эпохе бронзы, раннему железу и средневековью, говорит о том, что морфологически череп со святилища на городище Большой Лог вписывается в изменчивость, характерную именно для населения кулайской историко-культурной общности.

Обнаруженные на черепе трепанационные отверстия выполнены многочисленными рубяще-выламывающими ударами. Следов заживления нет, что свидетельствует о том, что манипуляции проводились на отделенном от тела черепе, на котором отсутствовали мягкие ткани. Характер расположения описанных выше искусственных отверстий на черепе, возможно, указывает на его использование в ритуально-магических действиях.

Графическая реконструкция лица индивида позволила впервые образно представить особенности внешнего облика представителя кулайской культуры из Омского Прииртышья, которые не противоречат выводу о сходстве этого мужчины с кулайской женщиной из Усть-Полуя.

Литература

Аксенова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган – некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестн. антропологии. 2004. Вып. 3. С. 54–75.

Алябина В.П., Конилов Б.А. Древнее святилище на окраине Омска // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: ОГИМК, 1995. С. 14–18.

Багашёв А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2000. 370 с.

Багашёв А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.

Багашёв А.Н. Сложение и эволюция населения кулайской археологической культуры по антропологическим данным // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аргаф-Пресс, 2010. С. 384–387.

Багашёв А.Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. Germany Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. Kg., 2011. 363 с.

Багашёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. (в печати).

Багашёв А.Н., Алексеева Е.А. Краниология Усть-Полуя: родственные связи и проблемы таксономии // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 72–79.

Багашёв А.Н., Пошехонова О.Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 87–96.





Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Алексеева Е.А. Антропологические особенности населения субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 8–10.

Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Алексеева Е.А. Антропологические особенности населения субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты. СПб.: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» РАН, 2014. С. 60–73.

Багашёв А.Н., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Слепцова А.В. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 57–71.

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 188 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). Труды Института этнографии АН СССР. М.: Наука, 1955. Т. 28. 586 с.

Дебеч Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.

Дрёмов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // Советская этнография. № 6. 1967. С. 53–66.

Дрёмов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Вып. 2. Новосибирск, 1990. С. 56–61.

Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.

Евсеева Н.С., Малолетко А.М. Результаты обследования Кулайской горы в 2001 г. // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 34–37.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.

Конилов Б.А. Городище Большой Лог и история исследований кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995. С. 49–52.

Конилов Б.А. Городище Большой Лог. Омск: ООМПИ, 1999. 47 с.

Конилов Б.А. Иллюстрированная энциклопедия. Археология Омска. Омск, 2016. 408 с.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.

Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. М.: Наука, 1965. 88 с.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.

Пошехонова О.Е. К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 7. 2006. С. 131–142.

Пошехонова О.Е. Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2 (13). 2010. С. 111–121.

Пошехонова О.Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 4 (48). 2011. С. 142–155.

Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 284 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 125 с.

Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.

Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге // Науч. вестн. Ямало-Ненец. авт. окр. 2008. Вып. 61. 89 с.

Филиппов В.К. Определение центра радужной оболочки глаза при графической реконструкции лица по черепу // Судебная медицина. Т. 1. № 2. 2015. С. 106–107.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Мат-лы и иссл. по археологии СССР. М., 1953. № 35. С. 221–241.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. Новые данные о сакральной первооснове и функциональной специфике кулайского святилища // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 106–112.

Stephan, C.N. Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination // American Journal of Physical Anthropology. 2003. № 121. Pp. 48–57.

Guyomarc'h P., Stephan C.N. The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation // Journal of Forensic Sciences. Vol. 57. 2012. Pp. 1427–1441.



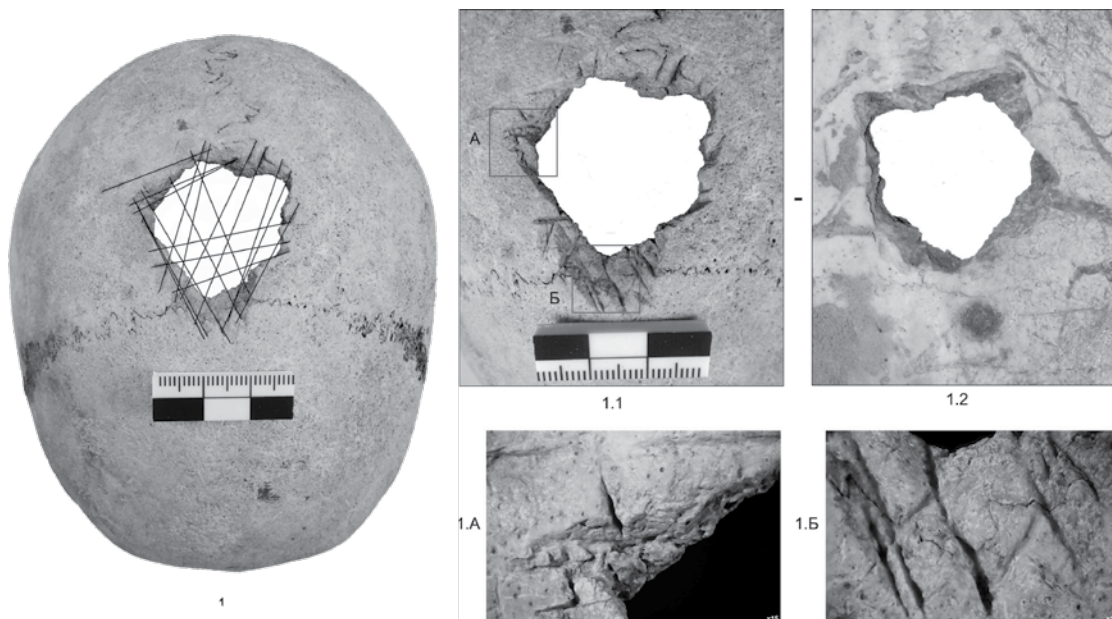


Рис. 1. Трепанационное отверстие в области бровь

1 – локализация и направление рубяще-режущих ударов на трепанационном отверстии; 1.1. – вид на отверстие с внешней стороны; 1.2. – отверстие с внутренней стороны; 1.A, 1.B – следы от рубяще-выламывающих ударов (увеличение – x15).

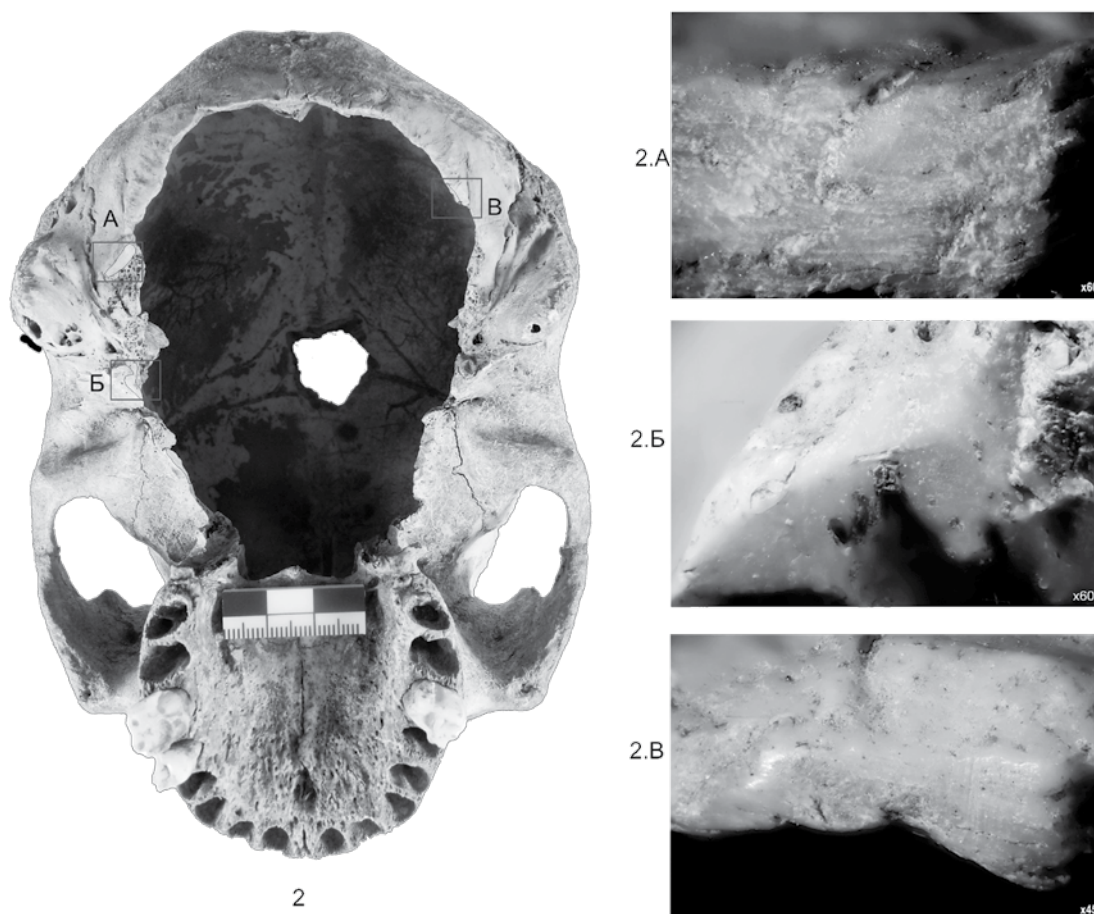


Рис. 2. Трепанационное отверстие в области затылка

2 – локализация следов на нижней части черепа; 2.A, 2.B – следы от прорезания; 2.B – следы от разрывов (A, B – увеличение x60, B – увеличение x45).

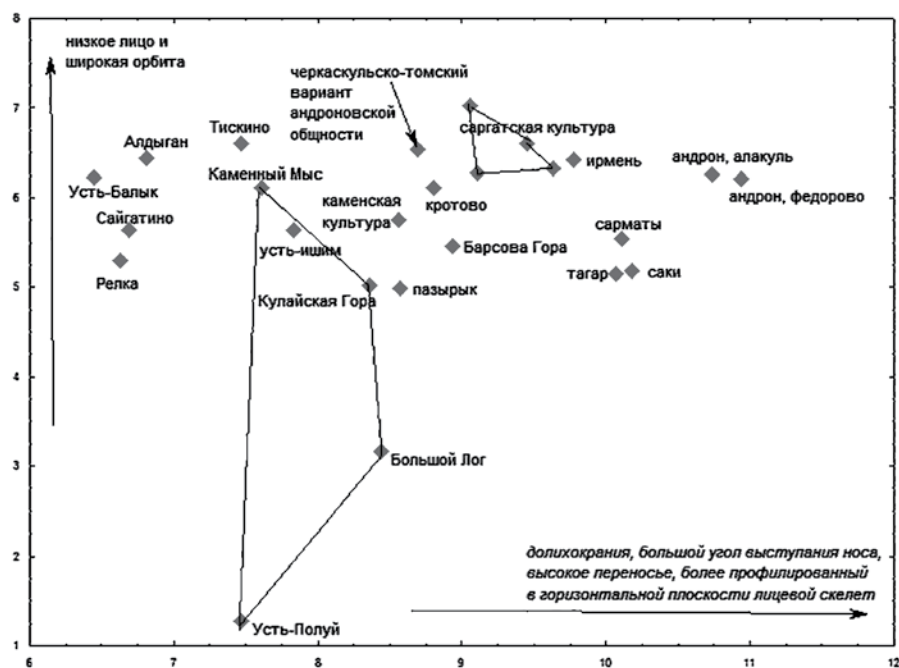


Рис. 3. Взаиморасположение мужских анализируемых групп в пространстве 1 и 2 канонических векторов

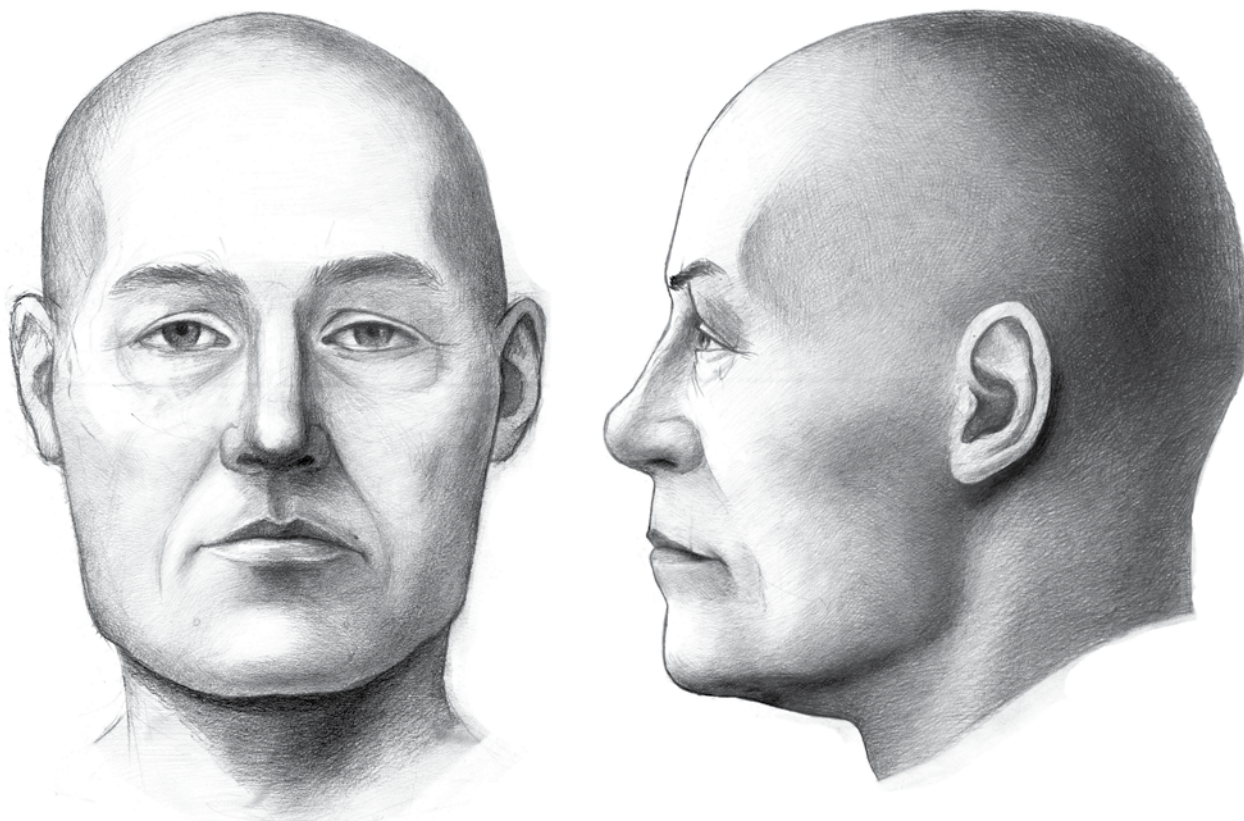


Рис. 4. Мужской графический портрет, выполненный по черепу со святилища на кулайском городище Большой Лог в г. Омске. Анфас, профиль

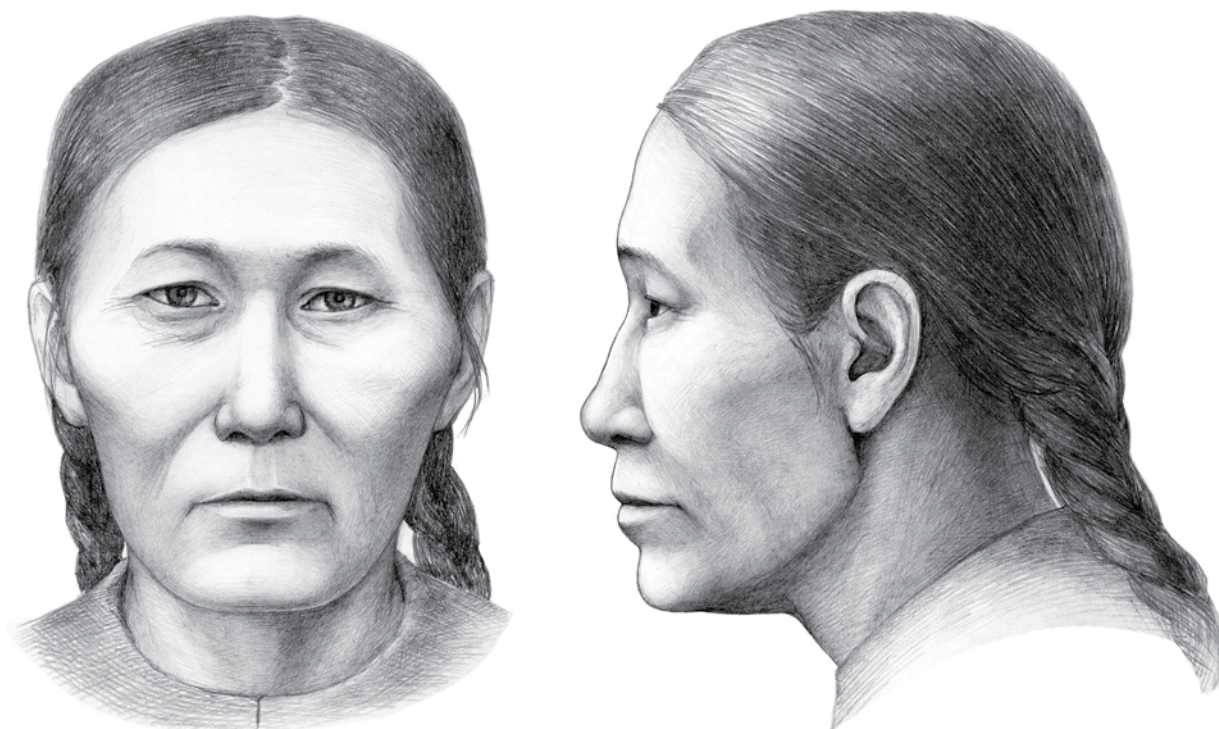


Рис. 5. Женский графический портрет, выполненный по черепу со святилища Усть-Полуй в г. Салехарде.
Анфас, профиль



Ю.П. Чемякин

Россия, Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

ООО Научно-аналитический центр «АВ КОМ – Наследие»

Ранний железный век западносибирской тайги: синдейский тип памятников

Синдейский тип керамики выделен в 1967 г. В.Д. Викторовой по материалам Туманского I селища в бассейне Тавды. Ареал синдейской керамики охватывает север Свердловской области и Ханты-Мансийский автономный округ, преимущественно бассейны рек Тавды, Конды и Нижнее Приобье. Она обнаружена на 42 памятниках: городищах, поселениях, святилищах. Известен один могильник. Преобладают сосуды горшечной или котловидной формы, с округлым днищем. Узор покрывает верхнюю треть или половину емкостей и выполнен штампами, в том числе прокатанными, реже – насечками. Распространены гребенчатый, гладкий и фигурные штампы: в виде змейки, птички, утки и т.п. Встречаются отпечатки шнура. Аналоги такой посуде можно найти среди сосудов иткульской, кашинской, кулайской культур. Датируется синдейский тип керамики в пределах IV–III вв. до н.э. – I–II вв. Его происхождение связывают с посудой вагильского и кульминского типа, а также прикамской. Сходство синдейской керамики с кулайской, находки культового литья и оружия позволяют включить памятники синдейского типа в кулайскую культурно-историческую общность.

Ключевые слова: синдейский тип памятников, ранний железный век, бассейны Тавды и Конды.

Yu. P. Chemchakin

Russia, Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University,

Scientific and Analytical Center "AV KOM - the Heritage"

EARLY IRON AGE OF WEST SIBERIAN TAIGA: THE SINDEY TYPE OF SITES

The Sindey type of ceramics was selected in 1967 by V. D. Viktorova on the materials of Tumansky I settlement in the Tavda basin. The area of Sindey ceramics covers the North of the Sverdlovsk region and Khanty-Mansi Autonomous Okrug, mainly the basins of the rivers Tavda, Konda and the Lower Ob region. It is found on 42 sites: hillforts, settlements, sanctuaries. One burial ground is known. Vessels of potted or caldroned shapes with rounded bottoms predominate. The ornament covers the top third or half of the tanks and is made by stamps, including rolled ones, less often – by notches. Common are comb, smooth and figured stamps: in the form of snakes, birds, ducks, etc. There are the cord imprints. Analogues such ware can be found among the vessels Itkul, Kashino, Kulay cultures. The Sindey type of ceramics is dated within the IV–III centuries BC – I–II centuries AD. Its origin is associated with ware of Vagil and Kulmin types, as well as of the Kama region. The similarity of Sindey ceramics with the Kulay, the finds cult casting and weapons allow including of the Sindey type sites in the Kulay cultural and historical community.

Keywords: Sindey type of sites, early Iron Age, Tavda and Konda basins.

Начало кулайского этапа раннего железного века в Северной Зауралье и Нижнем Приобье представлено древностями синдейского культурного типа, выделенного В.Д. Викторовой [1967; 1970. С. 260–261]. Характеризуя керамику из бассейна р. Тавды, она писала, что применение специально изготовленных фигурных штампов в Тавдинском районе прослеживается во второй половине раннего железного века на сосудах памятников синдейского типа. По В.Д. Викторовой, в синдейской керамике наблюдается взаимодействие трех компонентов: ямочно-насечкового неясного происхождения; гребенчатого, аналогии которому есть в керамике кашинского типа среднего течения Туры; и местного, змейкового. Сосуды змейковой группы генетически связаны с вагильским типом керамики. Они имеют четко выделенную шейку, переходящую в округлое тулово и круглое дно, украшены в верхней части однорядовой змейкой, эсовидными отпечатками и прокатанным штампом, образующим одно- или двухрядовый зигзаг. Узоры разрежены и часто заключены между двумя параллельными линиями (влияние кашинских сосудов). Узоры наносились также вдвоенными и счетверенными оттисками змейки под различными углами к обрезу шейки.

Позже В.Д. Викторова повторила характеристику синдейской керамики, выделив в ней три орнаментальные группы. Ямочно-насечковая орнаментация первой из них, в том числе в сочетании со шнуром, присуща сосудам гляденовской культуры. Происхождение сосудов второй группы, украшенных прокатанным штампом и фигурными оттисками, связано с местными традициями, а также большого круга памятников Нижней Оби. Третья, наиболее представительная, украшенная крупногребенчатым штампом, имеет широкое распространение на памятниках кашинского типа лесного Зауралья [Викторова, 1998а. С. 478; 1999. С. 135–136].





С Туманского I поселения происходит большая коллекция костяных изделий и бронзовой металлопластики, одновременная синдейской керамике. Аналоги им известны в прикамских и западносибирских культурах эпохи раннего железа, в первую очередь гляденовской и усть-полуйской. В.Д. Викторова характеризует синдейский комплекс Туманского I поселения как **культутовый, находящийся параллели среди святилищ Приуралья и Западной Сибири**, таких, как гляденовские костыща, Лозьвинский клад, Усть-Полуй и другие [1999. С. 139–150]. В последних работах она пишет о синдейской культуре, сложившейся на основе местных вагильских и лозьвинских древностей под сильным воздействием мигрантов кашинской культуры, потомков иткульских металлургов. Ее создатели имели постоянные контакты с населением Среднего Прикамья, также повлиявшим на формирование синдейского керамического комплекса [Викторова, 1998а. С. 478; 1999. С. 149–150; 2014. С. 54–56]. В то же время «относительная самостоятельность синдейской культуры, возможно, связана с ее географическим положением и ролью посредника в зоне контакта населения двух материков. Специфика культутовой пластики обнаруживается на всем протяжении от верховьев Вишеры до верховьев Северной Сосьвы и Ляпина» [Викторова, 1999. С. 150]. Вместе с тем она выглядит как составная часть нижнеобского (кулайского?) мира на саровском этапе его развития [Там же. С. 149].

Синдейские памятники имеют признаки того, чтобы их объединить в археологическую культуру, но для этого необходимо выделить и охарактеризовать такие ее черты и особенности, как ареал, поселения и жилища, погребальный обряд и многие другие. Говорить о синдейской культуре, пока ряд ее характеристик или не известны, или не описаны, пока рано. В свое время В.Д. Викторова перечислила 13 памятников в бассейне Тавды с синдейской керамикой. На двух из них – селищах Туманском I и Тыне I – были произведены раскопки. Позже В.М. Морозов отмечал присутствие синдейской керамики и построек в Нижнем Приобье на поселениях Перегребное 4 и Каксинская гора 4, городищах Низямы II, **Перегребное VI и Шеркалы I**. К сожалению, ввести в научный оборот эти материалы Вячеслав Михайлович не успел, и без нового обращения к коллекциям и полевым материалам трудно сказать, насколько они соответствуют современному пониманию синдейского типа. Самый крупный пока синдейский поселок раскопан А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым на р. Ендырь в Нижнем Приобье [Зыков, 2004; Зыков, Кокшаров, 2006; Каменский, 2008]. Ими исследованы минимум 7 построек этого времени. Синдейские сосуды найдены в бассейне р. Северная Сосьва, в том числе на городище Няксимволь, где они залегали ниже кулайских [Викторова, 2014. С. 55–56].

В бассейне Конды синдейская керамика известна минимум на 14–16 памятниках. На девяти из них проведены раскопки, при этом выявлены участки оборонительных систем (рвов), жилища и постройки хозяйственного (?) назначения, а также отдельные кострища. Возможно, с синдейскими древностями связаны погребения могильника Неушья 1.2 [Беспрозванный, Козеко, 2008]. На городище Неушья 1.1 зафиксированы остатки жилища кулайской культуры, разрушившего котлован синдейской постройки (раскопки Е.М. Беспрозванного). На городище-святилище Большая Умытъя 36 (Шаман-Гора) С.Ф. Кокшаровым исследованы 4 синдейских (?) жилища и участок рва [Зыков, Кокшаров, 2006а; Кокшаров, 2007]. Как пишут исследователи, время бытования синдейского посёлка может быть ограничено 2-й половиной I тыс. до н.э. [Зыков, Кокшаров, 2006а. С. 148]. Вместе с синдейской посудой найдена бронзовая фигурка лося или оленя с подогнутыми ногами. Небольшое количество синдейской керамики залегало вместе с кулайской на поселении Ахтымья 1, изучавшемся А.Е. Цеменковым [Чемякин, 2015. С. 152, 154]. Возможно, к синдейским памятникам относится городище Островное, на котором С.А. Терехиным частично раскопаны ров, вал и выход [Терехин, 2010]. К сожалению, исследователь практически не уделил внимания керамическому комплексу и не представил иллюстрации найденных сосудов. Крупная коллекция – около 115 сосудов – была собрана А.А. Погодиным на поселении Лева 22 [Чемякин, Погодин, в печати].

О планировке синдейских поселений трудно судить. Единственным памятником, где зафиксирован комплекс построек, является Ендырское VIII поселение. Жилища в нем «образуют поселок, располагаясь компактным полукругом» [Зыков, 2004. С. 334]. Постройки этого памятника небольшие, прямоугольные, наземные или чуть углубленные (до 0,25–0,5 м). Размеры их от 2,2х1,5 до 4,2х3,9 м. Стенки двух углубленных жилищ укреплялись вертикально вбитыми досками, от которых сохранились узкие канавки. Во всех постройках, кроме одной, частично разрушенной выворотом дерева, выявлены очаги. Рядом с жилищами зафиксированы внешние ямы, откуда брался грунт для подсыпки стен снаружи. Также небольшие постройки, размерами от 4,0х3,9 до 4,9х3,9 м, обнаружены на городище Большая Умытъя 36 [Кокшаров, 2007. С. 108]. Но, кроме синдейской, на памятнике присутствует кулайская и ярсалинская керамика [Зыков, Кокшаров, 2006а. Илл. 4]. Одновременность синдейской (рис. 1/ 9–12) и кулайской керамики отмечена на поселении Ахтымья 1, предварительно датированном 1-й третью I тыс. н.э. [Чемякин, 2015. С. 163]. На поселении Лева 22 с синдейским комплексом предположительно связаны остатки жилища (?) и хозяйственная постройка (или яма), имевшая подпрямоугольный котлован размером 1,5х1,3 м и глубиной не менее 0,6 м. Рядом с ним зафиксированы два внешних кострища. Судя по сохранившейся части другой постройки (жилища?), она была четырехугольной, с длиной стороны не менее 3,2 м, углубленной в материковую породу на 0,4 м. Вдоль



стен в границах котлована были прослежены углистые полосы – остатки конструкций [Чемякин, Погодин, в печати]. Синдейский период на городище Неушья 1.1 представлен сильно разрушенными остатками двух чуть углубленных (до 0,35 м) построек и фрагментом оборонительного рва, исследованного на длину 27 м. Ширина его по верхнему краю до 1,6 м, по дну – до 1,3 м, глубина 0,6–0,7 м. Одна из построек была частично перекрыта жилищем с кулайской керамикой [Беспрозванный, 2006. С. 21–23].

Рядом с городищем Неушья 1.1 Е.М. Беспрозванным были обнаружены 4 могилы, в которых были погребены 5 индивидов. Размеры подпрямоугольных или овальных ям от 0,74х0,2 до 1,7х0,3–0,4 м, глубина 0,23–0,35 м от древней поверхности. Ямы располагались чуть изогнутым рядом. Три из них, ориентированные по оси СЗ–ЮВ, находились по одной линии в 0,5–1,0 м друг от друга, а четвертая, вытянутая по оси С–Ю, отстояла от них на 2,7 м к западу. Костяки плохо сохранились. Ориентировка двух из них головой на северо-запад, одного – на север. В самой маленькой могиле расчищено скопление беспорядочно лежавших костей от двух индивидов – взрослого мужчины и ребенка; раздавленный череп лежал в юго-восточной части погребения (автор раскопок допускает, что захоронение могло быть вторичным). Рядом с черепом найден фрагмент бронзовой серьги (?). Желтая стеклянная бусина происходит из женского погребения. Других артефактов в могилах не обнаружено. В 1,3 м к западу от четвертого погребения расчищены остатки кострища, вокруг которого лежали фрагменты синдейских сосудов [Беспрозванный, Козеко, 2008. С. 243–248, 261]. Вероятно, к этому же времени принадлежали и погребения.

Синдейский культовый комплекс открыт и исследован В.Д. Викторовой на Туманском поселении у слияния рек Кульмы и Тыни [Викторова, 1999]. Изображения, близкие найденным на Туманском святилище, известны в Приуралье (чердынские находки Н.Л. Гондатти), на Северной Сосьве и Ляпине (Вуграсян-Вад). По В.Д. Викторовой [1998. С. 312], они маркируют расселение племен – носителей синдейской культуры, а также древний путь связей населения Западной Сибири и Северо-Западной Европы конца раннего железного века. Отметим, что перечисленные памятники отличаются от Туманского святилища отсутствием на них керамики (на Вуграсян-Ваде вместе с 92 бронзовыми фигурками найден один сосуд), а статус городищ Няксимволь и Усть-Полуй до сих пор является предметом острых дискуссий. Кроме того, большинством исследователей эти памятники атрибутируются как усть-полуйские.

Самым массовым материалом, происходящим с синдейских памятников, является глиняная посуда. В.Д. Викторова, как уже писалось, предполагает в синдейской керамике взаимодействие трех компонентов, отраженных в орнаментации. А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров отмечают преобладание на поселении Ендырское VIII горшковидных слабопрофилированных круглодонных сосудов; есть также миниатюрный горшок с резко отогнутой наружу шейкой и несколько закрытых чаш (рис. 1/ 1–4). Характерной особенностью сосудов являются скошенные внутрь венчики, иногда с карнизиками; прямые венчики редки. Они часто украшались оттисками гладкого или гребенчатого штампа. Орнамент на внешней поверхности наносился гребенчатым, гладким или фигурным (змейка, птичка, единично – S-видный) штампами. На четырех сосудах (около 10 %) встречены отпечатки веревочки, или шнура. Узоры простые: горизонтальные ряды прямых или наклонных оттисков штампа, ряды сгруппированных по 2–3 горизонтальных оттисков штампов, ряды шнуровых отпечатков [Зыков, Кокшаров, 2006. С. 125–126. Илл. 4]. Близкая керамика найдена и на городище Умытья 26 (рис. 1/ 5–8).

Самая крупная известная мне керамическая коллекция происходит с поселения Лева 22 (раскопки А.А. Погодина). Там выделены фрагменты минимум 115 синдейских емкостей (рис. 1/ 13–42). Этим же временем, вероятно, датируются два обломка от бронзового котла. Среди сосудов 93 (80,7 %) являются горшками, 20 (17,4 %) – котловидные емкости. Горшки различаются по высоте и степени отогнутости шейки – от вертикальных до, преимущественно, слабопрофилированных, реже среднепрофилированных. Единичны дугообразно выгнутые шейки. Среди котловидных емкостей есть близкие к открытым, и с более крутыми плечиками. Преобладают прямые плоские и прямые плоские с карнизиком венчики. Встречаются также скошенные внутрь, приостренные и округлые. Днища были округлыми или слегка приостренными.

На всей посуде орнамент занимает только верхнюю часть: украшались шейка, плечико и, в редких случаях, верхняя часть тулова. Венчик декорирован сверху у 19,8 % сосудов, с внешней стороны, по краю – у 53,2 %, и у одного – с внутренней стороны. На переходе от шейки к плечу или в верхней части плечиков проходит разделительный пояс из ямок, «жемчужин» или их сочетания. Узор наносился штампованием. Почти половина емкостей украшена шнуровым орнаментом (42,6 %) а вместе с комбинациями его и оттисков «гребенки», штампов в виде «птички», «уточки», Z-видных и ямок – на 59 сосудах (51,3 %). Гребенчатым штампом орнаментированы 17,4 % емкостей, а с учетом его сочетаний с другими штампами – на 20,9 %. На 6,1 % горшков выявлены отпечатки гладкого штампа и трапециевидные ямки. 16,5 % сосудов украшены фигурными штампами: крупной «змейкой», «птичкой», «уточкой», Z-видным и другими. На 7 емкостях (6,1 %) весь декор состоял из пояса ямок, жемчужин или их сочетания (т.н. разделительного пояса). Венчики украшены оттисками гладкого или гребенчатого штампа с наклоном вправо или влево (по 11 экз.) и шнуровыми (15 экз.).





По основному (с точки зрения нашей типологии) использованному при декорировании штампу в коллекции Левы 22 можно выделить четыре группы сосудов, украшенных: 1) шнуровыми отпечатками; 2) гребенчатыми, гладкими и мелкоструйчатыми оттисками, в том числе в сочетании с шнуровыми; 3) фигурными, а также фигурными в сочетании с шнуровыми или гребенчатыми оттисками; 4) с декором только из ямок либо жемчужин.

Первая группа представлена 50 экземплярами (43,4 % всех емкостей). Оттиски штампа имеют вид скрученного шнура разной толщины, иногда чуть разлохмаченного (рис. 1/ 38–41). Узоры состоят из горизонтальных рядов коротких наклонных или вертикальных оттисков, иногда сгруппированных по два-три; горизонтальных линий, между которыми иногда заключены сгруппированные косые отрезки или меандровидные фигуры; полукруглых (подковообразных) оттисков, образующих горизонтальные пояски или короткие наклонные ленты, в том числе в комбинациях с крупными крестовыми или меандровидными фигурами.

Вторая группа включает в себя 31 емкость (27 %) декорированную гребенчатыми, гладкими и мелкоструйчатыми оттисками, иногда в сочетании с шнуровыми (рис. 1/ 13–22, 24–25). Преобладают негативы от трехзубого узкого инструмента. Композиции монотонные, из горизонтальных поясков наклонных оттисков штампа, иногда сгруппированных по два.

В третью группу объединены 26 горшков (22,6 %), украшенных фигурными штампами, иногда в комбинации с шнуровыми или гребенчатыми оттисками (рис. 1/ 30–31, 33–37, 42). Такие оттиски в большинстве узоров размещены в горизонтальные ряды, либо сгруппированы по два или три, в том числе в шахматном порядке. Змейковидные отпечатки часто образуют горизонтальные линии.

Четвертую группу образуют 8 емкостей (7 %), весь декор которых состоял из пояска ямок, жемчужин или их сочетания (т.н. разделительного пояска – рис. 1/ 23, 26–29, 32). Редко ямки образовывали самостоятельный узор. Интересно, что ее составляют преимущественно котловидные сосуды – 6 экземпляров.

Спецификой комплекса Левы 22 является большое число посуды, украшенной шнуровыми оттисками – половина коллекции. Ряд обломков сосудов использовался вторично, в качестве скребков или шпателей. Их края приострены и заглажены, носят явные следы сработанности (рис. 1/ 20, 27).

В публикациях отмечалось, что керамика, близкая гребенчатой синдейской, есть не только в кашинской культуре, но и в древностях перегребнинского типа Нижнего Приобья [Морозов, Чемякин, 2008]. На поселении Низамы 9 вместе с перегребнинской посудой найдены несколько синдейских фрагментов [Там же. Рис. 9/ 6].

К настоящему времени хорошо обоснованной даты синдейских памятников нет. В.Д. Викторова датировала их второй половиной раннего железного века [1998а. С. 478]. А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров относят синдейские селища бассейна р. Конды и низовьев Оби ко второй половине I тыс. до н.э. [Зыков, Кокшаров, 2006а. С. 148], сужая эту дату для Ендырского VIII поселения до III–II вв. до н.э. [Зыков, Кокшаров, 2006. С. 126]. Они же отмечают, что в Нижнем Приобье и в бассейне р. Конды синдейские древности непосредственно предшествуют кулайским (саровским) [Там же].

О включении синдейских памятников в кулайский ареал уже писалось [Чемякин, 2005. С. 52]. Сравнение синдейской керамики с кулайской показывает как близость форм, орнаментации, так и ее различия. Для обоих культурных типов характерны горшковидные формы, там и там встречаются котловидные емкости, группы сосудов, украшенных гребенчатым и фигурными штампами, а также с бедной (ямочно-жемчужной) орнаментацией. С этими культурными типами связано распространение штампов в виде уточки и птички. В то же время синдейская керамика отличается от раннекулайской наличием горшков с дуговидной шейкой, относительно большим количеством емкостей с приостренным и скошенным внутрь венчиком, разделительным пояском из ямок и жемчужин не в основании, а посередине шейки. Среди оригинальных узоров выделяются горизонтальные пояски из сдвоенных (строенных) оттисков штампа, отпечатки Z-образного штампа и штампа в виде повернутой влево (зеркальной) уточки; велик процент сосудов, декорированных шнуровыми оттисками. Таковы предварительные результаты сравнения кулайской (ранней) и синдейской керамики. На синдейских памятниках есть и типичное кулайское оружие (наконечники стрел), и культовая металлопластика. Последняя достаточно специфичная, но не чужеродная в рамках кулайской общности.

Я поддерживаю точку зрения о влиянии приуральских культур на сложение памятников синдейского типа, но характер этого влияния пока не ясен. Шнуровая орнаментация в небольшом количестве известна в регионе на керамике кульминского типа начала эпохи железа. Возможно, сегодня преувеличена роль кашинского компонента в синдейской керамике: достаточно вероятно, что эти культуры синхронны, по крайней мере, на раннем этапе. Нижнюю дату кашинских древностей определяют как IV (IV–III) в. до н.э. [Викторова, Кернер, 1988. С. 139; Матвеева, 1994. С. 140]. Гребенчатая орнаментация, наряду с «ямочно-насечковой» и фигурно-штампованной, характерна как для сосудов предшествующего периода в бассейне Конды, так и для посуды синхронных и более ранних памятников сопредельных территорий, в том числе белоярской и кулайской культур.

Синдейский культурный тип мог участвовать в сложении кондинского варианта кулайской культуры.





Литература

Беспрозванный Е.М. Отчет о НИР по теме: Проведение раскопок поселения Неушья 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югра на территории Мортимья-Тетеревского месторождения нефти в 2005 году. Т. 1. Екатеринбург, 2006. Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. П. 22. № 69.

Беспрозванный Е.М., Козеко О.Е. Могильник Неушья 1.2 — источник по истории Кондинского края // Барсова гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 239–261.

Викторова В.Д. Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников. / Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967. Т. 1. Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ, ф. III, д. 127.

Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 254–270.

Викторова В.Д. Лозьвинский клад // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998. С. 312.

Викторова В.Д. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во «Екатеринбург», 1998а. С. 478.

Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костеище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург: БКИ, 1999. С. 126–153.

Викторова В.Д. Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций // Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 53–66.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. (ВАУ. Вып. 19). С. 129–141.

Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 332–335.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 114–134.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытья 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006а. С. 137–155.

Каменский С.Ю. Раскопки поселения Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО–Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск: "РИФ" КоЛеСо", 2008. С. 171–172.

Кокшаров С.Ф. Раскопки городища Большая Умытья 36 (Шаман-гора) в Советском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 5. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 108–110.

Терёхин С.А. Городище Островное – культовый памятник раннего железного века? // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 281–286.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // ВАУ. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 208–219.

Чемякин Ю.П. Кулайский этап раннего железного века таежного Обь-Иртышья: из истории исследований // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 50–53.

Чемякин Ю.П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 13. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 139–166.

Чемякин Ю.П., Погодин А.А. Поселение Лева 22 – многослойный памятник в бассейне Средней Конды // В печати.

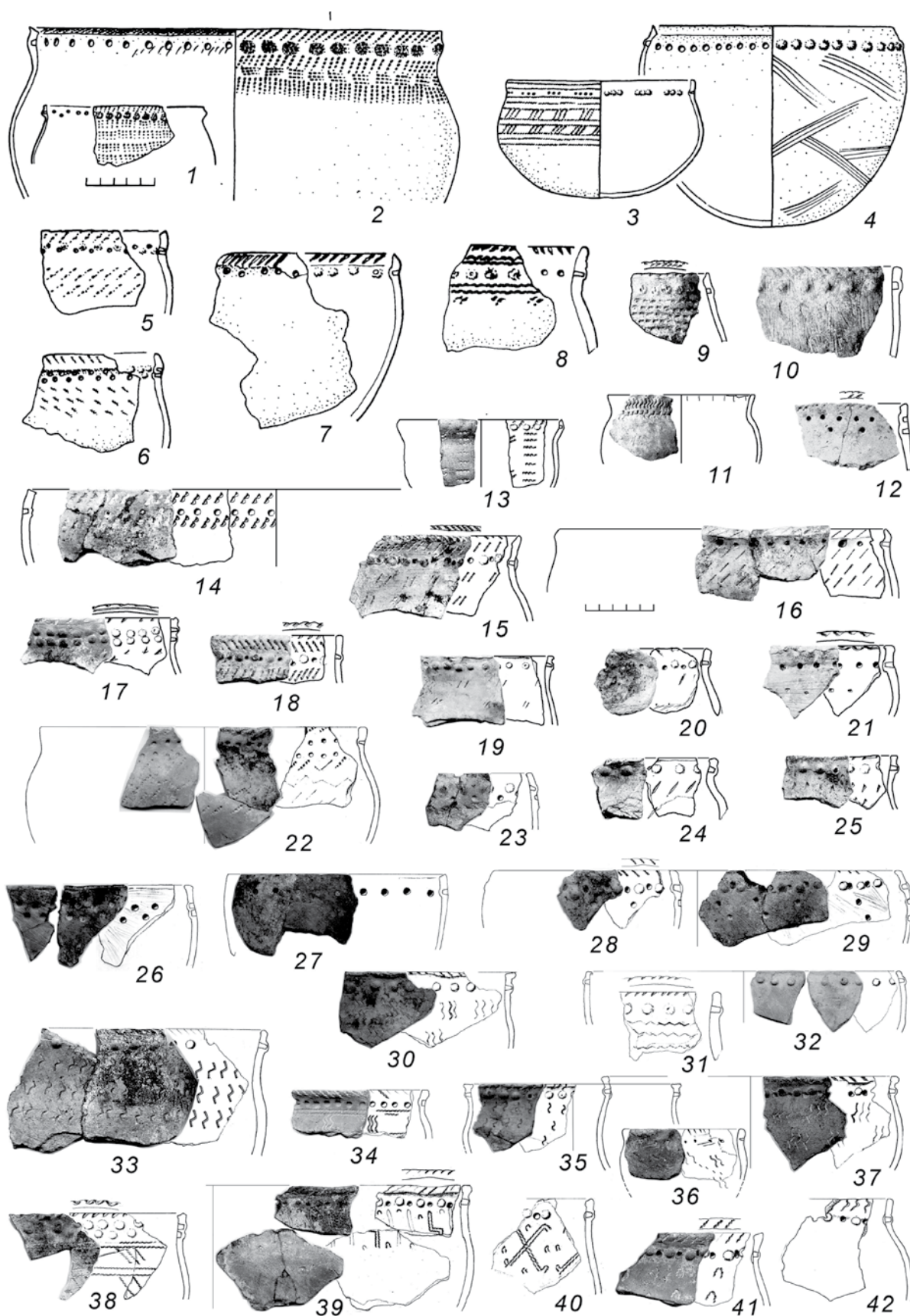


Рис. 1. Керамика синдейского типа

1–4 – поселение Ендырское VIII; 5–8 – городище Большая Умытъя 26; 9–12 – поселение Ахтымъя 1;
13–42 – поселение Лева 22



А.Я. Труфанов¹, Ж.Н. Труфанова²

Россия, ¹Екатеринбург, ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие»

²Сургут, Сургутский государственный университет

Находка кулайской металлопластики в верховьях Конды

В статье публикуется бронзовое изображение головы лося, найденное на территории Кондинской низменности и выполненное в традициях, свойственных кулайской культуре Томско-Нарымского Приобья. Данная находка поднимает круг вопросов, связанных с происхождением кулайской металлопластики в Зауралье и возможными вариантами появления кулайской культуры на западе ее ареала.

Ключевые слова: Западная Сибирь; кулайская культура; бронзовое культовое литье; изображение лося; иконография.

A. Ya. Trufanov¹, Zh. N. Trufanova²

Russia, ¹Yekaterinburg, Scientific and Analytical Center "AVKOM – the Heritage" LLC

²Surgut, Surgut State University

THE FIND OF KULACH METAL PLASTIC ART IN THE UPPER KONDA-RIVER

In the article is published the description of the bronze image of an elk head found in the territory of the Konda lowland and executed in the traditions peculiar to the Kulay culture of Tomsk-Narym Ob region. This artifact brings up a circle of the questions connected with an origin of Kulay bronze cult metal plastics in Trans-Urals and possible options of emergence of the Kulay culture in the west of its area. A stylistic and iconographic analysis of the image from the Neushya hillfort in the context of possible chronological and territorial features of metal plastic art in relation to the content side of the concept of "West Siberian cult casting". The main variants of correlation of "classical" Kulay antiquities with local cultures are supposed.

Keywords: Western Siberia; the Kulay culture; bronze cult metal plastics; elk image; iconography.

В 2016 г. при раскопках городища раннего железного века Неушья 2.1 А.А. Погодиным было найдено изделие кулайской металлопластики, заслуживающее персонального рассмотрения¹.

Раскопки носили спасательный характер и проводились ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» по договору с ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» ТПП «Урайнефтегаз». Памятник был расположен в устье р. Неушья при впадении ее в р. Мулымья (левый приток р. Конда). Городище береговое, с востока оно было ограничено крутым склоном террасы р. Мулымья, с юга и севера – рвом; западная часть была разрушена при разработке карьера. В результате работ сохранившаяся часть городища площадью не менее 400 кв. м исследована полностью. Полученный обильный керамический материал соотносится с посудой синдейского типа, выделенной В.Д. Викторовой в конце 1960-х гг. [1969] и до сих пор не получившей развернутой характеристики в печати.

Находка была сделана на площадке городища (уч. Ж/90) в 90 см к востоку от кострища 2 на нижнем уровне горизонта обитания. Размеры изделия 1,8х5,1 см, толщина – 0,4 см (в районе литника – 0,5 см), вес – 12,6 г. Представляет собой изображение головы лося, отлитое в односторонней форме (тыльная сторона плоская). Формообразующие части изображения выделены по контуру, детали показаны слабоповышенным рельефом. Голова персонажа показана в профиль; она вытянута в горизонтальной плоскости и направлена вправо. Рот показан глубоким вырезом, опускающимся вниз к уголку. Уши обозначены парой коротких выступов, немного наклоненных назад. Глаз и ноздря оформлены невысокими валиками. Валик, передающий глаз, закольцован в слегка уплощенный овал, ориентированный ближе к горизонтальной плоскости. Ноздря передана диагонально расположенным дуговидным валиком, изгиб которого близок линии внешнего края верхней челюсти. В задней части изображения прослеживается литник. От него вверх по диагонали отходит выступ, который с определенной долей осторожности можно трактовать как след от еще одного (верхнего) изображения – обломанного или недолитого².

Перед нами вполне типичное изображение головы лося, характерное для восточных районов «классической» кулайской культуры раннего железного века. Стилистико-иконографические детали требуют обсуждения. На большинстве кулайских изображений глаза и ноздри лосей показаны сквозными отверстиями, здесь же мы видим использование слабо повышенного контурного рельефа. Наиболее любопытна передача глаза – контурным валиком. Таким способом в Томско-Нарымском Приобье показаны глаза значительной

¹ Авторы глубоко признательны А.А. Погодину, предоставившему возможность публикации находки.

² Если наше предположение верно, то нельзя исключать, что найденное изображение является частью ярусной композиции, подобной изделиям, происходящим с Кулайского и Кривошеинского культовых мест [Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 31 (рис. 16)].





части антропоморфных персонажей [Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 13 (рис. 1/ 4, 5); с. 14 (рис. 2/ 2); с. 15 (рис. 3/ 1, 3–5) и др.]. Заметим, что использование слабо повышенного рельефа для передачи деталей головы лосей, хотя и редко, но все же встречается на востоке кулайского ареала. Нам известны два таких изображения: одно происходит из Кулайского культового места [Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 57 (рис. 32/ 2)], другое – из Парабельского «клада» [Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 33 (рис. 18/ 1)]. И хотя абсолютного сходства в оформлении этой детали мы не наблюдаем, важен сам принцип: на определенном этапе развития кулайской изобразительной традиции стало допустимым применять повышенный контурный рельеф при передаче глаза и ноздри лося. Не будем абсолютизировать хронологический подтекст данного тезиса. Так, на упомянутом изображении с горы Кулайка контурный рельеф ноздри сочетается со сквозной передачей глаза. Не станем забывать и о выводе Я.А. Яковлева о «культурно-хронологическом единстве безрельефных и рельефных изображений плоского ажурного литья» [2001. С. 162], сделанном им на основании анализа коллекции Саровского культового места. Однако, игнорировать возможные хронологические особенности изображений, имеющих стилистико-иконографические отличия тоже нельзя.

Здесь уместно отметить, что слабо повышенный рельеф всегда был спутником кулайской металлопластики. Другое дело, что форма и детали этого рельефа различались во времени. В свое время один из авторов данной работы пришел к выводу, что показ глаз и рта на антропоморфных кулайских изображениях в виде сплошных выпуклостей типологически предшествует передаче глаз и рта контурным валиком, образующем прямоугольник или овал [Труфанова, 2003. С. 21]. Если оценивать данное наблюдение как *тенденцию*, нельзя не упомянуть и о другой *тенденции* – уменьшения со временем удельного веса ажурного литья и увеличения сплошного. Появление термина «литье парабельского типа» как переходного к рёлкинскому [Чиндина, 1970. С. 200] не было случайностью. Именно на парабельских изображениях лосей мы видим исчезновение «сквознины» при передаче глаза и ноздри (при наличии ажурных туловищ!)¹.

В целом, хронологическая позиция неушынской находки может быть определена весьма относительно. Солидаризируясь с мнением Л.А. Чиндиной и Ю.В. Ширина о позднекулайском возрасте комплекса Парабельского культового места [Чиндина, 1984. С. 70; Ширин, 1993. С. 154] и соотнося с ним неушынскую находку, мы осознаем всю условность этого. К сожалению, другие материалы городища Неушья 2.1 пока не дают нам возможности более точного определения даты. Возможно этому помогут результаты радиоуглеродного датирования и анализа коллекции стеклянных бус (53 экз.).

Территориальное положение неушынского изображения лося неординарно. До сих пор все известные находки таких изображений были жестко локализованы в пределах Томско-Нарымского Приобья [Труфанов, Труфанова, 2015. С. 275]. За пределами этого региона была известна лишь одна фигурка, происходящая из Мурлинского «клада» [Чернецов, 1953. С. 153. Табл. XII/ 4], то есть, по сути, с сопредельной территории. Изображения лося, иконографически близкие томско-нарымским до сих пор неизвестны в Сургутском и Нижнем Приобье, несмотря на то, что количественно металлопластика раннего железного века этих территорий на сегодня сопоставима с «восточно-кулайской» [Чемакин, 2012. С. 177. Табл. I].

Таким образом, вопрос о природе появления специфически «восточной» головы лося на крайнем западе кулайского ареала становится частью общего вопроса, имеющего, как минимум два аспекта. Первый аспект связан с содержательной стороной понятия «западно-сибирское культовое литье» и его терминологическим оформлением. Если металлопластику раннего железного века Сургутского Приобья с рядом оговорок можно считать *кулайской* по базовым стилистико-иконографическим позициям, то в отношении к основной части зауральских и нижнеобских изображений, это было бы, на наш взгляд, некорректно. На западных территориях абсолютно доминирует иная, отличная от кулайской, изобразительная традиция, наиболее ярко проявившаяся в материалах таких памятников как Няксимволь [Труфанов, Труфанова, 2014] и Усть-Полуй [Фёдорова, 2014]. Возможно этих традиций было несколько. Заметим при этом, что изделия собственно кулайского изобразительного канона в Зауралье и на Нижней Оби известны, хотя и представлены единичными экземплярами. Достаточно взглянуть на нагрудную панцирную костяную пластину из Усть-Полуя [Мошинская, 1953. С. 99. Табл. XV/ 1; Усть-Полуй..., 2003. С. 65 (кат. № 183)]. Какие-либо промежуточные формы, которые можно было бы трактовать как «переходные» нам неизвестны. Здесь можно заметить, что местное производство публикуемого бронзового изображения сомнений не вызывает (на городище Неушья 2.1 найдено 92 бронзовых предмета, 53 обломка тиглей, три фрагмента литейных форм).

Второй аспект шире и касается трактовки происхождения кулайских древностей на западе ареала и соотношения их с местными культурами. Вопрос неразработанный и, поэтому, крайне запутанный. Сегодня определенно можно констатировать лишь одно: в Зауралье фиксируется достаточно мощный пласт культур, имеющих местное происхождение (как бы их не называли – синдейской, перегребнинской и т.д.), а также материалы, сопоставимые с «классическими» кулайскими древностями. Вопрос о соотношении этих двух культурных явлений может решаться (и решается) в трех основных вариантах: 1) кулайские древности в Зауралье

¹ И.А. Дураков полагает, что парабельские изображения лося сочетают ручную (туловище) и модельную (голова) формовку изображения [Дураков, 1995. С. 47; Троицкая, 2009. С. 46].





являются продуктом эволюции местных раннежелезных культур; 2) кулайская культура – пришлая с востока; 3) кулайский феномен – следствие интеграционных процессов в западносибирской тайге, приведших к формированию так называемой кулайской триады: сходных форм керамики, вооружения, культового литья.

При всей притягательности третьего варианта, как наименее противоречивого и, в известной степени, компромиссного, отметим, что это во многом *культурологическое* объяснение, которое должно находить подтверждение в конкретном *археологическом* материале или, точнее, – опираться на археологические источники. В этом плане большинство предложений по изучению кулайской культуры, сформулированных Л.А. Чиндиной на II Северном археологическом конгрессе [Чиндина, 2006. С. 416], по-прежнему являются актуальными.

Литература

- Викторова В.Д.** Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья / Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969.
- Дураков И.А.** Образ лося в культовом литье кулайской культуры // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. С. 44–51.
- Мошинская В.И.** Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья (МИА. № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 72–106.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.** Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск: Наука, 1991. 91 с.
- Троицкая Т.Н.** Некоторые коррективы к характеристике кулайской художественной металлопластики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 10. 2009. С. 45–48.
- Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н.** Стилистика и иконография металлопластики Няксиволя // Няксиволь. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 67–90.
- Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н.** К вопросу об «образе лося» в западносибирской металлопластике раннего железного века // IV Северный археологический конгресс: Материалы. 19–23 октября 2015 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2015. С. 275–276.
- Труфанов Ж.Н.** Плоское ажурное литье кулайской культуры / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 26 с.
- Усть-Полуй: I век до н.э.:** Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. 76 с.
- Фёдорова Н.В.** Антропоморфные образы Усть-Полуя: технология, иконография, композиции сцен // Уральский исторический вестник. № 2 (43). 2014. С. 63–71.
- Чемякин Ю.П.** Усть-полуйская или кулайская? (о металлопластике усть-полуйской культуры) // Археология Арктики. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 176–181.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья (МИА. № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 121–178.
- Чиндина Л.А.** О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 191–228.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.
- Чиндина Л.А.** Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 24–30 сентября 2006 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 404–420.
- Ширин Ю.В.** К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 152–162.
- Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 274 с.

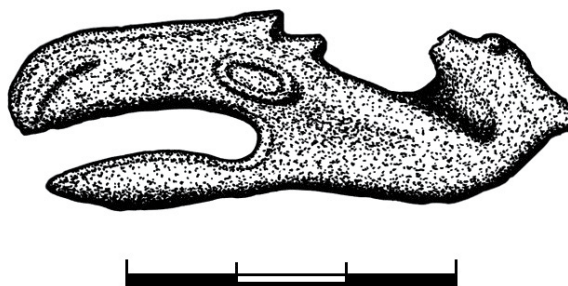
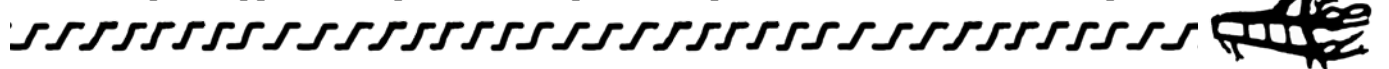


Рис. 1. Городище Неушья 2.1. Бронзовое изображение головы лося





Ю.В. Ширин

Россия, Новокузнецк

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
**ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ХОЛМОГОРСКОЙ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
УРАЛО-ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ЛИТЬЯ ИЗ БЕЛОЙ БРОНЗЫ**

Бронзовое литьё Западной Сибири эпохи Раннего Железа представлено несколькими стилистическими группами. Высказана гипотеза, что бронзовые изделия Холмогорской стилистической группы (далее ХСГ), изготовленные из высокооловянистых сплавов, являются импортом для большинства культурных ареалов Западной Сибири. Поставлена цель – определить регион, где могли изготавливать такие предметы. Для этого предложено картографировать известные находки. Представлены основные принципы составления базы данных по этому типу литья. Намечены основные категории изделий, их стилистические и технологические признаки. Автор предполагает, что вероятным местом производства изделий ХСГ может быть южная часть Среднего Зауралья. Этот регион близок к металлургическим центрам Предуралья. Именно их культурные традиции отразились в ассортименте изделий ХСГ. Этот регион также удачно соседствует с торговыми маршрутами, идущими в Прикамье из Средней Азии. Это могло давать дополнительный стимул для экономического развития данного региона. Статья нацеливает на необходимость коллективной работы по выявлению и публикации изделий ХСГ, а также по критическому рассмотрению предложенной гипотезы.

Ключевые слова: стилистика, Западная Сибирь, кулайская культура, бронзовое литьё, технологические признаки, белая бронза

Yu. V. Shirin

Russia, Novokuznetsk

Novokuznetsk Institute (Branch) of the Kemerovo State University
**THE TRANSCULTURAL PHENOMENON OF THE Kholmogory Stylistic Group
URAL – WEST SIBERIAN CASTING OF WHITE BRONZE**

Western Siberia bronze casting of the Early Iron Age is represented by several stylistic groups. A hypothesis is put that bronze castings of the Kholmogory stylistic group (the KhSG) made from high-tin alloys are imports for most of history-cultural areas of Western Siberia. The goal is to determine the region where such castings could have been manufactured. It is suggested to map for known sites. The basic principles of a database compiling on this type of casting are presented. The main categories of products, their stylistic and technological features are outlined. The author assumes that the likely areal of the production of castings of the KhSG may be the southern part of the Middle Trans-Urals. This region is close to the metallurgical centers of the Pre-Urals. It is their cultural traditions that are reflected in the assortment of castings of the KhSG. Also this region successfully adjoined the trade routes going to the Kama region from Central Asia. This could have been an additional incentive for the region economic development. The article aims to the need for a collective work on identification and publication of castings of the KhSG, as well as on critical consideration of the proposed hypothesis.

Keywords: stylistics, Western Siberia, bronze casting, technological features, high-tin bronze.

В Западной Сибири известно значительное число предметов первой половины I тыс., отлитых из так называемой «белой бронзы». Нужно отметить, что случайные находки такого литья, прежде всего высокохудожественного, исследователи долгое время безоговорочно относили к раннему средневековью. Хотя еще В.Н. Чернецов в одной из своих ранних работ, говоря о возможных причинах появления в Приобье культовых изделий из высокооловянистых сплавов, связал это с усть-полуйской культурой, «в общем совпадающей с пьяноборским временем» [Чернецов, 1947. С. 125], пересмотр отношения к датировке подобных изделий наметился только к 1980-м гг. Это стало возможным благодаря обнаружению целой серии разнотипной художественной пластики из белой бронзы в составе Холмогорского клада. Верхнюю хронологическую границу для этой коллекции было предложено ограничить началом IV в. н.э. [Зыков, Фёдорова, 2001. С. 145]. Накопленные наблюдения о находках рельефной художественной пластики из белой бронзы в комплексах, относимых к позднекулайскому времени [Чиндина, 1984. С. 73–75], вроде бы, должны были способствовать относительно быстрому принятию для этого типа литья новой хронологической позиции. Но переосмысление шло не просто. До выхода обобщающей работы по Холмогорскому кладу, его пластика продолжала рассматриваться и в контексте раннего средневековья [Кузьминых, 1999].





Определение понятий. При характеристике выбранной группы литья мы намеренно не выделяем «западносибирское литье» из широкой совокупности «урало-западносибирского литья», поскольку Урал и Предуралье также не лишены подобных находок, а для многих категорий изделий этой группы только там можно найти истоки их типологического и стилистического своеобразия. В то же время, предлагая понятие «холмогорская стилистическая группа» (далее ХСГ), мы намерены подчеркнуть, что эта совокупность изделий первой половины I тыс. **тяготеет именно к западносибирскому ареалу своего распространения.** Многие стилистические особенности данной разновидности литья позднее становятся характерными признаками пластики раннесредневековых типов, используемых именно в Западной Сибири. Тем не менее, понятие «ХСГ» не предполагает места изготовления, даже в региональном смысле.

Под стилем мы понимаем систему характерных приёмов и средств художественной выразительности и изобразительности. Стилистический анализ памятника предполагает исследование его внешнего вида: анализ формы, орнаментации, манеры и техники исполнения, технического соподчинения элементов в композиции, наиболее значимых деталей в изображении. Определение стиля, как вполне ограниченной совокупности устойчивых, качественно определенных выразительных элементов (стилистических признаков), позволяет формализовать процедуру его выделения. Для целей нашего исследования наиболее подходит именно формально-стилистический метод [Чежина, 1990. С. 77, 78]. Мы попытаемся выявить стилистические признаки литья ХСГ, отделив их от функционально-семантических особенностей изображения.

Распознаваемость того или иного стиля обусловлена устойчивостью, повторяемостью и неизменностью в рамках определённого культурного ареала некоторых изобразительных элементов плана выражения. В своё время эти неизменяющиеся элементы изображения получили название изобразительных инвариантов [Шер, 1980. С. 28–32; 2004]. Стилистический инвариант – устойчивая серия изображений с тождественным способом сочетания стандартного набора иконографических инвариантов. Близкое, но не тождественное значение имеет используемое Н.В. Фёдоровой понятие — иконографический тип [Фёдорова, 2000].

Понятие «ХСГ» мы не вписываем в контекст высказанной Н.В. Фёдоровой, в том числе и при исследовании Холмогорской коллекции, идеи формирования к рубежу н.э. «общерегиональной западносибирской концепции литья» [Зыков, Фёдорова, 2001. С. 47]. Скорее, это понятие созвучно с более узким по содержанию III типом орнитоморфных изображений, выделенных Л.А. Чиндиной в материалах позднекулайских комплексов [Чиндина, 1984. С. 107]. Среди возможных альтернативных наименований для ХСГ, например, таких как «барсовская», «парабельская», «фоминская» или «ишимская», мы не случайно остановились на «холмогорской». Именно Холмогорский клад, включающий в свой состав значительное разнообразие категорий рассматриваемых типов литья, представляется наиболее однородным по своему составу. Как мы полагаем, это позволит закрепить нужные ассоциации между предлагаемым понятием и выделяемой совокупностью изделий урало-сибирского литья из белой бронзы.

Белая бронза – типы бронзовых сплавов, обычно, содержащие в своем составе высокий процент олова. В изделиях ХСГ, для которых были проведены анализы материала изготовления, эта величина распределялась в интервале от 10 до 35 % (большая часть сплавов содержала около 20 % олова). Мы не исключаем, что могут встречаться изделия ХСГ отлитые из иных типов сплавов. В этом случае стилистические признаки остаются ведущими для причисления изделия к данной группе.

Проблемная ситуация. При публикации изделий ХСГ, встречающихся в различных местах Западной Сибири, неоднократно высказывались мнения об их автохтонном производстве [Чиндина, 1984. С. 73; Кузьминых, 1999; 2001. С. 147; Кузьминых, Чемякин, 2005. С. 133; Борзунов, Стефанов, 2016. С. 61]. С накоплением источников, эти предположения всё больше входят в противоречие со значительными территориальными разрывами между местами обнаружения однотипных изделий, не только стилистически и технологически однообразных, но и аналогичных до полного тождества. Отмеченное для изделий ХСГ массовое тиражирование предполагает очень высокий уровень специализации и технологического оснащения производства. Признаков наличия, для начала I тыс., соответствующего технокомплекса, с бронзолитейной специализацией отдельных групп населения, нигде в таёжной зоне Западной Сибири не зафиксировано. Не отрицая возможности создания единичных копий изделий данной группы в некоторых регионах Западной Сибири, мы предполагаем, что, вероятнее всего, во всем разнообразии присущих ХСГ типов, они были разработаны в одном центре с развитыми традициями ремесленного производства. В попытках локализовать это место, мы исходим из вероятности, что некоторая совокупность условий, в которых произошло формирование производственного центра, нашла отражение в технологических, конструктивных и декоративных особенностях, присущих изделиям ХСГ, а также в их ассортименте.

Находки последних лет (к сожалению, значительная их часть сделана грабителями археологических памятников) позволяют высказать гипотезу, что мастерские по изготовлению предметов из белой бронзы, распространяемых по Западной Сибири в первой половине I тыс., тяготеют к южной части Среднего Зауралья. Именно в Зауралье отмечено максимальное число типов изделий ХСГ в разнообразных сочетаниях. Боль-





шинство из категорий этого литья, в том числе эполетообразные застёжки, имеют прототипы в смежных районах Предуралья. В Среднем Зауралье найден кара-абызский и пьяноборский импорт. Принадлежность его к костюмным наборам не исключает и присутствия мигрантов из тех мест, включая мастеров с пьяноборской литейной традицией. Признаки этого проявляются в изделиях ХСГ не столько на технологическом уровне, сколько через ассортимент и конструктивные особенности отливаемых предметов. С прилегающими к Среднему Зауралью регионами связаны и массовые находки тиражированных изделий. Как полагают, немного южнее Среднего Зауралья в первой половине I тыс. проходили и основные торговые маршруты, связывающие Предуралье со Средней Азией [Голдина, Голдина, 2010. С. 194]. Это соседство может быть тем условием, которое объясняет не только само появление соответствующего производственного центра, но и стандартное сочетание изделий из белой бронзы с соответствующими группами импорта, например, со среднеазиатскими горячекованными зеркалами и дисками с концентрическими проточками.

Дополнительный проблемный аспект, состоит в том, что вычленение стилистических групп в составе урало-западносибирского литья – уже давно назревшая потребность. Отдельные характеристики стиля изобразительных памятников в виде их типологии и классификации присутствуют в некоторых работах, но этого недостаточно. К сожалению, изучение бронзовой пластики обычно сводится лишь к описанию новых находок или обобщению накопленного материала с упором на реконструкцию семантики изображений. Отсюда возникало и возникает много спорных вопросов, которые касаются хронологических и географических рамок распространения отдельных типов пластики. Вместе с тем, в исследованиях, имеющих преимущественно семантическую направленность, смешиваются изделия разных стилистических групп. Изделия ХСГ также неоднократно попадали в такие перемешанные совокупности, в частности, в работах, посвящённых иконографии медведя [Фёдорова, Чемякин, 2012; Панкратова, 2014] и птицы [Панкратова, 2013]. Как нам представляется, подобное сближение стилистически разнородной пластики, не только в контексте семантического анализа, но и в культурологических целях, не оправдано. Велика вероятность не только разновременности этих изделий, но и разнокультурности исходной принадлежности. Неопределённая хронологическая позиция большинства изделий, объединяемых в подобных работах, оставляет без почвы даже субъективные гипотезы о первенстве в воплощении конкретных иконографических типов в рамках той или иной стилистической группы.

Стилистический анализ иногда служит единственным исходным пунктом для установления хронологии бронзовой пластики. Для этого необходимо выбрать такие изделия, время которых может быть установлено при помощи других методов. Изучив стиль этих памятников, нужно при помощи сравнительного метода, сопоставить их с другими памятниками, отмечая черты сходства и отличия. Чем ближе в стилистическом отношении сравниваемые памятники, тем ближе друг к другу будет и время их бытования, вплоть до относительной синхронности [Жебелёв, 1923. С. 143]. Но, судя по всему, простота этой давней рекомендации кажущаяся, так как приходится сталкиваться с отнесением изделий ХСГ, имеющих относительно узкий период бытования, даже к первой половине II тыс. [Сургутский..., 2011. С. 80, 130].

Цель — заложить основу пополняемой базы данных (каталога) одной из стилистических групп урало-сибирского литья первой половины I тыс. **во всём разнообразии его типов и ареалов обнаружения, для проверки гипотезы о вероятных условиях возникновения этой группы изделий.** Последующее пополнение этого каталога послужит либо опровержению высказанной гипотезы, либо уточнению и развитию вытекающих из неё следствий.

Задачи: 1) выделение стилистических признаков литья ХСГ; 2) картографирование мест находок; 3) фиксация взаимовстречаемости нескольких типов изделий; 4) реконструкция технокомплексов, в которых были отлиты изделия; 5) проведение анализа состава сплавов; 6) поиск оснований для возможной относительной периодизации комплексов и отдельных типов изделий.

Стилистические особенности. Выделяемая группа литья обладает ярко выраженным стилистическим единством (рис. 1). Вне зависимости от принадлежности к той или иной ассортиментной группе, изделия ХСГ относительно легко вычленяются из совокупности близкородственных предметов благодаря весьма характерным особенностям построения формы, компоновке деталей и декоративному оформлению. Художественная пластика этого типа отличается высоким рельефом деталей, общей вогнутостью оборотной стороны, декоративной дополнительной обработкой внешней поверхности и шлифовкой. Внедряется система шнуровой или зернистой окантовки [Чиндина, 1984. С. 107]. К этому можно добавить круг наиболее часто встречаемых изобразительных мотивов и декоративных элементов (например, несколько типов меандровидных узоров), особый тип компоновки элементов, аналогичный и для плоскости и для объема (например, сочетание гладкой поверхности и чётких рельефных линий с геометризированными мотивами, стремление к плотному заполнению поверхности деталями). Список стилистических признаков ХСГ мы намеренно не конкретизируем. Он открыт для обсуждения и, если требуется, исправления.





Некоторую сложность может представлять отделение от ХСГ изделий, имеющих некоторые присущие ей черты, возможно возникшие как подражание. Подобные изделия обычно отличают: нехарактерные конструктивные особенности и эклектичность – наличие чужеродных для ХСГ деталей, присущих иным стилистическим группам.

Ассортимент изделий и типология их форм. В основу предложенного нами разделения изделий ХСГ на ассортиментные группы положен всего лишь один из возможных вариантов их функционального применения, определённый с учётом наиболее общих характеристик их формы. Это деление условное и субъективное, по многим причинам. Практически все изделия ХСГ несут признаки длительного использования, возможно, и не по прямому назначению. Иногда на них есть следы ремонта.

Всего нами выделено 10 основных ассортиментных групп (рис. 1): 1 – детали для ножен; 2 – рукояти клинков; 3 – поясные крючки; 4 – поясные накладки; 5 – обоймы-наконечники; 6 – пронизи; 7 – накладки фигуративные (птицевидные; зооантропоморфные и т.п.); 8 – перстни; 9 – серьги или височные кольца; 10 – браслеты или гривны. Возможно расширение этого списка. В частности, встречаются изделия ХСГ, для которых пока сложно предположить какое-либо функциональное назначение. Мы не предполагаем разделять предметы на культовые и профанно-прагматичные, считая эту процедуру не только методологически слабо обоснованной, но и не нужной в контексте решаемых задач.

Ассортимент бронзовых изделий ХСГ относительно ограниченный, при заметном разнообразии форм. Используемая нами типология форм учитывает опыт систематизации изделий соответствующих ассортиментных групп. Детализировать процедуру выделения типов мы не будем, признавая её условность и почти интуитивный характер. Типу будет присваиваться постоянный номер, состоящий из номера ассортиментной группы и номера типа. При наличии вариантов типа, они маркируются буквами. Предполагается, что затем в публикациях тип будет обозначаться этим номером, например, так – ХСГ 3-1а.

Технология изготовления, включая состав сплавов. При описании изделий ХСГ следует обращать внимание на признаки, позволяющие реконструировать технологию изготовления во всех деталях. Необходимо отмечать места заливки металла, характерные признаки брака, особенностей формовки, признаки доработки после отливки [Дегтярёва, 2006]. Отдельные особенности технокомплекса, характерного для производства изделий ХСГ, были описаны Д.А. Симоновым при анализе бронзовых отливок, найденных в Усть-Абинском могильнике [Симонов, 2010]. При интерпретации технологических признаков возможны ошибки, подобные тем, которые сделаны при описании изделий ХСГ в составе кулайского культового комплекса городища Барсов городок 1/20. Автором этих описаний ошибочно указано, что крепёжные петли на тыльной стороне изделий припаяны [Борзунов, Стефанов, 2016. С. 46, 48, 57], в то время как предметы цельнолитые. Во избежание подобных казусов желательны консультации со специалистами знакомыми с технологиями бронзового литья.

Исследуя сплавы, используемые для изделий ХСГ, следует обращать внимание на микропримеси, позволяющие наметить районы вероятных исходных рудных месторождений меди. Так, уже установлено, что для сплавов изделий ХСГ характерно наличие микропримеси железа. Это, обычно, служит признаком получения меди из медно-колчеданных (сульфидных) руд [Кузьминых, 2001. С. 147]. Также не исключено, что для отливки изделий ХСГ использовался лом однотипных импортных предметов. Возможно, при большей выборке удастся не только выявить разные типы сплавов, но и соотнести их с рецептурой сплавов переплавляемых предметов. В связи с этим, следует обращать внимание на состав сплавов изделий, сопутствующих ХСГ, а также бытующих в данный период.

Картографирование. Ему подлежат все находки. Сомнительные локации недокументированных находок маркируются. Если точная локализация места обнаружения изделий невозможна, то при описании типа, отмечается вероятность отнесения предмета к одной из 7 условных историко-культурных зон: Предуралье, Лесное Зауралье, Тобольское Прииртышье, Нижнее Приобье (включая Сургутское), Среднее Приобье, Верхнее Приобье, Верхнее Причулымье (включая более восточные районы). По итогам работы, этот список и границы зон могут быть уточнены.

Вывод. Реализация поставленных задач предполагает согласованный коллективный труд многих заинтересованных специалистов. К чему мы и призываем, с условием соблюдения обозначенных общих принципов представления материалов. Это может быть как описание отдельных находок – единичных или в составе комплекса, так и характеристика совокупности типов отдельных ассортиментных групп.



Литература

Борзунов В.А., Стефанов В.И. Уникальный клад с Барсовой горы: общая характеристика // ХМАО в зеркале прошлого. Вып. 14. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 32–66.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск: б.и., 2010. С. 156–195.

Дегтярёва А.Д. Методика поверхностного изучения цветного металла // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2006. № 6. С. 117–126.

Жебелёв С.А. Введение в археологию. В 2-х ч. Ч. 2. Теория и практика археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. 176 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.

Кузьминых С.В. К предистории цветной металлообработки у обских угров (на примере Холмогорского «клада») // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. С. 44–47.

Кузьминых С.В. Цветной металл Холмогорской коллекции // Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. С. 146–150.

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тысячелетия до н.э. (предварительные результаты) // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. С. 123–134.

Панкратова Л.В. Иконография птицевидных образов с развёрнутыми крыльями в кулайской металлопластике // Вестник Том. ун-та. История. 2013. №3 (23). С. 259–265.

Панкратова Л.В. Образ медведя в металлопластике кулайской общности раннего железного века Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 85–89.

Симонов Д.А. Технология изготовления эполетообразных застёжек Усть-Абинского могильника // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии (Труды САИПИ. Вып. VI). Барнаул: Азбука, 2010. С. 91–93.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 151 с.

Фёдорова Н.В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. С. 37–42.

Фёдорова Н.В., Чемякин Ю.П. Образ медведя в пластике эпохи раннего железа Сургутского и Нижнего Приобья // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзитской и Михаила Фёдоровича Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 256–266.

Чежина Е.Ф. О возможных применениях методов искусствознания в исследованиях звериного стиля // Археологический сборник. Вып. 30. СПб.: Искусство, 1990. С. 77–82.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 1. 1947. С. 113–134.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шер Я.А. Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 9–13.



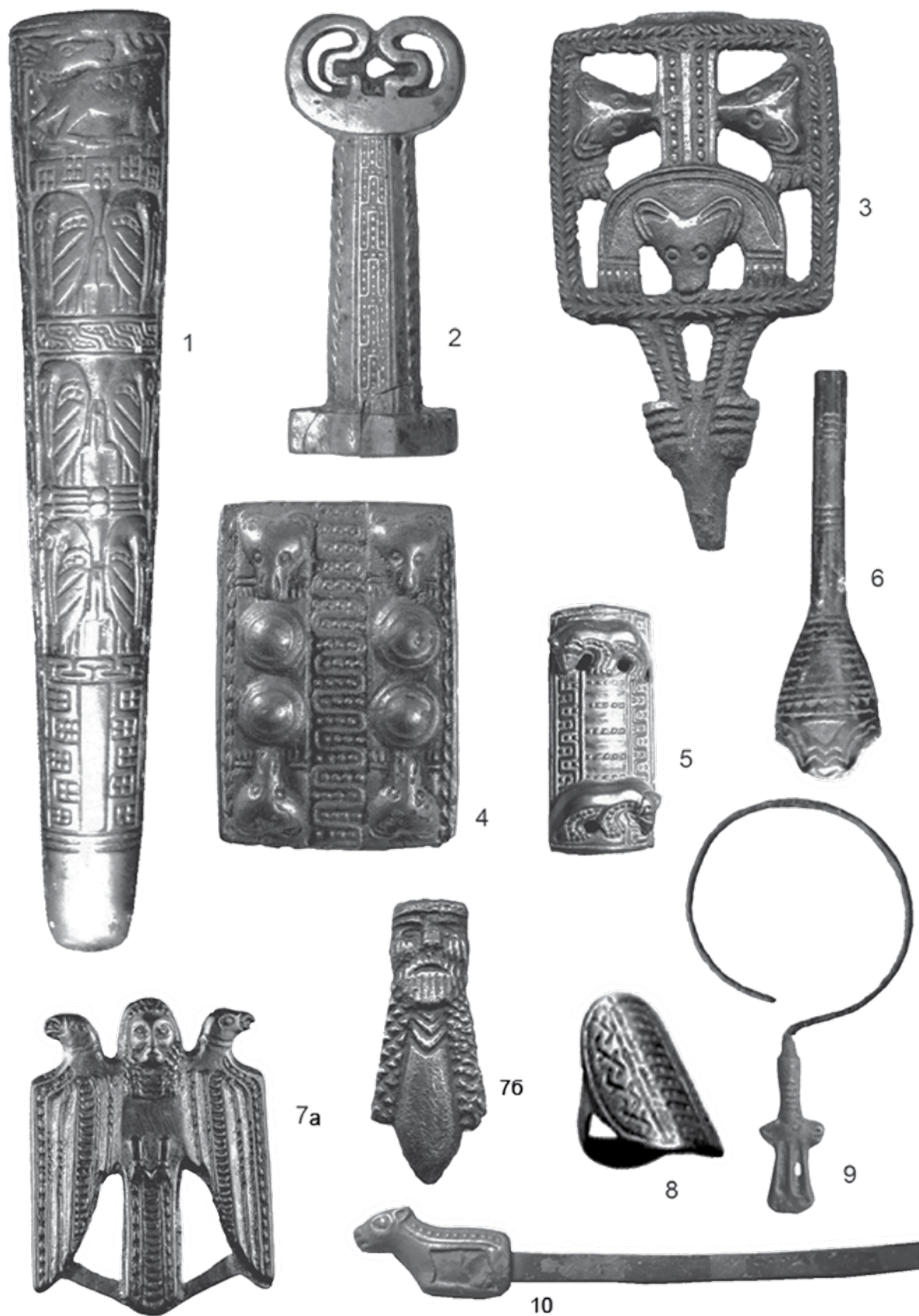
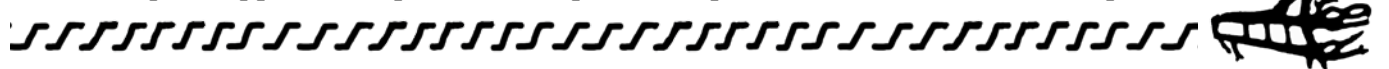


Рис. 1. Основной ассортимент изделий холмогорской стилистической группы

1 – детали для ножен; 2 – рукояти клинков; 3 – крючки поясные; 4 – накладки поясные; 5 – обоймы-накосники; 6 – пронизи; 7а, 7б – накладки фигуративные; 8 – перстни; 9 – серьги или височные кольца; 10 – браслеты или гривны



В.В. Горбунов

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

**ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО ДЕЛА ПЛЕМЕН КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 16–18–10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Аннотация: В работе анализируются археологические материалы из южных районов распространения кулайской культуры, раскрывающие различные аспекты военного дела ее носителей. Рассматриваются предметы оборонительного и наступательного вооружения, которые, учитывая датировку памятников, разделены на два комплекса: ранний (I в. до н.э. – II в. н.э.) и поздний (III – первая половина IV вв. н.э.). Приводится реконструкция панцирей и луков, описание наконечников стрел и копий, мечей, ножей, кинжалов и топоров самодийских воинов. Сравниваются боевые средства из южного и северного ареала кулайской общности. Выделяется два рода войск: пехота и конница. Воссоздается военная организация, тактические приемы ведения боя и стратегия ведения военных действий у южно-самодийского населения. Отмечается, что военное дело южнокулайских племен в ранний период продолжало следовать традициям своих северных сородичей, а в поздний период подвергается существенным изменениям, направленным на повышение его уровня до кочевых стандартов.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, кулайская культура, комплекс вооружения, пехота, конница, тактика и стратегия.

V.V. GORBUNOV

Russia, Barnaul, Altai State University

**WARFARE FEATURES OF THE KULAY CULTURE'S TRIBES IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA
(THE I CENTURY BC – MIDDLE OF THE IV CENTURY AD)**

The work analyzes the archaeological materials from southern areas of distribution Kulay culture, revealing various aspects of warfare of its bearers. The items of defensive and offensive weapons are studied, which considering the sites' dating, are divided into two sets: the early one (I century BC – II century AD) and the late one (III – first half of IV century AD). We present the reconstruction of cuirasses and bows, descriptions of the Samoyedic warriors' arrowheads and spearheads, swords, knives, daggers and axes. The martial means from the southern and northern areas of Kulay community are compared. There are two kinds of troops – infantry and cavalry. The military organization, warfare tactics and strategy of the southern-Samoyedic population are recreated. It is noted that warfare of South Kulay tribes in the early period continued following their northern relatives' traditions, and in the later period underwent significant changes aimed level enhancing up to the nomadic standards.

Keywords: the South of Western Siberia, the Kulay culture, weapon set, infantry, cavalry, tactics and strategy

Объединение, созданное самодийскими племенами в раннем железном веке на просторах Западной Сибири и известное в археологии как кулайская культура (культурно-историческая общность), являлось крупнейшим территориальным образованием своего времени. Оно возникло в середине I тыс. до н.э. в Сургутско-Нарымском Приобье и в течение IV–III вв. до н.э. распространилось на весь таежный периметр, прилегающий к изначальному ядру [Чиндина, 1984. С. 120; Чемякин, 2015. С. 138]. Дальнейшее расширение ареала кулайской культуры было, в основном, связано с южным лесостепным направлением. Ближе к рубежу эр кулайское население достигает района Барнаульского Приобья, а к III в. вплотную подходит к предгорьям Алтая и Кузнецкого Алатау [Горбунов, 2015. С. 120–121]. Лишь с IV в. встречное движение кочевых племен, бывшее частью «великого переселения народов», привело к постепенному распаду кулайского единства. Раньше всего, середина IV в., это произошло в Лесостепном Алтае, где образовалась одинцовская культура [Казаков, 1996. С. 176]. Позднее, вероятно, начиная с середины V в., самостоятельные культуры обособляются и на других территориях кулайской общности [Чиндина, 1984. С. 171; Чиндина, 1996. С. 110; Троицкая, Новиков, 1998. С. 79].

Тысячелетний период существования кулайской культуры и огромный ареал, освоенный ее носителями, были бы недостижимы без постоянного совершенствования военного дела. Его достаточно высокий уровень подтверждают имеющиеся археологические материалы. С одной стороны об этом говорят городища, демонстрирующие развитие фортификации, с другой – находки передовых средств вооружения. И хотя они не часто встречаются на поселенческих и погребальных памятниках, зато представлены, и подчас в массовом поряд-



ке, в различных культовых объектах. Ценную дополнительную информацию об оснащении кулайских воинов дают изображения на предметах прикладного искусства.

Характеристика предметов вооружения и укреплений на городищах с меньшей или большей степенью подробности встречаются у многих исследователей публиковавших и интерпретировавших материалы кулайской культуры. Наибольшее внимание вопросам, связанным с военным делом кулайской общности уделено в работах Л.А. Чиндиной. Людмила Александровна показала эволюцию оборонительных укреплений на городищах, выделила специфически кулайские черты в предметах вооружения, определила некоторые особенности тактического применения оружия, реконструировала возможные причины внутренних и внешних конфликтов и стратегические принципы освоения новых территорий [Чиндина, 1984. С. 32–39, 62–72, 122–123, 151–152; Чиндина, 1996. С. 99–110]. Многие ее наблюдения и выводы сохраняют свою актуальность до настоящего времени. Ценные заключения о вооружении и тактике кулайских воинов содержатся в книге А.И. Соловьева [2003. С. 89–95, 112–121]. Однако, несмотря на имеющийся интерес ученых, до сих пор пока нет отдельных трудов, посвященных кулайской военной тематике.

В настоящей статье ставится задача анализа и интерпретации военных материалов из кулайских памятников южных лесостепных районов Западной Сибири, примерно от линии Новосибирск–Кемерово до предгорий. Большинство из них введены в научный оборот сравнительно недавно и почти не использовались предшественниками, в основном оперировавшими данными северных таежных памятников.

Южнокулайские военные материалы целесообразно рассмотреть, учитывая их хронологическое деление на два периода: более ранний (I в. до н.э. – II в. н.э.) и более поздний (III – первая половина IV в. н.э.). Первому – соответствуют памятники троцкого этапа в Лесостепном Алтае [Горбунов, 2015. С. 120], с которыми можно объединить памятники второго этапа из Новосибирского Приобья [Троицкая, 1979. С. 49]. Со вторым – соотносятся памятники фоминского этапа из Лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины [Ширин, 2003. С. 109–110; Горбунов, 2015. С. 120–121].

Комплекс вооружения раннего периода представлен находками из могильников Ордынское-1, Кармацкий, городища Дубровицкий Борок-3, поселения Чудацкая Гора и Новообинцевского клада [Троицкая, 1979. Табл. XXIV/ 1–4, 11, XXVIII/ 6, XXIX/ 1; Бородаев, 1987. Рис. 5; Ширин, 2004. Рис. 2/ 1–2; Тишкин, Горбунов, 2012. Рис. 5/ 9; Тишкин, Тишкина, Семкина, 2015. Рис. 1]. Это две пластины от двух панцирей, 18 наконечников стрел, модель кинжала и пять топоров-кельтов.

Для индивидуальной защиты южно-самодийские воины этого времени применяли панцири, которые характеризуют роговые пластины. Одна – крупная пятиугольной формы с отверстиями по периметру и гравированным изображением воина с кинжалом на лицевой стороне (рис. 1/ 1). Вторая – узкая прямоугольной формы с угловыми и, видимо, парными боковыми отверстиями (рис. 1/ 2). Основу такого панциря составляли прямоугольные пластины, соединявшиеся кожаными ремешками. Боковые отверстия были нужны для набора пластин в горизонтальную полосу. Угловые отверстия – для соединения между полосами. Получалось достаточно жесткое скрепление полос, более подходящее для короткого, длиной до пояса, панциря покроя «кираса». Крупная пятиугольная пластина могла нашиваться на кожаный клапан и крепиться к верхней полосе нагрудника (рис. 1/ 11). Похожие панцирные детали из кости и рога встречаются в северных кулайских памятниках конца васюганского – начала саровского времени, а пластины прямоугольной формы бытовали и у кочевого населения Евразии в течение почти всего раннего железного века [Горбунов, 2003. С. 38]. Есть мнение, что кулайские воины использовали и шлемы, набранные из роговых (костяных) пластин [Мошинская, 1953. С. 100. Табл. II/ 8, 12; Соловьев, 2003. С. 93. Рис. 112, 115]. Это вполне вероятно, особенно учитывая находки подтреугольных пластин, в том числе длинных, на Усть-Полуйском городище, но в южных районах таких деталей пока не найдено, также как и импортных доспехов подобных железным шлемам из Истяцкого клада.

Для ведения дальнего боя южно-самодийские воины использовали лук и стрелы. Наконечники стрел бронзовые втульчатые, достаточно крупных параметров. Их трехлопастное перо «ракетообразной» формы. Его абрис имеет более или менее выраженную ярусность, а основание снабжено длинными шипами, которые часто находят в обломанном виде (рис. 1/ 3–7). Такие наконечники считаются типично кулайскими и бытуют с определенными изменениями с V в. до н.э. до III в. н.э. [Ширин, 2004. С. 56]. Они предназначались для ведения прицельной стрельбы на относительно небольшой дистанции в условиях закрытой лесной местности и обладали повышенным поражающим действием [Чиндина, 1984. С. 122; Соловьев, 2003. С. 91]. Представление о кулайских луках может дать бронзовая фигурка воина, опубликованная А.И. Соловьевым [2003. Рис. 45]. На ней изображен достаточно длинный лук с дугобразной кибитью явно простой конструкции. О знакомстве кулайского населения со сложносоставными луками «хуннского» типа могут говорить костяные накладки с Саровского городища [Чиндина, 1984. С. 63. Рис. 30/ 15–16]. Впрочем, они единичны и маловыразительны. Это позволяет предполагать господство у самодийцев, в том числе и на южных территориях, простого длинного лука с цельнодеревянной кибитью (рис. 1/ 11).

В ближнем бою южно-самодийские воины применяли коротко-клинковое и древковое оружие. О первом можно судить по изображению кинжала на панцирной пластине (рис. 1/ 1) и его бронзовой вотивной модели



(рис. 1/ 10). Такие кинжалы имели клинок ромбовидного и линзовидного сечения, треугольной и килевидной формы, узкое прямое перекрестие, брусковидное или слегка дуговидное навершие. Данные признаки находят соответствия среди реальных железных кинжалов, иногда с бронзовой рукоятью, из северных кулайских памятников конца васюганского – начала саровского времени [Троицкая, 1979. С. 12. Табл. VIII/ 26, 28; Чиндина, 1984. С. 68. Рис. 31/ 5–6; Соловьев, 2003. С. 118. Рис. 39, 110]. Своим происхождением кулайское коротко-клинковое оружие связано с сарматскими традициями. Оно могло эффективно применяться только пешими воинами, и его роль возрастала в тесном лесном пространстве. Древковое оружие представлено бронзовыми топорами-кельтами с шестиугольной втулкой, снабженной выступающими краями и коротким симметричным клинком с выпуклым лезвием (рис. 1/ 8–9). Бойки этих топоров насаживались на деревянную Г-образную рукоять (рис. 1/ 11). Данные изделия являются дальнейшим развитием топоров-кельтов васюганского этапа [Троицкая, 1979. С. 11, 23. Табл. X; Ширин, 2004. С. 57–58].

Основу южно-самодийского войска составляли отряды пеших воинов. Несмотря на знакомство населения кулайской культуры с верховой ездой, о чем говорят находки конского снаряжения на могильнике Каменный Мыс, она не получила еще широкого распространения [Троицкая, 1979. С. 12. Табл. XI]. В южных памятниках раннего периода такие изделия вообще отсутствуют. Среди самодийской пехоты преобладали легковооруженные лучники. Это вытекает из более частой встречаемости наконечников стрел по сравнению с другим оружием и редких находок деталей доспеха. Число бойцов способных вступать в ближний бой с противником за счет оснащения клинковым и ударным древковым оружием, а также панцирной защитой корпуса, видимо, было ограничено командирами и отборными «воинами-богатырями» (рис. 1/ 11).

Военная организация кулайского общества строилась на ополчении, в которое входило все боеспособное мужское население. Мужчины-охотники были первоклассно подготовленными стрелками. Пешие отряды возглавлялись вождями отдельных родов и племен. Хорошая защита военачальников обеспечивала им личную безопасность и эффективное руководство во время боя. Тактика самодийского войска базировалась на обстреле противника рассредоточенным строем, действовавшим на пересеченной закрытой местности из засады или укреплений [Чиндина, 1996. С. 107–108]. Видимо, также практиковались внезапные нападения на врага, когда дело могло доходить и до рукопашной схватки. Основным противником самодийцев при освоении лесостепных территорий на южном направлении выступало население каменной культуры. Его арсенал во II–I вв. до н.э. включал панцири из костяных и железных пластин, сложносоставные луки, стрелы и копья с железными наконечниками, мечи, кинжалы и чеканы. Основу войска составляла конница [Лихачева, 2013. С. 52–53. Рис. 1]. На открытом пространстве у самодийской пехоты не было шансов одержать победу. Поэтому кулайская стратегия заключалась в постепенном продвижении по рекам вдоль борových массивов и закреплении захваченных земель постройкой городищ [Чиндина, 1996. С. 106, 108]. Она оказалась успешной и позволила к рубежу эр частично вытеснить, а частично ассимилировать местное население. Это подтверждают поселения первых веков новой эры либо не укрепленные, либо обнесенные системой, где вал расположен перед рвом, являвшейся скорее некой границей населенного пункта, чем фортификационным сооружением.

Комплекс вооружения позднего периода включает находки из могильников Ближние Елбаны-VII, Малый Гоньбинский Кордон-1/5, Бедарево-2, Кырлык-1, Усть-Абинский, захоронений животных на могильнике Обские Плесы-II, укрепленного поселения Городище-3 [Горбунов, 1996. Рис. 3, 4/ 1–9, 13; Ширин, 2003. Табл. XIX/ 3, XLVIII/ 3–4, LII/ 4, LIII/ 9–17, LV/ 2, LVII/ 1, LXXXVIII/ 10–15, XCVI/ 16–17, 24–27, C/ 7; Горбунов, Папин, 2017. Рис. 3, 8]. Это 17 пластин и кольчужные кольца от четырех панцирей, 27 наконечников стрел, два ножа и два кинжала. Данная картина может быть существенно дополнена коллекцией оружия из Елыкаевского клада: 58 наконечников стрел, 9 наконечников копий, 38 мечей, два ножа и 13 кинжалов [Зиняков, 1976. С. 106–114. Рис. 1–4]. Несмотря на то, что большинство специалистов датируют Елыкаевский клад VII–VIII–IX–X вв. н.э., нам кажутся убедительными аргументы Ю.В. Ширина, о его отнесении к фоминскому времени [2003. С. 115–120]. Следует отметить отсутствие среди елыкаевских наконечников стрел экземпляров с пятиугольной формой пера, которые распространяются с середины IV в. н.э. [Горбунов, 2006. С. 38]. Наибольший интерес в коллекции представляют шесть изогнутых клинков, которые следует считать саблями. Широкая полоса клинка, срезанное окончание, наличие крюкового навершия у отдельных изделий, как, впрочем, и у многих прямых однолезвийных мечей, копируют сяньбийское оружие IV–VI вв. н.э., что позволяет отнести их к южному импорту [Горбунов, 2006. С. 69]. Столь раннее появление сабель в Западной Сибири еще требует своего объяснения. Все предметы вооружения из кулайских памятников этого времени изготовлены из железа.

Защитные средства южно-самодийских воинов представлены панцирями-нагрудниками из длинных горизонтальных пластин, соединенных несомкнутыми кольцами (рис. 2/ 1), и панцирями, полностью собранными из колец, – кольчугами (рис. 2/ 2). Изображение конного воина в кольчуге просматривается на бронзовом футляре от ножен из Татарских Могил, где она передана маленькими частыми колечками [Уманский, 1974. Рис. 6/ 5]. Такие же доспехи известны в северокулайском ареале. Это три панцирные пластины, аналогично соединенные кольцами из Васюганья [Соловьев, 1987. Табл. X/ 2], и изображения кольчуг и пластинчатого панциря на бронзовых изделиях из Парабельского и Холмогорского кладов. На парабельской фигурке хорошо виден покрой кольчуги в виде рубахи длиной до бедер, с длинными рукавами. Правда, она передана крупными





редкими кольцами, что заставляет исследователей сомневаться в типе доспеха [Чиндина, 1984. С. 71. Рис. 34/ 9], но на наш взгляд, это наиболее ранняя попытка кулайского мастера передать новую структуру бронирования. На холмогорской бляхе кольчуга передана более уверенно: мелкими колечками, покрывающими руки конного воина до кистей, а его торс от шеи до пояса покрывают горизонтальные волнистые полосы [Чиндина, 1991. Рис. 30/ 8]. По всей видимости, здесь изображен двойной доспех из панциря-нагрудника, одетого на кольчугу, который служит основой для реконструкции находок из Обских Плесов-II (рис. 2/ 20) [Горбунов, 1996. С. 165]. Ближайшие по месту и времени находки кольчуг есть в Семиречье и Среднем Прииртышье [Горбунов, 2003. С. 63]. В Приуралье одновременно встречен пластинчатый панцирь с аналогичным креплением кольчуги [Голдина, 2003. Табл. 621–623, 651, 675]. Поэтому не исключено, что новые образцы доспехов могли попадать к самодийцам не только с юга из Средней и Центральной Азии, но и с запада из-за Урала.

Оружие дальнего боя составляет представительная серия наконечников стрел: трехлопастные ярусной, треугольно-шипастой, вытянуто-ромбической, шестиугольной формы (рис. 2/ 3–8); двухлопастной килевидной формы (рис. 2/ 9); четырехгранные (ромбовидные) килевидной и килевидно-шипастой формы (рис. 2/ 10–11). Трехлопастные типы находят соответствия в северных кулайских памятниках, но там гораздо разнообразнее наконечники с двухлопастным и однолопастным пером, и нет бронебойных типов [Чиндина, 1984. Рис. 30]. В фоминских памятниках не встречены детали от сложносоставных луков. Это заставляет считать, что самодийские воины по-прежнему использовали луки простой конструкции, несмотря на их меньшую дальность стрельбы.

Средства ведения боя на средней дистанции включают наконечники копий с вытянуто-ромбическим пером линзовидного и ромбовидного сечения, длинной (рис. 2/ 16) и равновеликой (рис. 2/ 17) втулкой. Аналогичные экземпляры редко встречаются на севере, где в основном известны наконечники копий с двухлопастным пером [Чиндина, 1984. Рис. 32].

Оружие ближнего боя состоит: из двулезвийных мечей с клинком ромбовидного и шестиугольного сечения (рис. 2/ 18); однолезвийных мечей с клинком треугольного сечения, окончание которого чаще срезано (рис. 2/ 19), реже острое, а у некоторых образцов есть крюковое навершие и перекрестие; сабель по оформлению близких этим мечам; ножей с клинком треугольного сечения и одним плечиком при переходе в черен (рис. 2/ 12–13); кинжалов с клинком линзовидного и ромбовидного сечения, с выраженными (рис. 2/ 14) или покатыми (рис. 2/ 15) плечиками при переходе в черен. У северокулайских воинов из данного арсенала встречены мечи и кинжалы, причем однолезвийных мечей со срезанным окончанием клинка значительно меньше [Чиндина, 1984. Рис. 33]. В целом большинство типов кулайского оружия имеют хунно-сяньбийское происхождение.

Помимо кардинального обновления вооружения на фоминском этапе появляется новый род войск – конница. Данный вывод подтверждают изображения самодийских всадников на бронзовых футлярах ножен, довольно частые находки железных удилищ в погребениях, ритуальные захоронения лошадей с доспехами и оружием [Горбунов, 1996; Ширин, 2003]. Состав конницы, судя по данным иконографии, в основном был легковооруженным, а отдельные воины, использовавшие доспехи, еще не образовывали самостоятельных подразделений. Видимо, какая-то часть войска оставалась пешими стрелками. Легкая конница вооружалась луками со стрелами, ножами и кинжалами. Всадники, облаченные в железные, иногда двойные, панцири, имели в своем распоряжении эти же средства дополненные копьями и длинно-клиновым оружием (рис. 2/ 20).

Военная организация южно-самодийского общества по-прежнему строилась на ополчении, но внутри него уже наметилась определенная градация, связанная с выделением конницы, явно комплектовавшейся из наиболее состоятельного слоя общинников. Лучшие доспехи и оружие в первую очередь принадлежали военачальникам. Однако увеличение их количества по сравнению с ранним периодом, говорит о численном росте прослойки отборных воинов, которые могли образовывать личную охрану вождя-командира.

С появлением конницы тактика самодийского войска приобрела более мобильный характер. Всадники действовали на открытой местности, пользуясь луками и стрелами, в рассыпном строю. В определенные моменты, отборные воины, вступая в ближний бой, могли решить исход сражения. Не исключено комбинированное использование конницы и пехоты. Вероятнее всего, в полевом сражении отряды пехоты формировали центр войска, который мог дополнительно укрепляться палисадом или естественными преградами, а конница образовывала авангард и фланги. Всадники завязывали сражение, стремились охватить фланги и выйти в тыл противника. Пехота массированным обстрелом должна была срывать вражеские атаки и служить прикрытием для собственной конницы. Такая тактика носила характер активной обороны. Она могла успешно осуществляться на местности со сложным рельефом, против равноценного или малочисленного врага.

Стратегия военных действий южных самодийцев в начале «великого переселения народов» также была оборонительной и определялась необходимостью сохранения своих земель от набегов южных кочевников. Именно военная опасность стимулировала перевооружение и реорганизацию тактики, а также усиление фортификации. На фоминском этапе снова появляются городища с серьезными укреплениями. Это система из эскарпа, внешнего вала, рва и внутреннего вала с частоколом, выкладка дна рва досками. Однако данные процессы не были должным образом завершены. Начиная с середины IV в. н.э., когда в Центральной Азии образовалась орда жужаней (359 г.), давление кочевников на южные районы Западной Сибири приобретает характер





миграции из Семиречья и Горного Алтая. В военном отношении номады значительно превосходили самодийцев, что и определило исход противостояния.

Подводя итоги, следует отметить, что южнокулайский комплекс вооружения I в. до н.э. – II в. н.э. в целом соответствовал северокулайскому более раннего и синхронного времени, отличаясь от него лишь видовым разнообразием (нет копий, чеканов, шлемов), что возможно обусловлено состоянием источниковой базы. Состав войска, его тактические и стратегические приемы напрямую продолжали традиции, сложившиеся в западносибирской тайге. В III – первой половине IV в. н.э. южнокулайский комплекс вооружения подвергся сильным изменениям, адаптируясь под кочевые стандарты. Его видовое разнообразие возрастает (копья, мечи и сабли, ножи). Меняется состав войска (конница) и его тактика (полевой бой), но военные ресурсы, уступающие объединениям номадов, не позволяли проводить эффективную стратегию. На фоминском этапе южнокулайский комплекс в качественном отношении превосходит северокулайский, который сохраняет архаические черты.

Литература

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987. С. 96–114.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2003. Т. II. 721 с.

Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 119–122.

Горбунов В.В., Папин Д.В. Местонахождение МГК-1 – новый памятник фоминского этапа кулайской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 66–70.

Зиняков Н.М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1976. С. 106–114.

Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 166–177.

Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 231. 2013. С. 49–59.

Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 72–106.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков. Ч. 3. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. С. 102–109.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Семкина Т.П. Археологическая коллекция в Шелаболихинском музее Алтайского края // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: ИД «Наука», 2015. С. 54–58.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 136–149.

Чемакин Ю.П. О нижней дате и ареале формирования кулайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 136–139.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 86–116.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // РА. 2004. № 2. С. 51–60.





Рис. 1. Южнокулайский комплекс вооружения I в. до н.э. – II в. н.э.

1–2 – панцирные пластины; 3–7 – наконечники стрел; 8–10 – топоры-кельты; 10 – модель кинжала; 11 – самодийский пеший воин рубежа эр (реконструкция В.В. Горбунова, рисунок О.С. Лихачевой); 1–2 – рог; 3–10 – бронза; 1, 3 – Дубровицкий Борок-3; 5, 8 – Ордынское-1 (по [Троицкая, 1979]); 2 – Кармацкий (по [Тишкин, Горбунов, 2012]); 4, 9 – Чудацкая Гора (по [Ширин, 2004]); 6–7, 10 – Новообинцевский клад (по [Бородаев, 1987])

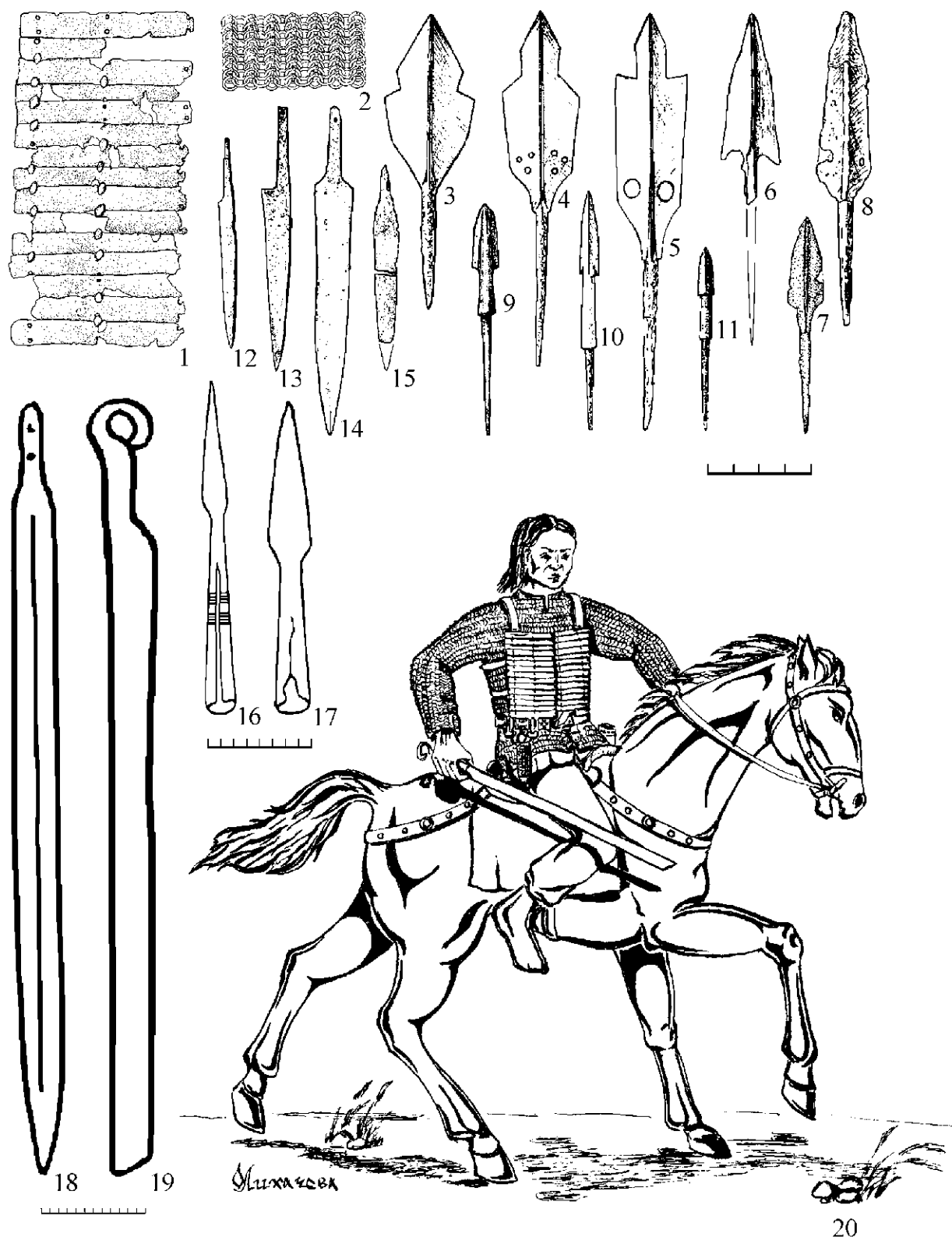


Рис. 2. Южнокулайский комплекс вооружения III – первой половины IV в. н.э.

1–2 – фрагменты пластинчатого и кольчатого панцирей; 3–11 – наконечники стрел; 12–13 – ножи; 14–15 – кинжалы; 16–17 – наконечники копий; 18–19 – мечи; 20 – самодийский конный воин начала эпохи «великого переселения народов» (реконструкция В.В. Горбунова, рисунок О.С. Лихачевой); 1–19 – железо; 1–2, 7 – Обские Песы-II (по [Горбунов, 1996]); 3–4, 8, 10, 13 – Усть-Абинский, 5–6, 11, 14 – Кырлык-1; 9 – Бедарево-2, 12 – Ближние Елбаны-VII (по [Ширин, 2003]); 15 – Малый Гоньбинский Кордон-1/5 (по [Горбунов, Папин, 2017]); 16–19 – Елыкаевский клад (по [Зиняков, 1976])



В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

Россия, Барнаул, Алтайский государственный университет

**РЕДКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ СТРАШНЫЙ ЯР-1
В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном»

№ 16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея»

В статье впервые представлены результаты изучения раннесредневекового погребения, обнаруженного на территории памятника Страшный Яр-1, который находится на высоком левом берегу Оби в окрестностях города Барнаула. Зафиксированные находки хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее. Приводится описание исследованного захоронения и обнаруженного инвентаря. Кроме этого, демонстрируются результаты раскопок безинвентарной могилы раннего железного века, которую частично перекрывало вышеуказанное погребение. Очерчивается круг аналогий найденным предметам из памятников VI–VII вв., и определяются соответствия в деталях погребального обряда из однокультурных комплексов. Отмечаются связи в оформлении поясной гарнитуры, нашейных украшений, наконечников стрел и колчана с тюркскими и самодийскими традициями. Делается вывод о датировке средневековой могилы второй половиной VI – первой половиной VII в. и отнесении ее к осинкинскому этапу в развитии одинцовской культуры.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, одинцовская культура, погребальный обряд, инвентарь, аналогии.

V. V. GORBUNOV, A. A. TISHKIN, YA. V. FROLOV

Russia, Barnaul, Altai State University

RARE BURIAL OF ODINTSOVO CULTURE ON THE SITE OF STRASHNIY YAR-1 IN THE BARNAUL OB REGION

The article for the first time presents the studies' results of the early medieval burial, discovered in the Strashny Yar-1 site, located on the high left bank of the Ob River near the city of Barnaul. The recorded finds are kept in the Altai State Museum of Local Lore. The article presents the description of the investigated burial place and the inventory. In addition, the excavation results of an unequipped grave of the early Iron Age, partially overlapped by the above-mentioned burial are demonstrated. The authors outline the analogies of the found objects from the sites of the 6th-7th centuries and define the correspondences in the details of the funeral rite from one-culture complexes. There are links in the design of the belt set, necklaces, arrowheads and quivers with Turkic and Samoyedic traditions. The conclusion is made about the medieval grave dating in the second half of the 6th – the first half of the 7th century and referring it to the Osinkiysky stage in the development of the Odintsovo culture.

Keywords: Forest-steppe Altai, Odintsovo culture, funeral ceremony, stock, analogies.

Среди археологических культур эпохи средневековья, выделенных на территории Лесостепного Алтая, самой ранней является одинцовская, которая датируется второй половиной IV – первой половиной VIII в. [Тишкин, Горбунов, 2002. С. 84]. Лучше всего исследованы поселения обозначенного периода [Казаков, 2014. С. 79]. Погребальные памятники выявлены неравномерно. Большая часть известных могильников относится к сошниковскому этапу (вторая половина IV–V в.) – 13 памятников. На них раскопаны 79 могил [Горбунов, 2004. С. 92]. Последующие этапы (осинкинский (VI – первая половина VII в.) и акутихинский (вторая половина VII – первая половина VIII в.)) насчитывают всего пять могильников. Из них полностью опубликованы материалы таких комплексов, как Осинки (36 могил) и Ближние Елбаны-XVI (пять могил), а также коллекция из разрушенного объекта памятника Заломное-I [Савинов и др., 2008. С. 21; Абдулганеев и др., 1995. С. 246; Горбунов, Рудометов, 2003. С. 54]. Сведения об исследовании самого крупного памятника одинцовской культуры Горный-10 (74 могилы) изданы лишь в обзорном виде [Абдулганеев, 2001. С. 128; Абдулганеев, Степанова, 2001. С. 216; 2002. С. 220], а о погребениях нового памятника Чумыш-Пережат есть только предварительные сообщения [см., например, Исследования погребальных..., 2016. С. 12]. У авторов настоящей статьи в результате изучения археологической коллекции из памятника Страшный Яр-1, хранящейся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, появилась возможность дополнить источниковую базу поздних погребальных комплексов одинцовской культуры еще одним достаточно редким объектом.

Урочище Страшный Яр находится на современной территории г. Барнаула, в 3,5 км к западу от поселка Научный Городок (рис. 1/ I). Оно было известно археологам благодаря случайным находкам. В свое время там найдены наконечники стрел монгольского времени [Горбунов, Тишкин, 2001. С. 164]. В 1980 г. А.Л. Кунгуровым в урочище были выявлены три археологических памятника, где зафиксирован подъемный материал,



– поселения Страшный Яр-1–3 [Кунгуров, Сингаевский, 2006. С. 59–61]. В 1999 г. на площади первого памятника студентом Алтайского государственного университета В.И. Авраменко¹ на пашне обнаружено погребение одинцовской культуры. Археологический комплекс Страшный Яр-1 расположен на мысовидном выступе коренной террасы левого берега Оби, в 300 м от края по восточному борту одноименного лога (рис. 1/ 1). Рядом с ним (в 400 м к югу) расположена курганный группа, обозначенная как Научный Городок-3 [Кунгуров, Сингаевский, 2006].

На месте случайного обнаружения захоронения был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м., в котором выявлены две могилы. Одна из них (могила 1), относящаяся к одинцовской культуре (рис. 1/ 2), перекрывала более раннюю (могила 2), которая датируется ранним железным веком (рис. 1/ 3–6). Вследствие значительного разрушения верхних слоев распашкой наличие курганный насыпи над могилами проследить не удалось. На момент обнаружения северо-восточная часть могилы 1 вообще находилась на поверхности. Полностью пятно могилы-1 зачищено на глубине 0,2 м от уровня современной поверхности. Его контур имел неправильные очертания более прямоугольные в северо-восточной части и сильно расширенные и закругленные в юго-западной части. В целом могила была вытянута по линии ЮЗ–СВ. Ее наибольшая длина по этому направлению – 3,18 м, наибольшая ширина в юго-западной части – 1,74 м, ширина у северо-восточного торца – 0,65 м. В заполнении могильной ямы был расчищен берестяной «конверт» подпрямоугольной формы, размерами 2,2х0,64 м. Он занимал лишь центральную и северо-восточную часть ямы. Сама конструкция представляла собой однослойное полотнище, согнутое с правой длинной стороны пополам, а слева свободным краем подвернутое под деревянную плаху. Сверху на бересте прослежены следы огня. Внутри конверта находился скелет взрослого человека, который был положен на спину с вытянутыми ногами и руками, головой на юго-запад. Стопы ног были развернуты налево. Рядом с ними перпендикулярно и на правом боку находился труп собаки, головой на северо-запад. Справа у черепа человека зафиксирован череп небольшого хищного животного. Дно могильной ямы оказалось неровным, ее глубина у северо-восточного торца составляла 0,16 м, а у юго-западного края – 0,37 м. «Конверт» и скелет человека просели в месте заполнения более раннего погребения, которое верхняя могила перерезала почти перпендикулярно.

Умершего человека из могилы 1 сопровождал разнообразный набор инвентаря (рис. 1/ 2; 2). Слева у черепа зафиксированы остатки деревянного предмета, вероятно чашки или небольшой кружки с кольцевой ручкой. В районе шейных позвонков обнаружены фрагменты четырех бронзовых пронизок (рис. 2/ 4–7). С внешней стороны правой плечевой кости, посередине, лежал узкий деревянный предмет типа пенала с крышкой. Снаружи левой плечевой кости и также посередине находилась железная рамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 2/ 9). В области пояса, между крестцом и локтем правой руки, шла полоса длиной 30 см из бронзовых изделий от наборного пояса. Там обнаружены 10 блях-полуобойм (рис. 2/ 10–12, 16, 17, 25–29), четыре такие же бляхи с подвижными псевдопряжками (рис. 2/ 8, 14, 15, 19), три круглые бляхи-накладки (рис. 2/ 13, 18, 22), две кольчатые бляхи-накладки с парными шипами (рис. 2/ 20, 21), бляха-накладка пятиугольно-овальной формы (рис. 2/ 23) и бляха-накладка с Т-образным окончанием (рис. 2/ 24). Большинство этих изделий оформлено в «геральдическом» стиле. Вдоль правой ноги располагался берестяной колчан без кармана с тремя разнотипными костяными наконечниками стрел и незначительными остатками деревянных древков от них (рис. 1/ 2; 2/ 1–3). Между бедренными костями, ближе к коленям, лежала костяная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком, язычок которой не сохранился (рис. 2/ 30).

Большая часть предметов из могилы-1 (поясные пряжки и бляхи, нашейные пронизки, наконечники стрел и колчан) находит ближайшие аналогии среди вещевых комплексов одинцовской культуры Лесостепного Алтая, верхнеобской культуры Новосибирского Приобья, саратовской культуры Кузнецкой котловины и релкинской культуры Томско-Нарымского Приобья [Абдулганеев, 2001. Рис. 1; Савинов и др., 2008. Рис. 2, 8, 9; Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 20, 22, 25, 26; Илюшин, 1999. Рис. 13, 25; 63; Чиндина, 1991. Рис. 26, 28, 29]. Поясные «геральдические» бляхи, помимо этого, находят соответствия среди изделий кудыргинского этапа тюркской культуры Алтая и бартымской стадии неволинской культуры Приуралья [Гаврилова, 1965. Табл. XII, XIV, XV, XX; Голдина, Водолога, 1990. Табл. LXVII]. В целом набор инвентаря данного погребения можно датировать второй половиной VI – первой половиной VII в.

Элементы погребального обряда могилы-1 также находят близкие аналогии в более поздних погребениях одинцовской культуры. Несколько могил с юго-западной ориентацией умерших есть на памятнике Осинки, там же выявлено захоронение человека, в ногах которого были помещены две собаки [Савинов и др., 2008. Табл. X/ 3, XII/ 1, 3, 6]. Важное совпадение обнаруживается с могилой-16 из памятника Чумыш-Перекал. Она также имела юго-западную ориентацию умершего человека, кости животного (рога косули) у его черепа, сходный состав инвентаря (берестяной колчан с костяными наконечниками стрел и пряжкой, бронзовые поясные бляхи) и перекрывала могилу раннего железного века Исследования погребальных..., 2016. С. 12].

Таким образом, учитывая хронологию инвентаря, а также грунтовый характер могильника, обряд ингумации, положение и ориентацию умершего, сопроводительное захоронение собаки, могилу-1 памятника Страшный Яр-1 следует отнести к осинкинскому этапу одинцовской культуры [Тишкин, Горбунов, 2002. С. 83–84].

¹ Авторы статьи благодарны В.И. Авраменко за возможность опубликовать полученные им материалы.



Погребальное сооружение могилы-2 представляло собой яму подпрямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размеры могильной ямы 1,9х1,1 м. По периметру могилы сделаны заплечики шириной 10–15 см, на которые опиралось многослойное перекрытие из пяти накатов продольных березовых жердей диаметром от 5 до 10 см и слоя досок, уложенных поперек могилы. По дну могильная яма имела размеры 1,6х0,75 м. Ее глубина от современной дневной поверхности составила 1 м. Захоронение было ограблено в древности еще до сооружения погребения одинцовской культуры. В западной части могильной ямы зафиксирован грабительский шурф размерами 1,2х0,6 м – пробивший перекрытие могилы. Именно в его заполнении были обнаружены разрозненные кости скелета человека. В самом захоронении находок не было. Погребальный обряд могилы 2 – наличие ямы с заплечиками и обнаружение многослойных деревянных конструкций перекрытия – позволяют отнести данное захоронение к каменной археологической культуре и датировать в рамках VI–I вв. до н.э. [Могильников, 1997. С. 17].

В заключение хотелось бы отметить перспективность дальнейшего археологического изучения памятника Страшный Яр-1 в плане проведения стационарных работ. Не исключено, что на этом месте может быть выявлен новый могильник. Учитывая слабую изученность средневековых самодийских погребальных комплексов в пределах Барнаульского Приобья и на Приобском плато это представляется особенно актуальным. Не менее важным является детальное изучение имеющегося предметного комплекса.

Литература

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128–130.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 243–252.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 216–219.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 220–223.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. 176 с.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. С. 52–57.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул: Азбука, 2001. С. 160–165.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

Исследования погребальных памятников в Лесостепном Алтае в 2014 г. / Грушин С.П., Фрибус А.В., Леонтьева Д.С., Вальков И.А., Сайберт В.О., Трусова Е.В. // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 11–13.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барнаул. юр. ин-т МВД России, 2014. 152 с.

Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 125 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ун-т, 2002. С. 82–91.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.



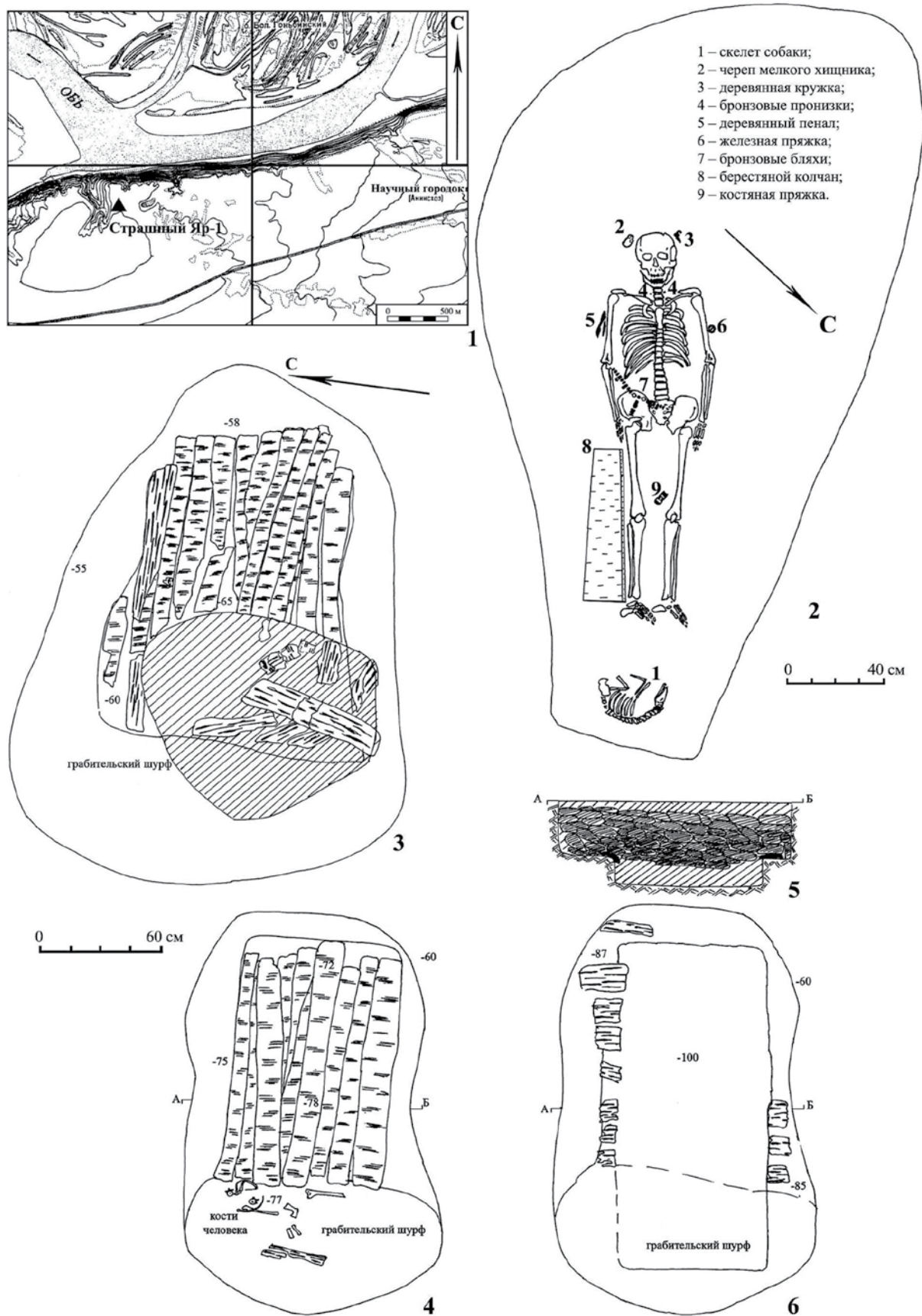


Рис. 1. Памятник Страшный Яр-1

1 – карта месторасположения памятника; 2 – план могилы-1; 3–6 – планы и разрез могилы-2

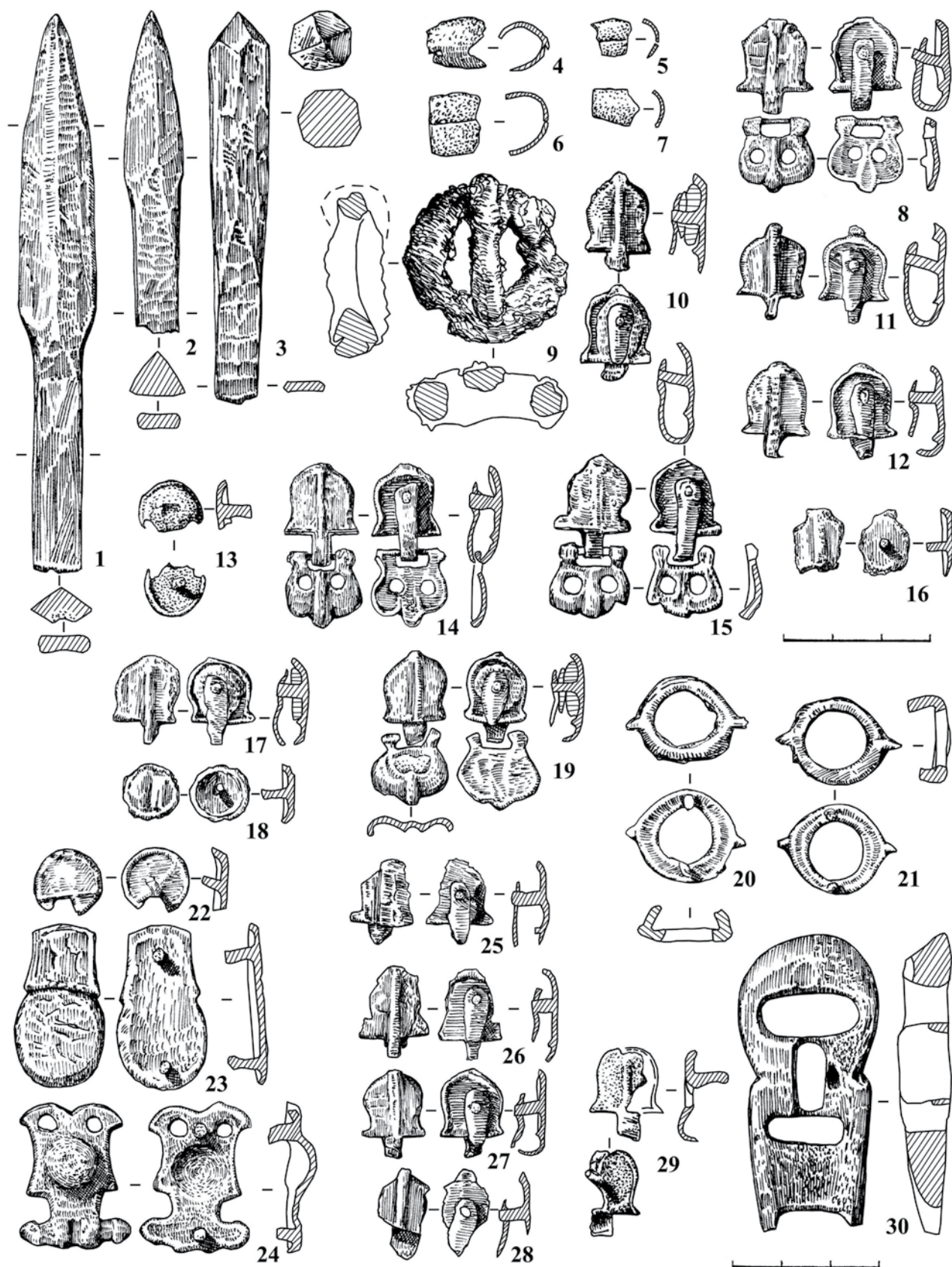
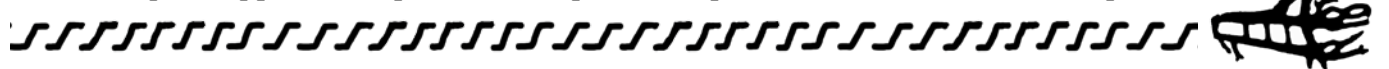


Рис. 2. Инвентарь могилы-1

1-3 – наконечники стрел; 4-7 – пронизки; 8, 10-29 – поясные бляхи; 9, 30 – пряжки; 1-3, 30 – кость; 4-8, 10-29 – бронза; 9 – железо



УДК: 902.01:904

В.В. Бобров¹, А.Г. Марочкин²

Россия, Кемерово, ¹Кемеровский государственный университет,

^{1,2} Федеральное исследовательское центра угля и углехимии СО РАН

**Этнокультурная ситуация в Кузнецкой котловине и Томском Приобье
во второй половине I тыс. н.э. (палеогеографический и археологический аспекты)**

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

В статье рассмотрены палеогеографический и археологический аспекты этнокультурной ситуации в раннем средневековье Кузнецкой котловины и Томского Приобья, в границах которых выделены три типологические группы памятников второй половины I тыс. н.э., обозначена их географическая локализация в разнотипных ландшафтах. Предложена модель этнокультурной ситуации во второй половине I тыс. н.э. в рассматриваемом регионе, учитывающая разные сценарии природопользования в условиях ландшафтного многообразия, и предполагающая включенность внутренних районов Кузнецкой котловины в процессы культурогенеза общие для лесостепного Приобья, наличие очага устойчивого местного культурного развития в предгорных и горных районах южного Притомья (лачиновская культура), и «маргинальный» характер раннесредневековых культурных образований Томского Приобья.

Ключевые слова: раннее средневековье, верхнеобская культура, рёлкинская культура, лачиновская культура, Томское Приобье, Кузнецкая котловина, этнокультурная ситуация.

V.V. Bobrov¹, A.G. Marochkin²

Russia, Kemerovo, ¹Kemerovo State University,

^{1,2} Federal Coal and Coal Chemistry Research Center of the Siberian Branch of the RAS

**ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE KUZNETSK BASIN AND TOMSK OB REGION IN THE SECOND HALF
OF THE FIRST MILLENNIUM AD (PALEOGEOGRAPHICAL AND ARCHAEOLOGICAL ASPECTS)**

The article deals with the paleogeographical and archaeological aspects of ethno-cultural situation in the early Middle Ages of the Kuznetsk Basin and Tomsk Ob River region, within the boundaries of which the three typological groups of sites are distinguished of the second half of the Ist millennium AD, their geographical location in different types of landscapes is indicated. Here is proposed a model of the ethno-cultural situation in the second half of the first millennium AD in the considering region, taking into account different scenarios of nature management in the conditions of landscape diversity, and involvement of the internal areas of the Kuznetsk Basin in the process of cultural genesis is common to the forest-steppe Ob region, existence of the focus of sustainable local cultural development in the foothill and mountain areas of the southern Tom' river region (Lachinovo culture) and the "marginal" character of the early medieval cultural formations of the Tomsk Ob region.

Keywords: early Middle Ages, Verhneobsкая culture, Ryolka culture, Lachinovo culture, landscape zoning, Tomsk Ob region, Kuznetsk Basin, ethno-cultural situation.

В 2017 году исполняется восемьдесят лет со дня рождения Людмилы Александровны Чиндиной – ученого, чей вклад в археологию железного века Западной Сибири трудно переоценить. Фундаментальные монографии и многочисленные статьи, вышедшие из-под её пера, связаны с интерпретацией сложнейших историко-культурных процессов, имевших место в Верхнем и Среднем Приобье в этот период [Чиндина, 1984]. Особое место в работах Людмилы Александровны занимает изучение раннего средневековья, и в первую очередь яркой и самобытной рёлкинской культуры [Чиндина, 1991]. Тема нашей статьи во многом перекликается с исследованиями уважаемого юбиляра, и призвана обозначить современное состояние археологии раннего средневековья двух соседствующих регионов – Кузнецкой котловины и Томского Приобья.

Между этими областями нет выраженной границы, они связаны естественной водной артерией р. Томи, что позволяет сделать совокупный анализ археологических материалов, в надежде выйти на понимание не только региональной специфики, но и общих тенденций историко-культурного развития.

1

Применительно к среднему и позднему голоцену геологические, рельефные зоны и гидрографическая сеть уже полностью сформированы и приобретают современный вид. В этом случае на динамику ландшафтных биоценозов, и как следствие – на изменение адаптационных стратегий древних и средневековых обществ, влияли циклические изменения климата, превращаясь в самостоятельный фактор культурогенеза.

Для второй половины I тыс. н.э. юга Западной Сибири специалистами не раз предлагалась экстраполяция современных природно-климатических условий [Беликова, Плетнева, 1983. С. 101; Троицкая, Новиков, 1998.





С. 6]. Результаты палинологического исследования торфяниковых отложений Новосибирского Приобья и Барабы, свидетельствуют, что 1600 лет назад климат был идентичен современному, на рубеже 1450–1500 лет назад намечается похолодание с развитием березово-сосновой лесостепи с елью и пихтой по долинам рек и берегам водоемов, сменяемое потеплением, пик которого пришелся на малый климатический оптимум 1000–1100 лет назад [Орлова, 1990. С. 113]. Данные, полученные по озерным отложениям озер Большие Тороки, Малые Чаны и Чаны, фиксируют холодно-влажный период в первой половине I тыс. н.э., с понижением зимних температур и сдвигом границы тайги к югу, и сходство с современными природно-климатическими условиями начиная с 1500 лет назад, без значительных сдвигов границ природных зон [Жилич и др., 2016. С. 71]. Относительную стабильность ландшафтных зон в среднем и позднем голоцене юго-востока Западной Сибири, начиная со второй половины субатлантического периода, отмечает И.В. Хазина [2008]. Это позволяет, с некоторой долей условности, применять данные современного ландшафтного районирования для характеристики природной среды обитания раннесредневекового населения Кузнецкой котловины и Томского Приобья.

Кузнецкая котловина – одна из межгорных впадин Южной Сибири, ограниченная с юга Горной Шорией, с востока – горами Кузнецкого Алатау, с запада – Салаирским кряжем. Внутренние районы Кузнецкой котловины – это всхолмленная возвышенная равнина, на севере сливающаяся с Западно-Сибирской низменностью. Водные ресурсы представлены густой речной сетью, сформированной бассейнами правых притоков р. Оби – рек Томь и Иня. Начинаясь в горах Шории, р. Томь течет с юга на север вдоль предгорий Кузнецкого Алатау на востоке котловины, а р. Иня с истоком в центральной части котловины, течет в северо-западном направлении. На юге котловины в Томь впадает крупная река Горной Шории – Кондома, вытекающая с Абаканского хребта. Основной тип растительности в центральных районах котловины представлен ковыльными разнотравными степями. Инско-Томское междуречье и северные районы котловины в целом представляют собой лесостепной район с преобладанием луговых участков и березово-осиновых колков. Окаймляющие котловину горы заняты густой пихтово-осиновой высокоствольной черневой тайгой. Вдоль правобережья р. Томи и по восточным склонам Салаирского кряжа идет полоса сосново-осиновых лесов. В целом котловину следует характеризовать как территорию с очень компактным расположением разных ландшафтов, от степи до черневой тайги, с наличием переходных участков. Река Томь является естественной водной магистралью, связующей ландшафты Кузнецкой котловины с Томским Приобьем.

Последний географический термин остается без четкого определения. Чаще всего под ним понимают междуречье Оби и Томи, часть Томского правобережья и Обского левобережья от современной границы Томской области на юге до устья Томи на севере [Беликова, Плетнева, 1983. С. 5; Рыбаков, 2014. С. 5]. Эта зона характеризуется равнинными лесостепными ландшафтами, луговыми поймами и светло-хвойными лесами вдоль русла обеих рек. По мнению Б.Г. Иоганзена, на Томское Приобье приходится переходная зона лиственных лесов между южно-таежным поясом и лесостепью [1971. С. 105]. В целом данный район продолжает к северу лесостепные ландшафты Новосибирского Приобья и Инско-Томского междуречья, но близость тайги несомненно играло свою роль. Расположение на стыке двух больших зон помещает Томское Приобье в подзону с наивысшей биологической продуктивностью [обзор см.: Беликова, Плетнева, 1983. С. 101]. Важной географической особенностью Томского Приобья является его приуроченность сразу к двум крупным рекам. И если Томь выступает связующей магистралью с Кузнецкой котловиной, то Обь определяет связь региона как с лесостепными районами Алтая и Новосибирского Приобья, так и с лесными районами Среднего Приобья.

2

В типологическом отношении археологические комплексы второй половины I тыс. н.э. образуют три группы с различными внутренними вариациями.

Первая группа представлена памятниками Томского Приобья, идентифицируемыми в рамках томского варианта релкинской культуры [Чиндина, 1977; 1991] или томского варианта верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998. С. 82–83]. Могильники – Томский, Тимирязевский-1, Тимирязевский-2, Могильницкий, Архиерейская заимка и др. Поселения – Тимирязевское городище-4, поселение Тимирязевское-1, Тимирязевское селище-VIII, Кисловка-VII, Басандайка, Басандайка-IV, Поросское и др. [Чиндина, 1991. Рис. 1].

Для погребального обряда характерны подкурганные захоронения с преобладанием ингумации в вытянутом положении на спине, иногда с практикой подхоронения и продолжения насыпи («длинные» курганы). В единичных случаях зафиксированы кремации на стороне. Прослежены следы тризн, ритуальные скопления предметов на площади могильника и жертвенные практики с головой лошади.

Сопроводительный инвентарь включает орудия труда (железные ножи, тесла, сошники с разогнутой втулкой), оружие (железный кинжал, железные наконечники стрел трехлопастной, плоской и долотовидной формы, костяные черешковые наконечники стрел, панцирные пластины), предметы конской упряжи (железные удила, костяные подпружные пряжки), украшения одежды (бронзовые пряжки и застёжки различных форм, железные пряжки, детали поясного набора, бронзовые серьги и подвески, бронзовые перстни, браслеты и гривны, лунницы, нашивки, бронзовые и стеклянные бусы), бронзовые чаши, предметы культовой





металлопластики. Среди последних – антропоморфные, зооморфные изображения, а также сложные орнитоморфные изображения с личинами. По стилистическим и иконографическим признакам данная категория предметов находит близкие аналогии в раннесредневековых комплексах Нарымского Приобья.

Специфика керамического комплекса заключается в его многокомпонентности с явным преобладанием круглодонной посуды с различными вариациями гребенчатого, ямочного, прочерчено-резного и жемчужного орнамента (83,5 %); а также посуды с различными вариантами фигурного штампа (4,1 %) и валиковой керамики (12,4 %) [Троицкая, Новиков, 1998. С. 70–71].

Вторая группа представлена преимущественно курганными могильниками поздних этапов верхнеобской культуры, локализованными в степных и лесостепных районах восточных предгорий Салаирского кряжа и среднего течения р. Иня – Саратовка, Сапогово-1, Сапогово-2, Ваганово-1, Калтышино-2 [Бобров и др., 2010; Илюшин и др., 1992]. Также к этому культурно-хронологическому комплексу относятся жилища № 1, 2, 4 поселения Торопово-4 [Илюшин, Ковалевский, 2012. С. 85] и жилище №1 поселения Поморцево-1 [Новые материалы..., 2017. С. 81], расположенные в этой же ландшафтной зоне. Могильники Юрты и Зимник находятся в лесостепной части Инско-Томского междуречья.

Погребальный обряд характеризуется подкурганными захоронениями кремированных на стороне останков, расположенных на уровне древней поверхности или в небольшой яме (иногда на берестяной подстилке), и перекрытых деревянным настилом. На могильнике Ваганово-1 кремация совершалась на месте. Зафиксированы следы тризн, (кости животных, керамика) и ритуальных захоронений собак.

Сопроводительный инвентарь включает керамику, предметы вооружения (трехлопастные, плоские и уплощенные железные наконечники стрел, костяные наконечники стрел различных форм, костяные накладки на лук, колчаные крюки на длинных пластинах, железные втульчатые наконечники копий ромбической или пирамидальной форм, однолезвийные железные палаши, детали ножен, элементы защитного вооружения), элементы конской упряжи (железные однокольчатые и двухкольчатые удила, выделено пластинчатые стремяна, костяные подпружные пряжки), детали ременной гарнитуры (пряжки и накладные бляхи), металлические украшения (подвески, пронизи, кольчатые серьги, перстни), предметы культовой металлопластики (зооморфные и орнитоморфные изображения).

Керамика представлена круглодонными сосудами с отогнутым наружу венчиком, декорированными оттисками короткого гребенчатого штампа, различными вариациями прочерченного, прочерчено-ямочного, прочерчено-жемчужного и прочерчено-накольчатого орнамента [Бобров и др., 2010. Рис. 17–20].

Поселения неукрепленные, расположены на невысоких речных террасах, содержат остатки небольших подвадратных полуземлянок. В слое встречены кости домашних животных, в основном – лошади. Тип хозяйства по поселенческим материалам котловины не прослеживается, но данные по соседним регионам говорят о его комплексном характере с преобладанием отгонного скотоводства [Троицкая, Новиков, 1998. С. 71].

Третья группа – поселения с так называемой *валиковой керамикой*, расположенные по всей протяженности р. Томи и её некоторых притоков: Усть-Анзас-1, Печергол-1, Печергол-2, Подстрелка-1, Мундыбаш-1 (Горная Шория), Глуховское, Бардино-4, Кыргай-1, Кыргай-2, Васьково-1, Красулино-1, Казанково-5, Ерунаково-4 (Верхнее Притомье, северные предгорья Горной Шории), Лачиново, Курья-4, Сосновка-3, Сосновка-4, Люскус (Среднее Притомье), Ивановка-1, Пача-4 (юг Нижнего Притомья, северная часть Кузнецкой котловины), Тимирязевское-I, Кисловка-II, Басандайское городище-IV, Тимирязевское городище-II (Томское Приобье). Также валиковая керамика известна в материалах Тимирязевского курганного могильника-I (курганы № 16, 18, 35 и 39 – Томское Приобье) [Ширин, 1997. Рис. 1; Беликова, Плетнева, 1983. С. 99–101; Окунева, 1997; Марочкин и др., 2015. С. 60–62].

Поселения неукрепленные, характеризуются остатками небольших округлых или подквадратных полуземлянок с открытыми очагами, немногочисленными изделиями из железа, каменными зернотерками, наличием в слое костей домашних животных. Специфика керамического комплекса заключается в преобладании округлодонных слабопрофилированных горшков или закрытых банок, с орнаментом из горизонтальных, наклонных или вертикальных узких остросереберных налепных валиков и различных комбинаций ногтевых вдавлений, жемчужника, оттисков острой палочки и короткой гребёнки. Отдельный тип керамики – низкие округлодонные чаши с ямочным или гребенчатым орнаментом по венчику.

Прослеживается преобладание присваивающих видов хозяйственной деятельности [Окунева, 1997. С. 53; 1990. С. 21]. На некоторых поселениях Среднего Притомья зафиксированы следы бронзолитейного производства. Для поселений Горной Шории и предгорных районов Ю.В. Ширин отмечает следы развитого железоделательного производства – шлаки, глиняные части печей, воздухоудные сопла [1997. С. 66]. Однозначно судить о погребальном обряде сложно – немногочисленная валиковая керамика из погребений не образует чистых закрытых комплексов, зная совместно с посудой, орнаментированной в гребенчатой и накольчатой технике (тип I по Л.А. Чиндиной).

Во внутренних районах Кузнецкой котловины известны три пункта с валиковой керамикой, идентичной притомской посуде – в слое поселения Торопово-4 и в межкурганном пространстве могильников Ваганово-1 и Сапогово-2 [Илюшин, Ковалевский, 2012. С. 84; Бобров и др., 2010. Рис. 24].





Культурная идентичность *памятников первой группы* на протяжении нескольких десятилетий остается дискуссионной. Предложены две точки зрения на эту проблему. Л.А. Чиндина включает раннесредневековые памятники Томского Приобья и Новосибирского Приобья в релкинскую культуру, а точнее в её томский локальный вариант [Чиндина, 1977; 1991]. О.Б. Беликова, Л.М. Плетнева и Т.Н. Троицкая связывают эти комплексы с верхнеобской (одинцовской) культурой лесостепного Приобья. В своих статьях, а затем совместно с А.В. Новиковым монографическом исследовании Т.Н. Троицкая выделяет их в томский вариант верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998. С. 83], с чем согласились и другие специалисты [Бобров и др., 2010. С. 70]. Аргументация Л.А. Чиндиной построена на приоритете специфичных признаков погребального обряда и наличии характерных предметов культовой металлопластики в урало-сибирском стиле. Её оппоненты справедливо указывают на идентичность раннесредневековой керамики Новосибирского и Томского Приобья. Таким образом, однозначное решение проблемы становится затруднительным, так как в основу дискуссии положены методологически разные подходы к выбору критериев культурной атрибуции.

Детальный анализ обеих точек зрения показывает их сущностное совпадение по наиболее важному моменту – вариантный, переходный характер комплексов Нижнего Притомья, смешение в них северных и южных культурных признаков не ставится под сомнение. Это выражается в признании Л.А. Чиндиной незначительной роли керамики с фигурно-штамповой орнаментацией в Томском Приобье по сравнению с Нарымским Приобьем, и в констатации Т.Н. Троицкой устойчивого обряда ингумации и большей роли культового урало-сибирского литья в Нижнем Притомье по сравнению с Новосибирским Приобьем и Кузнецкой котловиной. Размытость предмета дискуссии усиливается и тем обстоятельством, что все специалисты согласны с этнокультурной близостью релкинского и верхнеобского населения, признают их синхронность и генетическую связь с позднекулайской культурной основой [Беликова, Плетнева, 1983. С. 127; Чиндина, 1991. С. 71–72; Троицкая, Новиков, 1998. С. 82].

Возникает вопрос о целесообразности однозначной идентификации рассматриваемых комплексов в дефиниции «археологическая культура». Расположение Томского Приобья на стыке двух миров, лесостепного и таежного, делало его ареной культурного взаимодействия в этот и более ранние исторические периоды [Беликова, Плетнева, 1983. С. 5]. Альтернативный методологический подход, учитывающий высокую интенсивность взаимодействия на периферийных стыках культурных ареалов, заключается в выделении особого «переходного» типа памятников, в равной или почти равной степени близкого обоим культурам. Такой подход может способствовать объяснению вариантности, но требует осторожного, тщательного анализа сохранения критериев «переходности» во временной динамике. Например, еще в начале 1980-х гг. отмечена тенденция к постепенному снижению и так незначительной роли фигурно-штамповой керамики в Томском Приобье на протяжении V–VIII вв. [Там же. С. 98]. Также нужно учитывать, что типология нижнетомских памятников применяется в общей периодизации верхнеобской культуры.

Культурная идентификация памятников *второй группы*, согласно общему мнению, определена включением их в круг верхнеобских древностей [Илюшин, 1993. С. 74–77; Васютин, 1997. С. 6]. Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков говорят о кузнецком варианте верхнеобской культуры [1998. С. 81–82], и этот тезис следует принять за исходную позицию при анализе этнокультурной ситуации в западных остепненных районах Кузнецкой котловины.

Самостоятельный аспект рассматриваемой проблематики связан с культурной принадлежностью памятников *третьей группы*. Все без исключения исследователи рассматривают происхождение комплексов с валиковой керамикой в контексте миграций восточного населения [Бобров, Новгородченкова, 1987. С. 156–159; Окунева, 1997. С. 52; Ширин, 1997. С. 69; Троицкая, Новиков, 1998. С. 83; Илюшин, Ковалевский, 2012. С. 84–85], в этнокультурном отношении связанного с носителями тунгусо-маньчжурских языков [Чиндина, 1991. С. 130]. Л.А. Чиндина предложила включить этот инокультурный компонент в керамический комплекс релкинской культуры как III тип посуды. На том этапе, когда валиковая керамика была известна преимущественно в материалах Нижнего Притомья и Нарымского Приобья, это имело смысл, так как отражало процесс взаимодействия пришлого и автохтонного компонентов. Исследование локальной группы памятников с валиковой посудой в Среднем Притомье послужило основой для выделения подобных комплексов в самостоятельную лачиновскую культуру [Бобров, Новгородченкова, 1987]. При современном состоянии источников, можно уверенно говорить о подтверждении гипотезы, и обозначить ядро ареала лачиновской культуры в предгорных и горных ландшафтах Верхнего и Среднего Притомья.

На памятниках Томского Приобья, в развитии верхнеобской культуры, выделены комплексы одинцовского (V–VI вв.), тимирязевского (VII–VIII вв.) и юрт-акбалыкского этапа (рубеж VIII–IX вв. – рубеж IX–X вв.). А.С. Васютиным и С.А. Васютиным предложено выделение еще одного этапа – архиерейского, в диапазоне конец IX – вторая половина X в. [Васютин и др., 2012. Табл. 3]. Это закрывает весь период этнокультурной истории раннего средневековья региона – от ранних процессов культурной трансформации позднекулайских групп до начала интенсивной тюркизации региона и последующего формирования басандайской культуры.





С датировкой верхнеобских памятников Кузнецкой котловины ситуация более сложная. С одной стороны, на этой территории тоже выделены комплексы одинцовского, тимирязевского и юрт-акбалыкского этапа, т.е. предложенная модель полностью синхронизирует кузнецкую часть верхнеобского массива с однокультурными памятниками Новосибирского и Томского Приобья [Бобров, Новгородченкова, 1987]. Вместе с тем, культурная и эпохальная принадлежность комплексов, вынесенных в одинцовский этап, оспаривается. В первую очередь это касается наиболее выразительного могильника – Усть-Абинского. Имеются работы, достаточно аргументированно доказывающие его принадлежность к фоминскому этапу позднекулайской культурно-исторической общности, с датировкой не моложе IV–V в. н.э. Тоже самое для так называемых «смешанных» кладов, из которых в котловине наиболее известный – Елыкаевский [Ширин, 2003; 2005]. Гипотетичным является ранний возраст могильника Юрты и одной из групп керамики поселения Торопово-4 [Илюшин, Ковалевский, 2012. С. 84]. Напротив, хронология кузнецких комплексов юрт-акбалыкского этапа хорошо обоснована на материалах Вагановского могильника [Бобров и др., 2010]. Более того, на материалах могильников Калтышинского микрорайона аргументирована гипотеза о доживании верхнеобских комплексов в Кузнецкой котловине до X в. н.э. в рамках завершающего этапа с биритуальными погребениями, отражающими процесс достаточно длительного сосуществования поздних верхнеобских и ранних сrostкинских групп. Для этого этапа предложено название «калтышинский» или «ур-бедаринский» [Васютин и др., 2012. С. 36–37].

Для валиковой керамики Притомья предложена датировка в пределах второй половины I тыс. н.э., или в узком диапазоне VIII – X вв. н.э. [Окунева, 1997]. Ю.В. Ширин полагает возможным обозначить верхнюю дату валиковых комплексов рубежом тысячелетий, а решение проблемы нижней даты видит в анализе погребальных памятников Томского Приобья [Ширин, 1997]. Томскими археологами зафиксирован широкий диапазон существования валиковых комплексов начиная с IV–V вв. н.э. (Тимирязевское городище III) до IX–X вв. н.э. (Архиерейская заимка), но с преобладанием в середине периода [Беликова, Плетнева, 1983. С. 99–100]. То есть, речь идет о длительном существовании подобных комплексов в регионе (что совершенно верно заметил Ю.В. Ширин) – как минимум на протяжении трех, а возможно и четырех столетий.

5

Характеризуя этнокультурную ситуацию во второй половине I тыс. н.э. в Томском Приобье и Кузнецкой котловине, следует говорить о трех линиях развития. Две из них были связаны с автохтонными угро-самодийскими группами, уходящими корнями в позднекулайский (фоминский) субстрат, а еще одна отражает процесс освоения части региона пришлыми восточносибирскими группами тунгусо-маньчжурского происхождения.

Первая линия характеризуется процессами культуругенеза в южной и восточной части верхнеобского ареала, при этом можно говорить о включенности степной и лесостепной части Кузнецкой котловины в эти процессы уже на ранних этапах, что нашло отражение в специфичных чертах локального варианта (в первую очередь, доминирование кремации в погребальном обряде). Кузнецкие верхнеобские группы продолжают существование до рубежа эр, вступая в длительное взаимодействие с ранними сrostкинскими сообществами, и возможно, формируют одну из основ более поздней басандайской культуры [Васютин, 2004].

Вторая линия развития связана с взаимодействием рёлкинских и верхнеобских групп в контактной зоне Томского Приобья, и имеющая результатом формирование на стыке двух мощных культурных ареалов «маргинальных» комплексов. Есть все основания предполагать, что доминирование южного верхнеобского компонента последовательно усиливается на протяжении всей второй половины I тыс. н.э., что может быть связано с общим оттоком верхнеобского населения на север на юрт-акбалыкском этапе. При этом следует помнить о распространении рёлкинского культурного влияния и на более южные регионы, в том числе на Кузнецкую котловину [Бобров, Добжанский, 1989].

Наконец, третья линия культурного развития представлена комплексами лачиновской культуры с валиковой керамикой. Длительное многовековое существование лачиновского населения предстает примером устойчивого центра культуругенеза непосредственно в Кузнецкой котловине и предгорьях Кузнецкого Алатау. Пришлая по происхождению, в конце I тыс. н.э. эта культура трансформируется в автохтонный элемент этнокультурного поля. Редкие находки валиковой керамики во внутренних районах Кузнецкой котловины не позволяют говорить о попытках масштабного освоения лачиновцами бассейна р. Ини, но ставят вопрос о взаимодействии с верхнеобскими группами. Находки в Томском и Нарымском Приобье, напротив, могут свидетельствовать о мозаичном заселении лачиновцами северных территорий, близких по ландшафтной специфике лесным предгорьям Кузнецкого Алатау.

Остается неясной историческая судьба данного культурного образования – уже в XI–XII вв. основная часть лачиновского ареала занята носителями басандайской культуры. При этом признаки участия лачиновцев в басандайском культуругенезе не наблюдаются.

Картографирование этнокультурных ареалов второй половины I тыс. в Томском Приобье и Кузнецкой котловине показывает их тесную взаимосвязь с определенными ландшафтными зонами. Разнообразие этих зон определяло специфику естественной среды обитания раннесредневекового населения, и создавало предпосылки

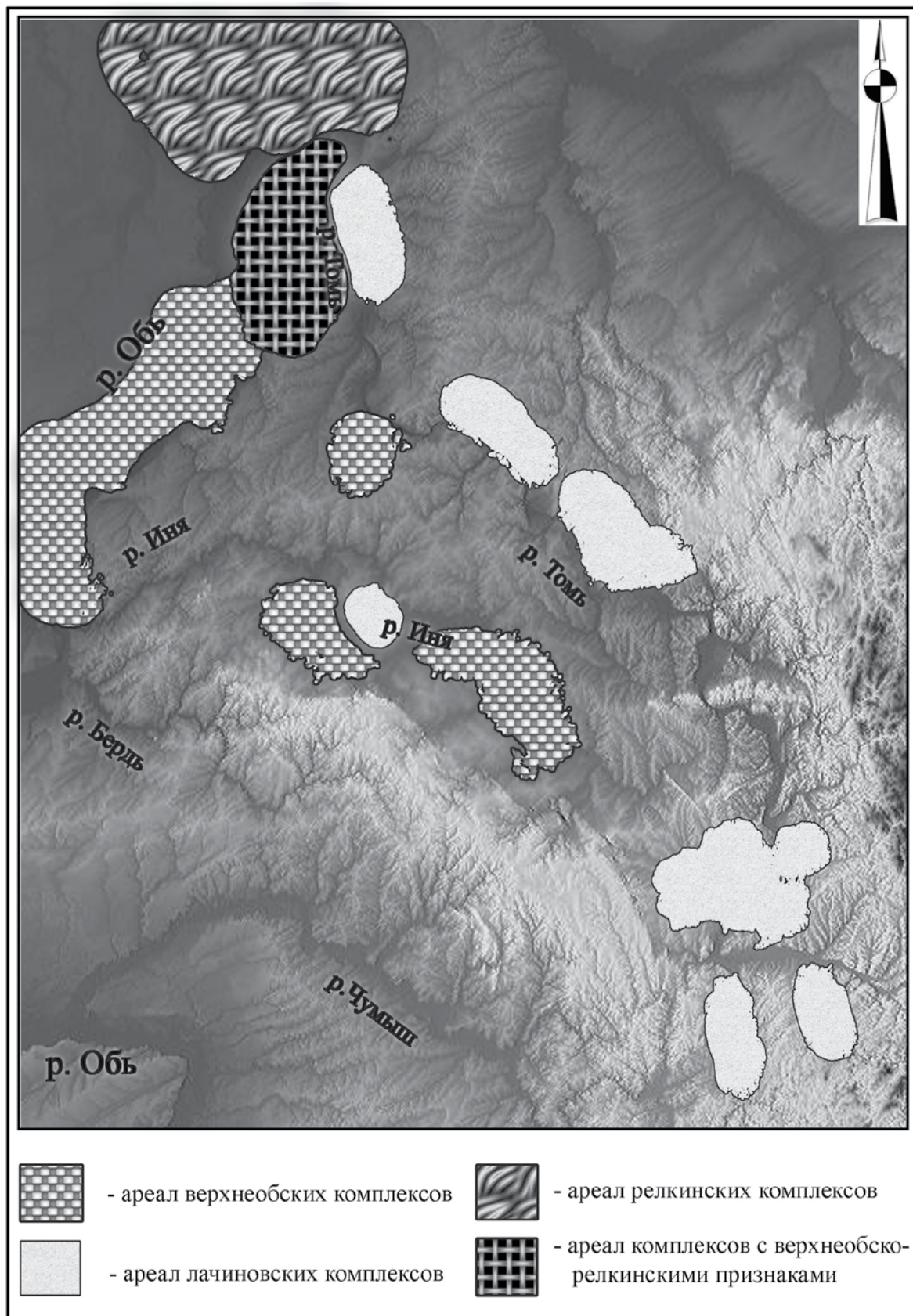


для реализации различных подходов к природопользованию. Как следствие, появлялась возможность для компактного сосуществования разнотипных групп на относительно небольшой территории.

Литература

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 244 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С.** Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.
- Бобров В.В., Добжанский В.Н.** Лебединский клад // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск: Изд-во Красн. ун-та, 1989. С. 133–135.
- Бобров В.В., Новгородченкова И.В.** К проблеме валиковой керамики Притомья // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тезисы докладов областной научной конференции по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность», «Раннее и позднее средневековье». Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1987. С. 156–159.
- Васютин А.С.** Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 5–35.
- Васютин А.С.** Культурно-хронологические особенности курганного могильника Шумиха на нижней Томи в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н.э. // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Т. 1: Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. Кемерово: Институт угля и углехимии, 2004. С. 393–424.
- Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С.** Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.
- Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К.** Климатостратиграфия позднего голоцена на юго-востоке Западной Сибири по материалам микропалеонтологического изучения озерных отложений // Проблемы геологии и освоения недр. Т. I. Томск: Изд-во Том.политех. ун-та, 2016. С. 70–72.
- Илюшин А.М.** Верхнеобская культурная общность: по материалам Кузнецкой котловины // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. С. 74–77.
- Илюшин А. М., Ковалевский С. А.** Комплекс археологических поселений в долине реки Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 212 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 128 с.
- Иоганзен Б.Г.** Природа Томской области. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1971. 176 с.
- Марочкин А.Г., Плац И.А., Конончук К.В.** Результаты археологической разведки 2015 г. в южных районах Нижнего Притомья // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 2. Кемерово, 2015. С. 58–66.
- Новые материалы по археологии Кузнецкой лесостепи и Притомья (по результатам раскопок 2016 года) / Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Щербакова А.В., Фальман А.В., Веретенников А.В., Плац И.А., Сизев А.С., Конончук К.В. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 5. Кемерово, 2017. С. 77–85.**
- Окунева И.В.** Поселения Среднего Притомья (ранний железный век и средневековье) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово: КемГУ, 1990. 26 с.
- Окунева И.В.** Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 36–64.
- Орлова Л.А.** Голоцен Барабы: Стратиграфия и радиоуглерод. Хронология. Новосибирск: Наука, 1990. 125 с.
- Рыбаков Д.Ю.** Томское Приобье в конце IV/III вв. до н.э. – IV в. н.э. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 24 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Хазина И.В.** Растительность и климат в голоцене Юго-Восточной части Западной Сибири: по палинологическим данным / Автореф. дисс. ... канд. геолого-минерал.-х наук. Новосибирск: Ин-т нефтегаз. геологии и геофизики, 2008. 16 с.
- Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Ширин Ю.В.** Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 65–76.
- Ширин Ю.В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Ширин Ю.В.** Поселения фоминской культуры в Кузнецкой котловине и Горной Шории // Кузнецкая старина. Вып. 7. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2005. 180 с.







Ж.К. Курманкулов¹, Л.Н. Ермоленко², А.К. Солодейников³, С. Садыков¹

¹Казахстан, Алматы, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, ²Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет, ³Россия, Санкт-Петербург, ООО «Аркус»

**ПЕЩЕРА В ГОРЕ АУЛИЕ ТАУ: ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)**

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ

В статье вводятся в научный оборот данные о новых местонахождениях красочных рисунков в Сарыарке, найденных в горе Аулие тау – в пещере Аулие и расположенной рядом с ней нише. Приводятся аналогии обнаруженным изображениям в петроглифах и рисунках охрой, датируемых эпохой бронзы – ранним железным веком, из памятников наскального искусства горных областей Казахстана. Обсуждается проблема дифференциации искусственной красной краски и проявлений естественного ожелезнения. Анализируются результаты изучения фотографической документации методом пигментных карт. На основании анализа делается предположение о наличии в пещере и нише красителей трех разновидностей, по всей видимости, различающихся по химическому составу – красочного вещества естественного происхождения в зонах ожелезнения и искусственных красок разного состава. Поднимается вопрос о возможности искусственного происхождения пещеры в результате производственной деятельности.

Ключевые слова: пещера, ниша, наскальные рисунки, охра, ожелезнение, пигментная карта, Сарыарка.

Ж. К. KURMANKULOV¹, L. N. ERMOLENKO², A. K. SOLODEYNIKOV³, S. SADYKOV¹

¹Kazakhstan, Almaty, Institute of Archeology named after A.H. Margulan,

²Russia, Kemerovo, Kemerovo State University, ³ Russia, St. Petersburg, Arkus LLC

**CAVE IN THE MOUNTAIN AULIEU TAU: THE PROBLEM OF ARTIFICIAL AND NATURAL
(A PRELIMINARY REPORT)**

The paper introduces into scientific use the data on the new painting sites in Saryarka discovered in Aulie Mountain – the cave Aulie and the niche next to it. The authors present certain analogies to them among the petroglyphs and paintings dated from the Bronze Age to the Early Iron Age in the rock art sites of Kazakhstan mountain regions. The problem of distinguishing between traces of manmade red pigment and zones of ferruginization is discussed. The results of studying photographic documentation by the method of pigment maps are analyzed. Based on the analysis, it is assumed that there are three types of dyes in the cave and niche, apparently differing in chemical composition – natural pigment in zones of ferruginization and artificial pigments of different composition. The authors raise the question of artificial origin of the cave as a result of mining activities.

Keywords: cave, niche, rock paintings, red ochre, ferruginization, pigment map, Saryarka.

Местонахождений с наскальными рисунками, выполненными краской (пещер, гротов, скальных навесов, скал) в горных областях Казахстана известно немного. Больше всего их выявлено в Восточном Казахстане, тогда как в Семиречье, Южном и Центральном Казахстане памятники с красочными наскальными рисунками единичны [Памятники монументального искусства... 2010. С. 26–55; Петенева. Электронный ресурс]. Ввиду этого значимым для науки является открытие в Центральном Казахстане, точнее в Сарыарке (Казахском мелкосопочнике), нового местонахождения с изображениями, нарисованными красной краской, – пещеры Аулие и соседствующей с ней ниши. В пещере пока распознаны три рисунка, кроме того, на ее стенах прослеживаются пятна красного вещества, которые могут быть как остатками изображений, так и ожелезнением. В этой связи возникла необходимость не только дифференциации искусственного и естественного красящих веществ, но и потребность удостовериться в искусственном характере рисунков. Более того, после консультаций с геологами появилось сомнение в естественном происхождении самой пещеры. Данными обстоятельствами и обусловлено обращение к проблеме, сформулированной в названии статьи.

Описание пещеры и изображений. Пещера Аулие находится на южном склоне горы Аулие тау в Кызыларайском горном массиве, на территории лесхоза Шабанбай бийского аульного округа (Актогайский р-н Карагандинской обл.), в 12 км к северу-северо-востоку от с. Шабанбай би¹. Гора Аулие тау расположена в верховьях р. Каратал, на левобережном пространстве. К югу от горы протекает речка Аулие булак, левый

¹ Пещеру в горе Аулие тау показал в 2015 г. сотрудник Актогайского археолого-этнографического музея Тунгышбай Мукан. Кроме Ж.К. Курманкулова, С. Садыкова и Л.Н. Ермоленко деятельное участие в работах по обследованию пещеры принял Б. Казыбаев.



приток р. Каратал. Пещера находится на 17 м выше основания горы в глубине одной из расселин, которыми изрезаны склоны Аулие тау. GPS-координаты памятника: N 48.27.117, E 075.25.139, высота 993.

Пещера залегает в гранитном массиве, характеризующемся горизонтальным пластовым строением и вертикальной трещиноватостью. Купол над пещерой разрезан трещиной, идущей в меридиональном направлении. Аналогичным образом ориентирована и ось пещеры. Ее вход, обращенный на юг, имеет овальную форму. Размер входового отверстия в поперечнике 4,75 м, высота 3,6 м (рис. 1/ 1).

Протяженность пещеры 20 м, наибольшая ее высота составляет 8,5 м. Строение пещеры ступенчатое трехуровневое (рис. 1/ 2). Первый (нижний) уровень представляет собой коридор длиной 8 м. В средней части коридора потолок значительно понижается. Высота коридора здесь составляет 2,2 м при ширине 3,75 м. На песчаном полу в этом месте лежат массивные каменные блоки, по всей видимости, отколовшиеся от потолка.

Второй уровень пещеры выше первого на 5 м, на него можно подняться по «пандусу», идущему под углом около 45 градусов. Длина подъема 7 м, ширина 1,4 м. На высоте 2 м от основания «пандуса» ширина пещеры составляет 3 м.

Длина отдела пещеры на втором уровне – 3,1 м, наибольшая ширина 3,1 м. В своде пещеры имеется сквозное продольное отверстие, которое находится над пандусом и отделом второго уровня (рис. 1/ 3). Отверстие продолговатое (4,2x1,5 м), оно расширяется в концевой части, обращенной в сторону выхода из пещеры. Согласно наблюдению Ж.К. Курманкулова, имеются следы намеренного расширения.

Третий уровень возвышается над вторым на 1,3 м. Длина отдела третьего уровня 3 м, ширина около 2,9 м, высота 2,5–3 м. В средней части пола находится яма неправильной формы, вытянутая по линии север – юг. Длина ямы 2,2 м, ширина 0,45–1,05 м, глубина 0,5 м. Северный ее край уходит под стену пещеры. Яма была заполнена песком и мусором, оставленным современными посетителями.

На стенах пещеры в разных местах наблюдаются красные пятна. В частности, они хорошо видны на стенах отдела третьего уровня – самой удаленной от входа части пещеры. Впрочем, стены на этом уровне наименее пострадали от варварства посетителей, сделавших в пещере (на достигаемой высоте) немало надписей масляными и аэрозольными красками. Кроме антропогенного воздействия, угрозу состоянию поверхности стен создает естественный процесс отслаивания

На каждом из уровней удалось различить по одному рисунку.

В коридоре выявлена красная извилистая линия длиной 94 см, толщиной 1–1,5 см, расположенная горизонтально (рис. 2/ 1). Она находится на уступе в нижней части стены справа от входа, примерно в 1,3 м от него.

Конфигурация линии вызывает ассоциацию с аналогично стилизованными изображениями, которые встречаются в петроглифах бронзового века Семиречья, Южного Казахстана и интерпретируются как образы змей [Самашев, 2006. С. 167; Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, рис. 617–629]. Похожие зигзагообразные линии имеются в репертуаре петроглифов Сарыарки [Новожинов, 2002. Табл. 36/ 4. 1–3].

Рисунок оленя размерами 25x25 см, обнаружен на левой от входа стене второго уровня, на высоте 2,5 м от уровня пола (рис. 2/ 2А). Профильная фигура животного сохранилась не полностью: не прослеживаются передняя конечность и окончание задней. Обращенная вправо голова поднята, древовидные рога (точнее, единственный рог с отходящими в обе стороны отростками) слегка наклонены назад. Фигуративность, а также способ воспроизведения рогов оленя, имеющий аналогии в петроглифах, являются в данном случае диагностирующими признаками намеренного изображения.

Следует отметить, что мотив древовидных оленьих рогов, в разной степени разветвленных, встречается в наскальных рисунках эпохи бронзы и раннего железного века на территории Семиречья и Восточного Казахстана [Самашев, 1992. Рис. 31, 44, 50, 53, 189/ 5, 226; Байпаков, Марьяшев, 2008, фото 4; Самашев, 2012. Илл. 21, 22, 141; Бейсенов, Марьяшев, 2014. Фото 48, 81]¹. В петроглифах Сарыарки изображения оленей редки [Новожинов, 2002. Рис. 5], а с древовидными рогами до сих пор не найдены.

Третий рисунок зафиксирован на задней стенке третьего уровня на высоте 1,07 м от уровня пола, в пределах овального (около 32x27 см) углубления глубиной до 3 см. Кроме того в верхней части углубления находится купула диаметром 6 см глубиной 3 см. Размеры изображения 8x8 см.

Рисунок может трактоваться как знак или тамга. Вместе с тем очертания, отчетливо «проявившиеся» на пигментной карте², в определенной степени сопоставимы со схематическими рисунками двугорбых верблюдов (рис. 2/ 3А, 3Б) наподобие тех, что встречаются в петроглифах горных областей Казахстана [Кадырбаев, Марьяшев, 1977. Рис. 46; Самашев, 1992. Рис. 125, 130; Самашев, 2012. Илл. 92; Новожинов, 2002. Табл. 11/ 31.5]. Наскальные рисунки Сарырки, в которых верблюд является одним из наиболее

¹ Образ «древорогого» оленя есть также в петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века Южной Сибири. Благодарим Е.А. Миклашевича, за то, что она обратила внимание авторов на это обстоятельство и за ценные консультации.

² Обработку фотографий методом пигментных карт выполнил А.К. Солодейников – автор метода.





распространенных образов, в целом относятся В.А. Новожиновым к эпохе бронзы – началу раннего железного века [2002. Рис. 5. С. 50].

Помимо пещеры рисунки выявлены также снаружи – в естественной нише, образовавшейся в процессе выветривания породы. Ниша находится в 8,7 м к югу-юго-востоку от капельной линии пещеры, на правом (если стоять лицом к пещере) наклонном борту расселины (рис. 1/ 1, 4). Абрис входного отверстия, открытого на запад, неправильный, близкий к трапециевидному. Длина ниши 2,7 м, высота 1,3 м. Пол имеет треугольные очертания; в противоположном от входа углу имеется щель, уходящая вглубь скалы. Глубина ниши без учета щели 1,03 м, со щелью 1,5 м. На стенах ниши наблюдается пластовое строение массива, в соответствии с которым изображения могли располагаться фризами.

Поперек потолка и верхней части задней стенки проходит каменная складка с углублениями по обеим сторонам. Слева от складки, почти параллельно ей идет красная полоса длиной около 70 см, шириной 1–2 см (рис. 2/ 4Б). Природный и, вероятно, искусственный «разграничитель» делят нишу на северную и южную части, обособляя находящиеся там красочные образования.

Красные линии разных очертаний и интенсивности прослеживаются на потолке и стенах ниши.

На северной стенке ниши выделяется рисунок высотой 26 см (рис. 2/ 4Б). Он состоит из вертикальной линии, ограниченной сверху и снизу сходящимися под тупым углом короткими линиями (углы направлены вершинами вверх). Слева к вертикальной линии в средней ее части пририсована параболическая дуга.

За исключением дугообразного элемента описанный рисунок в общем сходен со знаками, нарисованными красной охрой под скальным навесом на северо-западном берегу оз. Жасыбай в Баянауле [Наскальные рисунки..., 2002. С. 82–84] и в гроте Сартымбет в верховьях Иртыша [Памятники наскального искусства..., 2010. С. 48]. Эти знаки интерпретируются исследователями как антропоморфные фигуры.

На потолке северного отдела ниши вплоть до «разделительной» линии прослеживается скопление других знаков разного вида (рис. 2/ 4А, 4Б). Один из них размерами 24х17 см представляет собой комбинацию дуги и прямой линии. Рядом изображен знак размерами 24х20 см. Основу его составляет прямая линия, перечеркнутая в средней части, и ограниченная с обоих концов поперечными фигурными линиями. Кроме того, в скоплении различаются линии L- и А-образной конфигурации. На стенах и потолке южного отдела ниши заметны остатки красного вещества.

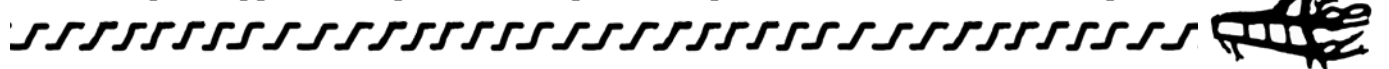
Нанесенные охрой знаки открыты на нескольких памятниках наскального искусства Северо-Восточного и Восточного Казахстана, таких как скала на северо-западном берегу озера Жасыбай в Баянауле [Наскальные рисунки..., 2002. С. 88], грот Акбаур [Самашев, 2006. С. 28 – 30] и др. З.С. Самашев относит рисунки Акбаура к эпохе палеометалла, хотя и признает сложность их датировки [Памятники монументального искусства..., 2010. С. 31, 32]. Следует отметить, что знаки, обнаруженные на упомянутых памятниках, не сходны между собой и среди них не найдено соответствий рассмотренным выше знакам из ниши.

Несмотря на приведенные аналогии, интерпретация рисунков в нише и пещере Аулие, за исключением, пожалуй, фигуры оленя, проблематична.

Рисунки или естественные красочные образования? При изучении местонахождений, содержащих рисунки, сделанные красной краской, возникает проблема различения охры, приготовленной человеком и нанесенной на скалу, от естественных выходов железосодержащих пород. Пробы и анализы не дают однозначного ответа на этот вопрос. Большой опыт работы тоже не во всех случаях придает специалисту абсолютной уверенности в антропогенном происхождении той или иной линии и не дает достаточной доказательной базы, чтобы это исключить. Поскольку на памятнике Аулие не проводились сравнительные анализы проб красящего вещества с рисунков и с естественных выходов окислов железа поблизости от них, то нет возможности использовать данные химических или иных анализов для дифференциации искусственной краски и естественного ожелезнения.

В этой ситуации различению искусственных и естественных красочных образований может способствовать метод сравнения пигментных карт предполагаемого рисунка и участков естественного ожелезнения [Солодейников, 2014; Миклашевич, Солодейников, 2013]. При сравнении карт анализируется интенсивность цвета окрашенных участков поверхности, зафиксированных на фотографии. Если интенсивности разных зон в разных цветовых каналах коррелируют между собой, то допускается одинаковое происхождение красителя. Если различаются, то предполагается разный химический состав красителей, точнее, разная степень дегидратации: перехода гидроксидов железа ($\text{Fe}(\text{OH})_2$), имеющих желтую окраску, в безводные оксиды железа (Fe_2O_3), которым охра обязана красным цветом. Это может свидетельствовать о разной технологии производства красителя или о неодинаковых процессах образования зон естественного окисления железосодержащих пород. Поскольку условия естественного окисления железа на одной плоскости не могут значительно различаться, наличие на пигментной карте зон разной интенсивности позволяет предположить аллохтонность одного из сравниваемых красящих веществ и допустить его искусственное происхождение.

Именно такая картина наблюдается на пигментных картах рисунков из ниши (рис. 1/ 4Б, 4В). Трещину,



запечатленную в нижней левой части фотографии, скорее всего, окружает естественное ожелезнение по ходу инфлюационных потоков. При сравнении интенсивностей участков ожелезнения и линий гипотетических рисунков на пигментных картах каналов а и б обнаруживается их различие. Оно свидетельствует о разных условиях, в которых проходили физико-химические процессы, ответственные за образование красителей. Предполагая с достаточным основанием природное происхождение красноватого оттенка возле трещины, мы можем с большой долей вероятности говорить об искусственном характере изображений.

Похожую, хотя и иную картину демонстрируют пигментные карты с изображением оленя и оказавшимися в кадре участками ожелезнения. Разница интенсивностей в зонах ожелезнения на пигментных картах сильно отличается от разницы интенсивностей красителя, которым нанесена фигура оленя (рис. 2/ 2Б, 2В). Вероятно, сырье для изготовления красителя подвергалось обжигу: технология приготовления краски была так хорошо выдержана, что произошла почти полная дегидратация сырья.

По результатам сопоставления пигментных карт фигуры оленя в пещере и знаков в наружной нише можно предположить разный состав красок, которыми были сделаны сравниваемые рисунки. Если эту гипотезу удастся подтвердить анализами, то встанет вопрос об относительной хронологии самих изображений.

В целом, анализ пигментных карт, созданных на основе фотографического материала из местонахождения Аулие, позволяет выделить три группы красителей, вероятно, различающихся по химическому составу. Первая группа – зоны естественного ожелезнения. Вторая группа – абстрактные рисунки в нише. Третья группа пока представлена единственным, несомненно, фигуративным изображением – рисунком оленя в пещере.

Метод пигментных карт позволяет также выявить изображения, которые визуальным образом не определяются. Так, на стене коридора над уступом с извилистой линией пигментная карта показала наличие фигурки какого-то, вероятно копытного животного.

Пещера в священной местности. Пещера входит в комплекс объектов-аулие – горы Аулие тау и речки Аулие булак. Именование природных объектов (гор, рек, пещер и т.д.) арабским словом аулие (аулийа) – множественная форма арабского слова вали ‘святой’) зафиксировано в традициях некоторых тюркоязычных народов, исповедующих ислам, в частности, казахов, киргизов, башкир. Почитание объектов природы, коренящееся в домусульманских верованиях, в обыденном сознании воспринимается как принадлежность мусульманской религии [Стасевич, 2013. С. 270]. По сообщению сотрудника Актогайского районного историко-краеведческого музея Т. Мукана, гора с пещерой и ручей, дающий начало речке Аулие булак, сколько помнят старожилы, всегда были местом паломничества нуждающихся в исцелении.

По преданию, чудодейственную силу ручья открыли охотники, наблюдавшие, как излечивались раненные животные (архары и др.), которые ложились в воду или погружали в нее поврежденные конечности. Целительными свойствами наделялась и прилегающая к ручью поляна, куда скотоводы загоняли на ночь больных баранов.

Легенд, связанных с пещерой, нам узнать не удалось. Исписанные автографами стены, осколки бутылочного стекла на полу и в яме верхнего уровня пещеры отнюдь не свидетельствуют о благоговейном к ней отношении. Пещера, как и окружающая местность, посещается в настоящее время отдыхающими людьми, но, по словам Т. Мукана, в нее приходят также больные или бесплодные люди, которые приезжают в урочище с надеждой на выздоровление.

Загадка происхождения пещеры Аулие. Поскольку пещера залегает в гранитной породе, она имеет некарстовое происхождение. Основой ее генезиса могли послужить геологические процессы, обусловившие образование в граните полостей-миарол [Перетяжко, 2010], и природные факторы, в частности, атмосферные осадки, скапливавшиеся в трещине.

Оригинальное предположение о возникновении пещеры Аулие было высказано устно канд. геол.-минер. наук А.Н. Кондаковым в ходе консультации. Он считает, что пещера Аулие могла быть сформирована искусственным путем – в результате производственного процесса (добычи руды), то есть является горной выработкой¹. В пределах Казахского мелкосопочника подобные (пещерные) памятники производственной деятельности не известны. Однако искусственные пещеры-выработки XVIII–XX вв. выявлены и изучаются на территории Приволжской возвышенности и ее провинции [Бортников, 2011. С. 75, 76; Варенов, Варенова. Электронный ресурс]. Для проверки предположения А.Н. Кондакова необходимо в дальнейшем предпринять поиск следов горнорудного дела в пещере и ее окрестностях.

Таким образом, изучение пещеры Аулие и найденных в ней рисунков, а также знаков в наружной нише, оказалось сопряжено с сомнениями в искусственном характере изображений и естественном происхождении пещеры. Быть может, ясность в этих вопросах позволят внести последующие исследования на памятнике.

¹ Производственное назначение этой пещеры допускает также канд. геол.-минер. наук Л.В. Кулачков. Авторы признательны А.Н. Кондакову и Л.В. Кулачкову за содержательные консультации.



Литература

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.** Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Credo, 2008. 200 с.
- Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н.** Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Магулана, 2014. 156 с.
- Бортников М.П.** Особенности пещер Самарской Луки // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2011. Т. 20. № 3. С. 64–78.
- Варенов Д.В., Варенова Т.В.** Пещеры и штольни Сызранского района. URL: http://lince.ru/travels/peschery_i_shtolni_syzranskogo_rayona (дата обращения: 20.05.2017)
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977. 232 с.
- Миклашевич Е.А., Солодейников А.К.** Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Наскальные рисунки** края Кереку-Баян / текст: В.К. Мерц. Павлодар, 2002. 113 с.
- Новожинов В.А.** Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002. 126 с.
- Памятники монументального искусства** Восточного Казахстана (древность и средневековье) / Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Исин А., Толегенов Е., Сайлаубай Е. Алматы: ТОО «Археология», 2010. 216 с.
- Перетяжко И.С.** Условия образования минерализованных полостей (миарол) в гранитных пегматитах и гранитах // Петрология. 2010. Т. 18. № 2. С. 195–222.
- Петенева Г.Г.** Наскальные рисунки Восточного Казахстана, выполненные охрой. Режим доступа: http://www.vkoem.kz/index.php?catid=204:ak-bauyr&id=1418:naskalnye-risunki-vostochnogo-kazakhstana-vypolnennyye-oxroj&Itemid=204&lang=ru&option=com_content&view=article (дата обращения: 25.05.2017).
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
- Самашев З.** Петроглифы Казахстана. Алматы: Онер, 2006. 200 с.
- Самашев З.** Наскальные изображения Жетысу. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. 240 с.
- Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.** Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 374 с.
- Солодейников А.К.** О терминологии, технологии, пигментных картах и хронологии // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск, 2014. С. 142–146.
- Стасевич И.В.** Практика поклонения сакральным объектам и предметам в современной культуре казахов и киргизов (в контексте изучения культ святых) // Культура Центральной Азии в условиях перемен. Вып. III. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 270–301.



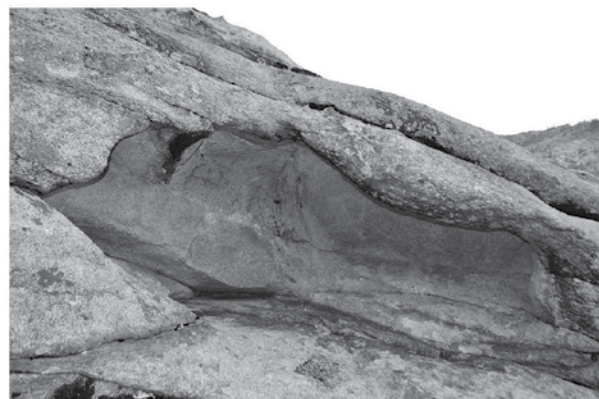
1



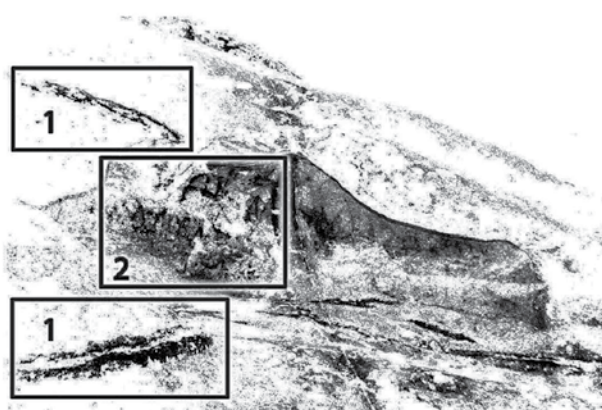
2



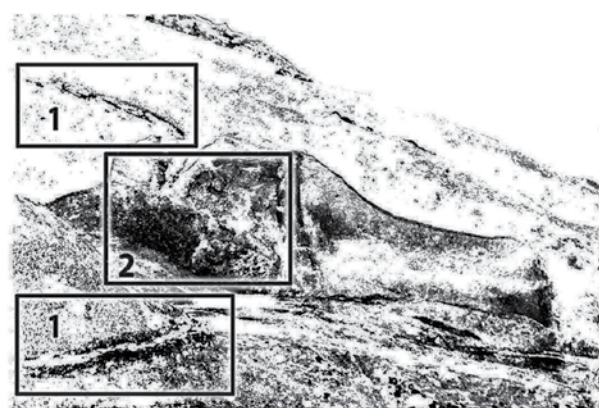
3



4А



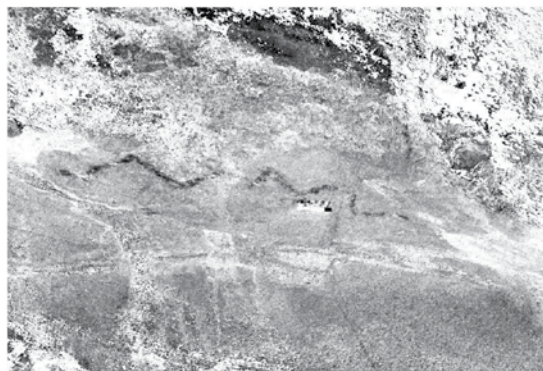
4Б



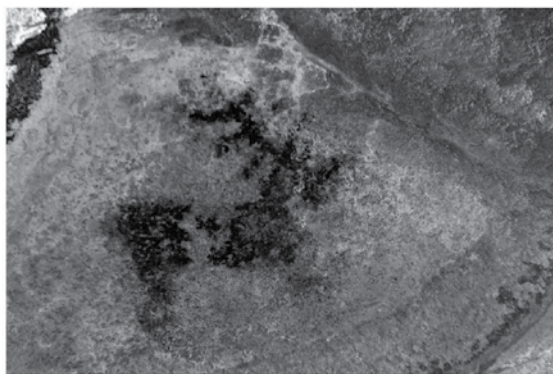
4В

Рис. 1. Пещера Аулие и ниша

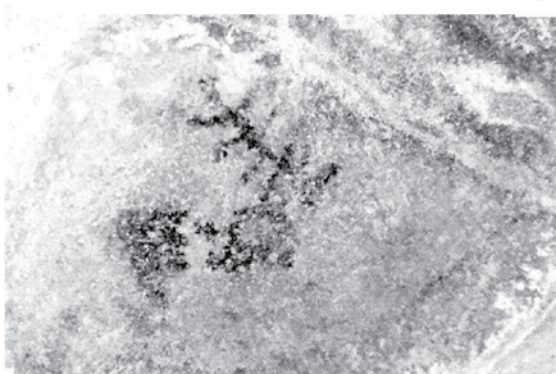
1 – вид расщелины с пещерой и нишей с юга, стрелкой указано расположение ниши; 2 – трехуровневое строение пещеры; 3 – отверстие в своде; 4А – ниша; 4Б – ниша, пигментная карта на основе канала а, рамками выделены зоны естественного ожелезнения (1) и зона с вероятными искусственными рисунками (2); 4В – ниша, пигментная карта на основе канала б, рамками выделены зоны естественного ожелезнения (1) и зона с вероятными искусственными рисунками (2)



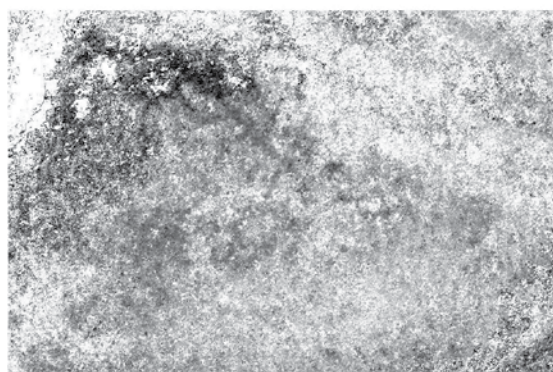
1



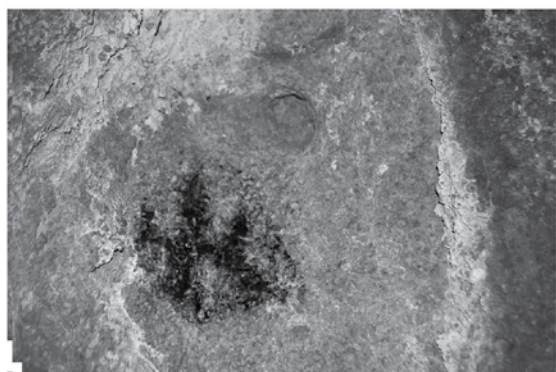
2A



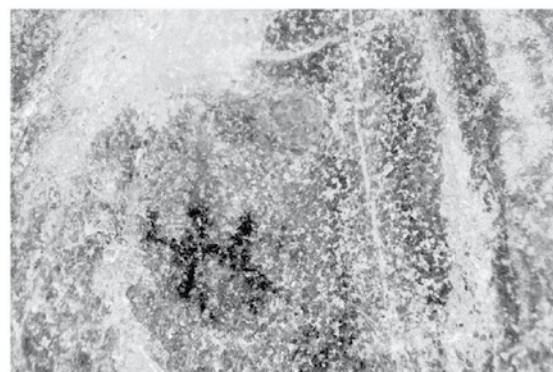
2Б



2B



3A



3B



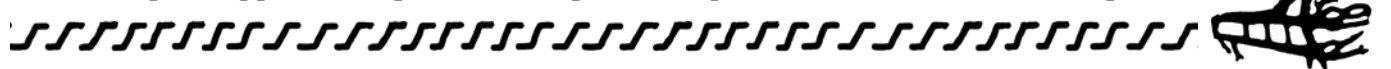
4A



4B

Рис. 2. Рисунки из пещеры Аулие и ниши

1 – извилистая линия в коридоре пещеры; 2A – изображение оленя на стене второго уровня пещеры; 2Б – изображение оленя, пигментная карта на основе канала а; 2B – изображение оленя, пигментная карта на основе канала b; 3A – изображение на стене третьего уровня пещеры; 3Б – пигментная карта изображения на стене третьего уровня пещеры; 4A – изображения в нише; 4Б – пигментная карта изображений в нише



УДК 902.2:903.083

О.С. Советова*, О.О. Шишкина, И.В. Аболонкова*

Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет

**ТАШТЫКСКАЯ ЭПОХА НА ЕНИСЕЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕПСЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА)**

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ
№ 33.2597.2017/ПЧ

Информация, полученная исключительно по материалам раскопок, далеко не в полной мере раскрывает особенности той или иной археологической культуры. Большую помощь могут оказать изобразительные источники, наполняющие эпохи живыми картинами, пропитанными духом ушедшего времени. В рисунках любовно прописаны мельчайшие детали одежды, причесок различных персонажей, оружия и средств защиты, разнообразных предметов, раскрывающих как сакральную, так и профанную составляющую исторических эпох. В этом отношении уникальным является Тепсейский археологический микрорайон, известный своими находками, включающими замечательные деревянные плакетки с резными миниатюрами, а также многочисленными петроглифами. В последние годы на Тепсее открыто немало новых наскальных изображений таштыкской эпохи, в том числе и на камнях курганов под горой. В статье представлены новые изобразительные материалы, среди которых есть и уникальные рисунки, расширяющие представления о таштыкской культуре в целом.

Ключевые слова: археологический комплекс Тепсей, таштыкская культура, петроглифы.

O.S. SOVETOVA, O.O. SHISHKINA, I.V. ABOLONKOVA

Russia, Kemerovo, Kemerovo State University

**TASHTYK ERA ON THE YENISEI THROUGH THE PRISM OF PICTORIAL SOURCES
(ON THE MATERIALS OF THE TEPSEY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX)**

The information obtained exclusively from excavation materials does not fully reveal the specific of any given archaeological culture. A great addition is always provided by the visual sources that fill the epochs with live pictures, filled with the spirit of the past time. In the drawings, the finest details of clothes, hairstyles of various characters, weapons and, various outfits of defense reveal both the sacred and profane component of historical epochs. From this point of view, the Tepsey archaeological microdistrict is unique, known for its discoveries that include remarkable wooden plaques with carved miniatures, as well as numerous petroglyphs. In recent years, many new rock paintings of the Tashtyk era have been found on Tepsei, especially on the low ground cliffs of the mountain. The article presents new visual materials, among which there are unique drawings that sheds new light on Tashtyk culture as a whole.

Keywords: Tepsey archaeological complex, petroglyphs, Tashtyk culture.

Интенсивные археологические исследования в бассейне Среднего Енисея проводились с конца 1950-х гг. практически на протяжении двадцати лет, что было обусловлено строительством Красноярской ГЭС и подготовкой ложа будущего водохранилища. Одним из исследуемых археологических микрорайонов Красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР стала терраса Енисея у горы Тепсей в Краснотуранском районе Красноярского края. Раскопки поселений и в особенности могильников, проведенные в 1960–1970-х гг., выявили материалы, представляющие особую ценность для науки в силу своей оригинальности и тех возможностей, которые они открыли перед исследователями. Только по одному этому комплексу можно проследить всю историю развития Минусинской котловины от афанасьевского до этнографического времени.

Отдельного внимания заслуживают памятники таштыкской культуры, соотносимой исследователями с I–V вв. н.э. [Грязнов, 1979а. С. 5], а иногда продлевающими ее историю до VII в. [Вадецкая, 1999. С. 7]. Исследователи для своих исторических реконструкций нередко прибегают к материалам Тепсея, тем более что среди них имеются поистине выдающиеся находки.

Археологические памятники таштыкской культуры известны в нескольких пунктах Тепсейского археологического микрорайона (Тепсей III, IV, XIX, XX) и представлены разнотипными погребальными комплексами (малыми и большими склепами, грунтовыми могильниками, детскими кладбищами), поминальниками, поселением. Инвентарь из могильных и поминальных сооружений богат разнообразными предметами: керамикой, бронзовыми и железными кольцами, пряжками, ножами, остатками деревянной и берестяной посуды. Многочисленны находки так называемых «коньков», астрагалов, нередко с вырезанными знаками и рисунками; здесь обнаружено более 120 погребальных масок и мн. др. [Грязнов, 1979б. С. 89–142].



В погребальных памятниках таштыкской культуры Тепсея также были найдены уникальные предметы искусства. Важнейшим открытием стали деревянные плакетки III–V вв. н.э., обнаруженные в склепе 1 (пункт Тепсей III) [Там же. С. 97–104; рис. 1/ 5]. Как и другие материалы раскопок на Тепсее, деревянные плакетки были переданы в Эрмитаж, где в ходе их лабораторного исследования было установлено, что они выполнены из березы; также были сделаны единичные уточнения в прорисовках гравировок и выявлены фрагменты плакеток с изображениями, по какой-то причине не вошедшими в публикации [Панкова, 2013. С. 273–274]. М.П. Грязнов не исключал, что раньше плакетки были раскрашены, но под воздействием огня и с течением времени краска не сохранилась [1971, С. 103]. К сожалению, пока доказать или опровергнуть это опытным путем не удалось. Вырезанные изображения и их предназначение неоднократно анализировались в научной литературе. Так, по мнению М.П. Грязнова, на них представлено два сюжета – на одной стороне бег зверей, на другой – батальные сцены. Он интерпретировал рисунки как повествовательные, рассказывающие о каких-то событиях, исторических или легендарных, но не мифологических [1971. С. 94–106]. Ю.И. Михайлов же соотнес изображения с мифологическими сюжетами и эпическими преданиями, которые пересеклись с реалиями жизни [1995. С. 20]. М.Н. Подольский высказал предположение, что сюжетно плакетки имели вполне светский характер, однако в склепе играли символическую и магическую роль. Он называет их «иллюстрированным кодексом степного “рыцарства”», не исключая, что изображения гравировали специально для погребения и помещали в склеп как вещественное свидетельство того, что похороненные в нем люди следовали при жизни правильному пути [1998. С. 205]. Э.Б. Вадецкая разделила изображения на плакетках на три сюжета: животные, сцены битв, угон военной добычи [1999. С. 109]. В такой же манере, что и изображения на плакетках, выполнен рисунок на ящике-гробике с захоронением ребенка из второго склепа в пункте Тепсей III (рис. 1/ 19). На боковой стене ящика глубокими линиями была вырезана человеческая фигура. М.П. Грязнов лишь упомянул о данной находке и атрибутировал изображение как воина [1979б. С. 145]. Спустя десятилетия, рисунок опубликовала Э.Б. Вадецкая, отметившая: «Здесь изображен человек высотой в 16,5 см, одетый в длинную рубаху-платье и шаровары. На груди на длинных ремешках подвешен мешочек, орнаментированный 6 поперечными полосами. Левая рука согнута в локте, кисть не видна, словно человек что-то прячет за спиной. Правая рука резко поднята вверх, кисть разрушена». По ее мнению, здесь изображен «служитель культа», который совершает жертвоприношение [2000. С. 16]. Если принимать точку зрения Э.Б. Вадецкой, то мы можем в какой-то степени восстановить элементы внешнего вида этого «служителя культа», у которого показаны прическа/головной убор, и одеяние, отличающееся от изображений воинов с плакеток. Очень важно отметить, что манера исполнения и стилистические особенности рисунков на тепсейских миниатюрах позволили впоследствии датировать таштыкским временем целую серию рисунков на скалах Минусинской котловины [Панкова, 2004; и др.].

Таким образом изобразительные источники позволили приоткрыть завесу над важной исторической эпохой – таштыкской, – эпохой больших исторических перемен. Они наполнили ее живыми картинами, пропитанными духом ушедшего времени. В рисунках любовно прописаны мельчайшие внешнего облика персонажей, оружия, разнообразных предметов.

Исследовательский интерес к изобразительным источникам таштыкской эпохи за последние десятилетия не только не угас, но даже возрос, имея важную подпитку в виде новых открытий теперь уже в области наскального искусства. Колоссальную работу по сбору и анализу таштыкских гравировок на памятниках Минусинской котловины выполнила С.В. Панкова, сформировавшая значительный источниковый фонд рисунков, анализу которого посвятила свою диссертацию [2011]. Естественно, она не обошла вниманием и скалы Тепсейского археологического микрорайона, но, кроме единственной, но достаточно большой плоскости с гравированными рисунками в Волчьем логу, другие рисунки ею выявлены не были. Отметим, что линии на обнаруженной плоскости настолько выветрены, что «читаются» с большим трудом. Тем не менее, исследовательнице удалось скопировать эту великолепную сцену [Панкова, 2004, рис. 2]. Долгое время тепсейские рисунки таштыкской эпохи больше не публиковались, хотя периодически обнаруживались исследователями. Некоторые гравированные изображения на южной вершине горы Тепсей, обращенной к Тубе, в свое время были зафиксированы Н.В. Леонтьевым [Там же. С. 52], позднее были скопированы и опубликованы И.Л. Кызласовым. Среди них фигуры оленя, косули, коня, воинов, а также котлы, сосуды, саадак [Кызласов, 2012]. На одной из плоскостей имеется коллективная сцена с участием антропоморфных фигур (рис. 1/ 18). Рисунки, несмотря на некоторую фрагментарность, представляют большой интерес в качестве исторических источников. Например, на одном из мужчин показаны мягкие сапоги, шаровары, короткий приталенный кафтан. Другой персонаж в одежде, переданной штриховкой. Не исключено, что штриховкой показаны укороченные штаны, причем правая штанина короче левой, отчего видна часть ноги. На скалах Тепсея нам неоднократно встречались сильно заветренные плоскости с едва уловимыми гравированными линиями, среди которых есть фрагменты антропоморфных фигур, у одной из которых тоже прорисованы такие же «штаны» (рис. 1/ 23). Встречаются подобные варианты одежды и на других памятниках, например, в сценах у воинов



на Четвертом Сундуке (рис. 1 /20) [Бородовский, Ларичев, 2013. Рис. 4], Чалпане, на курганном камне из Салбыкской степи (рис. 1/ 21) и т.д. [Кызласов, 1990. Рис. 1/ 2; 4/ 1–2]. В некоторых случаях трудно однозначно сказать, были ли это действительно штаны, или таким приемом показывали расходящиеся при движении полы кафтанов, но часть фигур, в том числе тепсейских, показана не в движении, что косвенно может указывать на возможное использование таких укороченных штанов таштыкцами. С.В. Панкова, анализируя тепсейские и ташебинские миниатюры, справедливо отмечала, что нередко в сценах показаны воины с различным вооружением и разнообразными прическами, в доспехах и со щитами, пешие и конные, при этом они смотрятся весьма хаотически: где здесь «свои», где «чужие»? «Все куда-то бегут, стреляют, получают ранения, гибнут – но не ясны ни конкретные противники каждого, ни принадлежность воинов той или иной стороне, ни исход сражений» [2011. С. 120]. Поэтому очень важно определение особенностей внешнего облика персонажей, так как именно за ними кроются их этнические и культурные различия. Приемы передачи антропоморфных фигур в наскальном искусстве Тепсея находят прямые соответствия с рисунками на тепсейских плакетках. Их ноги в наскальной сцене переданы так же динамично, носок ноги вытянут; заостренным уголком намечены полы кафтана; талии узкие; у «лучника» характерно загнута вверх рука. Любопытно, что прием штриховки использован как на плакетках, так и на скалах.

Д.Г. Савинов первым предложил атрибуцию тепсейских персонажей, запечатленных на плакетках. Среди них он выделил таштыкцев (воины со специфическими прическами с булавкой в волосах); воины в лодке с простыми луками и в конических головных уборах названы «населением лесов, окружающих минусинские степи»; и «рыцарей» в доспехах – возможно тюрков времени их первого появления на Среднем Енисее [1984. С. 44; 2008. С. 187, 188]. Глубокий анализ изображений таштыкских воинов и литературы по данной тематике дан С.В. Панковой [2011]. Автор отмечает, что Ю.С. Худяков классифицировал луки, колчаны и налучья тепсейских воинов, соответствующие реальным типам изделий и сделал вывод, что, например, простые луки «...изображены в руках “иноплеменных воинов”, стреляющих с лодки в таштыкцев. Возможно, сами носители таштыкской культуры простые луки не использовали» [Худяков, 1986, С. 91]. Для нас это замечание важно в том отношении, что на скалах Тепсея в основном изображены выбитые фигуры воинов с простыми луками (луки гравированные) (рис. 1/ 8–10), а кроме того, зафиксировано фрагментарное изображение лодки с характерным «лодочником» (рис. 1/ 23). Изображения лодок, датированных таштыкской эпохой, в наскальном искусстве Минусинской котловины крайне редки, нам известно лишь одно с Барбаковых гор (рис. 1/ 25) [Рыбаков, 2005. Рис. 3]. На скалах Тепсея имеется также изображение снаряженного саадака (рис. 1/ 11) – тоже изображение не часто воспроизводимое в наскальном искусстве (И.Л. Кызласов приводит одну аналогию с горы Озерной [1994. Рис. 22]). В саадаке, по мнению автора прорисовки, показано 11 стрел, размещенных группами по 6 и 5 экземпляров. На плакетках мы также можем увидеть на поясе у лучников прикрепленные предметы, очевидно, колчаны для стрел (рис. 1/ 12–13). С.В. Панкова выявила разные типы колчанов [2011. С. 122–124]. Руководствуясь ее наблюдениями, можно предположить, что, судя по форме, лук, выглядывающий из саадака, скифского типа. Таким образом, в наскальном искусстве Тепсея, как и на плакетках, представлены воины разных групп, что косвенно согласуется и с наличием здесь разных типов захоронений – в грунтовых могильниках и в склепах.

В историческом плане интересны и другие предметы, запечатленные в наскальных сценах Тепсея. Например, имеются изображения сосудов, у которых передан орнамент, характерный и для найденной в погребениях под горой посуды (рис. 1/ 1–2). При этом И.Л. Кызласов отмечает, что у сосуда, очень напоминающего котел, нет ручек и его отличает вырезанный под венчиком орнамент. Различные треугольные пояса и гирлянды – не редкость на керамических и берестяных сосудах таштыкской культуры в целом, но, по замечанию исследователя, всюду они носят другой характер и принадлежат к сосудам иных форм (рис. 1/ 3–5). Тем не менее, автор склонен видеть в этом изображении воспроизведение котла [2012. С. 104–105, рис. II, IV]. Другие сосуды представляют собой широко раскрытые конические миски (или своеобразные кубки?) [Там же. Рис. VI] и не имеют широкого круга аналогий. По мнению И.Л. Кызласова, здесь воспроизведен сосуд, прообразом которого могла быть «миска», выполненная из глины, т.к. деревянный сосуд такой формы был бы неустойчивым, да и орнамент также скорее характерен для глины.

На курганных камнях под Тепсеем нами также было обнаружено несколько сцен таштыкской эпохи, выполненных гравировкой. Гравированные линии на камнях практически не видны из-за сильной выветренности, выявить их удалось лишь благодаря совершенствованию методов документирования с использованием различных способов цифровой фотосъемки с последующими послойными прорисовками по фотографиям в программе Adobe Photoshop. Самыми интересными представляются сцены на двух соседних камнях шестикаменного кургана подгорновского времени в пункте Тепсей VIII. На первом среди многочисленных тончайших, порой бессистемных линий обнаружены изображения быка, оленя, летящей профильной птицы и нескольких хищных животных с оскаленными пастьми, вздыбленной шерстью и когтистыми лапами, запечатленными в стремительном беге (рис. 2). Определение видовой принадлежности хищников вызвало не-



которые затруднения у Т.В. Николаевой, обнаружившей эту сцену в 1980-е гг. Она разглядела лишь фигуры двух хищников (по ее мнению, кабанов) и голову быка. Автор поставила вопрос о хронологической атрибуции данной сцены, отмечая, что композиция сочетает в себе таштыкские и древнекыргызские или тюркские элементы [1983. С. 103]. При тщательном изучении данной композиции нами были обнаружены элементы, которые снимают сомнения по поводу датировки – фигуры быка и оленя выполнены в классической таштыкской манере. Изображения хищников довольно редки в таштыкском искусстве. Нельзя не отметить, что на тех же деревянных плакетках есть фигуры медведей, которые тоже изображены с когтистыми лапами, но они другие; хищники, изображенные на курганном камне Тепсея, больше напоминают волков. В качестве аналогии можно привлечь изображение с одного из курганных камней под горой Бычиха, на котором также техникой гравировки прочерчена фигура хищного зверя с большой зубастой мордой, длинным хвостом и когтистыми лапами [Миклашевич, Бове, 2015. Рис. 5]. На втором тепсейском камне была выявлена фигура аналогичного хищника с оскаленной пастью, острыми ушами, длинным хвостом и с подогнутой ногой. Этот хищник преследует двух животных; здесь же обнаружено изображение профильной птицы (рис. 2). Птиц (правда, в довольно стилизованном виде) изображали и на астрагалах, обнаруженных в таштыкских склепах, есть изображение на роговой булавке в одной из могил Тепсейского комплекса [Грязнов, 1979б. С. 127, рис. 75]. Подобные изображения птиц на других памятниках наскального искусства Минусинской котловины пока известны не были.

Интерес вызывают и изображения быков, неоднократно зафиксированные в тепсейских материалах: на плакетках и в наскальном искусстве среди петроглифов Волчьего лога, а также на одном из курганных камней (рис. 3). На плакетках они показаны бегущими в упряжке, в наскальных сценах – в свободном беге с характерно подогнутой ногой. И в наскальной сцене, и на плакетке непосредственно за быками располагается фигура человека. Никаких специальных атрибутов не видно, однако ее расположение позволяет видеть здесь единую смысловую группу. Все быки тучные, что, возможно, косвенно указывает на достаточно высокий уровень их разведения в таштыкскую эпоху. С.В. Панкова при анализе тепсейской плоскости предположила, что сцена с быками связана с земледельческим сюжетом, и здесь изображены волю, которые использовались при земледельческих работах в качестве тягловой силы [2004. С. 53]. Изображение в нижнем правом углу наскальной композиции она интерпретирует как борону. Подобные фигуры быков характерны для наскального искусства Минусинской котловины в целом: они известны на памятниках Сундуки [Ларичев, Бородовский, 2013. Рис. 5], Крутуяк [Панкова, 2004. Рис. 3], Подкамень [Панкова, 2013. Рис. 13, 15] и др.

Таким образом, на примере конкретного археологического микрорайона видна перспективность комплексного изучения изобразительных и вещественных материалов. В рассматриваемом хронологическом срезе изобразительные источники Тепсея – и резные изображения на плакетках, и наскальные рисунки, – вносят существенную конкретизацию в представления о таштыкской эпохе в целом, нередко раскрывая такие нюансы, которые невозможно получить исключительно по предметам из раскопанных погребений и поселений, давая представления как о сакральной, так и о профанной составляющей археологической культуры. Выявленные в последние годы на Тепсее новые наскальные изображения демонстрируют наличие в таштыкскую эпоху по меньшей мере двух изобразительных традиций – нанесение рисунков путем выбивки и прорезывания острым предметом. И в том и в другом случае темы остаются общими – это изображения животных (главным образом лосей, быков, коней) и антропоморфных персонажей (воинов, «служителей культа»), а также разнообразных предметов эпохи. В гравированных сценах передано множество деталей, которые способны передать лишь изобразительные источники – элементы одежды (например, укороченные «штаны» или неатрибутированная прежде одежда «служителя культа», которые требуют еще дополнительного анализа) и вооружения (формы луков; редкое отдельное изображение саадака), предметы быта и ритуальной деятельности (пока только на Тепсее обнаружены изображения посуды с орнаментом; неизвестная форма мисок; редкое изображение лодки), новые зооморфные персонажи (например, профильно изображенные птицы, фигуры хищников) и др. Кроме того, изобразительные материалы позволяют предположить, что таштыкцы были не только скотоводами, но, возможно, занимались и земледелием (хоть и примитивным). Поиски продолжаются, возможно, нас ожидают еще новые открытия.

Литература

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.

Вадецкая Э.Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 15–17.





Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 13. Л., 1971. С. 94–106.

Грязнов М.П. Пункты раскопок // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 20.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.

Кызласов И.Л. Историко-культурное значение образов таштыкского искусства (на примере графики) // Проблемы изучения наскальных изображений СССР. М., 1990. С. 192–197.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 346 с.

Кызласов И.Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 103–108.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2015. № 1 (3). С. 52–64.

Михайлов Ю.И. Семантика образов и композиций в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 17–22.

Николаева Т.В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология) / Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983.

Панкова, С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск, 2004. С. 52–60.

Панкова С.В. Таштыкские гравировки (сюжетно-стилистический анализ и историко-культурная интерпретация): автореферат дис. канд. ист. наук. СПб, 2011. 27 с.

Панкова С.В. Неизвестные фрагменты тепсейских миниатюр // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2013. С. 272–276.

Панкова С.В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. Вып. 1. Абакан, 2013. С. 125–159.

Подольский М.Н. Композиционная специфика таштыкской гравюры на дереве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 199–205.

Рыбаков Н.И. К вопросу существования северной ветви манихейства на Енисее. Элементы символики // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. С. 298–303.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Савинов Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура археолого-этнографических исследований древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 185–190.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., Когсегенова А.Б. Лук, стрелы и саадак из могильника Ния (Синьцзян, КНР) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 4. С. 31–39.

Рис. 1. Изобразительные материалы таштыкской культуры на Тепсее. Аналогии

1, 2, 11, 18 – петроглифы на вершине горы Тепсей [по: Кызласов, 2012. Рис. IV–VII]; 3, 4 – керамические сосуды, Горькое [по: Вадецкая, 1999. Табл. 46]; 5, 7 – керамические сосуды из таштыкских склепов и поминальников, Тепсей III [по: Грязнов, 1979б. Рис. 55, 79]; 6 – деревянный сосуд, Оглахты I [по: Вадецкая, 1999. Рис. 22]; 8 – петроглифы на вершине горы Тепсей [по: Кызласов, 2012. Рис. IV–VII]; 3, 4 – керамические сосуды, Горькое [по: Вадецкая, 1999. Табл. 46]; 5, 7 – керамические сосуды из таштыкских склепов и поминальников, Тепсей III [по: Грязнов, 1979б. Рис. 55, 79]; 6 – деревянный сосуд, Оглахты I [по: Вадецкая, 1999. Рис. 22]; 8–10, 23 – петроглифы в Волчьем логу (Тепсей II). Материалы авторов; 12, 13, 24 – деревянные плакетки с резными рисунками из склепа 1, Тепсей III [по: Грязнов, 1979, Рис. 59–62]; 14 – лук, стрелы и саадак из мог. 8 памятника Ния [по: Худяков и др., 2013. Рис. 1]; 15–17 – рисунки на деревянных плакетках, Ташеба [по: Панкова, 2011. Рис. 1, 3, 5]; 19 – фигура «служителя культа» на стенке детского гробика из склепа 2, Тепсей III [по: Вадецкая, 2000. Рис. 2]; 20 – Сундуки [по: Бородавский, Ларичев, 2013. Рис. 4]; 21 – Салбыкская степь, гравировка на курганном камне [по: Кызласов, 1990. Рис. 1]; 22 – Шалаболино [по: Советова, Миклашевич, 1999. Табл. 6]; 25 – Барковы горы [по: Рыбаков, 2005. Рис. 3]. Фрагменты композиций. Масштабы разные.





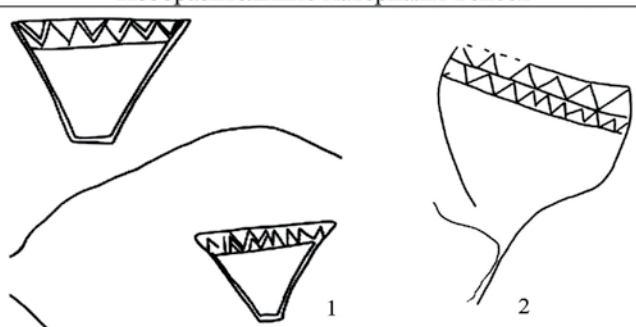
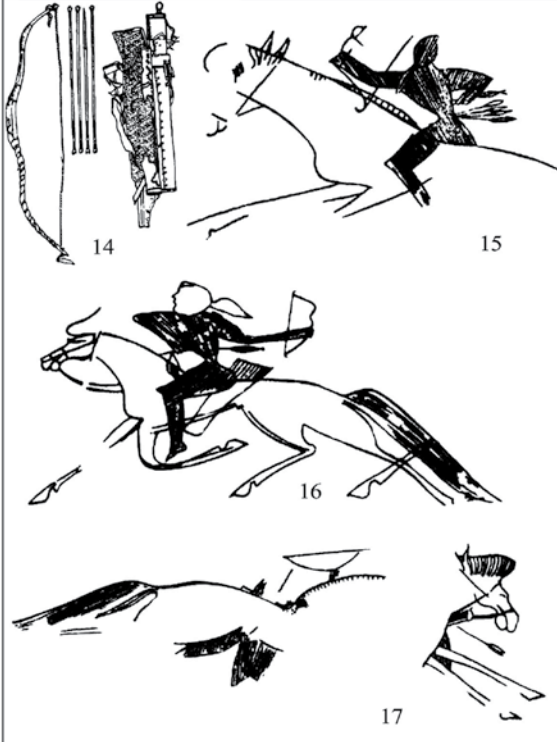
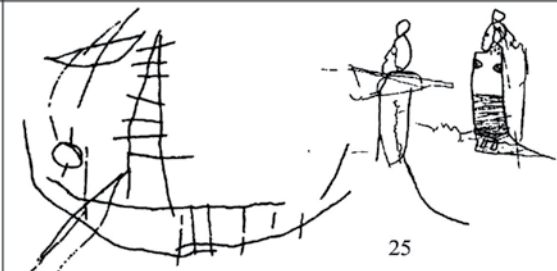
	Изобразительные материалы Тепсея	Аналогии
Посуда		
Предметы вооружения		
Элементы одежды		
Транспорт		

Рис. 1

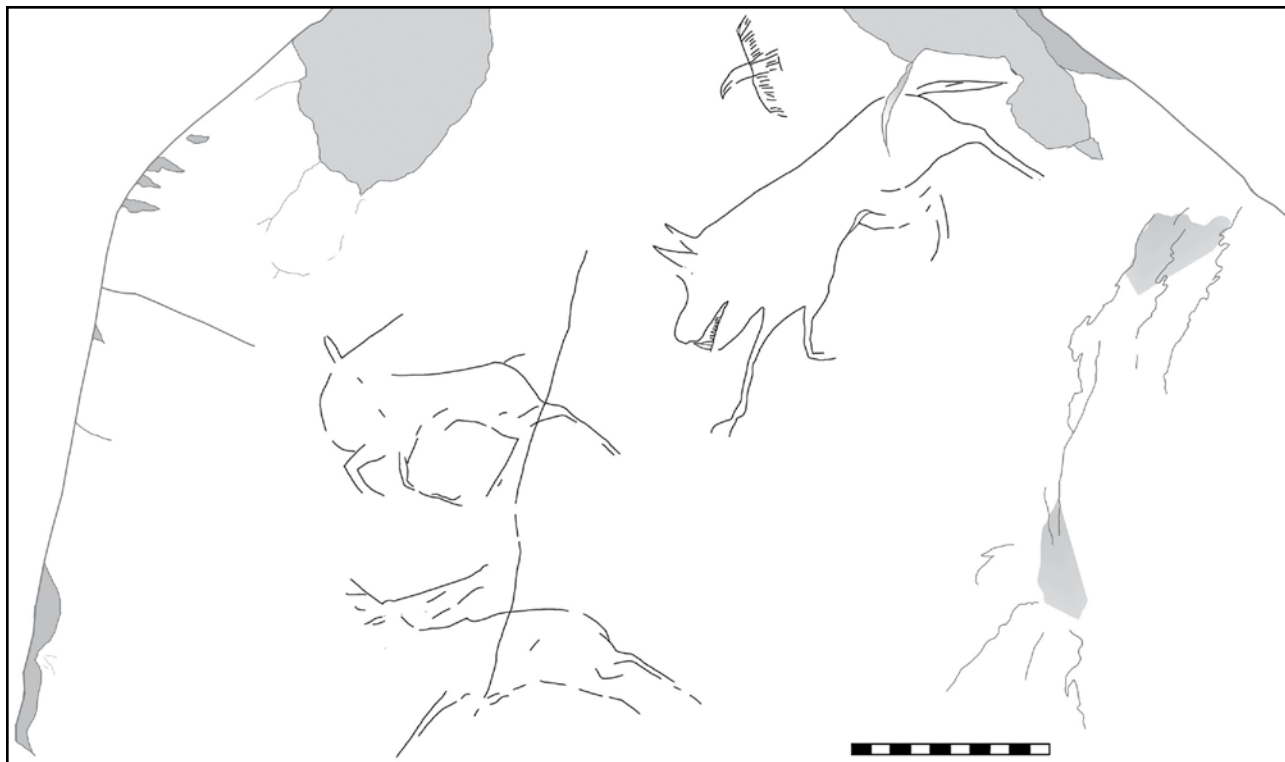
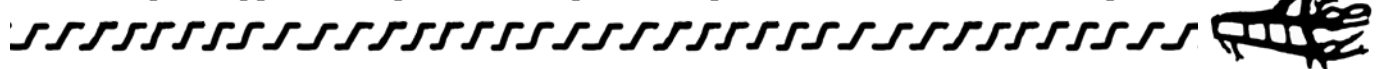


Рис. 2. Тепсей VIII. Сцена на камне № 2 подгорновского кургана

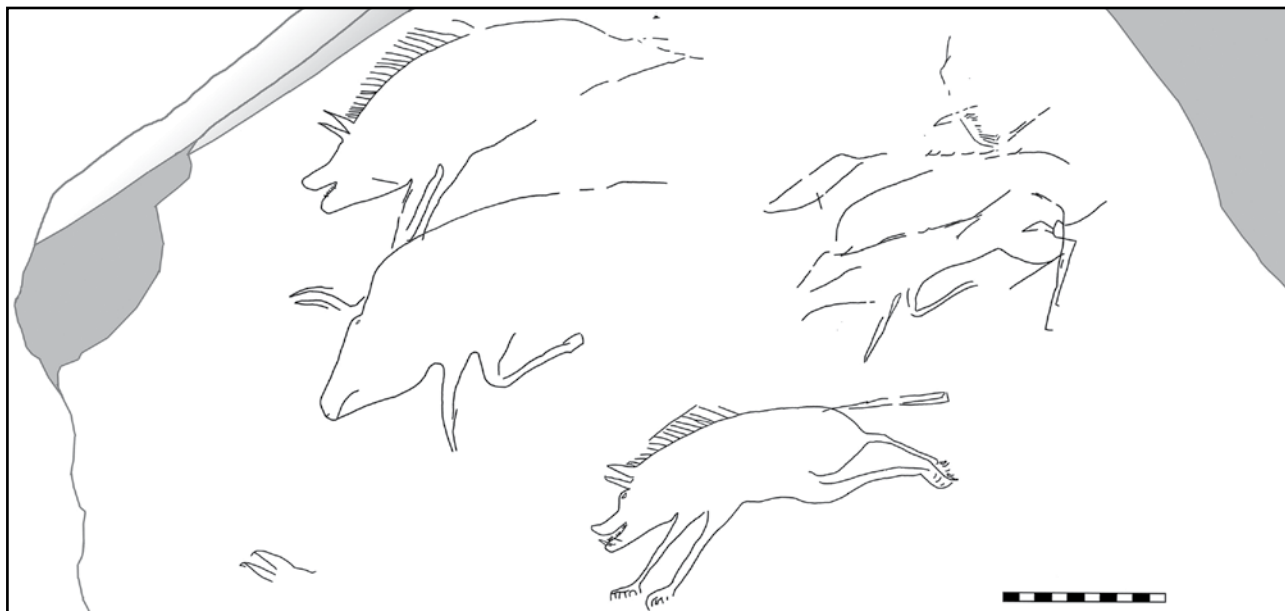


Рис. 3. Тепсей VIII. Фрагмент сцены на камне № 1 подгорновского кургана



Л.А. Чиндина¹, И.Н. Коробейников¹, Е.И. Доровенчик²

Россия, Томск

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет,

²Томский областной краеведческий музей

МОГИЛЬНИК РЁЛКА – ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕИФИКАЦИИ

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.41.2017, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Курганный могильник Рёлка – один из известнейших памятников в Западной Сибири, включён в список охраняемых объектов наследия Томской области. На материалах раскопок рубежа 1960-х–1970-х гг. была выделена рёлкинская культура эпохи Средневековья. Памятник раскопан не полностью. Археологическая разведка 2016 г. подтвердила его аварийное состояние. В статье рассмотрены история и результаты изучения могильника и его значимость.

Решение задачи сохранения объекта культурного наследия «могильник Рёлка» авторы видят в придании ему юридического статуса «особого памятника истории и культуры», в продолжении раскопок, создании музейного комплекса. Это позволит прекратить разрушение могильника, играющего ключевую роль в изучении историко-культурного развития Западной Сибири, а также представить широкой общественности в доступной и наглядной форме культуру, мировоззрение, социальное устройство, в частности, военно-потестарные отношения рёлкинцев.

Ключевые слова: Молчаново, могильник, Рёлка, эпоха раннего Средневековья, рёлкинская культура, культурное наследие, историко-археологический музейный комплекс.

L.A. CHINDINA¹, I.N. KOROBENIKOV¹, E.I. DOROVENCHIK²

Russia, Tomsk

¹National Research Tomsk State University, ²Tomsk Regional Museum of Local Lore

RYOLKA BURIAL GROUND: THE RESULTS OF RESEARCH AND THE PROSPECTS OF MUSEUMIFICATION

Ryolka burial ground is one of the most famous sites in Western Siberia and is included in the list of protected objects of the Tomsk Oblast heritage. The Ryolka culture of the Middle Ages was allocated on the excavations' materials at the turn of the 1960s-1970s. The site was not fully excavated. Archaeological survey in 2016 confirmed its emergency condition. The article considers the history and results of the study of the burial ground and its importance.

Solving the problem of preserving the object of cultural heritage ("Ryolka burial ground") authors see in giving it a legal status of a "special monument of history and culture", the excavations' continuation, and the creation of a museum complex. This will let stop destruction of the burial ground which is playing a key role in the study of the historical and cultural development of Western Siberia, and as well present to the general public in an accessible and visual form the culture, worldview, social structure and in particular, the military-power relationship of the Ryolkians.

Keywords: Molchanovo, Ryolka burial ground, the yearly Middle Ages, the Ryolka culture, cultural heritage, a historical and archaeological museum complex.

Сохранение археологического наследия – одна из важнейших задач, стоящих не только перед археологами, но и современным обществом. Хозяйственное освоение территорий, расширение населенных пунктов, градообразование, активность грабителей культурных ценностей – реальные угрозы, более масштабные, нежели разрушение памятников от природного воздействия, о котором тоже не следует забывать.

В Томской области существует ряд знаковых памятников: комплекс Самусь IV (поселение, бронзолитейный, сакральный центр), святилище на горе Кулайка, могильник Рёлка, давших имена соответствующим археологическим культурам, широко известным в России и за рубежом. Эти брендовые для области памятники находятся в аварийном состоянии. Курганному могильнику Рёлка, расположенному в районном центре Молчаново, грозит полное разрушение.

Обращение к могильнику Рёлка в ключе музеификации объясняется рядом причин. Во-первых, его исключительным значением для восстановления историко-культурных процессов, экономических, социально-политических, мировоззренческих особенностей общества VI–X вв. н.э. в Западной Сибири и, конкретно, в Среднем Приобье. Во-вторых, охранные раскопки и музеификация значительно увеличат возможности



дальнейшего системного изучения различных аспектов истории Среднеобья, которые на сегодня далеко не исчерпаны. В-третьих, информационное богатство памятника даёт возможность развернуть многоплановые историко-познавательные экспозиции для широкой аудитории: от индивидуального посетителя до туристических потоков и образовательных экскурсий-лекций. В-четвёртых, музеефикация рёлкинского наследия может спасти памятник от необратимого разрушения.

История исследования могильника насчитывает уже 70 лет. В 1947 г. памятник был обнаружен группой молодых учёных и студентов из Томского университета в составе Е.М. Пеняева, В.С. Синяева и А.И. Уварова на высоком берегу левобережной надпойменной террасы р. Оби, на окраине с. Молчанова, к юго-западу от проточного озера-болота Колмахтун, к западу от устья р. Пачанги [Синяев, 1950]. На археологической карте А.П. Дульзона памятник значился как Молчановское селище Рёлка, на котором, «возможно, имеются, древние курганы (два)» [1956. № 350. С. 174–175]. Памятник осматривался им неоднократно. В числе сборов известна керамика эпохи финальной бронзы, принадлежащая выделенной позднее молчановской культуре [Косарев, 1964; 1974] и раннесредневековое изображение всадника на лосе, зарегистрированное при сдаче находок в инвентарной книге ТОКМ под № 1204. В 1955 г. А.П. Дульзон вскрыл один курган (фонды ТОКМ, колл. № 281). Видимо, тогда и возникло предположение о большем количестве курганов.

Масштабные раскопки памятника проводились В.И. Матющенко (1963, 1964 гг.: Архив МАЭС ТГУ, № 265, 281), Л.А. Чиндиной (1966 г.: Архив МАЭС ТГУ, № 22 колл. № 3942, шифр МОК), которые посетили в 1963 г. А.П. Дульзон и в 1964 г. Н.С. Розов. При снятии глазомерного плана отмечено 38 курганных насыпей овальной, округлой и вытянутой форм, размерами от 5,8х8 до 16х24 м и высотой – 0,5–1,2 м. Количество курганов, выделенных в те годы, условное. В 1963–1966 гг. на улицах села еще можно было различить холмы-курганы. Они отмечены на материковой части коренного берега по ул. Нагорной. Часть была разрушена или потревожена жилой и хозяйственной застройкой, при благоустройстве улиц [Чиндина, 1977; Чиндина и др., 1990, № 175. С. 97]. На большинстве курганов зафиксированы следы грабительских раскопок.

Научные раскопки могильника Рёлка охватили не более четверти возможной площади бывшего некрополя (2000 кв. м). Было раскопано 14 курганов, содержащих 58 погребений, два из которых относятся к эпохе поздней бронзы, а остальные – к раннему средневековью (VI–VIII вв.). Раскопанный курган № 7 устранил сомнения в принадлежности холмов к курганам и показал обширность археологического памятника [Чиндина, 1977. Рис. 1]. **Руководство района, как и собственники усадеб, не согласились на раскопки других курганов**, т.к. это потребовало бы частичного перекрытия движения по улице и дороге.

Тем не менее, раскопки дали небывалые по объёму, качеству и информативности материалы, которые во второй половине 1960-х гг. позволили выделить рёлкинскую культуру, носители которой являлись предками селькупов [Чиндина, 1969; 1970], что стало важнейшим событием, а в дальнейшем реконструировать ее экономические, социальные, этнические, мировоззренческие особенности [Чиндина, 1973; 1977; 1991; 2001].

Могильник Рёлка стал базовым памятником для реконструкции раннесредневековой истории Среднеобья, учитывая, что 1950-е годы бассейн Средней Оби представлял огромную неисследованную лакуну.

В это время вышли в свет обобщающие работы М.П. Грязнова и В.Н. Чернецова, где излагалась схема поэтапного культурного развития населения Западной Сибири. Именно тогда завязалась дискуссия о хронологии и культурной принадлежности усть-полуйских памятников, были выделены верхнеобская и нижнеобская культуры периода раннего средневековья. Среднее Приобье рассматривалось ими как территория, где находилась самобытная культура, характеристики которой мэтры из-за недостатка материалов тогда дать не смогли.

М.П. Грязнов меридианально разместил верхнеобскую культуру от Бийска до Новосибирска. Он отметил, что, несмотря на некоторое сходство в погребальном обряде и керамике с более северными памятниками (подразумевались Томский могильник и Архиерейская заимка), имеющие различия «не позволяют пока включить памятники района г. Томска в одну группу с памятниками фоминского этапа на Верхней Оби» [Грязнов, 1956. С. 134].

В.Н. Чернецов юго-восточную границу нижнеобской культуры провёл по северу Нарымского края, откуда «выше по Оби простиралась территория родственной ей культуры, которую мы можем рассматривать как древнеселькупскую ... со своими закономерностями в развитии» [1957. С. 238].

Точку зрения М.П. Грязнова и В.Н. Чернецова о наличии особой культуры в Среднеобье и её самодийской основе принял В.А. Могильников, указав на «застойность развития» Нарымского Приобья по сравнению с Томским [1964. С. 6, 15]. В последней части своих рассуждений, как показало время, он глубоко ошибался. Определения свойств культуры он также не смог дать. Позднее [1987] исследователь полностью присоединился к позиции Л.А. Чиндиной [1970; 1977], выделившей рёлкинскую культуру и давшую характеристику её особенностей [Могильников, 1987].

В 1960–1970-е гг. могильник сыграл ключевую роль в решении хронологических задач и периодизации историко-культурных процессов в Урало-Сибирском регионе. Его материалы позволили чётко разграничить



в Приобье фигурно-штамповую керамику и культовое литьё раннего железного века от раннего средневековья, что стало одним из мощных импульсов в изучении кулайской проблематики. Богатейшая информативная база Рёлки, поток новых открытий в Зауралье, Прииртышье, Сургутском и Верхнем Приобье, привели к значительной коррекции культурной схемы М.П. Грязнова [1956] и В.Н. Чернецова [1953, 1957]. В итоге потчевашская (генетически родственная рёлкинской) культура из раннего железного века была перенесена в раннее средневековье, также как и зеленогорский этап в нижнеобскую культуру. Фоминский этап верхнеобской культуры (по М.П. Грязнову), **наоборот, был перемещен в эпоху раннего железного века как завершающий южно-локальный вариант кулайской культуры** (В.Ф. Генинг, В.А. Могильников, А.С. Чагаева, Л.М. Плетнёва, Л.А. Чиндина, см.: Проблемы хронологии..., 1970).

В археологических исследованиях народов Сибири исследования могильника положили начало формированию южно-самодийского направления, которое, в отличие от тюркского и угорского, ранее почти не рассматривалось.

Небольшой историографический экскурс показывает высокую значимость могильника Рёлка и одноименной культуры для ликвидации лакун в культурной истории Западной Сибири в целом.

В ходе полевых работ 2016 г. **по уточнению границ курганного могильника Рёлка и установлению режима охранных зон** был обследован вытянутый участок коренной террасы с «промоинами» и выступами, возвышающийся над заболоченной старицей Колмахтун (Колмахтон, Колмактон), впадающей в одноименное озеро к северу от с. Молчаново. «Колмахтон» в переводе с селькупского означает «болото», что отражает и его современное состояние [Воробьева, 1973. С. 62].

Название памятника происходит от обозначения типа местности «рёлка» – более или менее обширные вытянутые участки, возвышающиеся над общей низменной заболоченной равниной и покрытые лесами, с неровной, кочковатой поверхностью с ложбинами и бугорками. Лес сохранился лишь по краю террасы, изредка – на самой возвышенности. Обследуемый участок террасы (сейчас это пер. Нагорный и ул. Нагорная) из-за расширения села почти полностью застроен и отведен под огороды. Строительство велось еще во время работ А.П. Дульзона.

Курганные насыпи и раскопанные курганы нанесены на опубликованный современный топографический план с указанием объектов (рис. 2).

Фактически памятник продолжает разрушаться. В настоящее время объекты и скопления курганных насыпей, отмеченные Л.А. Чиндиной и ее предшественниками, визуально не фиксируются, что связано с хозяйственной деятельностью и благоустройством посёлка. Однако культурный слой мог сохраниться, как под сnivelированными насыпями, так и в межкурганном пространстве, где могут быть и грунтовые могилы, и материалы из разрушенных курганов.

В июне 2016 г. в с. Молчаново рабочая группа, состоящая из представителей администрации отдела культуры Молчановского района, сотрудников Томского областного краеведческого музея и Томского государственного университета, обсудила необходимость создания историко-археологического «Музея Рёлкинской культуры» (предварительное название).

Разместить музей предполагается в непосредственной близости от археологического памятника Рёлка. Местная историческая специфика будет отражена в экспозиции. Отвечая современным требованиям общества и государственной культурной политики развития туризма, музеев, вне всяких сомнений, будет интересен и востребован широким кругом посетителей: население района и специалисты, учащиеся и туристы. Круглогодичная транспортная доступность будущего комплекса – один из ключевых моментов. Создание музея, представляющего уникальные памятники Молчановского района, станет важным компонентом сферы туризма и гостеприимства Томской области.

Археологическое наследие района представляет интерес для научных изысканий и образовательного процесса. На базе музея возможно создание Центра студенческих практик томских вузов. В археолого-краеведческой работе уже участвуют молчановские школьники.

Работы по спасению памятника, включение его историко-культурного потенциала в научный и культурный оборот нужно вести поэтапно в разных направлениях.

Первый шаг – это оформление достопримечательного места – особенного вида памятника истории и культуры (термин ФЗ N 73-ФЗ от 25.06.2002), **что даст необходимые юридические основания для обеспечения защиты памятника от разрушения.**

Возможный начальный вариант – музеефикация самого могильника Рёлка, что подчеркнёт уникальность объекта культурного наследия и его неразрывную связь с существовавшей социально-экологической средой, традициями и инновациями эпохи, мощным эхом отозвавшейся в этнокультурной истории селькупов.

Сегодня открыто и частично изучено значительное число разных памятников рёлкинской культуры на обширной территории, привлечение материалов из них в разы может повысить потенциал музейного обозрения.



Решение проблемы представления внешне мало выразительных археологических объектов видится в реконструкциях, что значительно повысило бы их привлекательность для широкой публики. Предлагается восстановить часть курганных насыпей, жилищ с интерьером, бытовым и хозяйственным инвентарём, са-кральными предметами. Особенно интересно показать кузнечное дело: все этапы и орудия производства, кузницу и готовые изделия.

В проектируемом музейном комплексе можно осветить многие сферы рёлкинской культуры: особенно мировоззренческие и военно-потестарные сюжеты, выраженные в вещном комплексе и погребальной обрядности. Это, прежде всего, обилие высокотехнологичного для своей эпохи оружия: луки с набором боевых и многофункциональных стрел, мечи, палаши, сабли, боевые ножи-кинжалы, топоры-тёсла. Хорошо известен полный комплект кольчужно-пластинчатого доспеха со шлемом. Распределение и состав оружия в могилах указывает на наличие верхушки и рядовых воинов. Погребальный обряд (частичная и полная кремация) ещё ярче подчёркивает глубокую иерархию общества и высокий статус элиты. В бронзовом литье и графике (камень, кость) чётко выделяются изображения пеших и конных воинов. С особым обрядом перехода или условного погребения погибших связаны захоронения воинов-кукол с металлической личиной. Они являлись хранилищем бессмертной души. Куклу сопровождали миниатюрные модели стрел, ножей, топоров-тесел, удила. Чаще всего перед захоронением их укладывали в необычные ладьевидные сосуды – «лодки в страну предков».

Военизация рёлкинского общества стала не только результатом внутренних смут и усобиц. Это было время внешних лавинных миграционных потоков в Великих евразийских степях. Рёлкинцам пришлось упорно и долго защищать свои земли от подступающих с юга тюркских объединений. Тем не менее, в IX в. в Томское Приобье пришли иноземцы (Чиндина, 1996).

Материалы могильника указывают на глубокие связи рёлкинской культуры с предшествующими, начиная с эпохи бронзы. Ярким свидетельством преемственности является сохранение архаичных кулайских черт в керамике, художественном литье и особенностях ритуальных действий. В дальнейшем ряд рёлкинских традиций в погребальном обряде и керамике продолжает сохраняться в поздних археологических памятниках, оставленных селькупам в XVI–XVII вв.

Здесь уместно подчеркнуть, что могильник Рёлка является не единственным археологическим памятником в окрестностях районного центра. От с. Молчаново вверх по течению Оби, в пределах территории села и до Остяцкой горы, на террасе расположено в общей сложности около двух десятков археологических памятников. Проектируемый музей в будущем мог бы стать основой для создания историко-культурного музея-заповедника, тематически посвящённого истории этого древнего края. Сюда органично впишутся памятники эпохи палеолита (Могочинская стоянка), ранней бронзы (игрековская культура), позднего бронзового века (широко известная молчановская культура, названная по имени села) раннего железного века (кулайская культура – городище Остяцкой горы, ранний комплекс Рёлки) и позднего средневековья (могильники Пачанга, Остяцкая гора и ряд поселений).

Несомненный интерес представляет сбор разнообразных легенд, мифов, сказаний, связанных с памятником [Коробейников, 2014. С. 82–83], а также создание специальной экспозиции о проходивших здесь археологических раскопках. Этнографические материалы также обязательно должны быть представлены.

Заключительной частью экспозиции музея может стать раздел, посвящённый потомкам рёлкинцев, живущим в Молчановском районе – селькупам.

Миссия музея: стать центром исторической памяти, формирования идентичности местных сообществ, соединения людей с культурным наследием через общение с музейным предметом; быть авторитетным источником подлинной информации для широкой общественности; функционировать как центр образования, просвещения и воспитания подрастающего поколения в уважении и любви к Отечеству, начиная с малой родины; обеспечивать максимальную доступность культурных благ в виде музейных услуг для жителей Молчановского района; стать привлекательным объектом, представительской площадкой для развития туризма.

Актуальны научные перспективы изучения могильника Рёлка и одноимённой культуры. Требуют дальнейших исследований проблемы временных и территориальных границ рёлкинской культурно-исторической общности, ее историко-культурных особенностей, динамики и трансформации. Необходимо глубже, шире и полнее представить это яркое культурное явление. Предстоит большая и интересная работа.

Рёлкинская культура ещё украсит историю Томской земли не меньше, чем её прародительница – кулайская. Это время героики, побед и поражений, нового расцвета искусства, сотворения новых легенд и эпоса, построения нового общества со сложной структурой. Время неожиданных неизбежных контактов с другими народами (тюрки, угры, предки тунгусов), в противоречивом взаимодействии с которыми формировалось этническое ядро селькупского народа.

Созданный по современным технологиям музей с широкими возможностями наглядности и доступности достойно представит эту яркую главу истории Западной Сибири широкой публике, чтобы посетители музея могли увидеть раритеты-жемчужины малой родины в исторической короне огромной страны.



Литература

- Воробьева И.А.** Язык Земли. Новосибирск, 1973. 152 с.
- Грязнов М.П.** История древних племён Верхней Оби. М.; Л.: Наука, 1956. МИА № 48. 168 с.
- Дульзон А.П.** Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–317.
- Коробейников И.Н.** Формы представления археологического наследия, его экспонирование и возможности туристического использования // Достопримечательное место «Тимирязевский археологический комплекс»: итоги изучения и перспективы использования. Томск, 2014. С. 71–86.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1964. 126 с.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 215 с.
- Каменский С.Ю.** Археологическое наследие и «глубокий» туризм // Вестник Уральского института туризма. Екатеринбург, 2008. Вып. 5. С. 12–20.
- Матющенко В.И.** Археологические исследования в Томской области летом 1963, 1964 гг. / Архив МАЭС ТГУ, № 265, 281.
- Могильников В.А.** Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I - начале II тыс. н.э. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1964. 18 с.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири / Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–236.
- Павленок (Чиндина) Л.А.** Археологические исследования в Томской области летом 1966 г. / Архив МАЭС ТГУ, № 322.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. Томск, 1972. 422 с.
- Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.** Томск, 1970.
- Синяев В.С.** Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // СА. Т. 13. М.Л., 1956. С. 331–340.
- Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (МИА, № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–71.
- Чернецов В.Н.** Нижнего Приобья Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. Вып. 58. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
- Чиндина Л.А.** Молчановский могильник "Релка" и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. Изд. Томского пединститута. С. 183–184.
- Чиндина Л.А.** Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия н.э. / Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1970. 26 с.
- Чиндина Л.А.** Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 161–174.
- Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 191 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. 183 с.
- Чиндина Л.А.** О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 86–116.
- Чиндина Л.А.** Рёлкинская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск, 2001. С. 116–118.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И.** Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск, 1990. 340 с.

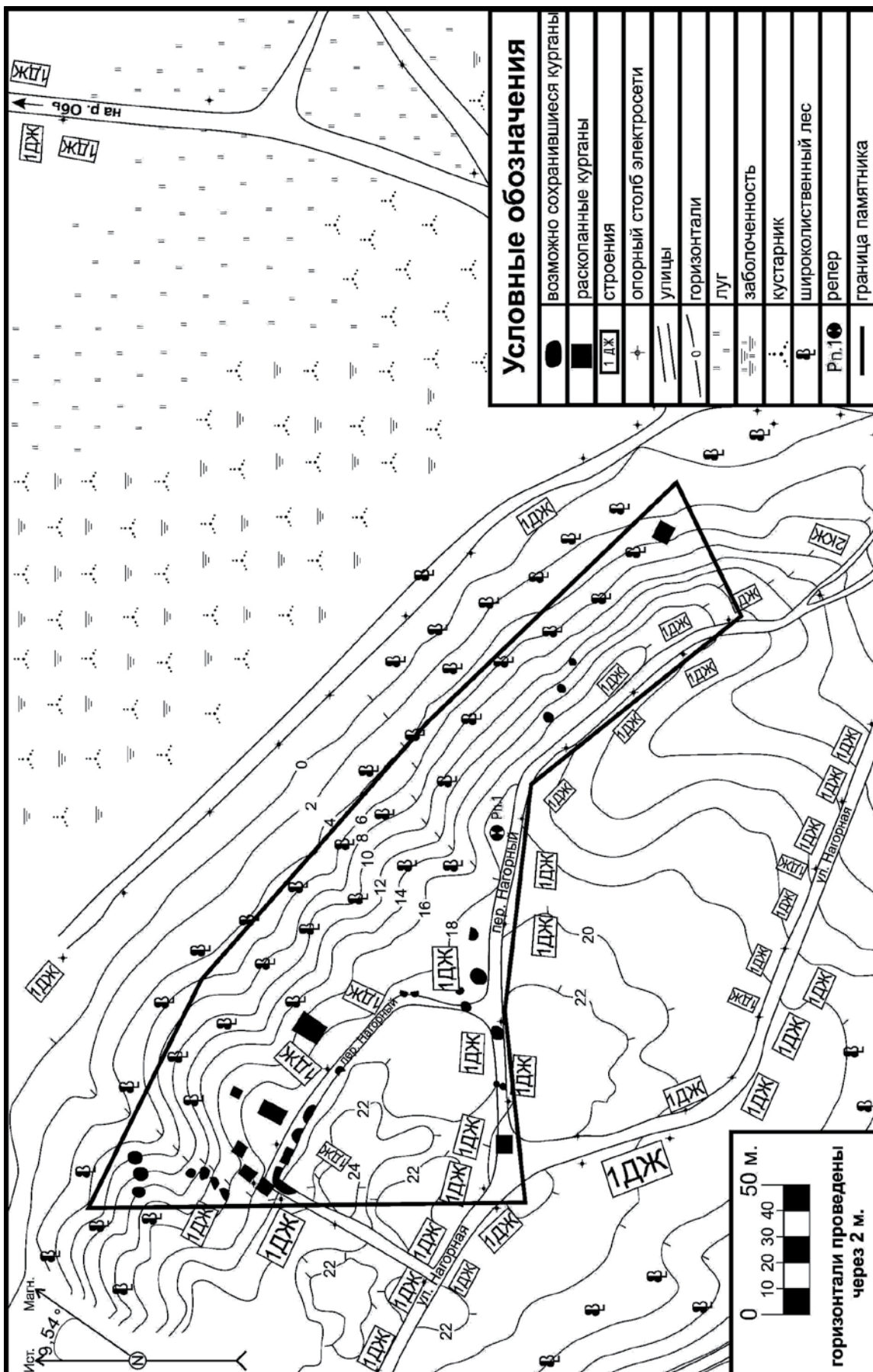


Рис. 1. Топографический план курганного могильника Рёлка



С.М. Фокин

Россия, Красноярск, Красноярский краевой краеведческий музей
СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В статье представлен анализ и датировка керамической посуды раннего и развитого Средневековья с памятников Красноярск и его окрестностей. Сосуды происходят в основном с поселенческих памятников. Наибольшее число керамики выявлено на городище Ладейское, поселениях Улица Каратанова и Ладейское. В захоронениях керамика обнаружена в могильниках Боровое, СТИ и погребении Миндерла. Выделено пять типов горшков. Баночные сосуды представлены несколькими экземплярами. Вся рассматриваемая посуда, не смотря на наличие аналогий на сопредельных территориях, прежде всего, характеризует культуры местного автохтонного населения бассейнов Енисея и Нижней Ангары. Датировка основывается на сравнительном анализе. Абсолютные даты имеются только из верхних слоев пещеры Еленева. Определено, что керамика первого типа датируется развитым и позднем Средневековьем, сосуды второго и третьего типа характерны для всего периода средних веков, остальные типы выходят из бытования на рубеже I–II тыс. н.э.

Ключевые слова: Средневековье, Красноярская лесостепь, Енисей, Ангара, керамика.

S.M. Fokin

Russia, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore
MEDIEVAL CERAMICS OF THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

The article represents the analysis and dating of pottery of the early and high Middle Ages from the Krasnoyarsk forest-steppe territory. The vessels are found mainly in settlement sites. The largest number of ceramics was explored in the ancient settlements of Ladeyskoye hillford, Ulitsa Karatanova and Ladeyskoye. As for burials, the pottery was discovered in burial grounds of Borovoye, STI and Minderla. Five types of pots were identified on the basis of 86 vessels. The jar vessels are represented by two specimens. In spite of the presence of analogies in adjacent territories, all mentioned dishes primarily characterize the cultures of local autochthonous population of the basins of the Yenisei and the Lower Angara. The dating is based on a comparative analysis. Absolute dates are available only from the upper layers of the Yelenev cave. It is identified that the ceramics of the type I are dated from 1000 AD to the first half of 2000 AD, vessels of the type II and III are dated from the second half of 1000 AD to the first half of 200 AD, the type IV is dated from the second half of 1000 AD to beginning of 2000 AD, the type V and vessels on the pallet are dated to the middle – the second half of 1000 AD.

Keywords: Middle Ages, Krasnoyarsk forest-steppe, Yenisei, Angara, ceramics (pottery).

Период средневековья Красноярской лесостепи является слабоизученным временем. Не смотря на наличие средневекового материала в многослойных поселенческих памятниках окрестностей г. Красноярск, нескольких раскопанных погребений, а также многочисленных артефактов, полученных в результате сборов подъемного материала, до сих пор нет сложившихся четко оформленных представлений о раннем и развитом Средневековье Красноярской лесостепи. Исключение составляют захоронения енисейских кыргызов. Но анализ памятников пришлого народа не может в полной мере воссоздать культурно-историческую и этническую ситуацию на представляемой территории. Для выявления этнокультурных особенностей коренного населения играет значительную роль анализ керамического материала. Рассмотрению средневековых керамических комплексов Красноярской лесостепи и посвящена эта статья.

Коллекция глиняной посуды представлена в основном из поселенческих памятников (городища Ладейское и Ермолаевское, поселения Айканское, Базаиха, Ладейское, Ладейское-2, Няша, Сосны-2, Улица Каратанова, Усть-Кан, Усть-Собакино, стоянки Минжуль, Караульный Бык, Усть-Караульная, о. Овсянский и Перевозинская, пещеры Еленева и Роев Ручей). Среди погребальных памятников фрагменты керамики встречены в захоронении № 1 могильника Боровое, погребениях СТИ и Миндерла.

Для анализа керамической посуды были отобраны фрагменты от 109 сосудов, из которых 20 горшков происходят с городища Ладейского, 14 с поселения Ладейского и 11 с поселения Улица Каратанова. На остальных памятниках выборка сосудов составила менее 10 экземпляров.

Количественное распределение керамики относительно величины диаметра по венчику разделяет коллекцию на несколько групп. Первая группа – керамика с большим диаметром венчика – от 27 до 32 см, представлена 12 сосудами. Вторая группа со средним диаметром венчиков – от 16 до 26 см включает в себя 42 экземпляра. Третья группа с малым диаметром – 14, 12 и 11 см состоит из 10 горшков. Остальные сосуды представлены фрагментами венчиков, по которым не представляется возможным определить диаметр.





Для выделения типов было принято учитывать форму сосудов, профиль венчиков и элементы орнамента. Таким образом, было, выделено пять типов для закрытых сосудов из 85 выбранных. Кроме того имеется два открытых сосуда на поддонах и чаша.

Тип I представлен 57 сильнопрофилированными горшками, чаще со скошенным или наклоненным наружу краем венчика, во многих случаях, имеющий карнизообразный выступ наружу, реже край венчика заовален, порой дополнен наlepным валиком, в одном случае срезан с внешней и внутренней сторон. В орнаменте преобладают ногтевые и пальцевые вдавления, пояса ямок, прочерченные горизонтальные и наклонные линии. Реже встречаются фигурные и фигурно-геометрические оттиски, гребенчатые штампы, наклонные подпрямоугольные вдавления, образующие мотив «горизонтальная елка». Толщина стенок сосуда от 3 до 6–8 мм. Как правило, утолщается венчик, к тулову толщина снижается до 3 мм. Цветовая гамма стенок сосуда различная – от темно-коричневых до бежевых и светло-серых.

По профилю венчиков выделяется три вида сосудов.

1 вид (32 экз.). Сосуды со скошенным наружу или заоваленным краем венчика (рис. 1/ 1–3).

2 вид (20 экз.). Сосуды со скошенным наружу краем венчика, имеющие продолжение в виде карнизообразного отступа наружу, часто созданного пальцевым расщеплением края венчика, образующим мотив «волна» (рис. 1/ 4, 5).

3 вид (5 экз.). Горшки с наlepным валиком по краю венчика, как правило, орнаментированные пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 1/ 6–8).

Тип II характеризуется 9 горшками с заоваленным краем венчика или наклоненным наружу. В одном случае имеется скос венчика внутрь. Сосуды орнаментированы горизонтальными рядами мелкогребенчатых оттисков. На некоторых сосудах орнамент размещается и на внутренней части венчика. Горшки тонкостенные (3–4 мм), имеющие цвет серый или темно-серый (рис. 1/ 9–12).

Тип III включает 4 неорнаментированных сосуда. На двух из них имеются следы доработки на гончарном круге. Цвет от красного до коричневого (рис. 1/ 13, 14).

Тип IV представлен 4 сосудами. Они имеют прямое горлышко и выраженные плечики. Орнамент располагается по шейке и представлен горизонтальными тремя-четырьмя рядами ногтевых или пальцевых вдавлений. В одном случае это наклонные ряды мелкогребенчатых оттисков, образующих мотив «горизонтальная елка». Цвет коричневый, либо серый (рис. 1/ 15, 16).

Тип V характеризуется 11 слабопрофилированными сосудами с прямым или слегка скошенным краем венчика, имеющим карнизообразный отступ наружу, орнаментированные по граням венчика и внешнему борту косыми ногтевыми вдавлениями и горизонтальными рядами пальцевых защипов, а также рядами тонких обмазочных валиков, часто образованных протаскиванием сомкнутых пальцев по жидкой керамической массе. Цвет стенок бежевый или светло-серый (рис. 1/ 17–19).

Два кубковидных сосуда с могильника СТИ открытой формы, утолщенные наlepной лентой по венчику. Орнаментированы по всей поверхности вплоть до поддона. В одном случае орнамент представлен горизонтальными рядами ногте-пальцевых защипов, вертикальными рядами по поддону ногтевых вдавлений и сквозными округлыми отверстиями по нижнему краю поддона (рис. 1/ 21). Орнамент другого сосуда представлен горизонтальными и зигзагообразными рядами наlepных волнистообразных валиков, образованных пальцевыми защипами (рис. 1/ 20). Судя по орнаментации венчиков волнистообразными валиками, возможно, к этому типу относятся фрагменты от 2 сосудов из погребения № 1 могильника Боровое и еще 2 сосуда из могильника СТИ.

В коллекции есть керамическая чаша с поселения Айканского, с выступающим в виде карниза краем венчика, скошенным внутрь, орнаментированная по карнизу косыми насечками, по внешнему борту чаши горизонтальными рядами пальцевых защипов, под которыми идут зигзагообразные гладкие обмазочные валики.

С поселения Улица Каратанова имеется профилированный горшок, орнаментированный только по верхнему краю венчика ногтевыми поперечными вдавлениями. С городища Ермолаевского происходит фрагмент венчика без орнамента, имеющий с внутренней стороны скос края с карнизообразным отступом.

Сосуд с поселения Ладейское–2 имеет слегка скошенный наружу край венчика, орнаментированный по краю косыми насечками, по внешнему борту поясом ямок, ниже которых проходят два горизонтальных неровных ряда ногтевых вдавлений.

Фрагмент венчика с поселения Няша имеет скошенный наружу край венчика, по которому нанесены «S» – видные отступающие оттиски.

При сборах на Перевозинской стоянке найден фрагмент стенки сосуда «кыргызской амфоры». Сосуд доработан на гончарном круге и имеет типичный для данного типа посуды орнамент из прочерченных дугообразных линий и гребенчатых штампов, покрывающих секторами часть тулова и плечиков.

Горшки первого типа широко представлены в Приенисейской Сибири. На юге они фиксируются на памятниках таежной зоны Минусинской котловины [Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н., 2009. Рис. 73/ 13, 14;





74/ 13, 19; 78/ 6–8]. На западе подобная керамика встречена в Ачинско-Назаровской лесостепи (городища Ачинское, Березовское, Известковая крепость, Кайбадак, Подзорное, Симоновское). В Канской лесостепи на востоке края так же фиксируется подобная посуда. Самым северным памятником, на котором встречена такая керамика, является городище Лесосибирское–1, расположенное в таежной зоне Нижнего Енисея [Мандрыка, 2003. С. 91, рис. 1/ 4, 7].

Сосуды похожей формы иногда со сходными элементами орнамента выявлены на памятниках Чулыма, Кемеровской области, Томского и Новосибирского Приобья на западе и в Прибайкалье на востоке. Однако рассматриваемая нами керамика имеет и характерные отличия от сосудов Западной и Восточной Сибири. Прежде всего, для «енисейской» посуды присуща «изящность» изготовления. Сосуды все тонкостенные, орнамент нанесен аккуратно и его элементы в большинстве случаев так же имеют небольшие размеры. По-видимому, это обстоятельство и позволило В.Г. Карцову выделить средневековую ладейскую культуру для Красноярской и Ачинской лесостепи.

Этот же исследователь, раскапывая Ладейское и Ермолаевское городища, датировал их VII–X – XIII–XIV вв. [Карцов, 1929, С. 46–48]. В целом, не смотря на отдельные расхождения при рассмотрении материалов конкретных памятников, датировка подобной посуды вкладывается в рамки конца I – первой половины II тыс. н.э. или IX/X–XIII/XIV вв. [Фокин, 2007. С. 12]. К такому же времени относят подобную керамику и на сопредельных территориях [Беликова, 1996. С. 135, Адамов, 2000. С. 35, 36, 82, 83].

Сосуды второго типа имеют распространение на территории Красноярского края и находят мало сходства с посудой, орнаментированной гребенкой, на сопредельных территориях. Ряд исследователей предлагают выделить лесосибирский стиль керамики, датируя его XI–XIV вв. [Археология и палеоэкология..., 2013. С. 70]. Однако сосуды с подобным орнаментом имеют более широкую датировку. В пещере Еленева гребенчатая керамика, представленная фрагментами от двух сосудов, залегает во II культурном слое, датирующийся VI–VII вв. [Макаров, 2012. С. 27]. Этим же временем определяет датировку гребенчатого сосуда с Жаровкой стоянки, расположенной в таежной зоне Минусинской котловины Н.В. и С.Н. Леонтьевы [2009. С. 89]. При этом стоит отметить, что сосуды с рассматриваемым орнаментом широко вариативны. Они включают в себя и банки, и горшки. Их классификация требует дополнительных исследований, поэтому пока преждевременно ставить вопрос о том, какие из них могут по стилю быть «лесосибирскими».

Третий тип керамики сложнее продатировать, так как неорнаментированные горшки бытовали на протяжении всего Средневековья. Возможно, что имеющиеся экземпляры относятся к носителям культуры енисейских кыргызов, так как именно у них чаще всего встречаются неорнаментированные сосуды.

Керамика четвертого типа аналогична сосудам, выявленным на поселении Бобровка, датируемая автором раскопок ранним Средневековьем [Археология и палеоэкология..., 2003. С. 146, 162]. Верхней границей существования таких горшков, возможно, является рубеж I–II тыс. н.э., так как подобные сосуды выявлены в I культурном слое пещеры Еленева [Макаров, 2012. С. 27].

Керамика пятого типа относится к так называемой «валиковой» посуде. Под этим понятием подразумеваются сосуды с тонкими и широкими налепными валиками, разглаженными по поверхности, либо с валиками, образованными протаскиванием сомкнутых пальцев руки или прямых ровных щепок по жидкой керамической массе, а также с тонкими валиками, созданные пальцевыми защипами по незасохшей глинистой массе сосуда. Валиковая керамика имеет широкое хронологическое и территориальное распространение. Тем ни менее, наибольшее число разновидностей этой посуды характерно именно для Приенисейской Сибири в период раннего и развитого Средневековья. В свою очередь среди нее выделяется особый тип, характеризующийся карнизообразным отступом края венчика (по Н.В. и С.Н. Леонтьевым – козырьковый). Вопрос датировки такой керамики пока еще окончательно не решен. Так аналогичные экземпляры, выявленные в таежной части Минусинской котловины, авторы исследований относят к I тыс. н.э., считая, что к VIII в. она вытесняется кыргызской посудой [Леонтьев Н., Леонтьев С., 2009. С. 83–85]. Но в Красноярской лесостепи эта керамика бытует до рубежа тысячелетий, чему доказательство абсолютные даты из I культурного слоя пещеры Еленева, где обнаружен в частности сосуд с карнизом [Макаров, 2012. С. 27]. Так как анализу валиковой керамики из Приенисейской Сибири автор уже уделял внимание, то считаем ограничиться определением общих рамок бытования ее на рассматриваемой территории – середина – вторая половина I тыс. н.э. [Фокин, 2008].

Что касается сосудов на поддонах, то они датируются по сопроводительному инвентарю погребений, в которых были найдены, серединой – второй половиной I тыс. н.э. [Мандрыка, Макаров, 1994. С. 77, 78, 81, 82, рис. 2/ 12, 20, 28].

Таким образом, из вышесказанного получается, что керамика I типа датируется конец I – первой половины II тыс. н.э., сосуды II и III типов – второй половины I – первой половины II тыс. н.э., IV тип второй половины I – начала II тыс. н.э., горшки же V типа и сосуды на поддоне относятся к середине – второй половине I тыс. н.э.



Литература

- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Археология и палеоэкология** многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / **Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А.** Красноярск: Изд-во Крас. ун-та, 2003. 221 с.
- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Карцов В.Г.** Описание коллекций и материалов музея. Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929. 55 с.
- Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н.** Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. 178 с.
- Макаров Н.П.** Железный век и эпоха средневековья пещеры Еленева // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 5. Красноярск: Изд-во СФУ, 2012. С. 19–30.
- Мандрыка П.В., Макаров Н.П.** Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска // Этнокультурные процессы в южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 68–84.
- Мандрыка П.В.** Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. С. 89–91.
- Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О.** Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера – IV в Нижнем Приангарье // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. № 2 (22). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013, С. 67–75.
- Фокин С.М.** Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.
- Фокин С.М.** К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 210–214.

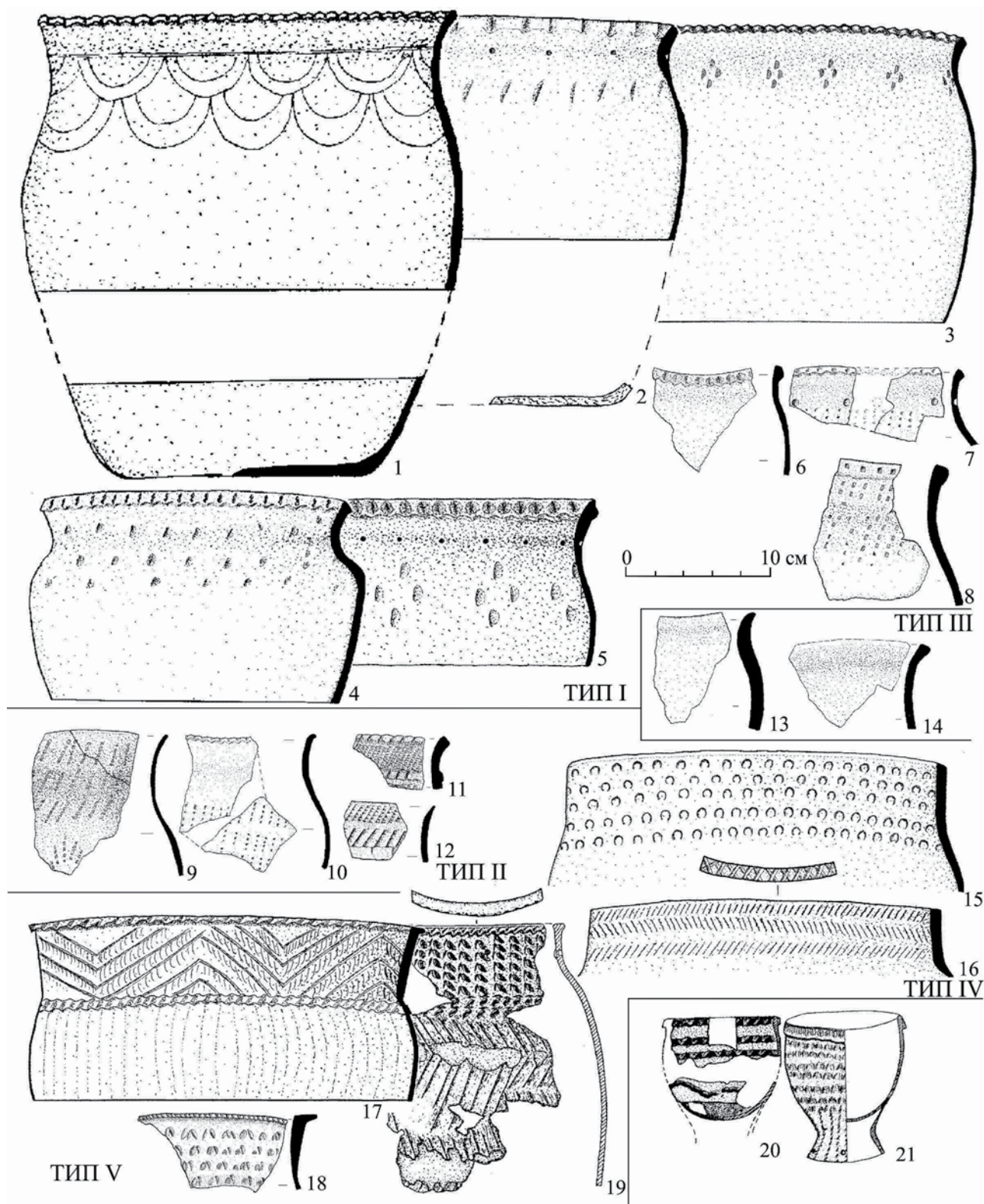
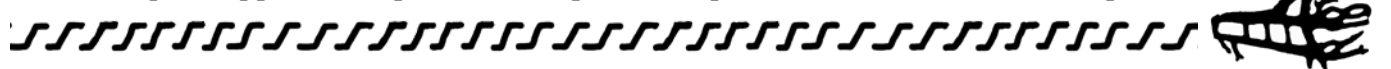


Рис. 1. Типы средневековой керамики с Красноярской лесостепи



Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко

Россия, Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**ПОГРЕБЕНИЯ С СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В статье рассмотрена проблема культурно-хронологической атрибуции нового типа погребений эпохи развитого-позднего средневековья, открытого в могильниках Средней Тары. Принятая в современной историографии трактовка таких захоронений как связанных с тюркоязычным населением Барабы в свете новых данных представляется слабо аргументированной. Полученные авторами при раскопках могильника Черталы материалы показывают возможное соотношение этих объектов с культурными традициями таежного населения Западной Сибири. Некоторые особенности ритуала и компоненты вещевого комплекса находят близкие аналоги в культурных традициях таежного (южнохантыйского или самодийского) населения. Археологические материалы коррелируют с этнографическими данными о бытовании в деревне Черталы тугума «иштяк», происхождение которого связано с хантыйским населением. На наш взгляд, именно к этой группе относится комплекс погребений с северо-восточной ориентацией.

Ключевые слова: Тарское Прииртышье, развитое средневековье, могильники, погребения, этнокультурная интерпретация.

Yu. V. GHERASIMOV, M. A. KORUSENKO

Russia, Omsk, Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS

**BURIALS WITH NORTH-EASTERN ORIENTATION IN TARA-IRTYSH REGION:
PROBLEMS OF INTERPRETATION**

The article examines the problem of cultural and chronological attribution of the new type burials of Late Middle Ages and early Modern era, which were discovered in the Middle Tara burial grounds. Modern historiographical interpretation of these burials as ones being related to the Turkic-speaking population of Baraba seems to be poorly reasoned in the light of new data. Materials, obtained by the authors during excavations of the burial ground Chertaly, show a possible relation between these objects and the cultural traditions of the Western Siberia taiga population. Some of the rituals' particular qualities and the components of the material complex have close analogues in the cultural traditions of the taiga (South Khanty or Samoyedic) people. Archaeological materials correlates with ethnographic data about existence in the village Chertaly kin "ishtyak", the origin of which is associated with Khanty population. In our view, the tombs' complex of North-Eastern orientation belongs to this group.

Keywords: Tara-Irtysh region, Late Middle Ages, burial ground, tombs, ethno-cultural interpretation.

Комплекс археологических памятников на правом берегу р. Тара, в окрестностях д. Петропавловка, был открыт Б.В. Мельниковым в 1988 году [Мельников, 1989]. В его состав были включены поселение XVII–XVIII вв. (Черталы 1), курганно-грунтовый могильник той же эпохи (Черталы 3) и два курганных могильника развитого средневековья (Черталы 2, 4). Погребальные памятники расположены в южной части мыса, образованного изгибом коренной террасы р. Тара в направлении север-северо-запад – восток-юго-восток. На протяжении 1989–1991 годов могильник исследовался Б.В. Мельниковым. Раскопы охватили западную часть могильника Черталы 3 и две курганных насыпи Черталы 4. Результаты работ были частично опубликованы в небольших заметках [Мельников, 1991. С. 145–146; Мельников, Дрягин, 1988. С. 54–57].

В 2010 г. нами был снят инструментальный план некрополя, позволивший не только уточнить планиграфию комплекса, но и выявить новые объекты [Корусенко, 2012]. Дальнейшие исследования комплекса проводилось на протяжении 2010–2014 гг. Всего были раскопаны 46 погребений, расположенные, по нашему предположению, в наиболее ранней части курганно-грунтового могильника Черталы 3, а также 5 курганных насыпей, относящихся к памятнику Черталы 4 [Герасимов, 2015, Здор, 2013, Корусенко, 2012].

В составе памятника по особенностям погребального обряда и набору сопроводительного инвентаря можно выделить три культурно-хронологических группы (КХГ):

Первая КХГ представлена захоронениями в курганах. Могильные ямы ориентированы по линии запад-восток, перекрыты округлыми насыпями высотой до 1,2 м. При раскопках двух насыпей были зафиксированы следы обряда разрушения погребений, совершенного с целью ритуальной очистки местности [Корусенко, Герасимов, 2016];

Вторая КХГ связана с погребениями под небольшими насыпями высотой не более полуметра, в ямах подпрямоугольной формы, ориентированных по линии север-запад – юго-восток. Вокруг могилы, в ряде



случаев, фиксируется ров с одной или двумя перемычками;

Третья КХГ включает девять погребений, из которых семь совершенны под невысокими подовальными насыпями, и два – под курганами. Отличительные особенности этой группы – ориентация умерших головой на северо-восток и наличие керамических сосудов в составе погребального инвентаря.

Погребальные комплексы, соотносимые с первыми двумя группами, хорошо известны в южнотаежном Прииртышье. Захоронения первой группы принадлежат к усть-ишимской культуре IX–XIV веков, носителей которой рассматривают как протохантыйское население, вторую исследователи обоснованно связывают с предками тарских татар. Гораздо больше вопросов вызывает интерпретация третьей группы, погребения которой, расположенные компактной группой близ оврага, рассекающего южный склон террасы, были открыты в результате раскопок 2014 г. [Герасимов, Корусенко, 2014]. Приведем описания исследованных комплексов.

Могила 183 была перекрыта хорошо задернованной подовальной насыпью размером 360х150 см, высотой 10 см, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Захоронение совершено в подовальной яме размером 200х60 см, с отвесными стенками и ровным дном, глубиной 26 см от уровня материка. Костяк лежит в анатомическом порядке, вытянуто на спине, головой на СВ. В ногах погребенного расчищен развал орнаментированного керамического сосуда, у правой бедренной кости обнаружен разломанный железный нож, близ локтевого сустава – обломок наконечника стрелы, у плечевой кости – белая бисерина.

Насыпь могилы № 184 зафиксирована в виде холма высотой 28 см, размером 480х220–350 см, грушевидных очертаний, расширяющегося к юго-востоку, под которым открыты остатки надмогильной конструкции в виде прямоугольной рамы, ориентированной СЗ–ЮВ, со следами обожжения. При разборке насыпи в ЮВ части собраны фрагменты, принадлежавшие двум керамическим сосудам с приостренным дном, орнаментированным каплевидными оттисками, образующими ряды горизонтальной елочкой. Под насыпью были открыты два захоронения, различающиеся элементами погребальной практики, размерами и ориентацией: № 184А и 184Б.

Могила 184А содержала костяк взрослого человека в анатомическом порядке головой на ЗСЗ. Сопроводительный инвентарь отсутствует, ВЮВ край могилы разрушил более раннее погребение. Судя по размерам, ориентации и местоположению, именно к этому погребению относится деревянное сооружение.

Могила 184Б содержала захоронение в яме подовальной формы, размерами 170х60 см, глубина 21 см от уровня материка. Костяк, ориентированный головой на СВ, сохранился не полностью: отсутствуют кости правой руки, стопы и голени, остальные лежат в анатомическом порядке. Находок в погребении не обнаружено, но, вероятно, именно к нему относилась керамика, собранная при разборке насыпи.

Могила № 190 располагалась под овальной насыпью размерами 250х140 см, высотой 20 см, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Умерший лежит в овальной яме размерами 200х80 см и глубиной 28 см от материка, головой на СВ. У правого предплечья расчищен железный черешковый нож, сломанный перед помещением в могилу.

Насыпь могилы № 191, размерами 300х200 см и высотой 22 см, ориентирована ВСВ–ЗЮЗ. Погребение совершено в овальной яме размерами 234х82 см и глубиной 22 см от уровня материка. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на СВ. Под нижней челюстью обнаружены две пастовые бусины, у левого колена плотной группой лежали 3 костяных наконечника стрел, между голеностопами расчищен железный наконечник стрелы.

Могила № 194 открыта под насыпью овальных очертаний размером 300х180 см, высотой 15 см, ориентированной СВ–ЮЗ. Захоронение ребенка совершено в овальной яме размером 135х40 см и глубиной 15 см от уровня материка. Костяк лежит в анатомическом порядке, вытянуто на спине, головой на СВ. Справа, в области плеча, обнаружен железный черешковый нож, в области голени сохранились три железных наконечника стрел.

Могила № 195 была перекрыта куполообразным холмом округлой формы диаметром 402 см и высотой 38 см. В могильной яме размером 219х105 см, глубиной 28 см от уровня материка, открыто погребение взрослого человека, головой на СВВ. Находки представлены миниатюрным керамическим сосудом, помещенным в могилу устьем вниз справа от черепа и мелкой белой бусиной, обнаруженной среди ребер левой половины грудной клетки. Сосуд – открытая банка с приостренным дном, слегка отогнутым наружу венчиком и слабо выраженной шейкой, орнаментированный рядом горизонтальной елочкой из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа под венчиком и хаотичными ямочными вдавлениями на теле сосуда.

Курган № 21 представлял собой насыпь высотой до 50 см и диаметром 520 см. Могильная яма овальной формы, размерами 300х130 см и глубиной 38 см от уровня материка, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В могиле обнаружен костяк, ориентированный головой на ВСВ. Захоронение содержало богатый сопроводительный инвентарь. За черепом справа лежали железные кольчатые удила, на носовом отверстии черепа обнаружен клык медведя, на глазницах и на подбородочном выступе – фигурки обезглавленных рыб из бронзы в берестяных чехлах, синяя бусина у правой ключицы. На позвонках грудного отдела обнаружено круглое бронзовое зеркало в берестяном чехле. Между тазовыми костями, на крестце, расчищен железный черешко-



вый нож, разломанный на четыре части. У правой ступни обнаружено скопление костяных и металлических наконечников стрел, лежавших очень плотной группой. В области стоп обнаружен бронзовый котел, лежащий на боку; на стенке сохранился фрагмент берестяной крышки.

Курган № 22 прослежен в виде куполообразного холма диаметром 380 см и высотой 35 см. Под насыпью обнаружено одно погребение в овальной яме, ориентированной СВ–ЮЗ размерами 190х80 см и глубиной 36 см от уровня материка. Костяк лежит на спине, головой на СВ. При выборке заполнения был обнаружен железный нож, справа от черепа – железный наконечник стрелы, в ногах – развал керамического сосуда баночной формы с округлым дном, орнаментированный рядами округлых ямок.

Описанные погребения характеризуются специфическими чертами, которые позволяют рассматривать их как единый комплекс, отличающийся от усть-ишимских и захоронений возможных исторических предков этнотерриториальной подгруппы современных тарских татар – аялу. Прежде всего, для этой группы характерна устойчивая ориентация погребенных головой на северо-восток, в то время как погребения усть-ишимской культуры ориентируются на запад, а позднесредневековые – на северо-запад. Морфология и размеры насыпей в группе различны: встречаются как относительно небольшие подовальные, ориентированные по линии СВ–ЮЗ, так и куполообразные округлые высотой до полуметра. Отметим так же относительно небольшую глубину могильных ям, которая колеблется в пределах 15–40 см от уровня материка. Кроме того, в погребениях этой группы встречаются керамические сосуды в качестве сопроводительного инвентаря, что не характерно для могил позднего средневековья; в то же время эти сосуды резко отличаются от усть-ишимских по форме и декору. Все погребения расположены компактной группой, приуроченной к восточной окраине цепи усть-ишимских курганов, причем насыпи курганов 21, 22 замыкают цепь на краю оврага.

Аналоги данной группы погребений немногочисленны: 6 погребений с северо-восточной ориентацией зафиксированы в составе могильника Кыштовка 1 [Молодин, 1979], еще 22 образуют могильник Крючное 6 [Молодин и др., 2012] и одно погребение раскопано в могильнике Надеждика IV [Татауров, 2004; Татауров, 2005]. Указанные комплексы сближает с выявленным на некрополе Черталы не только ориентация, но и такие параметры, как глубина могильных ям, наличие керамических сосудов в составе сопроводительного инвентаря, их морфология и орнаментация, типологическое сходство некоторых категорий предметов. Все перечисленные погребения авторы интерпретируют как «татарские»¹ и датируют их в диапазоне XVI–XVIII вв.; вывод построен на аналогиях с погребениями других памятников Тарского Прииртышья и Барабы [Татауров, 2004. С. 26; Молодин и др., 2012. С. 89].

Полученные нами материалы позволяют усомниться в обоснованности привлекаемых аналогий. Так, С.Ф. Татауров отнес погребение из некрополя Надеждина IV к «татарским» захоронениям на основании того, что обряд, включающий «трупосожжение на стороне и в могиле, в берестяной раме очень близок к погребальному обряду, зафиксированному на татарских памятниках XVII–XVIII вв.» [Татауров, 2004. С. 38]. Между тем, на упомянутых комплексах ни разу не встречен обряд трупосожжения. Могильник Крючное-6 выделяется на фоне памятников «близкого хронологического и культурного круга (Усть-Изес-1, Сопка-2, Туруновка-4, Малый Чуланкуль-1, Садовка-4)» ориентацией погребенного головой на СВ, в то время как для указанных некрополей характерно направление на ЮЗ [Молодин и др., 2012. С. 91]. Это отличие авторы предлагают рассматривать как инверсию юго-западной ориентации, связанную с географическими особенностями расположения памятника, при котором ориентация могил привязывалась к направлению линии края береговой террасы. Между тем, отличия Крючного 6 от указанных памятников отнюдь не исчерпывается только ориентацией. Захоронения, как правило, совершались под округлыми курганными насыпями, причем в нескольких случаях встречаются курганы, содержавшие по две могилы (Садовка-4, Туруновка-2) [Молодин и др., 2012. С. 120, 136]. Для состава сопроводительного инвентаря нехарактерно присутствие сосудов: погребениях Туруновки 2 таковые встречаются в трех случаях, в Сопке 2 – в одном. Отмеченные особенности позволяют выделить погребения с северо-восточной ориентацией в отдельную группу, которая может отражать этнокультурную специфику населения, оставившего подобные комплексы. К этой же группе следует отнести шесть захоронений (№ 3, 10, 55, 74, 117, 118) из состава могильника Кыштовка-2 [Молодин, 1979. С. 11, 24, 31, 40, 54], которые сближают с рассматриваемыми не только ориентация, но и глубина могильных ям.

Стратиграфические наблюдения за взаиморасположением погребения № 184А и 184Б убедительно показывают более раннее происхождение погребений с северо-восточной ориентацией по сравнению с северо-западной. При сооружении захоронения 184А разрушен край более ранней могилы 184Б, которой, очевидно, и принадлежали сосуды, обнаруженные нами в насыпи. Погребальный инвентарь могил с северо-восточной ориентацией так же выглядит более архаичным по сравнению с погребениями северо-западной. Большой интерес представляет комплекс находок из погребения в кургане 21, изучение которого пока не за-
1 Употребление этнонима «татары» применительно к населению Барабы и Прииртышья XV–XVI вв. имеет почтенную историческую традицию, но, на наш взгляд, не позволяет адекватно отобразить этнокультурную ситуацию, отразившуюся в археологических материалах, поэтому мы полагаем его использование возможным лишь с определенной долей условности (подробнее см.: [Корусенко, Михалев, 2006. С. 255]).



кончено [Корусенко, Герасимов, 2014. С. 76]. Имеющиеся данные позволяют полагать, что курган содержал захоронение человека, который при жизни выполнял социально значимые, возможно, сакральные функции. Местоположение кургана, на наш взгляд, свидетельствует о том, что именно его сооружение маркировало возникновение нового комплекса на площадке усть-ишимского некрополя. Уже позже на этой же территории появляются захоронения с северо-западной ориентацией, которые исторически достоверно связываются возможными предками подгруппы аялу тарских татар. Архаизм характерен так же для погребального инвентаря могильника Крючное 6 и выделенных нами захоронений могильника Кыштовка 2. Таким образом, захоронения, ориентированные на северо-восток демонстрируют лишь эпохальную близость комплексам с северо-западной и юго-западной ориентациями могил, образуя, в то же время, обособленную в хронологическом и, возможно, в этнокультурном отношении группу. Вероятно, эти могилы отражают определенный этап в этнокультурной истории региона, хронологические рамки которого могут быть определены концом XIV – началом XVI в.

Сегодня известны уже несколько таких комплексов, из которых лишь один является однослойным. Пока не выделены поселенческие комплексы, которые можно было бы убедительно связать с этими погребениями. Отмеченные обстоятельства осложняют решение вопроса об этнокультурной атрибуции памятников, хотя имеющиеся данные позволяют наметить наиболее вероятные направления поиска. Северо-восточная ориентация отмечена на хантыйских могильниках [Семенова, 2001. Рис. 4], хотя эти комплексы и относятся к более ранней эпохе. Использование погребальных масок, либо медных пластинок, закрывающих рот и глаза умершего, отмечено в погребальных ритуалах селькупов [Ожередов, 2013. С. 161]. Большая часть погребального инвентаря, обнаруженного в могилах, не может быть убедительно использована в качестве этнических маркеров. В то же время керамика, встреченная в захоронениях, демонстрирует связь с таежными, а не со степными, традициями. Рыбки, бронзовые фигурки которых использовались в погребальном обряде, так же ассоциируются с таежным миром, у обитателей которого шука нередко выступает в качестве мифического первопредка или сакрального существа. Отмеченные детали позволяют предполагать, как нам представляется, связь выявленного комплекса с миром таежных культур. Косвенным подтверждением этого может считаться и этнографическая информация о народе «иштяк», зафиксированная в ряде населённых пунктов тарских татар, в том числе и деревне Черталы еще в 1990-х гг. [Корусенко М.А., Корусенко С.Н., 1999. С. 102–104].

Таким образом, в результате работ 2014 года в составе курганный-грунтового могильника Черталы удалось выявить неизвестный ранее погребальный комплекс, ближайшие аналоги которого можно увидеть в могильнике Крючное 6, расположенном выше по течению р. Тара. Хронологически выделенный комплекс занимает промежуточное положение между курганами усть-ишимской культуры и невысокими насыпями, соотносимыми с погребениями возможных исторических предков современных тарских татар. Некоторые особенности ритуала и компоненты вещевого комплекса позволяют предполагать культурное влияние таежного (южнохантыйского или самодийского) населения.

Литература

Герасимов Ю.В. Отчет об археологических раскопках могильников Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2014 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1, д. 63-1. Омск, 2015.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребальный комплекс Черталы: раскопки 2014 года и некоторые итоги изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 2014 С. 146–149

Здор М.Ю. Отчет об археологических раскопках могильника Черталы III, IV в Муромцевском районе Омской области в 2012 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1, д. 48-1. Омск, 2013

Корусенко М.А. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010–2011 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1. Омск, 2012

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2013 г.: археология, этнография, устная история: Вып. 9. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 73–78

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Следы ритуального вторжения в курганных насыпях могильника Черталы в Тарском Прииртышье // Вестник Том. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 29–32.

Корусенко М.А., Корусенко С.Н. Угорские элементы в культуре тарских татар // Обские угры: мат-лы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. С. 102–104.

Корусенко М.А., Михалев В.В. К вопросу о влиянии степных керамических традиций на развитие керамического производства в южнотаежном Прииртышье в IX–XVI веках нашей эры // Интеграция



археологических и этнографических исследований Красноярск; Омск: ИД «Наука», 2006. С. 252–256.

Мельников Б.В. Отчет о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 62-1. Омск, 1989.

Мельников Б.В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы 1 в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 66-1. Омск, 1990.

Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники таёжного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1991. С. 145–146;

Мельников Б.В., Дрягин В.В. Место базового памятника в системе этнографо-археологического комплекса (постановка вопроса) // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Археология Западной Сибири. Омск: Изд-во Омю ун-та, 1988. С. 54–57.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 183 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Поздняков Д.В., Соловьев А.И. Познесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2012. 162 с.

Ожередов Ю.И. Селькупские погребальные «маски» (к постановке вопроса) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23) С. 160–164.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Татауров С.Ф. Отчет об археологических работах в Муромцевском районе Омской области в 2004 году. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 32-1. Омск, 2005.



А.И. Боброва¹, М.П. Рыкун²

Россия, Томск, ¹Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова

²Национальный исследовательский Томский государственный университет

**КУЛЬТУРНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИКЕТЬЯ
В XVI–XVII вв. (по материалам Ёлтыревских курганных могильников II и III)**

При характеристике культурного облика населения Нижнего Прикетья в XVI–XVII вв. привлечены материалы курганных могильников Ёлтыревского II и III. Наличие погребальной и поминальной керамики, форма и орнаментация посуды, а также характер устройства насыпей на родовом кладбище позволяют считать эти некрополи однокультурными с памятниками левобережья р. Оби. По этим признакам погребального обряда и антропологическим источникам они обнаруживают близость к населению Оби и Обь-Чайнского междуречья, откуда, возможно, в это время имели место миграции отдельных групп на Нижнюю Кеть.

Ключевые слова: Нижняя Кеть, Ёлтыревские могильники, археологические и антропологические источники, насыпь, керамика, селькупы.

A.I. Bobrova¹, M.P. Rykun²

Russia, Tomsk

¹Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M.B. Shatilov

²National Research Tomsk State University

**THE CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL APPEARANCE OF THE LOWER KET' REGION'S POPULATION
IN THE XVI–XVIII CENTURIES (ON MATERIALS OF THE YOLTYREV BURIAL MOUNDS II AND III)**

For describing cultural appearance of the Lower Priketie population in the XVI–XVII centuries brought materials of Yolytyrev burial mounds II and III. Presence of funeral and memorial ceramics, shape and ornamentation of crockery, and character of embankments design in ancestral cemetery make it possible to consider, that these necropolises are one-cultural with monuments on left bank of the Ob River. According to these signs of funeral rite and anthropological sources, its show proximity to the population of the Ob and the Ob-Chaya interfluvium, from where, perhaps, at that time some groups migrated to the Lower Ket.

Keywords: Lower Ket, Yolytyrev burial mounds, archeological and anthropological sources, embankment, ceramics, Selkups.

Проблема происхождения современных коренных этносов, и нарымских селькупов в том числе, пока далека от разрешения, хотя, основные концептуальные положения о прасамодийской основе носителей археологических культур эпохи железа Томско-Нарымского Приобья разработаны Л.А. Чиндиной [1977; 1990. С. 35–56], а проблема идентификации поздних археологических памятников с чулымскими тюрками и селькупам в значительной степени решена А.П. Дульзоном [1953. С. 127–334; 1955. С. 230–250; 1956. С. 190–193, 196–197; 1957. С. 443–488]. Исследование поздних памятников, начатое им в 1950-х гг., было продолжено Л.А. Чиндиной. Сравнение археологических данных из могильников XVI–XVII вв. Причудымья и Нарымского Приобья с этнографическими источниками по погребальному обряду XIX–XX вв. хантов, кетов, манси, селькупов, позволило исследователю выделить общие и специфические признаки обряда. Итогом анализа стало выделение этнопоказательных признаков, отличительными чертами обряда селькупов являются наземный способ погребения по горизонту и наличие глиняной посуды в погребениях, при отсутствии ее у кетов и хантов. [Чиндина, 1975. С. 88–91].

При определении культурной принадлежности позднесредневековых памятников Нижнего Прикетья особое значение имеет керамика. С учетом сказанного, рассмотрим новые материалы с Нижней Кети, полученные на р. Ёлтыревой (правый приток р. Кети). В 1963 г. В.Е. Добычиным здесь был открыт комплекс археологических памятников [ТОКМ. Фонд документов 11978/28. Л. 1–3]. На двух курганных могильниках XV/XVI – XVII вв. (Ёлтыревском II и III) в 2004–2007 гг. Томским областным краеведческим музеем проведены раскопки [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 830].

Керамика представлена целыми сосудами, поставленными в некоторых погребениях могильника II и III, и фрагментами сосудов, найденными на межкурганном пространстве могильника II (ТОКМ колл. № 13482, 6–II), что позволяет провести сравнительный анализ с посудой из селькупских могильников того же времени на р. Оби и Обь-Чайском междуречье.

В межкурганном пространстве, под дерновым слоем и на горизонте I, зафиксированы остатки погребально-поминального (?) кострища и 5 скоплений фрагментов керамики от двух сосудов. Скопление 1 (76 фрагментов) представлено фрагментами больше объёмного круглодонного сосуда. Диаметр устья 20 см, толщиной стенок 5–8 мм (рис. 1/ I–3). Венчик отогнут наружу и с внешней стороны декорирован отрисками вертикально поставленного гребенчатого штампа. Обрез венчика скошен с внешней стороны и орнаментирован наклонны-



ми оттисками того же штампа. Короткая шейка отделена от плечика трехрядным поясом оттисков короткого гребенчатого штампа, с сильным наклоном вправо. Верхняя треть сосуда орнаментирована чередующимися поясами оттисков гребенчатого штампа – длинных вертикальных с раздвоенным концом и коротких наклонных. Ниже по тулову, включая придонную часть, нанесены пояса вертикально поставленного гребенчатого штампа. Сосуд сделан крайне небрежно, имеет следы нагара с внешней стороны.

Другой сосуд из скопления 2 (21 фрагмент), сероглиняный, круглодонный, с налепными ушками по устью, диаметр в нижней трети примерно 10–12 см, толщина стенок 4 мм (рис. 1/4–5). Обрез венчика прямой, орнаментирован оттисками гребенчатого штампа с наклоном влево. По венчику нанесен орнамент в виде вертикальных оттисков гребенчатого штампа. Тулово почти до дна покрыто орнаментом – поясами оттисков вертикально поставленного редко-зубчатого гребенчатого штампа. Днище не орнаментировано. Обжиг неравномерный. Сосуд имеет следы нагара с обеих сторон. Фрагменты от этих же сосудов встречались и в заполнении поминального костра (скопление 5) и скоплениях 3–4.

Погребальные памятники Прикетья объединены А.И. Бобровой в чулымско-кетский тип обряда, важной особенностью которого является отсутствие керамической посуды с покойным [Очерки культурогенеза..., 1994. С. 301–304]. Однако в ёлтыревских могильниках она присутствует, причем, как в погребениях, так и в межкурганном пространстве в качестве поминальной. Целые сосуды сопровождали погребенных в кургане 1 Ёлтыревского III могильника XV–XVI [Боброва, 2010. Рис. 8/25], в кургане 1 и кургане 18 (погребение 3) второй половины XVII в. Ёлтыревского II [Боброва, Алексеева, 2016. Рис. 5/3]. Кроме фрагментов керамических сосудов, обнаруженных в межкурганном пространстве и кострище на площади могильника II, найдены кости животного, что свидетельствует об использовании посуды при погребально-поминальных действиях.

Ёлтыревская посуда, по формам, элементам, мотивам орнамента и присутствию налепов на устье погребального и поминального сосудов, имеет очень близкие и абсолютные аналоги в могильниках XVI–XVII вв. Нарымского Приобья: Пачангском [Дульзон, 1955. Рис 8–10; ТОКМ колл. № 1498/84, 258, 278, 299, 315 и др.], на Остяцкой Горе [ТОКМ колл. № 1499/314, 316], Тискинском [Чиндина, 1975. Табл. 9/6, 7, 15; 10/ 6, 11–14; 14/1, 8–9; Боброва, Мец, 1997. Рис. 1, 3, 5; Нарымское Приобье..., 2016. Рис. 20], что свидетельствует об однокультурности этого круга памятников. Горшковидная посуда из погребений Пачангского могильника (XVI в.), на Остяцкой Горе (XVI–XVII вв.), Тискинского – круглодонная, с округлым туловом и резко отогнутым наружу венчиком. Почти вся она имеет сплошную орнаментацию стенок от устья до дна. Орнамент нанесен оттисками гребенчатого штампа, или гребенчатого штампа в сочетании с резными линиями, углом дощечки, ямками [Сулёв, 1969. С. 193–196]. Сосуды такой формы и орнаментации стали господствующими в селькупских могильниках XVI–XVII вв., что указывает на консолидацию и нивелировку этнических компонентов [Могильников, 1987. С. 234]. Кроме горшков встречаются сосуды ладьевидной формы и чаши. По форме и орнаментации ёлтыревская посуда близка рёлкинской керамике и посуде из могильников Обь-Чаинского междуречья.

Кроме керамики, одним из важных показателей обряда погребения селькупов и рёлкинцев, по мнению Л.А. Чиндиной, является характер устройства насыпей на родовом кладбище на общей территории могильника в виде курганов с присыпками. Таким путем шло формирование курганных некрополей обского типа в XII–XVII вв. Устройство некоторых насыпей в Ёлтыревском II могильнике во второй половине XVII в., повторяет способ ее формирования в некрополях обского типа. Новые погребения и конструкции устанавливали над первоначальными в виде ярусов. Вероятно, появление новаций на Нижней Кети могло быть связано с миграцией обской группы селькупов под усилившимся давлением хантов и русских.

Палеоантропологический материал из Ёлтыревских могильников II и III представлен семью черепами (2 жен., 5 муж.) разной степени сохранности. Ввиду малочисленности и плохой сохранности для краниологических исследований пригодными оказались все мужские (КА ТГУ, ЁКГ II – Инв. № 5500, 5502, 5505; ЁКГ III – Инв. № 5442, 5443) и один женский (КА ТГУ, ЁКГ II – Инв. № 5504) черепа.

Для мужских черепов свойственна брахикранная форма мозговой коробки, средней высоты. Лоб средней ширины, наклонный, выпуклый. Лицо широкое в верхней части, несколько уже в средней, в основном низкое (Ин. № 5442, 5443, 5505); встречается средней (Инв. № 5500) и большой (Инв. № 5502) высоты, по пропорциям эурипрозоное, ортогнатное по указателю выступания и мезо-ортогнатное по углам вертикальной профилировки. По углу альвеолярной части лицевого скелета для всех мужских черепов характерен прогнатизм. В горизонтальной плоскости лицевой скелет характеризуется высокой степенью уплощенности, особенно на уровне орбит. Орбиты средней ширины и высоты, мезоконхные по пропорциям. Нос малой высоты и средней ширины, по указателю мезоринный. Носовые кости невысокие, средней ширины, по симотическому указателю и углу характерна их уплощенность, как и переносья в целом. Величина угла выступания носовых костей попадает в категорию малых и средних величин малый мужской совокупности.

По степени уплощенности лицевого скелета, выступанию носовых костей, переносья, по пропорциям лицевого скелета, а также по строению лба, отличается череп из кургана 18 (погребение 3) Ёлтыревского II могильника, принадлежащий мужчине 35 лет. Морфологически он более профилирован в горизонтальной плоскости, с более выступающим, узким носом, широким лбом, и по значению его поперечного изгиба лба, попадает в европеоидные группы.



В целом, по степени уплощенности лицевого скелета и фацио-церебральным пропорциям мужские черепа из могильников Ёлтыревского II, III занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами, что их сближает с серией черепов из могильника Алдыган (левый берег р. Чаи, левый приток р. Оби) XI–XIII вв. Стоит отметить, что по численности черепов обе серии примерно одинаковы.

Исследуемая мужская серия из могильников Ёлтыревского II и III, также обнаруживает морфологическое сходство с серией Тискинского могильника, особенно, среднего этапа (XV–XVII вв.).

Ранее на основе обширных сравнительных краниологических данных по современным угорским, самодийским, тюркским и другим народам Западной и Южной Сибири и соседних регионов, было определено таксономическое положение тискинской и алдыганской популяций в системе расовых типов Северной Евразии. Наибольшее «сходство, средневековые и близкие к современности черепа из могильников Тискино и Алдыган, обнаруживают с селькупскими популяциями Нарымского Приобья, а также с территориально ближайшими тюрками Причулымья и Нижнего Притомья» [Багашев, 2001. С. 169–171]. По-видимому, население, оставившее Ёлтыревские могильники, также относится к томско-нарымскому варианту обь-иртышского антропологического типа западносибирской расы.

Росто-весовые характеристики исследуемой группы рассчитаны по двум мужским и одной женской бедренным костям Ёлтыревского II могильника, удовлетворительной сохранности. Длина тела мужчин укладывается в категории средних величин (163–164 см). Мужчины из кургана 19, погребения 3 (КА ТГУ № 5502) и кургана 18, погребения 3 (КА ТГУ № 5505), при среднем росте, обладали разным весом, первый весил около 69 кг, второй – около 63 кг. Длина тела и вес женской части населения можно рассчитать только по одной бедренной кости средней степени сохранности из кургана 1 того же могильника (КА ТГУ № 5499). По графической реконструкции внешнего облика, она определена как представительница нарымских селькупов [Боброва, Алексеева, 2016. С. 118]. Это была молодая женщина, 20–25 лет. Её рост 155 см, вес – около 57 кг.

Анализ маркеров физиологического стресса: гипоплазия эмали, зубной камень, пародонтоз, кариес и др., показал, что, как для тискинской, так и для ёлтыревской групп характерны с одной стороны, высокий процент эмалевой гипоплазии, зубного камня, с другой стороны, низкий процент встречаемости кариеса и показателей анемии [Нарымское Приобье..., 2016. С. 144–153]. Обе популяции не испытывали пищевого стресса, в рационе их питания было достаточно белков (рыба, дичь) и витаминов (ягоды, орехи), дефицит витамина С носил сезонный характер [Нарымское Приобье..., 2016. С. 143, 148].

Литература

Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа Нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.

Боброва А.И. Ёлтыревская курганная группа III – новый памятник Прикетья // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск: Дельтаплан, 2010. С. 85–101.

Боброва А.И., Алексеева Е.А. Реконструкция внешнего облика отдельных представителей населения Прикетья XV–XVII вв. (по археологическим и краниологическим данным) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. Вып. № 3 (34). С. 116–126.

Боброва А.И., Мец Ф.И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Том. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 304–316.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. Зап. ТГПИ. Т. 10. Томск, 1953. С. 127–334.

Дульзон А.П. Пачангский курганный могильник // Уч. зап. ТГПИ. Т. 14. Томск, 1955. С. 230–250.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. Т. 5. Томск, 1956. С. 89–316.

Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у с. Молчаново на Оби // Уч. зап. ТГПИ. Т. 16. Томск, 1957. С. 443–488.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1987. С. 163–235.

Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.): монография / Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. 278 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 477 с.

Сулёв Г.В. Могильник «Рёлка» и поздние археологические памятники Средней Оби // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 193–196.

Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. С. 61–93.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 340 с.



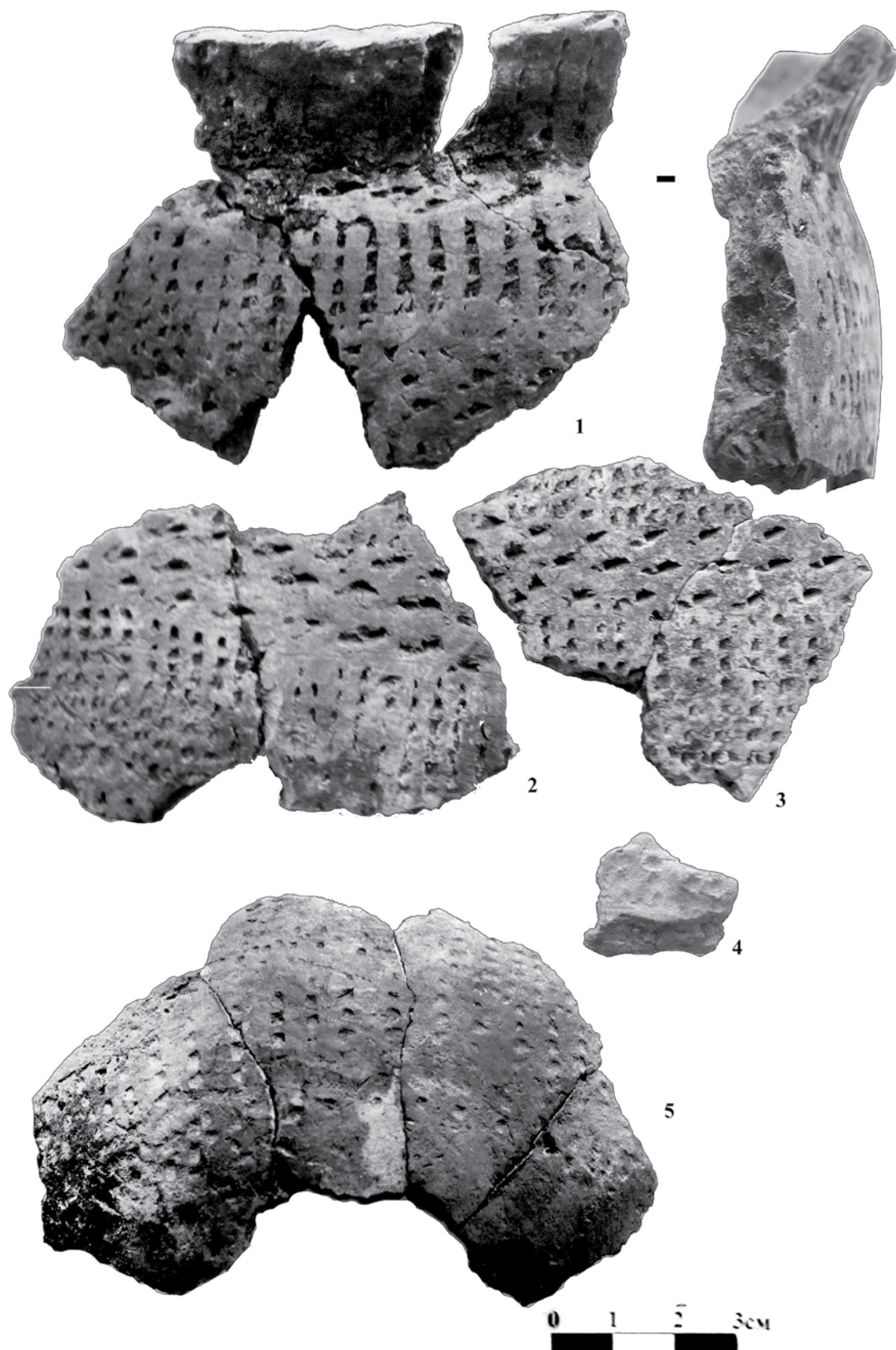


Рис. 1. Поминальная посуда Ёлтыревского II могильника
1-3 – фрагменты от сосуда 1; 4-5 – фрагменты от сосуда 2



Д.В. ПЕЖЕМСКИЙ

*Россия, Москва, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина
Московского государственного университета*

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКА XVII–XIX ВЕКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Проведено межгрупповое сравнение антропологических особенностей жителей г. Томска XVII–XIX вв. по данным морфологии черепа. Используются краниометрические материалы, полученные С.М. Чугуновым на рубеже XIX–XX столетий и позднее заново опубликованные В.А. Дрёмовым. Судя по результатам многомерных статистических анализов, население Томска пока не находят себе близких аналогий среди групп населения Европейской России финальной поры этногенеза русского народа, в том числе – населения Русского Севера и Северо-Запада. Возможно, это объясняется характером материалов В.П. Алексеева по русским XIX в., так они являются сборными сериями не всегда ясного происхождения; кроме того, нельзя исключить влияния эпохальной динамики в строении черепа, так как население Томска в среднем представляет более ранние эпохи. Среди жителей Томска в этот период присутствовал антропологический компонент, связанный своим происхождением с коренным населением региона (чулымскими татарами). Однако, предположение о широкой метисации между русскими и чулымцами пока не находит подтверждения, так как у мужчин этот компонент представлен в исходном варианте, а у женщин он практически отсутствует. Ослабление европеоидных черт у населения Томска, скорее всего, не связано с притоком женщин из среды томских или чулымских татар и имеет иное происхождение.

Ключевые слова: физическая антропология, палеоантропология, морфология черепа человека, краниометрия, антропологический состав, православное население Томска, чулымские татары

D.V. PEZHEMSKIY

*Russia, Moscow, Research Institute and Museum of Anthropology named after D.N. Anuchin
of Moscow State University*

**CRANIOLOGICAL FEATURES OF THE POPULATION OF TOMSK XVII–XIX CENTURIES:
COMPARATIVE ANALYSIS**

An intergroup comparison of the anthropological features of Tomsk residents of the XVII–XIX centuries according to the morphology of the skull. There is used the craniometric materials obtained by S.M. Chugunov at the turn of the XIX–XX centuries and later re-published by V.A. Dryomov. Judging by the results of multivariate statistical analyzes, the population of Tomsk does not yet find close analogies among the groups of the population of European Russia of the final period of the ethno-genesis of the Russian people, including the population of the Russian North and the North-West. Perhaps this is due to the nature of the V.P. Alekseev's materials on the Russians of the XIX century, as they are collective series of not always clear origin; in addition, it is impossible to exclude the influence of epochal dynamics in the skull structure, since the population of Tomsk on average represents earlier eras. Among the inhabitants of Tomsk in this period was an anthropological component, associated in their origin with the indigenous population of the region (Chulym Tatars). However, the assumption of broad cross-breeding between the Russians and Chulymians is not while confirmed, as in men this component is represented in the original version, and women have it is virtually nonexistent. The weakening of the Caucasoid traits in the population of Tomsk is most likely not related to the influx of women from the neighbouring Tomsk or Chulym Tatars and has a different origin.

Keywords: physical anthropology, paleoanthropology, human skull morphology, craniometry, anthropological composition, the Orthodox population of Tomsk, Chulym Tatars.

В последние десятилетия изучение физических особенностей русских эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени вышло на совершенно новый уровень. Особенно рельефным выглядит сейчас исследование антропологического состава населения русских городов [см., например: Гончарова, 2000, 2011; Санкина, 2000; Дубов, Дубова, 2000; Пежемский, 2000; 2004; 2012; 2013; Суворова, 2007; Харламова, 2010; 2012; Васильев, Боруцкая, 2013; Макарова, 2011а; Макарова, Газимзянов, Михеев, 2013; Евтеев, Олейников, 2015; Конопелкин, Гончарова, 2016]. Причин этому несколько, главные из которых – резкое увеличение объемов археологических работ в городах и расширение тематики археологических исследований, в результате чего идет бурное пополнение фонда палеоантропологических источников, а также изменение исследовательского дискурса в самой отечественной палеоантропологии, где довольно долго изучение останков из городских кладбищ XVII–XIX вв. не считалось чем-то необходимым. На этом фоне ярким эпизодом были усилия В.П. Алексеева, введшего в научный оборот данные о целом ряде таких краниологических серий





[1969]. Огромным «белым пятном» в этом отношении до недавнего времени была территория Сибири. Появление первых данных об антропологических особенностях русских Сибири XVIII–XIX вв. пока кардинально не меняет ситуации с лакуарностью наших знаний в этой области [см., например: Багашёв, Антонов, 2005; 2010; Суворова, Харламова, 2008; Рейс, Рейс, 2011; Слепченко, Татаурова, 2012; Харламова, Галеев, Лейбова, 2012; Рыкун, Васильева, 2013; Савенкова и др., 2013; Харламова, Галеев, 2013].

На фоне сложившейся историографической ситуации особняком стоит работа Владимира Анатольевича Дрёмова (1940–1996), посвященная краниологической характеристике населения города Томска XVII–XIX вв. [Дрёмов, 1998а]. Данное исследование тем более важно, что воскрешает для нас страницы истории отечественной физической антропологии, связанные с именем Сергея Михайловича Чугунова (1854–1920), очень много сделавшего для её развития [Дрёмов, Багашёв, 1998; Яковлев, 2004; Багашёв, 2006; Макарова, 2011б]. Его перу принадлежит первое исследование по краниологии русских Сибири, оставшееся единственным целое столетие [Чугунов, 1905]. Будучи профессором Томского университета, С.М. Чугунов проводил обширные антропологические исследования населения Западной Сибири. Изучение черепов из православных кладбищ Томска, серии которых были получены в ходе строительных работ в разных частях города, стало важным этапом этих исследований. Им было измерено несколько сотен черепов. Лучше всего оказалось представлено кладбище у древнейшей в городе Троицкой церкви, стоявшей на южной оконечности Воскресенской горы. Кроме того, были изучены краниологические серии из кладбищ Воскресенской, Богоявленской и Духовской церквей, а также черепа со старообрядческого кладбища, находившегося близ Соляной площади. Большая часть черепов из этих сборов была перезахоронена, однако до сего дня сохранилось три десятка экспонатов в Музее нормальной анатомии Томского медицинского университета и Кабинете антропологии им. Н.С. Розова Томского государственного университета. Они позволили В.А. Дрёмову вернуться к этой проблематике, выявить особенности измерительной методики конца XIX в., провести повторные измерения и сравнить свои результаты с данными С.М. Чугунова. Именно на результатах В.А. Дрёмова хотелось бы сконцентрироваться в данной статье, ибо специфика палеоантропологических работ рубежа ушедших столетий не позволяет использовать их в полной мере, они во многом устарели. Не устаревают только материалы, в них содержащиеся. Сравнительный анализ В.А. Дрёмов выполнил эмпирически. В его распоряжении в ту пору были только краниологические данные по русскому населению различных губерний XIX в. [Алексеев, 1969]¹. В.А. Дрёмов приходит к выводу о сходстве населения Томска с русскими Северо-Запада, Севера и отчасти Северо-Востока (Петербургская, Вологодская, Архангельская, Олонецкая, Костромская, Вятская губернии). «В целом же по выраженности монголоидных черт все русские группы Восточной Европы заметно уступают томской» [Дрёмов, 1998а. С. 146]. Цитата приведена в качестве примера, показывающего межрасовый масштаб, на фоне которого проведено это сравнение. Конечно же, нельзя говорить о какой-либо «выраженности монголоидных черт» у русского восточноевропейского населения.

Новым этапом работы над этой темой может стать широкий сравнительный анализ материалов С.М. Чугунова, переработанных В.А. Дрёмовым, что формулируется здесь как цель исследования. В качестве его задач хотелось бы обозначить следующие:

- 1) сравнить, вслед за В.А. Дрёмовым, краниологические характеристики населения Томска с характеристиками русского населения различных губерний Европейской части России XIX в.;
- 2) сравнить население Томска с коренным населением региона и попытаться найти параллели краниологическим комплексам томичей, обозначенным С.М. Чугуновым как «тюрко-монгольский» и «другие инородческие», среди краниологических особенностей томских и чулымских тюрков и селькупов.

Оговоримся сразу, что в данной работе не предполагается проводить сравнение краниологических данных по Томску с данными по черепам из других городских и сельских кладбищ Сибири. В рамках решения первой задачи здесь представлены результаты тех же самых сопоставлений, которые выполнил В.А. Дрёмов, только при помощи методов многомерной статистики, а именно такого мощного её инструмента, как канонический дискриминантный анализ (проведен при помощи программного модуля MultiCan; разработчик – И.А. Гончаров, 2013 г.).

Цифровые материалы по населению Томска использованы при статистической обработке в следующих вариантах: типы по С.М. Чугунову – «русско-славянский», «русско-инородческий», «тюрко-монгольский» и «другие инородческие типы», и обобщенная томская выборка по В.А. Дрёмову. Проведенный ранее анализ цифрового материала обоих авторов позволяет уверенно опираться в сравнительных анализах только на 7 краниометрических признаков – продольный (1.), поперечный (8.) и высотный (17.) диаметры мозгового отдела черепа, наименьшая ширина лобной кости (9.), скуловая ширина (45.), верхняя высота лицевого скелета (48.) и высота носа (55.)² – которые отражают только самые общие размеры черепа. По отдельным выборкам с территории Томска (т.н. «типам» С.М. Чугунова) отсутствуют данные по углам горизонтальной и вертикальной профилировки, размерам и пропорциям переноса, глубине клыковой ямки и другим при-

¹ Недавно была высказана точка зрения, согласно которой это население в целом можно считать сельским [Конопелькин, Гончарова, 2016], с чем довольно трудно согласиться.

² В скобках указаны номера признаков по Р. Мартину.



знакам, важным для дифференциации рас первого порядка – европеоидной и монголоидной, в том числе необходимым для оценки характера возможных процессов метисации между ними.

Сравнительные материалы представлены 11 краниологическими выборками по губерниям Европейской России и 10 сериями черепов коренного населения. К первым относятся черепа с территории Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Псковской, Петербургской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской и Вятской губерний [Алексеев, 1969]. Вторые представлены краниологическими сериями томских (Тоянов городок, Козюлино, обские татары) и чулымских тюрков (Яшашная гора, Тургай–Балагачево, устья р. Яя и Кия, среднее течение Чулыма, Рубеж), а также нарымских и чулымских селькупов [Дрёмов, 1998б, 1998в]. В таком варианте анализ проведен только для мужских черепов.

Описание анализа 1. Два первых канонических вектора описывают 75,8 % общей изменчивости. Судя по всему, это связано с малым набором анализируемых признаков. Канонический вектор I принимает на себя 48,6 % общей изменчивости и отделяет группы с широким лицом и относительно узкими лбом и мозговой коробкой в целом от противоположной комбинации признаков. В силу ограниченного объема статьи здесь не приводятся нагрузки канонических векторов (далее – КВ), тем не менее отметим, что КВ II описывает 27,2 % общей изменчивости и отделяет выборки с высоким сводом черепа, высоким носом и при этом относительно низким (!) лицом от групп с противоположной комбинацией признаков. Размещение групп в морфологическом пространстве КВ I и КВ II **показывает, что томские выборки – и обобщенная, и так называемые «типы» С.М. Чугунова, за одним, вполне ожидаемым исключением – заняли совершенно обособленное место (рис. 1).** Они занимают промежуточное положение между группами русских XIX в. и группами томских татар и селькупов по значениям КВ I. Выборка «русско-славянского» типа значительно смещена в сторону выборок русских Европейской России по значениям КВ I. При этом для томичей характерны **большие положительные значения КВ II, то есть им свойственны высокий свод черепа и высокий нос при относительно низком лице – очень специфическая черта, собственно и предопределяющая краниологическую обособленность населения города Томска XVII–XIX вв.** Стоит отметить, что обобщенная краниологическая характеристика населения Томска ближе всего к «русско-инородческому» типу С.М. Чугунова.

Все группы русских XIX в. с территории Европейской России образовали в этом масштабе сравнения компактное скопление, показав отрицательные значения по обоим КВ – они характеризуются относительно узким лицом, широкой мозговой коробкой и лобной костью, низким сводом и носом при относительно высоком лицевом скелете. Столь обособленное положение этих серий и выборок черепов из томских кладбищ не позволяет пока согласиться с выводом В.А. Дрёмова о близости населения Томска и населения Русского Севера и Северо-Запада.

Обратим внимание на то, что исключительно все краниологические серии, представляющие коренное население региона, также хорошо обособлены и расположены на графике компактно, в зоне положительных значений КВ I (за исключением чулымских селькупов, отделяющихся по значениям КВ II), что означает широкое лицо, менее широкую мозговую коробку и, главное, узкую лобную кость. Теперь об исключении, упомянутом выше. Единственная выборка, искусственно сформированная из томских черепов, отнесенных С.М. Чугунову к «тюрко-монгольскому» типу, органично вошла в это множество и заняла положение, крайне близкое выборке чулымских тюрков (могильники Тургай и Балагачево на Нижнем Чулыме). Таким образом, нет никаких сомнений в том, что и С.М. Чугунов, выделивший этот тип эмпирически, и В.А. Дрёмов, показавший монголоидную примесь в населении Томска математически, были совершенно правы – коренное население, уже крещеное, безусловно, проживало в городе и захоранивалось на православных кладбищах. Однако, результаты проведенного анализа не позволяют безоговорочно принять идею широкой метисации русского населения Томска и чулымцев, так как обобщенная выборка томичей и так называемые «русско-инородческий» и «другие инородческие» типы не сближаются с морфологическим «полем», образованным коренными народами. Несмотря на то, что некая промежуточность их между «русско-славянским» и «тюрко-монгольским» типами может быть здесь усмотрена, не следует придавать этому большого значения, ибо, как будет ясно из дальнейшего изложения, место «русско-славянского» типа С.М. Чугунова на антропологической карте России пока не очевидно.

Описание анализа 2. Данный анализ был проведен для женских выборок и имел единственной целью сравнение женского варианта «тюрко-монгольского» типа С.М. Чугунова с краниологическими особенностями коренного населения. Сопоставление проведено в первую очередь по причине того, что В.А. Дрёмовым предполагалось активное вовлечение именно местных женщин в процессы формирования православного населения Томска. Им, на индивидуальном уровне, был проведен детальный анализ значений тех признаков, по которым обычно осуществляется диагностика монголоидной примеси – обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ). Для женской части выборки констатируется бесспорное присутствие монголоидного элемента, что интерпретировано как «начальный этап этнического взаимодействия русского и коренного населения» [Дрёмов, 1998а. С. 147].

Женские черепа анализировались здесь по тому же набору признаков, что и мужские. В качестве сравни-



тельных взяты те же серии томских и чулымских тюрок и селькупов, что и в случае с мужскими черепами (за исключением обских татар). Первые два канонические вектора описывают 87,5 % общей изменчивости, при этом КВ I принимает на себя 71,6 % изменчивости, которая в основном определяется широким лицом и низким носом (рис. 2).

В главных чертах итоги анализа женских выборок сходны с тем, что было выявлено по мужским сериям. Кроме того, обнаружались совершенно новые, неожиданные результаты:

- женское население Томска, как и в массе своей мужское, демонстрирует исключительную самостоятельность своего антропологического облика, что на фоне монголоидных групп не удивительно;
- женский вариант «тюрко-монгольского» типа, ни в коей мере не тяготеет к выборкам коренных народов региона (как это было у мужчин), а наоборот, вполне органично вписывается в разнообразие антропологических «типов» Томска;
- женский вариант «русско-славянского» типа С.М. Чугунова гораздо ближе к обобщенной серии томичей, нежели это было выявлено в мужской части популяции;
- существенное отклонение от краниологического разнообразия женского населения Томска демонстрирует так называемый «русско-инородческий» тип, вполне возможно из-за очень малой численности наблюдений;
- совсем специфичным, практически превышающим межрасовую изменчивость в рамках выбранного масштаба, является выборка, обозначенная как «другие инородческие», истолковать эту специфику на текущем этапе работы не представляется возможным.

Выводы:

1. По данным о морфологии черепа население Томска XVII–XIX вв. обладает, в мужской своей части, существенными антропологическими отличиями по отношению к русскому населению, рассмотренному по губерниям Европейской России XIX в. (в том числе – с территории Русского Севера и Северо-Запада).

2. В составе населения Томска, безусловно, присутствует антропологический компонент, связанный своим происхождением с местным населением (чулымскими татарами?):

- однако на текущем этапе разработки проблемы нет возможности говорить о процессе широкой метисации между русскими и чулымцами, так как у мужчин этот компонент представлен в исходном варианте (механическая примесь), а у женщин он практически отсутствует;
- судя по всему, это свидетельствует о проживании представителей коренных народов в городе, их профессиональном единстве с русскими, однако не значительном участии в процессах воспроизводства населения;
- ослабление европеоидных черт у жителей Томска, ранее установленное В.А. Дрёмовым, не связано с притоком женщин из среды томских или чулымских татар и имеет, скорее всего, иное происхождение, природу которого ещё только предстоит выяснить.

Литература

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.

Багашёв А.Н. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 168–172.

Багашёв А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 29–37.

Багашёв А.Н., Антонов А.Л. Краниологическая характеристика русских старожилов Омского Прииртышья // Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апельсин, 2010. С. 247–280.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Палеоантропологический анализ погребений из Кашинского Кремля (раскоп Воскресенский 1) // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 107–120.

Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 66–94.

Гончарова Н.Н. Формирование антропологического разнообразия городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. Вып. 19. 2011. С. 202–216.

Дрёмов В.А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998а. С. 140–147.

Дрёмов В.А. Нарымские селькупы // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998б. С. 110–113.

Дрёмов В.А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998в. С. 67–84.



Дрёмов В.А., Багашёв А.Н. История антропологических исследований // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 12–28.

Дубов А.И., Дубова Н.А. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории г. Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 130–150.

Евтеев А.А., Олейников О.М. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // РА. 2015. № 1. С. 176–192.

Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // РА. 2016. № 2. С. 75–87.

Макарова Е.М. Первые поселенцы о.-г. Свияжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2011а. С. 21–32.

Макарова Е.М. Персоналии в истории физической антропологии: Н.М. Малиев и С.М. Чугунов (Казанская школа) // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 6. Минск: Беларуская навука, 2011б. С. 330–340.

Макарова Е.М., Газимзянов И.Р., Михеев Е.П. Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII вв.: по материалам раскопок 2006 г. // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 159–170.

Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 95–129.

Пежемский Д.В. Краниологические материалы из раскопок А.В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2004. С. 106–113.

Пежемский Д.В. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. Вып. 21. 2012. С. 37–48.

Пежемский Д.В. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 121–126.

Рейс Т.М., Рейс Е.С. Палеодемографическая характеристика населения Красноярского острога по материалам Покровского некрополя (XVII–XVIII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. С. 555–560.

Рыкун М.П., Васильева Т.В. Результаты исследования антропологического материала из раскопок Богородицко-Алексеевского мужского монастыря г. Томска (конец XVIII–XIX в.) // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 199–201.

Савенкова Т.М., Рейс Е.С., Стрелкова Н.Н., Медведева Н.Н. Возможности использования палеоантропологических материалов в биоархеологических реконструкциях на примере православного Покровского некрополя г. Красноярска (XVII–XVIII вв.) // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 275–278.

Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 109 с.

Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатологии у русских первопоселенцев татарского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. Т. 18. № 3. С. 92–101.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика средневекового населения г. Дмитрова Московской области // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. 2. 2007. С. 378–394.

Суворова Н.А., Харламова Н.В. Антропологические особенности первопоселенцев Иркутска (по материалам раскопок на территории Иркутского острога) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Суздаль: Институт археологии РАН, 2008. С. 517–519.

Харламова Н.В. Одонтология тверского населения XVI – XVIII веков // Вестник МГУ. Сер. 23: «Антропология». 2010. № 1. С. 91–94.

Харламова Н.В. Тверское население XVI–XX веков по данным краниологии // Вестник антропологии. Вып. 21. 2012. С. 49–58.

Харламова Н.В., Галеев Р.М. Население Иркутска XVIII–XIX вв. по данным краниологии // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 230–243.

Харламова Н.В., Галеев Р.М., Лейбова (Суворова) Н.А. Палеоантропологическое исследование населения г. Иркутска XVII–XIX вв. (краниология и одонтология) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 642–649.

Чугунов С.М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ – Материалы для антропологии Сибири. Вып. 15. Томск, 1905. 197 с.

Яковлев Я.А. Сергей Михайлович Чугунов // Сибирская старина. Краеведческий альманах. № 22. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 66–67.

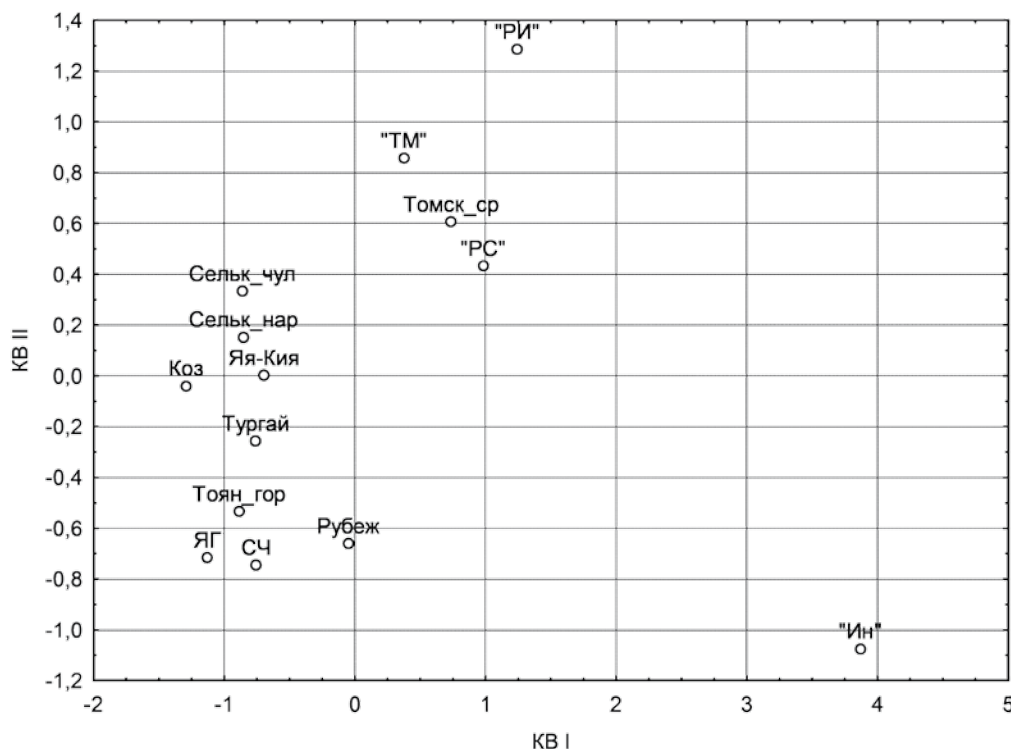


Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий в пространстве значений первого и второго канонических векторов

Условные обозначения: Томск_ср – обобщенная характеристика населения Томска (по В.А. Дрёмову), «РС» – «русско-славянский», «РИ» – «русско-инородческий», «ТМ» – «тюрко-монгольский», «Ин» – «другие инородческие» типы С.М. Чугунова, Тоян_гор – Тоянов городок, Коз – Козюлино, Тат_об – татары обские, ЯГ – Ясашная Гора, Тургай – Тургай и Балагачево, Яя-Кия – устья рр. Яя и Кия, СЧ – Средний Чулым, Сельк_нар – селькупы нарымские, Сельк_чул – селькупы чулымские, Пет – Петербургская, Вят – Вятская, Вол – Вологодская, Яр – Ярославская, Олон – Олонская, Кост – Костромская, Пск – Псковская, Нов – Новгородская, Тв – Тверская, Арх – Архангельская, Моск – Московская губернии

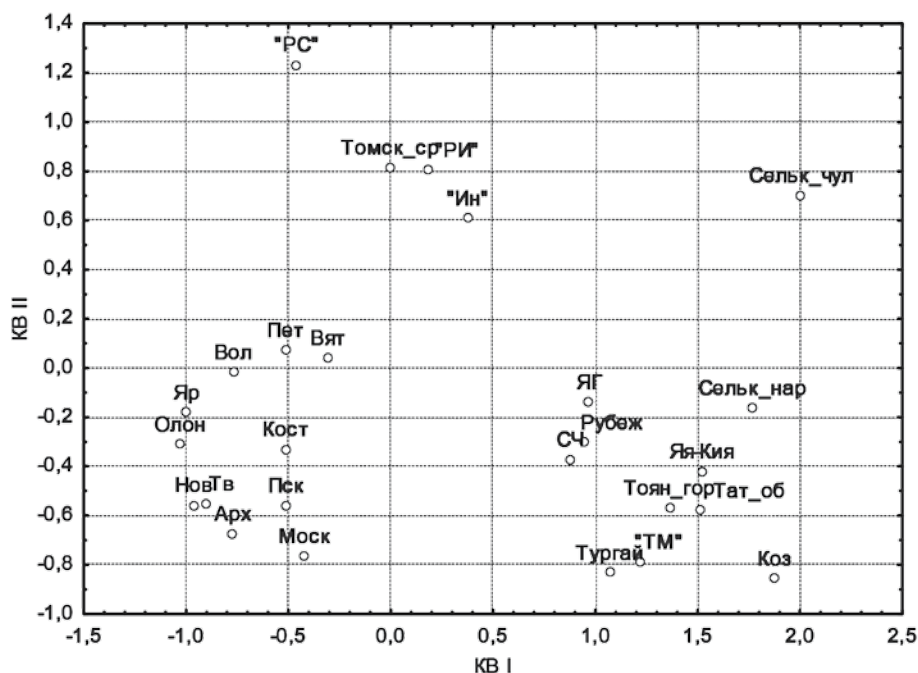


Рис. 2. Расположение женских краниологических серий в пространстве значений первого и второго канонических векторов

Условные обозначения: Томск_ср – обобщенная характеристика населения Томска (по В.А. Дрёмову), «РС» – «русско-славянский», «РИ» – «русско-инородческий», «ТМ» – «тюрко-монгольский», «Ин» – «другие инородческие» типы С.М. Чугунова, Тоян_гор – Тоянов городок, Коз – Козюлино, ЯГ – Ясашная Гора, Тургай – Тургай и Балагачево, Яя-Кия – устья рр. Яя и Кия, СЧ – Средний Чулым, Сельк_нар – селькупы нарымские, Сельк_чул – чулымские



В.И. СЕМЁНОВА

Россия, Тюмень, Тюменский государственный институт культуры

ИЗРАЗЕЦ С «ЛЮТЫМ ЗВЕРЕМ» ИЗ РАСКОПОК ТЮМЕНИ

Автор обращается к реконструкции рельефного «красного» печного изразца XVII в. с «лютым зверем» из воеводского дома или в приказной избы Тюмени. Реконструкция проведена на основании привлечения материалов древнерусского и современного народного искусства, в котором отразилась геральдическая стилистика, пришедшая в XV–XVI вв. вместе с книжной гравюрой из Западной Европы. В древнерусской книжной традиции к загадочной группе «лютых зверей» причисляли льва, единорога, волка, барса, рысь, медведя. Примеры этому можно увидеть в росписях по дереву Русского Севера XVII–XVIII вв. Восстановленное на изразце изображение льва интерпретировано как выражение интереса русской культуры XVII в. к книжности, наукам и освоения и осмысления новых государственных символов.

Ключевые слова: изразец, древнерусская традиция, Сибирь, Русский Север, Западная Европа.

V.I. SEMCHONOVA

Russia, Tyumen, Tyumen State Institute of Culture

STOVE TILE WITH "A FIERCE BEAST" FROM THE EXCAVATIONS OF TYUMEN

The author turns to the reconstruction of the "red" stove tile with "a fierce beast" of the XVII century from the Tyumen voevod's house or prikaz (office) house. The reconstruction was conducted on the basis of the bringing materials of Old Russian and modern folk art, which reflected the heraldic style that came in the XV–XVI centuries together with a book engraving from Western Europe. In the Old Russian book tradition lion, unicorn, wolf, leopard, lynx, bear counted to the mysterious group of «fierce beasts». Examples of this can be seen in the paintings on the wood of the Russian North XVII–XVIII centuries. The image of a lion restored on a tile was interpreted as an expression of the interest of Russian culture of the XVII century to books, sciences and mastering and comprehending new state symbols.

Keywords: a tile stove, Old Russian tradition, Siberia, Russian North, Western Europe.

«... лютый звѣрь скочил в ко мнѣ
на бедра и конь со мной поверже».

Поучение Владимира Мономаха

Изразцы являются редкими находками при раскопках русских городов Сибири. Как и в европейской России, они использовались в архитектурном декоре и в облицовке печей. Особое внимание заслуживают «красные» печные изразцы XVII в., которые на территории сибирских городов были завезены «с Руси» [Чёрная, 2002. С. 65; 2015. С. 79–82; Кауфман, 2005. С. 295].

Из раскопок исторического центра Тюмени в 1988 г. происходит фрагмент терракотового образчатого изразца [Семёнова, 2014. С. 275]. По классификации Р.Л. Розенфельда, это широкорамочный (ширина рамки 1,5–1,6 см) стеновой рельефный изразец с коробчатой румпой (утрачена) [1968. С. 58]. На лицевой стороне частично сохранились изображения животного и растения. От животного остались средняя часть тулова, кромка гривы и заданный сверху хвост, от растения – ветвь с двумя побегами, склоненная влево в виде знака вопроса с кринком на конце. Размеры фрагмента 11,5х11,7х3 см. (рис. 1).

Животное на изразце может быть львом, единорогом, которые вместе с волком, барсом, рысью, медведем, относятся к загадочной группе «лютых зверей». Можно только гадать, кого встретил на охоте Владимир Мономах. Есть сведения, что в Киевской Руси водились львы, гепарды, барсы [Лихачева, 1993. С. 130], но в более позднее время они уже не воспринимались как обычные звери. В.Ф. Миллер, тщательно изучив древнерусские источники, пришел к выводу, что под «лютым зверем» скрывается лев. [1978. С. 1–18].

Львы в русской культуре с удивительным постоянством присутствуют в искусстве и на страницах книг. Они остались на рельефах владими́ро-суздальской архитектуры XII–XIII вв., львиные маски есть на Корсунских и Сигтунских воротах Софийского собора в Новгороде, Златых вратах Рождественского собора в Суздале, на Людогощинском кресте в Новгороде и пр. Б.А. Рыбаков обратил внимание на львиные столбы на русальных браслетах [1988. С. 665, 724, 726] и связывал популярность образа льва (львицы) с плодородием, с могучей силой хищного зверя. В письменной традиции помимо процитированного «Поучения Владимира Мономаха» лев и «лютый зверь» упомянуты в «Слове о полку Игореве», «Молении Даниила Заточника» и так вплоть до XVII в. [Лихачева, 1993. С. 129, 136]. Образ льва в древнерусской литературе, безусловно,





поддерживался библейскими текстами и, в целом, церковной литературой. В них лев выступает как символ божественной власти, царского достоинства, силы, смелости, свирепости и пр. [Околович, 2011. С. 171].

В осмыслении и освоении русской культурой образа льва на протяжении долгого времени прослеживается эволюция. Можно выделить дохристианский и христианский периоды. В последнем необходимо отметить изменения, связанные с влиянием западноевропейской традиции, которая приходит вместе с книжной гравюрой, а также с распространением геральдической стилистики в XV–XVI вв. В народном искусстве все эти линии объединились и были адаптированы в православной традиции. Примеры этому можно увидеть в поволжской резьбе по дереву, сложившейся под влиянием владими́ро-суздальской скульптуры [Васильев, 2011. С. 50]. Образ льва широко распространен в искусстве русского Севера XVII–XVIII вв., особенно в росписях по дереву [Лисенкова, 2012. С. 19]. В Великом Устюге льва изображали на досках голбцев, опечье [Великоустюгский историко-архитектурный ..., 2013. С. 48, 49, 53]. В Прикамье, в Сибирском Зауралье львы в интерьерах крестьянских изб появлялись в начале XX в. [Искусство Прикамья..., 1987. С. 14, 84, 185]. Они – надежные стражи дверей, сундуков.

Прямого аналога тюменскому изразцу нет, но близкие по композиции есть. Среди них терракотовые и муравленные (они выполнялись по тем же матрицам) изразцы Москвы, Сергиева Посада, Новгорода, Устюга Великого. Чем дальше от центра – Москвы, откуда изразцовое искусство распространяется на другие регионы, тем схематичнее львы. Лев на изразце из Вяжищского монастыря конца XVII – начала XVIII в. занимает среднее положение между московскими зверями и предельно стилизованными великоустюгскими [Изразцы в собрании..., 2006. С. 78; Баранова, 2013. С. 38–39; Великий Устюг..., 2013. С. 19, 149]. По пластике исполнения тюменский изразец ближе более округлым зверям на московских муравленных изразцах.

На местах формировались свои центры под влиянием Москвы и приобретали свои местные черты. Не смотря на стилистические региональные особенности в изображении зверя, его поза абсолютно канонична и вполне совпадает с описанием Р.Л. Розенфельда для московских изразцов. В большинстве случаев «лев изображен в прыжке с поднятыми передними лапами и слегка подогнутыми задними, с большой головой с раскрытой пастью, косматой гривой, с поднятым вверх хвостом, на конце которого кисточка» [1968. С. 61].

Для реконструкции тюменского изразца наиболее благодатными оказались сохранившиеся росписи по дереву русского Севера XVII в., а, именно, Северной Двины, Великого Устюга (рис. 2; 3). Изображение льва на крышке сундука с Северной Двины и на коробье из района Великого Устюга абсолютно совпадают по позе с приведенным описанием Р.Л. Розенфельда. Оба зверя окружены плотным растительным орнаментом. [Жегалова, 1975. С. 53–55].

Великий Устюг был основан новгородцами в XI в. как форпост движения на Двинскую землю, в XVI–XVII вв. приобрел торгово-транспортное значение и стал ремесленным центром, сыгравшим важную роль в освоении Сибири. Город был одним из центров империи Строгановых, в руках которых находилась торговля с Сибирью. Строгановы строили храмы в стиле нарышкинского барокко, развивали свои иконописные центры, способствовали распространению и доступности для местных мастеров западноевропейских гравюр, космографий, народных библий, таких как библия Иоганна Пискатора и др. Из Великого Устюга изделия с модными сюжетами распространялись на Северную Двину, Солевычегодск, в Сибирь. Известно, что в XVII в. из Великого Устюга или через него в Тюмень поступали иконы. Интересно, что первая тюменская икона «Богоматерь Знамение» была написана в 1624 г. уроженцем Великого Устюга Спиридоном Иконниковым для тюменской Знаменской церкви. Он стал родоначальником известной торговой династии Иконниковых [Велижанина, 1999. С. 194].

Тюменский изразец был найден в переотложенном слое в районе строительства первого тюменского каменного храма – Благовещенской церкви (1700–1715). Исследователь Тюмени XVII в. П.М. Головачев записал тюменское предание о том, что собор строился на основе дома воеводы. Сам он считал, что это мнение неверным, так как воеводский двор согласно карте конца XVII в. находился налево от Спасских ворот, а собор поставили направо от них [Тюмень в XVII в., 2004. С. 29]. Может быть, данный изразец принадлежал печи в воеводском доме или в приказной избе, которая по тому же городскому плану находилась возле будущего каменного собора.

В сюжете о льве удивляет разность трактовки этого образа в западной католической и восточной православной традициях. В эпоху Возрождения на Западе большой популярностью пользовалась библейская легенда о св. Иерониме. Часто она была сюжетом для художников. Св. Иероним – один из самых образованных святых, автор богословских трудов, переводчик Библии на средневековый латинский язык «вульгата». Однажды, в Вифлееме у монастыря, где жил св. Иероним, появился лев. Братия испугалась и разбежалась. Только св. Иероним увидел, что зверь страдает – у него заноза в лапе. В неаполитанском музее Каподимонте висит картина Николо Антонио Колантонио «Св. Иероним извлекает занозу из лапы льва» (середина XV в.). На картине изображена келья, много книги, у ног святого сидит лев с протянутой лапой. Вид у него скорбный, но смотрит он на зрителя недобрым глазом. Святой укротил зверя, который остался в добровольном услужении, но не потерял своей свирепости, всегда готовый обрушить ярость на врагов христианства. В православной традиции также сохранилась похожая легенда о пустынноике и льве. Конец этой истории от-



личен. Благодарный лев поселяется рядом с пустынником, помогает людям и переходит на растительную пищу! Поэтому естественно смотрится на хвосте листик вместо кисточки [Величко, 2013. С. 14–16].

Тайна зверя на тюменском изразце остается. Предложенная реконструкция (рис. 4), возможно, когда-нибудь подтвердится, если в Тюмени удастся найти или недостающий фрагмент, или похожий изразец. Ведь была же найдена на Искере мишень с кольчуги Ермака, которая хранится в Тобольском музее (а сама кольчуга с оставшимися мишенями – в Оружейной палате). В далеком Стамбуле в наше время при раскопках нашли одну из трех голов Змеиной колонны на ипподроме (основание колонны с остатками трех обвивших ее змей на ипподроме, а голова экспонируется в Археологическом музее).

Изразцы – ценные исторические источники. Изразечное искусство развивалось под влиянием других видов декоративно-прикладного искусства. В нем соединились умения и навыки, отработанные в резьбе и росписи по дереву, литье. Источниками сюжетов для них были деревянные набойки, рисунки на тканях, книжные гравюры. Все это расширяет для археологи поиски аналогий, возможности понимания реального исторического процесса.

Лев, вписавшийся в народную культуру, освоенный ею перестал быть «чужим» в русской культуре XVII в., которая, по сути, является основанием и почвой для современной русской культуры в аспекте миропонимания и ощущения красоты и смыслов. В это время возрастал интерес к окружающему миру, шло «обмирщение» искусства, проявилась тяга к книжной премудрости, наукам, укреплялись социально-экономических коммуникации разных регионов страны с севера на юг и с запада на восток.

Данная статья – это праздничная открытка дорогому Учителю и Наставнику Людмиле Александровне Чиндиной, которую, как и всех нас, позвали в археологию тайны прошлого и неодолимое желание их раскрыть, а также любовь к культуре родной страны и удивительному, феноменальному XVII веку русской культуры.

Литература

Баранова С.В. Московский архитектурный изразец XVII в. в собрании Московского государственного объединения музея-заповедника Коломенское-Измайлово-Лефортово-Люблино. М., 2013. 136 с.

Васильев В.М. Русское народное искусство. Содержание, стиль, развитие. М.: Издательский центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2011. 169 с.

Велижанина Н.Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. Омск: Иртыш-92. С. 194–200.

Величко Н.К. Русская роспись. Техника. Приемы. Изделия. М.: Аст-Пресс Книга, 2013. 224 с.

Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекции народного и декоративно-прикладного искусства. М.: Три квадрата, 2013. 176 с.

Жегалова С.К. Русская народная живопись. М.: Просвещение, 1975. 191 с.

Изразцы в собрании Новгородского музея: каталог выставки. Великий Новгород: Моби Дик, 2006. 136 с.

Искусство Прикамья. Народная роспись по дереву. Пермь: Пермское книжное издательство, 1987. 183 с.

Кауфман Ю. Б. Изразцы в Кузнецке в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2005. С. 294–300.

Лисенкова Ю.Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга в XVII–XVIII вв.: этапы развития и художественные особенности / Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М. 2012. 28 с.

Лихачева О.П. Лев – лютый зверь // Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом). Т. 48. СПб., 1993. С. 129–137.

Миллер В.Ф. О лютом звере народных песен // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. VII. М., 1978. С. 1–18.

Околович М.Г. Символика изображений в искусстве полихромного рельефного изразца Великого Новгорода и его окрестностей второй половины XVII в. // Общество. Среда. Развитие: научно-теоретический журнал. СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2011. № 2 (19). С. 170–175.

Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 1968. 124 с.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. 783 с.

Семёнова В.И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 275–277.

Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.доц. П.М. Головачева: Состав населения и экономический быт в XVII в., с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVII в. Тюмень: Мандр. и К^а, 2004. 200 с.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 18 с.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.





Рис. 1. Изразец из раскопок в Тюмени в 1988 г. (лицевая и обратная стороны)



Рис. 2. Роспись сундука. Северная Двина. XVII в. (зеркальное изображение)



Рис. 3. Роспись коробки. Район Великого Устюга. XVII в.

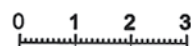
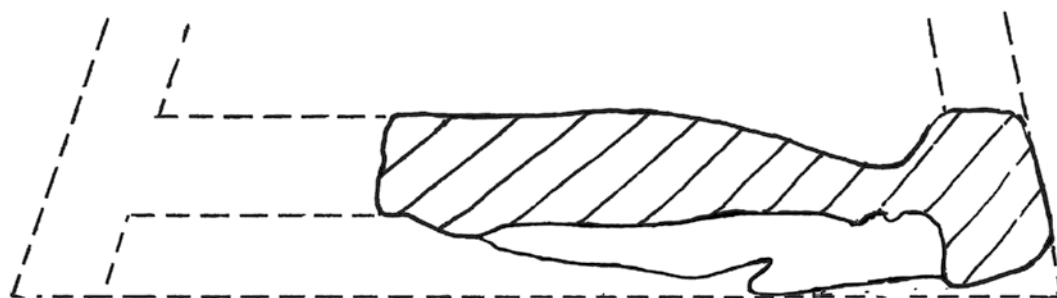
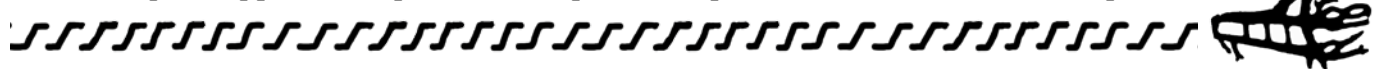


Рис. 4. Реконструкция изразца из раскопок Тюмени





Ф.С. Татауров

Россия, Омск, Центр материальной культуры и дизайна

Омского государственного технического университета

**Социально-культурный облик русского населения севера Западной Сибири
в конце XVI – первой половине XVIII веков
(по материалам археологических исследований)**

Данная статья рассматривает особенности социально-культурного облика русского населения севера Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века, которые фиксируются по результатам археологических исследований. Их можно проследить как в социально-бытовой среде (дом, усадьба), так и в личном имущественном комплексе (костюм, оружие, детские игрушки и т.п.). Особый социально-культурный облик русских жителей Приполярья сформировался под влиянием холодного климата, недостатка необходимых для комфортного существования ресурсов. Необходимо также отметить специфический социальный состав переселенцев, значительную часть которых составляли промысловики, а также моряки и кораблестроители. При этом на всех изученных русских памятниках региона были также обнаружены предметы, выступающие маркирующими элементами для всего русского сибирского общества.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Полярный регион, XVII – первая половина XVIII вв., социально-культурный облик, социально-бытовая среда, личный имущественный комплекс.

F. S. TATAUROV

Russia, Omsk, the Center for Material Culture and Design of Omsk State Technical University

**THE SOCIO-CULTURAL APPEARANCE OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE NORTH
OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE XVI – FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY
(ON THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH MATERIALS)**

This article considers features of the socio-cultural image of the Russian population on the North of Western Siberia in the late XVI – the first half of the XVIII centuries which are fixed by the results of archaeological researches. The features were traced in the social environment (house, manor), and as well as in a personal property complex (clothes, weapons, toys, etc.). A special socio-cultural appearance of the Russian population of the Arctic zone was formed under the influence of a cold climate and deficiency of resources necessary for the comfortable existence. We note the specific social composition of the settlers; a significant part of those was hunters of fur-bearing animals, as well as seamen and shipbuilders. At the same time on all the archaeological sites in the region were found things that perform as the indexing elements for the entire Russian Siberian society.

Keywords: Western Siberia, Arctic zone, XVII – first half of the XVIII century, socio-cultural appearance, social environment, personal property complex.

В конце XVI века, после многочисленных военных экспедиций, начало которым положил поход атамана Ермака, происходит присоединение огромных территорий Западной Сибири к Российскому государству. По мере продвижения русских переселенцев с запада на восток строятся города и остроги. Основу населения в них составляли служилые люди, что объяснялось необходимостью завоевания и удержания новых земель. Именно военные на протяжении XVII века выступили основообразующим элементом сибирского русского общества, они определили социально-культурный облик русского сибиряка – совокупность мировоззренческих установок, транслируемых через материальную культуру.

Однако в городах на севере Западной Сибири (Мангазей, Берёзов, Старотуруханск) процесс формирования местного русского общества имел ряд особенностей. Это было связано с большим количеством факторов. В первую очередь следует отметить, что данный регион к приходу русских изобилует пушным зверем, добыча которого привлекала промысловиков, составивших в первой половине XVII века значительную часть населения первых приполярных городов и острогов [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 15–16]. Во-вторых, коренные народы полярной и приполярной зоны не представляли для переселенцев серьёзной военной опасности, а значит, не было необходимости в содержании здесь крупного воинского контингента. В-третьих, на формирование социально-культурного облика русского жителя севера Западной Сибири повлиял тяжёлый климат, отсутствие или труднодоступность многих видов ресурсов. В-четвёртых, так как снабжение городов Приполярья осуществлялось, как и торговля, в основном морским путём, определённый процент населения составляли представители «морских» профессий (моряки, капитаны, кораблестроители), экзотических для



остальной части Западной Сибири. Все вышеперечисленные особенности подтверждаются результатами археологических исследований.

Социально-культурный облик транслируется через социально-бытовую среду и через индивидуальный имущественный комплекс, характерный для каждого члена определённой социальной группы. Социально-бытовая среда включает в себя жилище и его характеристики (размер, особенности конструкции, детали интерьера, внутреннее убранство); пространство усадьбы; а также поселение, в котором располагается конкретная усадьба. В индивидуальный имущественный комплекс входит: костюм, личные вещи повседневного использования (посуда, предметы личного благочестия, детские игрушки), оружие и т. д.

На формирование социально-бытовой среды русского населения севера Западной Сибири наибольшее влияние оказал географический фактор. Отсутствие в тундровой зоне достаточного количества строевого леса [Этнография..., 1981. С. 138.] привело к тому, что русским поселенцам приходилось строить небольшие жилища, размер которых зачастую не превышал 15 м², что, в частности, фиксируется по результатам археологических исследований Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 48–55]. В этом городе трехкамерные жилища на подклетах стояли только на воеводском дворе и у местных дьяков [Этнография... 1981. С. 117]. По итогам раскопок также известно, что дома знати могли иметь два или три этажа, а значит доминировали над остальными постройками [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 58]. А в центральных и южных районах Западной Сибири, благодаря обилию строевой древесины хорошего качества, русские развили известные им приёмы домостроения, и даже представители низших и средних социальных слоёв могли позволить себе постройку многокомнатных домов площадью до 60 м² с развитой при них усадьбой [Адаптация русских..., 2014. С. 190].

В конструкции жилищ населения городов Приполярья при этом находили место инновационные изменения, характерные для всех русских поселений Западной Сибири в XVII–XVIII вв. По археологическим данным фиксируется использование в жилых домах Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 215] и Берёзова [Пархимович, 2008. С. 260] слюды в качестве материала для оконниц. Слюда хорошего качества по прозрачности приближалась к стеклу и обеспечивала в помещениях необходимую температуру. Письменные источники отмечают, что слюдяные оконницы вставлялись только в окна горницы, что указывает как на высокую стоимость, так и на статусное значение этих элементов жилища [Этнография... 1981. С. 123–124].

Социально-бытовая среда русских поселенцев севера Западной Сибири в сравнении с жителями центральных и южных районов региона, несмотря на сильное влияние сложных природных условий, не выглядит неразвитой. Так же чётко, как в Таре или Тобольске прослеживается статусное разделение жилищ представителей высших (многокамерные дома на подклетах), средних и низших сословий (избы, размер которых, вероятно, зависел от социального положения хозяина).

В индивидуальном имущественном комплексе представителей рассматриваемого социума также можно проследить ряд отличий от аналогичного сегмента социально-культурного облика русских сибиряков центральных и южных районов Западной Сибири. В первую очередь стоит остановиться на костюмном комплексе. Климатические условия предопределили преобладание тёплой одежды, что фиксируется, в частности, по материалам раскопок Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 118–119]. Основными материалами для портняжного ремесла выступали шерсть и сукно. Однако необходимо отметить, что в XVII – первой половине XVIII в. в городах севера Западной Сибири, как и на остальной её территории, шёл процесс формирования «сибирского» костюма. В ходе этого процесса в средние слои русского общества региона проникает одежда из дорогих статусных тканей, ранее им недоступная. По материалам археологических исследований фиксируются фрагменты шелковой ткани в Берёзове [Пархимович, 2008. С. 262], Старотуруханске [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181]. Фрагменты шелковой ткани с золотым шитьём были обнаружены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 229]. При исследовании Старотуруханского острога также были найдены кусочки атласной ткани [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181]. Влияние на традиционный русский костюм оказало и коренное население Сибири [Шелегина, 1997. С. 114].

По археологическим данным мы фиксируем влияние на костюмный комплекс русских севера Западной Сибири западноевропейской моды. Так, при анализе коллекции обуви из Мангазеи были выявлены образцы женских и мужских туфель второй половины XVI в. – начала XVII в., характерные для населения Западной Европы [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 53–54]. Подобные предметы, пошитые из дорогостоящего сырья и разнообразно декорированные, принадлежали представителям высших слоёв общества. Нижние слои населения городов Приполярья носили более простую кожаную обувь. Стоит отметить тот факт, что в отличие от памятников центральной и южной части Западной Сибири, на севере не встречаются лапти, что можно объяснить как составом населения, основу которого составляли промышленники, моряки и служилые люди, так и климатическим фактором.

Отличия в костюмном комплексе можно проследить даже по детским игрушкам. В коллекциях, полученных в ходе археологического изучения Мангазеи, присутствуют профильные изображения двух



сапожков, вырезанные из деревянных пластин и одна берестяная туфелька [Пархимович, 2014. С. 256]. Такая обувь была хотя и престижна, но вполне доступна многим жителям богатого портового города севера Западной Сибири [Визгалов и др., 2011. С. 91], и дети копировали предметы, которые часто видели в повседневной жизни. Однако в южных районах Сибири, в частности, в Среднем Прииртышье, гораздо больше была распространена простая обувь – поршни, чирки и лапти [Богомолов и др., 2013. С. 33], сапоги и туфли являлись частью костюмного комплекса служилых людей и чиновников, соответственно, относились к престижной категории предметов.

Обращаясь к найденным в ходе раскопок северных городов украшениям тела и одежды, как к элементам костюмного комплекса, можно заметить, что они являются характерными для всей Западной Сибири в целом. В культурном слое Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 79], Берёзовского городища [Пархимович, 2008. С. 256–258], Старотуруханска [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181] присутствуют перстни, со вставками и без, серьги, кольца, бусы и бисер, пуговицы, пряжки и нашивки, аналогичные подобным предметам, найденным на других западносибирских русских памятниках XVII – первой половины XVIII в.

Рассмотрим другие элементы личного имущественного комплекса русского населения Приполярья. На территорию Западной Сибири, в том числе и северных её районов, во второй половине XVII в. начинают поступать западноевропейские стеклянные бутылки и другие предметы из стекла. Первоначально они входили в обиход исключительно высших слоёв общества. На территории Мангазеи было обнаружено большое количество фрагментов посуды голубого, белого, коричневого полупрозрачного стекла, украшенного голубыми и красными волнистыми полосами [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 251], в культурном слое Берёзовского городища также были найдены фрагменты нескольких штофов из прозрачного зеленоватого стекла и бутылок [Пархимович, 2008. С. 260].

В XVII веке на север Западной Сибири проникает китайская фарфоровая посуда, её находки фиксируются в культурном слое Берёзова [Пархимович, 2008. С. 253], и датируются периодом правления китайского императора Канси из династии Цин (1662–1722) [Татаурова и др., 2014. С. 293–294]. С этим же периодом связано и появление в регионе западноевропейской керамики [Визгалов, Пархимович, 2013. С. 21].

Стоит отметить тот факт, что ни на одном из русских памятников севера Западной Сибири не обнаружены курительные трубки, которые в XVII–XVIII вв. имели широкое распространение от Тобольска [Аношко, 2014. С. 140] до сельских памятников Среднего Прииртышья [Татауров, 2014. С. 296] и Саянского острога [Шаповалов, 2000. С. 119].

Большой интерес представляют отдельные уникальные предметы, отражающие своеобразие социально-культурного облика русского населения Приполярья в XVII – первой половине XVIII в. Например, обнаруженные в Мангазее вырезанные на обломках досок изображения корабликов, где подробно обозначены детали корпуса судна. Представлены суда разных типов, в том числе иноземные [Пархимович, 2014. С. 257–258]. Данные предметы, по мнению С.Г. Пархимовича, следует отнести к обучающим игрушкам, предназначенным для детей старшего возраста. Для крупного портового города, каковым являлась Мангазее, особое значение имело ежегодное прибытие караванов судов из Европейской части России, и представители морских профессий (лоцманы, судоводители, капитаны, моряки, кораблестроители) имели высокий статус в изучаемом обществе, что находило своё отражение и в играх детей. Это предположение подтверждается многочисленными находками на этом же памятнике большого количества миниатюрных игрушечных копий лодочек и корабликов. Отдельно стоит отметить, что одна из них, вероятно, имитирует судно более высокого ранга – дощаник, карбас или коч [Там же. С. 255].

При всём своеобразии социально-культурного облика населения севера Западной Сибири, нельзя не отметить, что на его формирование оказал большое влияние образ воина. В XVII в. именно служилые люди выступали во главе процесса первоначального освоения Сибири. Предметы, относящиеся к воинской амуниции, были обнаружены на всех русских памятниках изучаемого региона. В частности, в коллекции из Мангазеи присутствуют ружейные винты, аркебузные крюки и несколько пуль [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 206]. Пули были обнаружены и в Берёзове [Пархимович, 2008. С. 258].

На роль служилых людей в рассматриваемом обществе указывает и большое количество копий предметов вооружения в виде детских игрушек. При этом их стоит отличать от миниатюрных вотивных изделий, использовавшихся в качестве прикладов и оберегов [Пархимович, 2014. С. 254–255]. Так, детские деревянные палаши и сабельки были зафиксированы в культурном слое Мангазеи [Там же. С. 256], особый интерес представляют найденные там же фрагменты деревянных мечей с дисковидным навершием, оригиналы которых вышли из употребления в XIII веке. Кроме этого на памятнике было обнаружено большое количество игрушечных луков со стрелами, деревянных топоров и ножей [Там же].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: социально-культурный облик русского населения севера Западной Сибири обладал выраженным своеобразием и отличался от того, который сформировался в центральных и южных районах региона. На это повлияли: холодный климат, особенности тундровой зоны



(недостаточное количество ресурсов для комфортного проживания), своеобразие профессионального состава населения городов (прежде всего, Мангазеи и Старотуруханска), высокий уровень достатка представителей различных социальных слоёв в сравнении с жителями других районов Западной Сибири (что объясняется их вовлечённостью в добычу пушнины и близостью к морским торговым путям). В социально-бытовой среде, в условиях недостатка строевого леса, более ярко проявилось статусное разделение жилищ представителей высших и низших социальных слоёв. Первые могли позволить себе строительство многоквартирных домов на подклетах, а вторые довольствовались избами площадью 8–15 м². Однако в конструкции жилищ и те и другие использовали ряд новшеств, характерных для всей Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII в. (например, слюдяные окна). В личном имущественном комплексе наибольшим своеобразием обладал костюм, где сказалось влияние климата и относительно высокий достаток всех представителей изучаемого социума. В одежде, украшениях, посудном комплексе нашли отражение модные тенденции, в целом характерные для русского общества XVII – первой половины XVIII в. По археологическим материалам также можно утверждать, что в мировоззрении изучаемого общества ведущую роль занимал служилый человек, первопроходец, что объясняется характером освоения Сибири и Приполярного региона в частности. Рассмотрение региональной специфики в рамках социума, сформировавшегося в западносибирском регионе в XVII – первой половине XVIII в. позволяет чётче выявить на основании археологического материала маркирующие элементы, характеризующие социально-культурный облик русского сибиряка в целом.

Литература

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в. (по материалам археологических исследований / *Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Татауров Ф.С.* Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам первого и второго гостиных раскопок) // *Культура русских в археологических исследованиях.* Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С 138–142.

Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII вв. // *Вестник Челябинск. гос. ун-та. Серия: «История».* 2013. Вып. 55. № 12 (303). С 28–36.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Магеллан, 2011. 216 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008а. 296 с.

Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // *Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии.* Омск: ОФ РГТЭУ, 2011. С. 180–189.

Пархимович С. Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях.* Т. I. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. С 293–298.

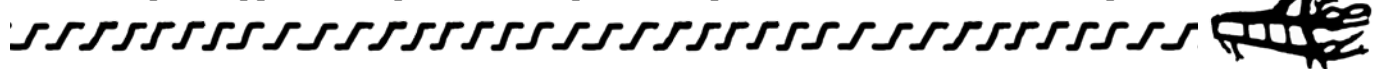
Пархимович, С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // *Культура русских в археологических.* Омск: Апельсин, 2008. С. 215–227.

Татауров Ф.С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях.* Т. I. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 293–298.

Шаповалов А.В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // *Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур.* Новосибирск: НГПУ, 2000. С. 107–121.

Шелегина О.Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского крестьянства Западной Сибири в XIX столетии // *Народы Сибири: история и культура.* Новосибирск, 1997. С. 113–120.

Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. / отв. ред. В.А Александров. М.: Наука, 1981. 270 с.



УДК 903.2:902(571.13)

Л.В. ТАТАУРОВА

Россия, Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**«В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО»: ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ В РУССКИХ ЖИЛИЩАХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ XVII–XVIII ВВ. ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)**

В интерьере жилища невозможно обойтись без приборов для освещения. В XVII–XVIII вв. русские сибиряки использовали в этом качестве три разновидности приспособлений: светильники, свечи и светцы. В археологических коллекциях сельских поселений Омского Прииртышья этого периода наиболее представлены светцы – металлические держатели для лучин. В работе приведена их типология, выполненная на основании критериев, предложенных Б.А. Колчиным для древнерусских изделий. Приведены аналогии. К изделиям связанным с организацией освещения относятся железные кресала и кресальные кремни. Рассмотрены типы кресал и разновидности кресальных камней. Из других приспособлений для освещения на памятнике Изюк найден светильник. Дана интерпретация использования осветительных приборов.

Ключевые слова: приборы для освещения, светцы, кресала, типология, использование.

L.V. TATAUROVA

Russia, Omsk, Omsk Branch of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS

**"IN MY ROOM IS LIGHT": LIGHTING IN RUSSIAN DWELLINGS
(ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE XVII–XVIII CENTURIES IN THE OMSK IRTYSH AREA)**

It is impossible to have no lighting in the interior of a dwelling. In the XVII–XVIII centuries Russian Siberians used in this capacity three types of such things: light fixtures, candles and splinter-light holders. In archaeological collections of rural settlements of the Omsk Irtysh area of this period, the most common are metal holders for splinter-lights. Their typology is given in the article based on the criteria proposed by B.A. Kolchin for ancient Russian products. The analogies are given. The products associated with the lighting arrangement include iron fire strikers and flints. Types of fire strikers and varieties of fire stones are considered. Another lighting fixture is the lamp found on the Iziuk site. The interpretation of lighting devices usage is given.

Keywords: devices for illumination, light, fire strikers, typology, usage.

Дорогая Людмила Александровна!
Пусть в вашей горнице будет всегда
Светло от добра, любви и улыбок!
Л.Т.

Русское жилище XVII–XVIII вв. изученное на основании материалов археологических раскопок сельских поселений Омского Прииртышья (памятники Изюк-I и Ананьино-I – Большереченский и Тарский районы Омской области) было многокамерным и достаточно просторным [Адаптация русских..., 2014. С. 190–191]. Зажиточное население деревень, представленное стрельцами и казаками, несшими военную службу и отставными, могло позволить себе слюдяные окна, от которых сохранились фигурные пластинки слюды, фрагменты рамы и наличника [Татауров и др. В печати]. Такие окна хорошо пропускали свет, и, судя по планиграфии усадеб, их располагали с западной стороны в жилищах на поселении Изюк и с северо-запада в домах деревни Ананьино. Это способствовало продолжительному периоду освещения внутренних помещений солнечным светом, начиная с полудня и практически до заката. Однако вечерами и в зимний период с коротким световым днем, для освещения требовались специальные приборы. По материалам древнерусской археологии выделяют три разновидности приспособлений, обеспечивающих освещение жилищ: свечи, лучины, для укрепления которых использовали металлические подставки – светцы и масляные светильники [Колчин, 1959. С. 97–98].

Русские сибиряки переняли эту практику. Свечное освещение горниц, вероятно, было в большей степени, городской чертой, потому что города были центрами религиозной жизни, основу которой составляли церкви и монастыри, где производили разные виды свечей. Об этом свидетельствуют деревянные и металлические подсвечники, найденные в Мангазее [Белов и др., 1981. С. 19, 100. Табл. 7]. Металлические подсвечники обнаружены в г. Таре, Тобольске, Томске.

Самым распространенным приспособлением, дающим свет, были лучины. По данным этнографии в XVII–XVIII вв. в Сибири использовали смоляные лучины, которые жгли в специальной нише (камельке), устроенной в углу печи, или устанавливали в светце [Этнография русского крестьянства..., 1981. С. 115, 116]. И этот вид освещения был известен в сибирских деревнях практически до середины XX в. Археологические материалы дополняют эти сведения. Светцы широко представлены в культурных слоях сибирских городов [Белов и др., 1981. С. 19, 100. Табл. 7; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 93, 270; Корчагин, 1998. С. 73; Чёрная, 2015. С. 133; Балюнов, 2014; и др.].





Типологию древнерусских светцов по материалам Новгорода предложил Б.А. Колчин, выделив три формы: две однолучинные: обыкновенная и коленчатая, и одна трехлучинная [1959. С. 97, 98]. Эти приспособления в XI–XV вв. бытовали в Пскове, Старой Руссе, Белоозерье [Розенфельдт, 1997. С. 12].

По материалам раскопок 2001–2004 гг. в г. Мангазеи выделено два типа: 1 тип – светец с двумя боковыми стержнями; 2 тип – светец с тремя «пружинами». Среди находок, полученных при раскопках памятника в 1968–1970, 1973 гг. зафиксировано шесть экземпляров, близких к 1 и 2 типам и один – 3 типа по Б.А. Колчину [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 93, 270. Рис. 154].

Взяв за основу приведенные типологии, рассмотрим эти изделия в составе собрания артефактов из раскопок русских комплексов Омского Прииртышья. Всего на памятниках найдено восемь предметов этой разновидности приспособлений, предназначенных для освещения жилых помещений (рис. 1). Два из них (рис. 1/ 1, 3) получены из Изюка, остальные относятся к культурному слою Ананьино (рис. 1/ 2, 4–8).

Основываясь на имеющихся критериях в Омской коллекции можно выделить все три типа светцов: 1 тип имеет простую форму и предназначен для одной лучины (рис. 1/ 6–8). В рамках типа изделия представлены в трех вариантах: первый – с двумя пружинами, у которых прямые концы (рис. 1/ 6) подобные обнаружены в культурных слоях XVII в. г. Тобольска [Балюнов, 2014. С. 66, рис. 61], Тары [Зиняков, 2011. С. 308, 311], Умревинского острога XVIII в. [Бородовский, Горохов, 2009. С. 92, 195, рис. 64/ 1]; второй вариант – с двумя пружинами, концы которых свернуты в кольца и отогнуты наружу (рис. 1/ 8), ему аналогичны светцы из новгородских раскопок, относящиеся к древнерусским [Колчин, 1959. С. 100; Розенфельдт, 1997. С. 12, 249, табл. 3] и светцы из археологических коллекций XVII в. г. Томска и Тобольска [Чёрная, 2015. С. 135, рис. 148/ 1; Балюнов, 2014. С. 66, рис. 61]; третий вариант – соотносится с типом 1 из Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 93, 270, рис. 154/ 2] – светец с двумя боковыми стержнями, которые разогнуты, образуя лирообразную форму, со свернутыми в кольцо и отогнутыми концами (рис. 1/ 7). Правда у предмета из Ананьино нет спиралевидного бурава для крепления – конец для установки в опору представляет собой прямоугольный, сходящий на конус стержень. Подобные по форме светцы известны на селище Минино [Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 42] и в материалах Тобольска [Балюнов, 2014. С. 66, рис. 61]. Древнерусские предметы этого типа датируются X–XV вв., мангазейский и тобольские – XVII в.

2 тип простой формы, представлен одним экземпляром с памятника Ананьино-I (рис. 1/ 5). Трехгранный в сечении, имеет три пружины, расположенные в разных плоскостях. Такая конструкция позволяла использовать сразу две, а то и три лучины, которые могли давать больше света одновременно. Аналогичные светцы известны в материалах раскопок Мангазеи [2 тип – Визгалов, Пархимович, 2008. С. 93, 270, рис. 154/ 1], Тобольска [Балюнов, 2014. С. 66, рис. 61], зимовья Деви́ткан на р. Ханде – притоке впадающей в р. Лену р. Киренги близ оз. Байкал [Артемьев, 1999. С. 134, 299, рис. 81/ 3]. В отличие от ананьинского светца, у мангазейского, тобольского и деви́ткановского концы пружин свернуты в кольца и отогнуты наружу. Образцы из Мангазеи и Тобольска бытовали в XVII в., из зимовья Деви́ткан – XVIII в.

3 тип простой формы, к нему отнесены четыре предмета из памятников Изюк (рис. 1/ 1, 3) и Ананьино (рис. 1/ 2, 4). В рамках типа можно выделить два варианта: длинные (рис. 1/ 1, 2) и короткие (рис. 1/ 3, 4). У всех по четыре прямых пружины, расположенных в разных плоскостях, в которые можно было вставлять от двух до четырех лучин, коническое четырехгранное основание для крепления. Образец из Ананьино (рис. 1/ 4) имеет две длинные и две короткие пружины. Аналогичные светцы с четырьмя пружинами имеются в коллекциях из г. Томска XVII–XVIII вв. [Чёрная, 2015. С. 135, рис. 148/ 2] и г. Нерчинска, датируется XVIII в. [Артемьев, 1999. С. 62, 287, рис. 69/ 6].

Из приведенных аналогий и времени существования сельских поселений Ананьино и Изюк можно построить хронологию бытования светцов и проследить динамику развития их формы. Впервые в исторических источниках д. Ананьино упоминается в Дозорной книге Тарского у. 1623/24 г., к концу XIX в. население разбегалось по окрестным деревням [Татаурова, Крих, 2015. С. 479–490]. В 2005, 2010–2016 гг. автором на поселение раскопаны два жилищных комплекса: юго-западный и северо-восточный [Быков и др., 2016. С. 185–192]. Наиболее ранним был юго-западный комплекс, который по данным дендрохронологии относится ко второй четверти XVII в. [Календарная датировка..., в печати]. Однако по находкам монет датируется серединой, второй половиной XVIII в. Избы-связи в юго-западной части расположены близко друг к другу и, вероятно, относятся к единому комплексу, в котором проживали представители одного семейства. По письменным источникам на начало/середину XVIII в. наибольшее число жителей деревни представляли три семейных клана: Мосеевы, Неупокоевы, Скуратовы. Представители этих фамилий были в числе основателей деревни. Самыми крупными по численности были семьи Неупокоевых и Скуратовых. Так на 1782 год три семьи Скуратовых составляли 44 человека обоего пола [Крих, 2014. С. 86–90]. Возможно, что именно этот семейный клан проживал в XVII–XVIII вв. на юго-западной окраине деревни. К юго-западному комплексу относятся первый тип светцов. Это самая простая форма держателей лучин появилась в городах и сёлах Древней Руси в X в. и, вместе с первопроходцами распространилась в Сибири. Скорее всего, первый и третий вариант первого типа относятся к XVII в. и принесены в дома основателями деревни.

Есть в коллекции Ананьино светцы второго и третьего типов. По аналогии с мангазейским экземпляром второй тип светцов бытовал в Сибири с XVII в., но, как и четырехпружинный, третий тип, продолжал исполь-





зоваться в XVIII столетии, и, вероятно, в последующие века. Технология изготовления этих приспособлений для освещения проста, их могли отковать в любой деревенской кузнице обычными методами пластической обработки металла в горячем состоянии из неравномерно науглероженной стали и «пакетной» заготовки [Зиняков, 2017].

Деревня Изюк основана в 1660–1670-х гг. служилыми людьми г. Тары [Крих, 2012. С. 137]. На памятнике Изюк I автором в 1999–2004 гг. изучены девять объектов, из них – пять жилых, расположенных улицей [Культура населения XVI–XIX веков, 2005. С. 178–186]. В археологической коллекции памятника есть два светца, относящихся к третьему типу (рис. 1/ 1, 3), которые можно датировать XVIII в. Изготовлены они малоуглеродистой сырцово-стали низкого качества [Зиняков, 2005. С. 283].

Третья разновидность осветительных приборов, глиняный светильник, обнаружен в культурном слое Изюка [Татаурова и др., 2014. С. 275, рис. 74/ 3]. Это невысокий, плоский сверху и снизу каплевидный сосудик с носиком и закрытым устьем. У носика – отверстие, в которое заливали масло или жир и вставляли фитиль. Светильник изготовлен деревенскими умельцами и обожжен в русской печи.

С функционированием всех видов осветителей связаны приспособления для получения огня – это кресала и кресальные камни. Металлические огнива имеют широкое распространение и датировку, и, соответственно, историографию [Митько, 2011. С. 336–341]. В коллекциях из Омского Прииртышья зафиксировано 13 кресал: семь из Ананьино и шесть из Изюка (рис. 2). Большинство относится к типу калачевидных [Там же. С. 338], и представлены двумя вариантами: 1 – с треугольным язычком, три штуки – два из Ананьино, одно из Изюка (рис. 2/ 9, 11, 12); 2 вариант, без язычка, восемь экземпляров (рис. 2/ 1–8). У целых предметов концы дуг завитые и присутствует междужечный зазор. Кресала с треугольным язычком считаются ранними и относятся к X–XII вв. [Колчин, 1959. С. 101–103], хотя встречаются в памятниках XVI в. [Митько, 2011. С. 338].

Необычными по форме можно назвать две находки. Одна из Ананьино (рис. 2/ 10) – это изделие длиной 5 см, шириной 2,5 см, с дужками, расположенными друг над другом и образующими зазор в 1 см. Вторая вещь из Изюка (рис. 2/ 13) – овальной формы, размером 9х6 см, концы дуг завитые и сомкнуты. По данным металлографического анализа кресала изготавливали из стали с повышенным содержанием углерода и закаляли в холодной воде [Зиняков, 2005. С. 283; 2011. С. 310; 2017].

В комплекте с огнивами всегда были трут и кремни. Кресальные кремни – распространенный вид артефактов на памятниках Нового времени Сибири [Балюнов, 2014; Белов и др., 1981; Визгалов, Пархимович, 2008, Чёрная, 2015; и др.]. В археологических собраниях памятников Изюк и Ананьино их несколько десятков (рис. 2/ 14–17). Более подробная характеристика дана в специальных работах [Толпеко, 2008. С. 342–350; Татаурова, Толпеко, 2010. С. 190–198].

Интересным аспектом выбранной темы является оценка результатов применения описанных осветительных приборов. На изученных памятниках размеры жилищ по площади не уступают современным и составляют от 60 до 80 м² [Адаптация русских..., 2014. С. 190–191]. Жилые помещения имели размеры от 12 до 35 м², следовательно для их освещения требовалось от одной-двух, до трех-четырех лучин в зависимости от необходимости, времени суток и вида выполняемых работ. Одна лучина дает света яркостью, примерно в 50 свечей [Источники света..., 1911], одна свеча обладает силой света в 1 ватт [Конвертер величины силы света...]. Простые расчеты показывают, что свет от одной лучины примерно равен свету одной электрической лампочки мощностью в 50 ватт. Использование четырех лучинного светца освещало помещение как лампочка в 150–200 ватт. Конечно, эти подсчеты приблизительны, а тема требует проведения тщательной разработки и более корректных вычислений. Но даже предварительные подсчеты показывают, что в горницах русских сибиряков в XVII–XVIII вв. было светло.

Литература

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований): монография / Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [Б.и.], 1999. 336. с.

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с.

Балюнов И.В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI – XVII веков по данным археологических исследований / Дисс. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2014. Т. 2. С. 66. Рис. 61.

Белов М.И., Овсяников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. Москва: Наука, 1981. 147 с.

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестник Омск. гос. аграр. ун-та, 2016. № 3 (23). С. 185–192.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Зиняков Н.М. Чернометаллические изделия поселения Изюк-I: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Ом ун-та, 2005. С. 275–289.





Зиняков Н.М. Особенности становления русского металлообрабатывающего производства в XVII–XVIII веках в Западной Сибири (на примере материалов Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 305–311.

Зиняков Н.М. Чернометаллические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, Красноярск: ИД «Наука», 2017. В печати.

Источники света. Иллюстрированная история успехов техники и картина ее современного состояния / сост. В.В. Рюмина. СПб., 1911. Режим доступа: <http://oillamp.ru/info/literature/207/Istochniki-sveta-Glavy-iz-knigi-CHudes-a-tekhniki-1911/#>

Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) / *Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Мыглан В.С.* // Российская археология. В печати.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. С. 7–119.

Конвертер величины силы света. Режим доступа: <http://www.translatorscafe.com/unit-converter/RU/luminous-intensity/4-10/decimal%20candle-lumen/steradian/#02>

Корчагин П.А. Комплексные историко-архитектурные исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 67–80.

Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: ИД «Наука», 2012. 295 с.

Крих А.А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестник Омск. гос. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2014. № 4 (4) С. 86–90.

Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / *Томилов Н.А., Тихонов С.С., Татаурова Л.В. и др.* Омск: ИД «Наука», 2005. 268 с.

Митько О.А. Кресала из археологических памятников русского населения Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 336–341.

Розенфельдт Р.Л. Осветительные приборы // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. М.: Наука, 1997. С. 10–12.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках города Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII веках: археологические реконструкции // Уральский исторический вестник. В печати

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. Т. 37. 2015. № 3. С. 479–490.

Татаурова Л.В., Толпеко И.В. Использование изделий из камня в хозяйственной и бытовой деятельности русских (по материалам комплексов Омского Прииртышья) // Вестник Омского государственного университета, 2010. № 4 (58). С. 190–198.

Толпеко И.В. Изделия из камня в археологических коллекциях русских памятников Тарского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 342–350.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.



Рис. 1. Детали интерьера жилища. Осветительные приборы. Светцы
1–4 – четырех-рожковые; 5 – трех-рожковые; 6–8 – двух-рожковые. 1, 3 – Изюк-I; 2, 4–8 – Ананьино-I. Железо

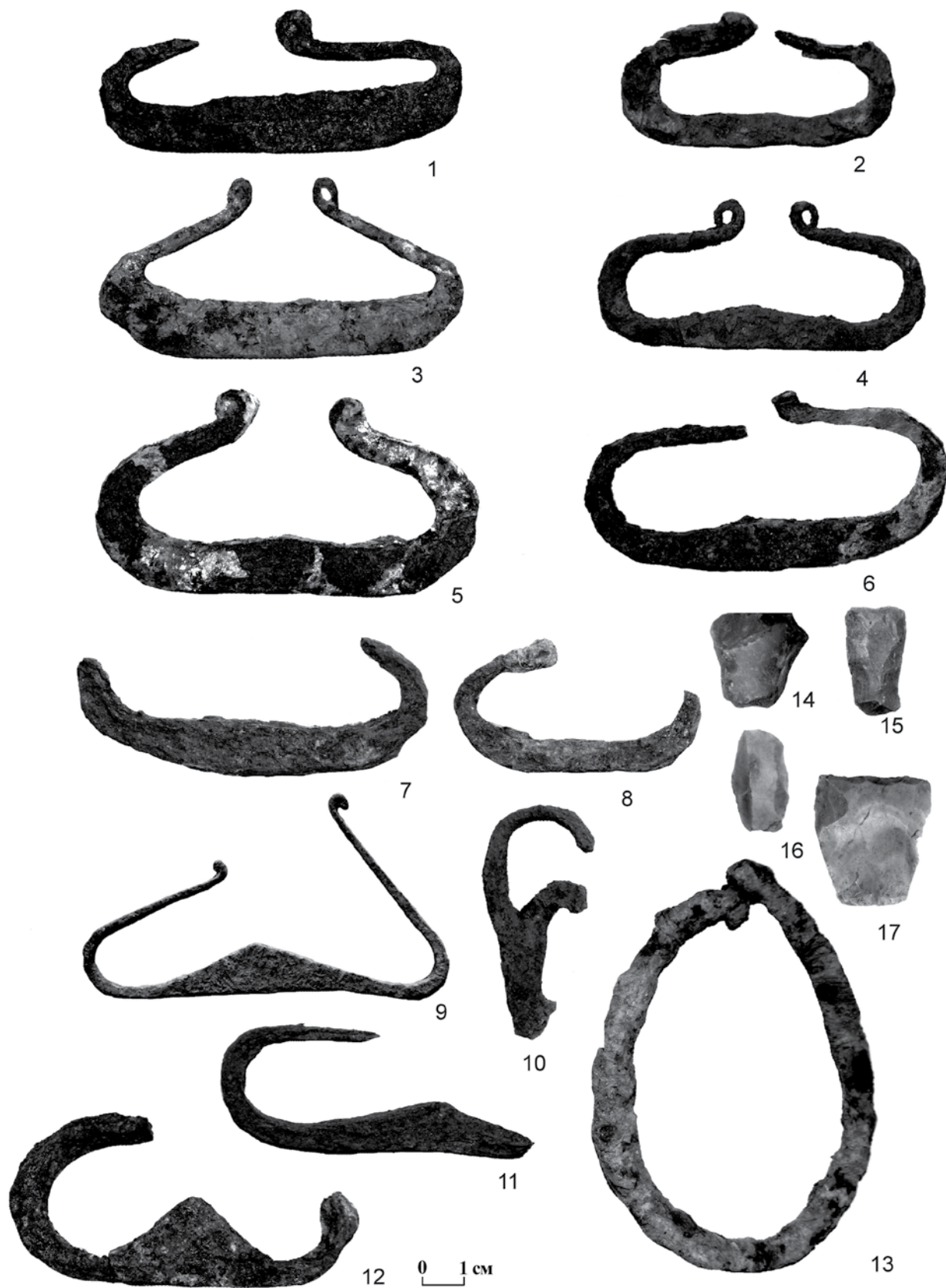


Рис. 2. Приспособления для получения огня. Кресала и кремни

1–8 – калачевидные без язычка; 9, 11, 12 – калачевидные с язычком; 10, 13 – оригинальные формы; 14–17 – разновидности кресальных кремней. 1, 3, 5, 11, 13 – Изюк-І; 2, 4, 7–10, 12, 14–17 – Ананьино-І. 1–13 – железо, 14–17 – камень



И.Е. МАКСИМОВА

Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

**КАК ТУНГУСЫ УЧИЛИ ТОВА. СТАЛИНА ТРУБКУ КУРИТЬ И К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО: К ВОПРОСУ О
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ЭВЕНКОВ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В 1930-х гг.**

Работа выполнена по гранту РГНФ № 17-11-70003

«Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы»

В XVIII–XX вв. эвенки, населявшие левобережье Енисея, административно относились к Енисейской губернии. В Нарымском крае они не воспринимались властями как постоянное туземное население. В начале 1930-х гг. в районе р. Кеть активно работал пропагандист В.А. Величко. Под его руководством группа эвенков написала в 1934 г. письмо И.В. Сталину и отправила ему в подарок трубку из ценного дерева. В.А. Величко описал эти события в газетных статьях и рассказе «Лось с серебряной цепью». После личной резолюции И.В. Сталина началась работа по выделению отдельной территории для данной группы эвенков. Было создано производственное объединение, которым управляли по преимуществу сами эвенки.

Ключевые слова: эвенки, Западная Сибирь, коллективизация, Сталин, В.А. Величко.

I. E. MAKSIMOVA

Russia, Tomsk, National Research Tomsk State University

**AS TUNGUSES TAUGHT STALIN TO SMOKE A PIPE AND WHAT IT LED TO: TO THE QUESTION ABOUT THE
RELATIONSHIP BETWEEN WEST SIBERIAN EVENKS AND THE CENTRAL GOVERNMENT IN THE 1930s**

In the XVIII–XX centuries Evenks of the left Bank of the Yenisei river administratively belonged to the Yenisei province. In the Narym region they are not perceived by the authorities as a permanent native population. In the early 1930's the propagandist V.A. Velichko worked in the Ket' River area. Under his leadership in 1934 a group of Evenks wrote a letter to I.V. Stalin and sent him a fine wood pipe as a gift. V.A. Velichko described these events in newspaper articles and in the short story «The Moose with a silver chain». After a Stalin's personal resolution, work began on the allocation of separate areas for this group of Evenks. There was created a production association, which was ruled mostly by the Evenks themselves.

Keywords: Evenks, Western Siberia, collectivization, I.V. Stalin, V.A. Velichko

Эвенки активно осваивали левобережье Енисея, по меньшей мере, с конца XVII – начала XVIII в. Об этом свидетельствуют как записанные среди них родословные [архив МАЭ, ф. 1, оп. 1, № 17], так и данные ревизских сказок и исповедных росписей [ГАКК, ф. 819, оп. 1, д. 7; ф. 909, оп. 1, д. 9]. В XIX в. территория их кочевания охватывала уже весь Нарымский край, включая левобережье Оби. В 1875 г. священник Никольской церкви села Кетного запрашивал разрешение крестить «кочующий народ тунгусы шаманской веры», которые живут между «инородцев остяцкого племени» [ГАТО, ф. 170, оп. 2, д. 1377]. К.М. Рычков в 1908 году записал среди сымских эвенков рассказы о поездках в Нарым, Васюганье, на р. Чулым, Кеть, в село Молчаново (за медицинской помощью) и даже на базар в г.Томск [Архив ИВР, ф. 49, оп. 1, № 66, с.65, 168, 181, 200, 238, 248]. Приполярная перепись 1926–1927 гг. констатирует: «Часть семейств уходит «временно» т.е. на 2–3 года на Тым, приток Оби, по которому доходят до Оби... Есть хоз-ва, которые ходили в Томский округ на р. Чулым... Прежде некоторые хозяйства ходили и на Нарым, и из них есть такие, которые там остались» [ГАКК, Ф. 769, оп. 1, д. 368, т. 21, с. 2].

В то же время до революции тунгусы Западной Сибири административно были «приписаны» к Енисейской губернии, вне зависимости от реальных мест их проживания. В 1937 г. все эвенки сымско-касского кочевого совета значились, как принадлежавшие до 1917 г. к Анциферовской волости, несмотря на то, что местом их рождения могла значиться р. Кеть [ГАКК, ф. 2275, оп. 1, д. 306].

В «Докладной записке о полит-экономическом состоянии народов Севера» прямо указано, что «в до-революционное время все тунгусы, живущие в Каргасокском районе, своей управы в районе не имели, а потому платили ясак по месту приписки, т.е. в Енисейскую губернию, куда каждую зиму специально выбранный человек, после того, как он обойдет всех тунгусов, живущих в его районе, отправлялся на лыжах через тайгу и необозримые болотья верховьев рек Тыма и Енисея за тысячу с лишним километров, неся ясак в свою волость, где приписано его племя» [ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 6а, с. 2–3].

По-видимому, именно по причине «невидимости» тунгусов для органов власти перепись 1897 г. обнаружила в пределах Томской губернии всего двух человек тунгусов [Патканов, 1906, с. 195].





Нарымский край не был затронут Приполярной переписью 1925–1926 гг., однако в те же годы на его территории проводились землеустроительные работы, которые включали в себя изучение населения. Впервые были выделены основные центры кочеваний эвенков в пределах региона: болотные междуречья Сыма и Кети, среднее течение р. Орловой, верховья Тыма, бассейны рек Васюган и Чижапка [Орлова, 1928. С. 49–50]. В результате к 1930-м гг. органы советской власти стали, наконец, воспринимать эвенков, как часть местного «туземного населения», однако не задумывались о специфике кочевого образа жизни, коренным образом отличавшего «тунгусов» от «остяков».

В 1932 г. в с. Максимкин Яр состоялся «Съезд туземцев» с уполномоченными делегатами «от всех юрт и чумов». В президиум были избраны и трое эвенков: А.И. Лихачев, И.И. Ивигин, Т.П. Ивигин, которые активно поднимали проблемы, насущные именно для своих сородичей. Они отмечали, что «сельсовет о тунгусах мало заботится, на собрания нас не зовут», не проводится ликвидация неграмотности, медицинская помощь недоступна, в интернате дети-эвенки плохо уживаются с селькупскими детьми, и т.п. По итогам обсуждения было принято решение об усилении политпросвет работы среди тунгусов [ГАТО, ф. Р633, оп. 1, д. 110, л. 34–55]

Создаются кочевые политшколы, призванные вовлечь кочевников-эвенков в соцстроительство [Приль, 2006]. В отличие от «Красных чумов», направленных на культурное развитие, здесь на первое место ставилась цель политпросвещения.

В феврале-марте 1934 г. у эвенков р. Кети работали пропагандисты В.А. Величко и А.П. Жданова. Если последний организовывал свою деятельность «без огонька» – разучил с кочевниками «Интернационал», показал портреты Сталина и Ленина, научил делать физзарядку, то В.А. Величко проявил незаурядный энтузиазм.

Василий Арсеньевич Величко (1908–1987) – убежденный коммунист, первый человек, написавший Сталину о случаях людоедства среди спецпереселенцев Назинского острова, автор письма в Сибкрайком о причинах смертности селькупов Тымской производственно-охотничьей станции, корреспондент новосибирской газеты «Советская Сибирь», участник Великой Отечественной войны, член союза писателей [Земля Александровская... С. 450–453]. Он искренне верил во все, что делал, в то же время с творческой легкостью выносил оценочные суждения – «отщепенец», «эксплуататор», «кулак» и т.п. «Письма во власть» были для него, по-видимому, возможностью проявить свою активную жизненную позицию, но в то же время средством почувствовать свою значимость.

По его собственному признанию, он «выехал из Колпашево, не имея никакого представления о тунгусах-кочевниках», не зная эвенкийского языка. Эвенки, в свою очередь, плохо понимали по-русски. Тем не менее, В.А. Величко с огромным воодушевлением проводит беседы, демонстрирует портреты вождей, плакаты, модели техники.

С большим сожалением он отмечает, что незнание языка «наложило свой отпечаток... Так, вначале неузнанный, потом в конце занятий оказался в моей школе шаман... совершенно не двусмысленно заявивший на беседе о второй пятилетке и о социализме: надо жить, как жили раньше, по одному, каждый себе» [ЦДНИ ТО, ф. 495, оп. 1, д. 62, с. 4–24]. Этим «старым шаманом» был Шолеул, известный по публикации М.Б. Шатилова [1927].

На одном из занятий «возникла мысль писать письмо Сталину». Сложно предположить, что инициатива действительно исходила от самих эвенков, однако они ее поддержали, видя в этом возможность рассказать о своих проблемах: отсутствии мыла, бисера, клея, иголок, хорошей ткани, сковородок, расчесок и т.д., и т.п. Фактически получившийся текст – это авторское произведение В.А. Величко, в котором литературно грамотные выражения сочетаются с псевдотуземным стилем («шибко», «однако»), а просьбы завести товары повседневного спроса – с агитационными лозунгами и здравницами.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы, кочевники-ивонки (тунгусы). Мы кочуем лето и зиму. ... Это в Нарыме, далеко от Москвы у каменной стороны. Кругом нас урманы, боры и тундра. В урманах мы промышляем белку и разного цветного зверя.

Сегодня у нас большой праздник, и мы решили послать тебе письмо потому, что любим тебя, потому что знаем: «Сталин железный большевик, терпеливый ученик Ленина, лучший друг тунгусов, всех народов студенного Севера, всех бывших угнетенных национальностей, всех трудящихся, которые живут на свете, на земле».

Да, Иосиф Виссарионович, сегодня у нас небывалый праздник! *Нарымский окружком партии, в подарок тебе к 17-му съезду послал к нам пропагандиста, чтобы он провел с нами родовую кочевую политшколу...*

... В политшколе и на собраниях мы узнали .. что Ленин и ты шибко много трудов положили, чтобы бывшие угнетенные народы жили равноправно о всеми народами и жили хорошо что б. ... Ленин и ты – у нас в сердце. Ленин и ты – у нас в крови. Ленина и тебя – у нас никому не отнять.

Слыхали мы, что у тебя умерла жена – друг твой и товарищ и ты остался совсем сирота. Но что же, в жизни всегда случается что-нибудь худо. ...

Прощай, до свидания, наш большак, вождь, друг, учитель, наше солнце и товарищ. Завтра мы кочуем еще дальше к Каменной стороне, чтобы перевыполнить наши договора, в подарок тебе, всем рабочим, второй пятилетке. ...





Желаем тебе здоровья и радости. Может, написал бы нам слова два или три?
Будь здоров, крепок, бодр и терпелив. Береги себя. Гляди, чтобы тебя кто не застрелил (А может быть, еще и женишься. Хороших людей сейчас все больше и больше станет – знай).

Слушатели первой родовой кочевой политшколы Нарымского Округа ВКП(б)» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 748, л. 68–82].

К письму прилагался подарок – трубка и кисет.

«... мы тебе посылаем нашу тунгусскую трубку (бабушка Они шибко заботилась, чтобы дерево было покрепче). Посылаем на память. Кури и нас вспоминай. Если заморится, ты вынь пробочку (на животе у трубки), проишьрай спичкой или чем и опять заткни. Там в горелке есть уголек – это чтобы дым почище был. Ты так: если хочешь, чтобы покрепче, уголек меняй реже, если хочешь, чтобы полегче – уголек меняй почаще. Но без уголька никак нельзя.

Посылаем и табаку нашего. Спичек не имеем – у тебя есть.

Мы шибко рады послать тебе подарок. Мы рады знать, что ты покажешь ее своим товарищам: Молотову, Калинин, Ворошилову и передашь им от нас привет» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 748, л. 79–80].

История с трубкой для Сталина стала широко известной: в 1938 г. приехавшие из Новосибирска члены бригады Обкома ВКП(б) Е.И. Песикина и Н.А. Кудрявцев специально расспрашивали очевидцев о тех событиях: «Сначала дерево искали, а потом чубук. Дерево, из чего сделана трубка, называется «шотка» [видимо, кап – И.М.]. Редкое дерево. Трубку отделили медью. Делали трубку целую неделю. Мастер, который делал трубку, приносил ее на каждую беседу, и мы говорили, что нужно сделать... Кисет сделала бабушка Они, расшитый. Сделала она его из замши. К трубке мы написали руководство – как пользоваться трубкой, там у трубки есть дырочка, и мы написали, что как трубка засорится, нужно прочистить эту дырочку» (НВ-13408/76). Трубку изготавливал И.И. Ивигин – шаман, костюм которого сейчас выставлен в Колпашевском краеведческом музее. Возможно, по причине «социального несоответствия» реального мастера, в своем рассказе «Лось с серебряной цепью», посвященном все той же трубке, В.А. Величко делает главным героем бедняка «Петра Трумби» [Величко, 1946]. Ни в одном из известных документов нет эвенка с таким именем. Судя по всему, В.А. Величко создал «собираательный образ» двух эвенкийских активистов – Петра Лихачева (род кима) и Андриана Делицына (род турумби).

Нужно отдать должное В.А. Величко: несмотря на эмоционально-восторженный стиль письма, оно сохранило не только просьбы о завозе конкретных товаров, но и важные концептуальные предложения:

«В политшколе мы узнали о советских ярмарках. Вот бы нам, как выйдем из тайги с пушниной и оленями – Советскую ярмарку бы в Максимкином Яру! Страсть как нужна!

...Вот и хотим мы все, чтобы весной во время ярмарки был созван съезд всех кочевников тунгусов Кетской стороны Нарыма насчет оседания» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 748, л. 75].

По сути, он первым осознал, что культура эвенков имеет собственную хозяйственную специфику, и по мере сил попытался сформулировать предложения по ее сохранению. Текст был подписан представителями всего трех семей, принадлежавшим к двум родам (из шести кочевавших в Нарымском крае), но это В.А. Величко не смущало.

Письмо не только дошло до адресата (правда, в виде машинописной копии), но и было внимательно прочитано И.В. Сталиным. Об этом свидетельствуют карандашные пометки (подчеркивания), сделанные его рукой, и личная резолюция: *Спр. что лучше. Мой архив. И. Ст.*» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 748, л. 68].

В марте 1934 г. В.А. Величко составляет «Записку по эвенкийско-кочевому вопросу», важнейшая часть которой – конкретные предложения по работе с эвенками: необходимость весной 1934 года организовать советскую туземную ярмарку в Максимкином Яру, провести широкий съезд тунгусов-кочевников, разработать систему льгот и мероприятия гос. помощи, разработать мероприятия по подъему и развитию оленеводства, и т.д.

Не исключено, что этот документ был ответом на резолюцию И.В. Сталина «спр. что лучше». Именно в нем впервые звучит мысль о необходимости создания отдельного, эвенкийского туземного совета: «...Особенно важно, что надо поставить в ряд самых первейших мероприятий – это необходимость проработки вопроса об организации нового (тунгусского) эвенкийского национального совета» [ф. 206, оп. 1, д. 36, л. 28–29].

Уже в июне 1934 г. в Максимкином Яру действительно была проведена ярмарка [ТОКМ, № 747], а постановлением Запсибкрайисполкома от 25 октября 1934 г. № 9393 был образован Орловский сельсовет [Архив ТОКМ, оп. 3, д. 49], все основные должности в котором занимали эвенки: председатель сельсовета П.Т. Лихачев, после его смерти – А.А. Делицын, секретарь комитета ВЛКСМ – Г.А. Тугундин, ветсанитар и председатель участковой избирательной комиссии – М.А. Ивигин. Строятся больница, интернат, изба-читальня, эвенков активно вовлекают в общественную деятельность [НВ-13408/74].

В Орловке создаются идеальные условия для сохранения и развития культуры: с одной стороны, сохраняется традиционный уклад жизни эвенков, с другой – они получают доступ ко всем «благам цивилизации», и при решении всех вопросов их мнение играет далеко не последнюю роль. Сюда съезжаются семьи с Чулыма (Делицыны), Васюгана (Сельдицыны), Тыма (Тугундины), Нарыма, Сыма, различных районов Кети.

В 1937 г. В.А. Величко проявляет новую инициативу – организует в тайге новогоднюю елку, после кото-



рой было написано очередное «письмо эвенков», в котором В.А. Величко окончательно переходит на литературно-пропагандистские штампы: «Выросла жизнь, выросли мы, и выросли наши дети... Наш родной, примите же нашу сердечную благодарность за наше счастье, за нас, за наших детей, за нашу радостную жизнь... Родной наш, мы любим нашу социалистическую родину, мы любим ее горячо, мы преданы ей, мы не дадим ее в обиду никому и никогда... Труд и ученье, великое богатство нашей родины и бесконечное счастье, – это есть путь нашей жизни. По нему мы идем, полные радости и веры в новые победы коммунизма. Вы, великий и могучий, вывели на этот солнечный путь нашу жизнь, как дружную, быстролетучую упряжку оленей выводит вожак на поляну, залитую золотыми лучами» [Величко, 1937].

При всей неоднозначности произошедших тогда событий необходимо признать, что «письма эвенков» сыграли важнейшую роль. Сложно сказать, что было бы с разрозненными кочующими семьями, не прояви тогда В.А. Величко творческий энтузиазм. В любом случае, именно в Орловке, благодаря создавшимся благоприятным условиям, из разрозненных родов и семей, кочевавших на огромной территории Нарымского края, сформировалась сымско-кетская группа как этнокультурная общность, осознающая свое единство.

Литература

Архив ИВР, ф. 49, оп. 1, № 66. К.М. Рычков. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени. Хо́нское наречие. 276 с.

Архив МАЭ, ф. 1, оп. 1, № 17. Василевич Г.М. Родословные сымских эвенков. 18 л.

Архив ТОКМ, оп. 3, д. 49. Проект землеустройства Орловского туземного сельсовета Колпашевского района 4/1 – 1937 года.

ТОКМ, № 747, Документы З.Ф. Кожиневой, Врача Максимоярской туземной больницы в 1933–1934 годах (воспоминания, справки, газетные вырезки).

ГАКК, ф. 819, оп. 1, д. 7. Исповедные росписи Маковской, покровской, Усть-Кемской Спасской церквей за 1789 г. 80 л.

ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 9. Ревизские сказки ясажных инородцев Енисейского уезда. 137 л.

ГАКК, ф. 769, оп. 1, д. 368. Поселенные бланки населенных пунктов или других хозяйств Туруханского края по Приполярной переписи 1926–1927 гг. Т. 21.

ГАКК, ф. 2275, оп. 1, д. 306. По хозяйственные карточки домохозяе в Сымско-Касскогок/совета колхоза им. «Путь Ленина» и единоличников. На 91 листах. 1936–1937 гг.

ГАТО, ф. 170, оп. 2, д. 1377. Рапорт священника Николаевской церкви с. Кетного В. Курбатского о крещении тунгусов. 31 января 1875 г. – 12 января 1876 г. 2 л.

ГАТО, ф. Р633, оп. 1, д. 110. **Протокол № 1 от 6 сентября 1932 г. объединенного с уполномоченными делегатов от всех юрт и чумов прибывших на съезд туземцев с закреплением и распределением землепользования территории Тузсовета.** Л. 34–55

НКМ, № НВ-13408/76. Стенограмма беседы со Степаном Егоровичем Тугундиным и Николаем Ивановичем Ивигиным. 11 авг. 1938 г. 5 с.

НКМ, № НВ-13408/74. Стенограмма беседы с председателем сельсовета Лихачевым П.Т. и губачём Бельды Д.П. и Тугундиным Г.А. 13 авг. 1938 г. 21 с.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 748, л. 68–82. Документ 22. Копия письма кочевников-эвенков, 19.02.1934. Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=46382;tab=img>

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 6а. Докладная записка о полит-экономическом состоянии народов Севера Каргасокского района по состоянию на 2 октября 1932 г.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 36. Величко В.А. Записка по эвенкийско-кочевому вопросу в Максимо-Ярском туз. совете, Колпашевского района. С. 12–29.

ЦДНИ ТО, ф. 495, оп. 1, д. 62. Отчет инструктора-пропагандиста Нарымского окружкома ВКП(б) В.А. Величко Нарымскому Окружкому ВКП (б) об итогах кочевой политшколы среди тунгусов-кочевников верховьев реки Кети. С. 4–24.

Величко В. Посмотрите на север от Томска... // Советская Сибирь. 1937, № 31. С. 2–3

Величко В.А. Лось с серебряной цепью // Лось с серебряной цепью. Новосибирск: ОГИЗ Новосибиргиз, 1946. С. 3–16.

Наши авторы. Величко Василий Арсеньевич // Земля Александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 450–453.

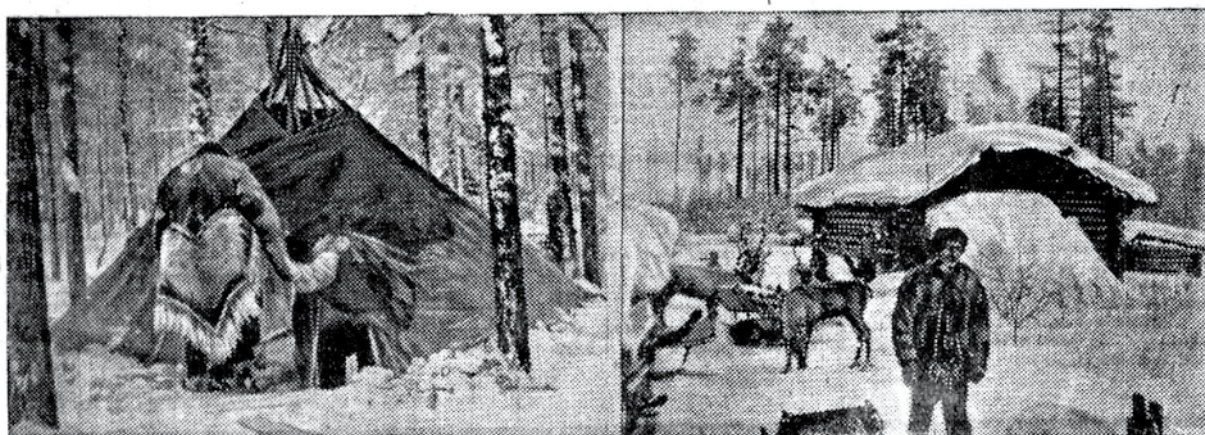
Орлова Е.П. Население по рр. Кети, Тыму, его состав, хозяйство и быт // Работы научно-промысловой экспедиции по изучению р. Оби и ее бассейна. Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. 76 с.

Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Зап. РГО по отделению этнографии. Т. XXXI. Ч. 1. Вып. 2: Тунгусы собственно. СПб., 1906. 196 с.

Приль Л.Н. Кочевые политшколы у эвенков р. Кети: цели, методы и результаты // Труды Института теории образования ТГПУ. Вып. 2. Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. С. 312–323.

Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. Т. 1. Томск, 1927. С. 139–168.





Слева — чум единоличника Жуванжи (Кемо (С. Е. Тугундина), в котором три года назад эвенки-кочевники писали письмо товарищу Сталину. Справа — домик на промысловой базе, в котором те же эвенки, но уже колхозники, 10 января 1937 года написали второе письмо товарищу Сталину.

Рис. 1. Фрагмент статьи В.А. Величко
[Советская Сибирь, 1937, № 31, с. 3]



Рис. 2. И.И. Ивигин, шаман,
делавший трубку для И.В. Сталина
[ЦГАЛИ СПб ф. 168, оп. 1, д. 12, л. 89]



Рис. 3. П.Т. Лихачев — первый председатель
эвенкийского сельсовета
[Советский Север, 5.12.1939 г., № 224 (1457)]



Список сокращений

АО – Археологические открытия
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАТО – Государственный архив Томской области
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВР – Институт восточных рукописей (СПб.).
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
МАЭ РАН – Музей этнологии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МАЭС (МАЭ) ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА КККМ – Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НКМ – Новосибирский краеведческий музей
ПНИЛ ЦАИ УрФУ – Проблемная научно-исследовательская лаборатория Центра археологических исследований Уральского федерального университета
РА – Российская археология
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СФУ – Сибирский Федеральный университет
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей
ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории (Томск)



СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

<i>Заслуженный профессор Людмила Александровна Чиндина – Наука в жизни, жизнь в науке</i>	5
Предисловие (М.П. Чёрная) <i>Ключевые слова в жизни и творчестве Л.А. Чиндиной</i>	6
Г.В. Майер, С.Ф. Фоминых <i>Прекрасная дама Томского университета</i>	8
В.И. Молодин <i>Дорогой Людмиле Александровне Чиндиной – Матриарху томской археологии</i>	10
Д.Г. Савинов <i>Маленькая хозяйка большого дома (К юбилею Людмилы Александровны Чиндиной)</i>	13
Л.М. Плетнёва <i>Людмила Александровна – для нас, идущих рядом</i>	15
В.В. Бобров <i>Знакомство длиною более полувека...</i>	16
Д.В. Воронин <i>Звезда Малгет в судьбе Л.А. Чиндиной</i>	18
Л.В. Чёрная <i>Бабушка</i>	20
Е.В. Чёрная <i>Любимой бабушке</i>	23
Библиография трудов Чиндиной Людмилы Александровны	24
Награды и поощрения	32
Альбом фотографий	35

Раздел II

Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время

Л.Ю. Китова <i>Л.А. Чиндина и Томская археологическая школа</i>	48
И. Фодор <i>Личность в науке</i>	51
А.С. Вдовин, Н.П. Макаров <i>К истории археологических научных связей Томска и Красноярска</i>	54
А.А. Идимешев, Е.В. Барсуков <i>Коллекция «Минусинские древности И.П. Кузнецова-Красноярского» в Музее археологии и этнографии Томского университета</i>	60
А.М. Малолетко <i>Геологи эпохи бронзы</i>	65
А.З. Бейсенов, Г.А. Базарбаева <i>Совместные погребения сакской эпохи Центрального Казахстана</i>	67
А.Н. Багашев, С.М. Слепченко, Е.А. Алексеева, С.Н. Скочина <i>К антропологии населения кулайской культуры</i>	75



Ю.П. Чемякин <i>Ранний железный век западносибирской тайги: синдейский тип памятников</i>	84
А.Я. Труфанов, Ж.Н. Труфанова <i>Находка кулайской металлопластики в верховьях Конды</i>	90
Ю.В. Ширин <i>Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-западносибирского литья из белой бронзы</i>	93
В.В. Горбунов <i>Особенности военного дела племен кулайской культуры на юге Западной Сибири (I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)</i>	99
В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Я.В. Фролов <i>Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье</i>	106
В.В. Бобров, А.Г. Марочкин <i>Этнокультурная ситуация в Кузнецкой котловине и Томском Приобье во второй половине I тыс. н.э. (палеогеографический и археологический аспекты)</i>	111
Ж.К. Курманкулов, Л.Н. Ермоленко, А.К. Солодейников, С. Садыков <i>Пещера в горе Аулие тау: проблема искусственного и естественного (предварительное сообщение)</i>	118
О.С. Советова, О.О. Шишкина, И.В. Аболонкова <i>Таштыкская эпоха на Енисее сквозь призму изобразительных источников (по материалам Тепсейского археологического комплекса)</i>	125
Л.А. Чиндина, И.Н. Коробейников, Е.И. Доровенчик <i>Могильник Рёлка – итоги исследований и перспективы музеефикации</i>	132
С.М. Фокин <i>Средневековая керамика Красноярской лесостепи</i>	138
Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко <i>Погребения с северо-восточной ориентацией в Тарском Прииртышье: проблемы интерпретации</i>	143
А.И. Боброва, М.П. Рыкун <i>Культурный и антропологический облик населения Нижнего Прикетья в XVI–XVII вв. (по материалам Ёлтыревских курганных могильников II и III)</i>	148
Д.В. Пежемский <i>Краниологические особенности населения Томска XVII–XIX веков: сравнительный анализ</i>	152
В.И. Семёнова <i>Изразец с «лютым зверем» из раскопок Тюмени</i>	158
Ф.С. Татауров <i>Социально-культурный облик русского населения севера Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII веков (по материалам археологических исследований)</i>	163
Л.В. Татаурова <i>«В горнице моей светло»: осветительные приборы в русских жилищах (по материалам археологических комплексов XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья)</i>	167
И.Е. Максимова <i>Как тунгусы учили тов. Сталина трубку курить и к чему это привело: к вопросу о взаимоотношениях западно-сибирских эвенков и центральной власти в 1930-х гг.</i>	172
Список сокращений	177



Научное издание

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

К 80-летию Людмилы Александровны Чиндиной

Ответственный редактор – *М.П. Чёрная*
Обложка, заставки, обработка текста,
обработка фотографий и рисунков,
дизайн, вёрстка – *Л.В. Чёрная*

Подписано в печать 15.11.2017 г.
Формат 64×90 1/8. Бумага мелованая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 26,7. Уч.-изд. л. 38,2.
Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии «Д`Принт».
г. Томск, ул. Герцена, д. 72-б
Тел. (3822) 52-10-01

